

ТЕКСТ ЯЗЫК ЧЕЛОВЕК

Сборник научных трудов

В двух частях

Часть 1

МГПУ им. И. П. Шамшуркина

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусское общественное объединение преподавателей
русского языка и литературы
Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований
Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь –
Русский дом в Гомеле
Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Пензенский государственный университет

ТЕКСТ. ЯЗЫК. ЧЕЛОВЕК

Сборник научных трудов

В двух частях

Часть 1

Мозырь
МГПУ им. И. П. Шамякина
2021

УДК 81.161.(08)
ББК 81.2Рус
Т30

Печатается по решению научно-технического совета УО МГПУ им. И. П. Шамякина
(протокол от 17.11.2021 № 6)

Редакционная коллегия:

С. Б. Кураш, кандидат филологических наук, доцент (ответственный редактор);
А. М. Амагов, доктор филологических наук, профессор;
Н. А. Илюхина, доктор филологических наук, профессор;
Г. И. Канакина, кандидат педагогических наук, профессор;
В. В. Шур, доктор филологических наук, профессор

Рецензенты:

доктор филологических наук *Е. В. Ничипорчик*
(Гомель, Беларусь);
доктор филологических наук *И. И. Чумак-Жунь*
(Белгород, Россия)

Печатается согласно плану научных и научно-практических мероприятий
УО МГПУ им. И. П. Шамякина и приказу по университету № 980 от 14.10.2021 г.

Текст. Язык. Человек : сб. науч. тр. В 2 ч. Ч. 1 / УО МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол.:
Т30 С. Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2021. – 216 с.
ISBN 978-985-477-777-1.

В сборнике представлены статьи, отражающие содержание докладов XI Международной научной конференции «Текст. Язык. Человек», проведённой в рамках Недели русского слова в Мозырском государственном педагогическом университете имени И. П. Шамякина 18–19 ноября 2021 г.

В первой части сборника публикуются работы в области изучения имени собственного в культурно-языковом и текстовом пространствах (к юбилею профессора В. В. Шура); исследования, посвящённые антропоцентрической и лингвофилософской парадигме изучения текста и дискурса; работы, затрагивающие проблемы типологизации текстов и изучения отдельных текстотипов, а также исследования в области неологических процессов в речетекстовой деятельности.

Адресуется научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам филологических специальностей.
Материалы сборника публикуются в авторской редакции.

УДК 81.161. (08)
ББК 81.2 Рус

Научное издание

ТЕКСТ. ЯЗЫК. ЧЕЛОВЕК

Сборник научных трудов

В двух частях

Часть 1

Оригинал-макет *Е. В. Юницкая*

Подписано в печать 29.11.2021. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 27. Уч.-изд. л. 20.02. Тираж 26 экз. Заказ 24.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий N 1/306 от 22 апреля 2014 г.
Ул. Студенческая, 28, 247777, Мозырь, Гомельская обл. Тел. +375(236) 24-61-29.

ISBN 978-985-477-777-1 (ч. 1)
ISBN 978-985-477-776-4

© УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2021

ИМЯ – ЛИЧНОСТЬ – ТЕКСТ, ИЛИ ПОЛВЕКА, ОТДАННЫЕ СЛОВУ (К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ШУРА)

*Імя кранае, свеціць, як бурытын,
І ўдзячны пералівістаму слову.
Зямное, крэўнае знаходжу ў тым,
Што вызначае карань і аснову.*

(А. Пысін)

Полвека для истории – мгновение. А для человека – жизнь не одного поколения.

Для Василия Васильевича Шура этот временной отрезок лишь часть его жизненного пути, но именно та часть, которую он посвятил и продолжает посвящать лингвистической науке и её основным феноменам – Слову/Имени/Тексту.

26 июня 2021 года исполнилось 75 лет Василию Васильевичу. 75 лет с того самого июньского дня, когда в 1946 г. в селе Стодольчы Лельчицкого района появился на свет будущий профессор белорусской филологии.

Юбиляр по праву гордится своей малой родиной и с увлечением, ярко и колоритно, “па-паляшцу” юморно рассказывает о своих родных местах, о земляках, среди которых, к слову, немало

людей заслуженных и известных далеко за пределами Лельчицкого края, да и всей Беларуси. На многих фактах профессор В.В. Шур характеризует как определяющую ту роль, которую играет “малая родина” в становлении творчества писателей, ученых и каждого из нас.

В 1967 году В.В. Шур окончил Мозырский государственный педагогический институт. Затем работал на родине учителем белорусского, русского языков и литератур, географии, истории.

Начало 70-х – старт В.В. Шура в науку. В 1974 году он успешно защитил кандидатскую диссертацию, после окончания аспирантуры Минского государственного педагогического института имени М. Горького (ныне БГПУ имени Максима Танка). Прошел все ступени научного роста: ассистент кафедры языкознания, старший преподаватель кафедры белорусского и иностранных языков, доцент кафедры белорусского языка, декан факультета педагогики и методики начального обучения, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой белорусского языкознания, профессор кафедры белорусской и русской филологии.

Научная деятельность Василия Шура довольно многогранна, но в первую очередь связана с исследованием проблем лексикологии, ономастики, диалектологии, лексикографии, методики преподавания белорусского языка, лингвистического краеведения.

С конца 70-х гг. XX в. В.В. Шур начал активно заниматься изучением ономастических единиц: личных собственных имен, прозвищ, фамилий, многочисленных топонимических названий. Результатом этого стала его докторская диссертация

“Анамастычная лексіка ў мове беларускай мастацкай літаратуры”, успешно защищенная в 2004 г. в Белорусском государственном университете.

Под руководством профессора В.В. Шура продолжается исследование чрезвычайно актуальных в языкознании проблем топонимики и литературной ономастики, а в последнее время – ономастикона Мозырско-Припятского Полесья как культурологического и этнографического компонента духовной культуры населения региона. Работы выполняются в рамках государственных программ научных исследований. Многочисленные ономастические единицы объясняются нестандартно, а иногда приобретают у Василия Васильевича неожиданные по словообразованию и семантике объяснения.

Заслуживают быть отмеченными и организаторские способности учёного. Неоднократно он выступал в качестве инициатора и председателя организационного комитета научных конференций. Под руководством ученого защищены 4 кандидатские диссертации по филологическим наукам (Е.А. Волосенко, Е.В. Ковалева, А.В. Юденкова, О.Г. Сливец). Василий Васильевич неоднократно являлся официальным оппонентом на защите кандидатских и докторских диссертаций по филологическим и педагогическим наукам. Он – автор около 300 научных статей, учебно-методических пособий, учебных программ, монографий.

В.В.Шур разработал оригинальный курс “Радзімазнаўства: Мазыразнаўства”, который преподается в школах и приобщает учеников-полешуков к богатому и уникальному наследию Полесья.

Профессор не ограничивается только университетскими заботами. Он активно популяризирует белорусский язык, язык родной Мозырщины, выступает в школах, в печати, на радио и телевидении с интересными и познавательными докладами и сообщениями. Он известен по многочисленным публикациям в “Настаўніцкай газеце”, журналах “Полымя”, “Маладосць”, “Роднае слова”, “Беларуская мова і літаратура” и др. Часть таких его материалов опубликована в историко-документальной хронике “Памяць. Мазыр. Мазырскі раён”.

Вот что говорят о В.В. Шуре его коллеги и единомышленники:

“...выдатны даследчык літаратурнай анамастыкі, пачынальнік гэтага напрамку навукі пра ўласныя імёны ў Беларусі, таленавіты навуковы кіраўнік, дзейнасць якога непарыўна звязана з падрыхтоўкай кадрў вышэйшай навуковай кваліфікацыі” (А.М. Мезенко, доктор филологических наук, Витебск);

“...В. Шур паўстае не толькі як глыбокі вучоны, але і як асоба, для якой анамастыка не толькі матэрыял навуковага аналізу, але і штосьці большае, нешта блізкае, дарагое, самабытнае, вартае клопату, грамадскай і дзяржаўнай абароны, аховы” (Н.А. Данилович, доктор филологических наук, Гродно);

“Даследаванні беларускай літаратурнай анамастыкі звязаны з імем прафесара Мазырскага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктара філалагічных навук Васіля Васільевіча Шура (...). У яго кнігах прадстаўлены найбагацейшыя фактычны матэрыял пра гісторыю і сучаснасць беларускага іменаслову: асабовых уласных імёнаў, прозвішчаў, мянушак, псеўданімаў, тапонімаў”; “Не могуць не ўражваць уласцівыя працам Васіля Васільевіча глыбіня, трываласць агульнагуманітарных і спецыяльных ведаў, умённе цікава прэзентаваць такія веды для вырашэння адукацыйных і выхаваўчых задач і, што вельмі важна, эмацыянальна-каштоўнасць адносіны да іменаслову як складніка матэрыяльнай і духоўнай культуры Беларусі і роднага Мазырска-Прыпяцкага Полесья” (С.Ф. Бут-Гусаим, кандидат филологических наук, Брест);

«Огромная заслуга в научном развитии краеведения и топонимики Мозырского Полесья принадлежит доктору филологических наук, профессору Василию Васильевичу Шуру. В широком круге научных интересов филолога одно из важнейших мест занимает

лингвистическое краеведение. Среди его научных и научно-методических работ особо выделяются книги “З гісторыі ўласных імёнаў”, “Беларускія ўласныя імёны: беларуская антрапаніміка і тапаніміка”, “Уласныя імёны ў часе і прасторы”, “Радзімазнаўства: Мазыршчына”, “Уласнае імя ў соцыуме і мастацкім тэксце”, ряд других. Скажу, что знакомство с его научными и одновременно интересно и доходчиво написанными произведениями навело меня лет десять назад на мысль написать что-то подобное на калинковичском материале» (В. Лякин, краевед, г. Калинковичи, автор книги «Калиновый край в именах и названиях», Минск, 2016).

Работа Василия Васильевича Шура на ниве родного слова отмечена медалью “За трудовые заслуги”. За многолетний плодотворный труд и успехи в подготовке высококвалифицированных педагогических кадров, значительный вклад в развитие науки и учебно-методическое обеспечение преподавания лингвистических дисциплин, сохранение и творческое исследование культурно-исторических традиций Полесского региона он награжден также знаком “Отличник народного просвещения”, многочисленными грамотами Министерства просвещения БССР, Министерства образования Республики Беларусь, Гомельского облисполкома, Мозырского горсовета и горисполкома, грамотами университета и т.д.

Искренне поздравляем В.В. Шура с прошедшим юбилеем. Желаем Вам, уважаемый Василий Васильевич, крепкого здоровья, дальнейших творческих успехов, неиссякаемой энергии, оптимизма и новых находок в таинственной и любимой ономастике.

Этот сборник открывается разделом, посвященным имени собственному в культурно-языковом и текстовом пространствах, – именно той области лингвистических исследований, которой отдал полвека профессор Василий Васильевич Шур. В него включены статьи известных лингвистов, коллег, единомышленников юбиляра, его учеников, а также тех исследователей, которых привлекает тайна имени в концептуальном триединстве “Текст – Язык – Человек”.

С.Б. Кураш,
председатель оргкомитета XI Международной
научной конференции
«Текст. Язык. Человек»

В.В. Струков,
председатель профкома
УО МГПУ им. И.П. Шамякина,
исследователь в области ономастики

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОМ И ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВАХ (К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА В.В. ШУРА)

УДК 81'367.7

ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ И ПАМЯТИ

П.Е. Ахраменко,

кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: piter2105@yandex.ru

В статье рассматриваются микротопонимы деревни Михалки Гомельской области Мозырского района. Обозначаются причины их появления и исчезновения. Показываются отдельные фонетические диалектные черты. Характеризуются при анализе основные типы микротопонимов д. Михалки: микротопонимы-апеллятивы и микротопонимы-антропонимы.

Ключевые слова: микротопонимы, Белорусское Полесье, говоры Мозырщины, диалектные признаки говоров, фонетические диалектные черты микротопонимов.

REFLECTION IN LANGUAGE OF POPULAR CULTURE AND MEMORY

P.E. Akhramenko,

Cand. Phil. D., associate Professor of the Department of Philology
of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail piter2105@yandex.ru

The article deals with the micro-toponyms of Mikhalki village, Gomel region, Mozyr district. The reasons for their appearance and disappearance are outlined. The individual phonetic dialectal features are shown. The main types of micro-toponyms in the village of Mikhalki: appellative micro-toponyms and anthroponymic micro-toponyms are characterized in the analysis.

Key words: micro-toponyms, Belarusian Polesie, Mozyr dialects, dialectal features of accents, phonetic dialectal features of micro-toponyms.

*Няма ў чалавека нічога прыгажэй
і даражэй за радзіму.
Чалавек без радзімы – бедны чалавек
Я. Колас*

Каждый человек на Земле помнит, где он родился, рыбы знают места, где нерестились и появились на свет, птицы всегда прилетают к гнездам своим.

Малая родина – это место нашего детства и юности, это место, где ты сделал первые шаги по отеческой земле, по земле своих предков. Это наши корни, которые держат нас на земле, позволяющие помнить о том, кто мы есть в этом мире.

В настоящее время все меняется очень быстро. Это период переоценки семейных укладов, значительных миграционных процессов, урбанизации и т.д. Появляется большое количество людей и, прежде всего, среди молодого поколения, которые, странствуя по свету в поисках лучшей жизни, порой превращаются в своеобразных манкуртов.

У каждого человека должна быть историческая память и преемственность дел, традиций, менталитета. Только это позволит нам чувствовать себя крепко стоящими на земле, помнящими о своих предках, быть в единении со своими земляками.

Об этом справедливо говорил классик белорусской литературы Янка Купала словами своего героя в драме «Раскіданае гняздо»: «Чалавек з зямлей зрастаецца, як ... дрэва: ссячы дрэўца – засохне, адбяры ў чалавека зямлю – згіне».

Большое культурное наследие об истории нашей Малой земли, родины сохраняется и передается через языковые наименования тех или иных объектов, располагающихся в местах проживания.

Наша задача, задача педагогов – учить подрастающее поколение через историческую и культурную память любви к своей Малой родине, воспитывать чувство патриотизма, учить диалогу поколений.

Историческая память – это набор передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, мифов, ... субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого... [3, с. 10]

Восточное Белорусское Полесье, в том числе и Мозырское, – это древняя славянская территория, на которой обитали племена дреговичей, чей центр Туров находился на правом берегу р. Припять, западнее впадения в неё р. Ствиги. Как предполагают историки, он существовал уже во второй половине X века и в начале исторической жизни русского народа был одним из важных городов Туровской земли и Северо-Западной Руси. Этот край очень интересен с точки зрения истории.

Определенный интерес представляет данная территория и в языковом отношении. Говоры Мозырщины (Мозырский, Наровлянский, Ельский, Лельчицкий и Калинковичский районы Гомельской области РБ) относятся к полесской и частично к восточной подгруппе юго-западного диалекта белорусского языка.

Отдельные диалектные признаки говоров региона являются очень древними. Это, например, отсутствие оглушения звонких согласных перед глухими и на конце слова, употребление конструкций с предлогом *паўз* ("бег *паўз* сад"), ряд слов сохранил своё более древнее значение, например, *товар* – "крупный рогатый домашний скот".

Диалектные особенности региона нашли отражение и в микротопонимии.

Из фонетических диалектных черт микротопонимы фиксируют: гласный [у] на месте [о] под ударением, отмеченный спорадично в пределах региона: "вуліччэ";

гласные [і], [ы] на месте [е] под ударением на месте древнерусского «ять», зафиксированные спорадично в пределах региона: "білы пісок", "гарылае";

замену этимологического [а] звуком [о], отмеченную на юго-западе и крайнем юго-востоке региона: "борсуковыя норы", "доніловы прыдзёр", "окулін лес";

удвоение согласных: "завугóлле", "узлэссе" и др. [1, с. 5-6].

«Современное Полесье для лингвиста, фольклориста и этнографа является заповедником языковой и духовной культуры, сохранившим множество ценнейших памятников устной, живой старины. Исключительная авторитетность и научная весомость полесских данных признавалась и признается крупнейшими славистами (К. Мошинским, М. Гаваци, Э. Гаспарини и др.)», – говорил Н.И. Толстой [5, с. 17].

Следует отметить, что особенность микротопонимов, в том числе и в местности окружавшей д. Михалки, заключается в мотивированности, порой уже стертого, их наименования. Все они имеют внутреннюю форму.

А.А. Станкевич отмечает, что «пад унутранай формай слова звычайна разумеюць «уяўленне аб пярвiчнай прыкмеце, пакладзенай у аснову паняцця, якое захавалася ў слове»... Унутраная форма слова (вобраз прыкмета, пакладзеныя ў аснову наймення) робяць мову больш выразнай, жывой і сакавітай. У жывых мовах унутраная форма з'яўляецца недаўгавечнай, даўжэй яна захоўваецца ў словах, якія маюць выразна выдзялімыя часткі» [4, с. 24–25].

Топонимия, в том числе и микротопонимы, сохраняет в себе особенности речевых явлений прошлого, культуру народа. Это, как в капле воды отражается солнце, отмечается и в микротопонимах деревни Михалки.

Я сам родом из этой деревни, провел в ней свое детство.

По происхождению д. Михáлки – одна из древнейших на Мозы́рщине, она имела богатую историю. Имеются упоминания о том, что она существовала уже с XIV века. Но так случилось, что в XX веке жизнь ее остановилась. Это связано с тем, что с 1968 года рядом с деревней началось строительство целой системы заводов, в том числе и такого нефтегиганта, как «Мозы́рский нефтеперерабатывающий завод». Близлежащие деревни Михалки и Кустовница подлежали сносу.

Отметим, что до настоящего времени наименования мест, служащих для называния определенных географических объектов и не занятых цехами заводов, обозначаются, как и прежде, при жизни деревни.

Особенности развития деревни, культура сельчан закреплялись в местных названиях (названиях местных урочищ, полей, сенокосов и т.п.), употреблялись бывшими жителями данной деревни для точного наименования местоположения объекта, а в настоящее время в неофициальных беседах употребляются работниками Мозы́рского нефтеперерабатывающего завода для обозначения мест близлежащих к заводу.

По семантике производящих основ микротопонимы д. Михáлки, как и в целом микротопонимы-существительные мозы́рского Полесья [2, с. 131], можно подразделить на две группы:

- 1) микротопонимы, созданные на базе апеллятивов;
- 2) микротопонимы, созданные на базе антропонимов.

О самом названии деревни – Михáлки – существует легенда. В ней говорится о том, что ранее христианам запрещалось жениться на иноверцах, а некий парень Михáл, любивший еврейскую девушку Ха́йку, убежал от преследований и поселился с ней на краю непроходимого болота. От слияния имен "Михáла" и "Ха́йки" и произошло наименование Михáйки, в дальнейшем трансформировавшееся в Михалки. Белорусский писатель Л. Прокша в своей книге «За Добры́цай рэчкай» пишет относительно происхождения топонима Михалки о том, что названия деревень Михалки, Кустовница и Митьки (они располагаются близко друг от друга) даны по именам первопоселенцев – трех братьев – Михала, Кости и Митьки.

Деревня Михалки была окружена со всех сторон сосновыми лесами и дубравами. Для точного обозначения этих мест им давались соответствующие названия. Так, к юго-востоку от Михалок находились урочища, которые назывались "Линéц" и "Сабинóв". Из истории известно, что эти леса до революции принадлежали пану Линкевичу, у которого была дочь Сабина, и названия были даны по имени бывшего владельца лесов – пана Линкевича и его дочери Сабины.

С северо-запада от деревни располагался вековой дубовый лес (как говорили старожилы, никто не помнил, чтобы его когда-нибудь садили, он вырос «самосеем»), и называли его за «солидный возраст» "Старина́". Рядом с урочищем «Старина́» имеется еще одно урочище – "Кóйров", в котором был когда-то громадный ров, вымытый ливнями. Название, как нам видится, дано по слиянию указательного местоимения "той" плюс существительное "ров", которое затем трансформировалось в "Кóйров".

Между данными урочищами имеется относительно открытое место, гектара три, – "Мейлохова поляна", в настоящее время оно частично засажено елью, в большинстве же заросло самосеянными деревьями лиственных пород, на краю поляны до настоящего времени остались следы фундамента дома, полузаваленный колодец, одичавшие плодовые деревья. Название "Мейлохова поляна" дано по фамилии человека Мейлоха, который в связи со Столыпинскими реформами в начале 20 века перешел жить из деревни на хутора, так называемые отруба.

Среди поля была рукотворная возвышенность, а рядом с ней котлован, из которого местные жители брали для хозяйственных нужд глину. Это место называлось "Клу́нище" в связи с тем, что здесь ранее стояла клу́ня – постройка, где обрабатывали лён.

К западу от деревни располагалось поле, которое называлось "Кáмень", называли его так потому, что на этом поле было много камней и для того, чтобы можно было успешно вести на нем сельскохозяйственные работы, камни приходилось постоянно убирать.

Недалеко от данного поля, в отдалении от деревни стояла большая деревянная постройка для хранения сена, которую называли "Гумно". Само же место именовалось "Загумённе" или "Гумнице".

К северу от д. Михалки, близ поселка «Дружба», располагающегося рядом с линейной нефтеперекатывающей диспетчерской станцией (название дано по одноименному нефтепроводу «Дружба»), находится поляна "Скомороховка". Относительно названия существует легенда о том, что на этой поляне перед войсками Петра I, которые здесь отдыхали несколько дней, выступали скоморохи, – так и закрепилось за данным местом название "Скомороховка".

В деревне было несколько микроселений – собственно "Михалки", "Новосёлки", "Слободка", "Пигáровка", "Купрээвка", "Калéник", "Берéзки", образующих незаконченный квадрат вокруг болота. По данным наименованиям в 70-ые годы 20 века были названы улицы деревни. *Новосёлки* (довольно распространенное название в Беларуси) получили свое название в связи с новыми постройками, возведенными по соседству со старым селением. "Пигáровка" – за то, что в 40-ые годы эта часть деревни полностью сгорела и остались одни угли – "Пигáрки". "Берéзки" – за то, что недалеко от деревни были старые, громадные красивые берёзы, как говорили, – остатки "Екатерининского шляха". "Калéник" и "Купрээвка" получили наименование по фамилиям местных жителей Каленика и Купрея.

В центре деревни раньше стояла церковь, рядом с ней сад – несколько десятков яблонь – и колодец. Само это место называлось "Церкови́ще". Сад и колодец назывались соответственно "Попов сад" и "Попов колодец". После революции церковь была разрушена, а на ее месте (и из ее материала) построен клуб, и место стали называть двойкой: более старые люди "Церкови́щем", а молодые – "Клубо́вищем".

Кроме данных наименований существовали и названия более мелких объектов, например, "Пóлав" – луг посреди деревни, "Резёрвы" – часть болотистого места в центре деревни, где добывали торф, "Сáжалка" – озеро, "Шíлега" – место за деревней, заросшее кустарником (ивой прутовидной, верболозом), "Шмóйлова долина" – часть сеноката в лесу, по имени человека, которого на этом месте расстреляли во время Великой Отечественной войны, "Домики" – жилые постройки, находящиеся недалеко от деревни.

В настоящее время вся территория на месте снесенных деревень Михалки и Кустовница именуется как «Промышленная зона Михалки» (в связи с тем, что Михалки были центром сельского совета) или называется сокращенно и безлико – «промзона».

Деревни Михалки в Мозырском районе Гомельской области уже нет. В связи с этим особый интерес приобретают названия, которые бытовали в этой местности при ее жизни.

Изучение же микротопонимии населенных пунктов позволяет сохранить языковой культурный пласт порой уже утерянных материальных объектов (населенных пунктов, урочищ и т.п.). А это, в свою очередь, сможет связать историческую, культурную память и современность, позволит и дальше осуществлять преемственность и диалог поколений.

Литература

1. Иванова, А.А. Микротопонимия Мозырского Полесья : монография / А.А. Иванова. – Мозырь, 2007. – 220 с.
2. Иванова, А.А. Мікратапонімы-назоўнікі Мазырскага Палесься ў форме множнага ліку // Беларуская анамастыка, 2 : зборнік / рэд. В.П. Лемцюгова. – Мінск, 1981.
3. Репина, Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) / Л.П. Репина. – М., 2003. – С. 10.
4. Станкевіч, А.А. Да пытання аб тыпах унутранай формы гутарковага слова / А.А. Станкевіч // Рэгіянальныя традыцыі ва ўсходнеславянскіх мовах, літаратурах і фальклоры : тэз. дакл. II рэсп. навук. канф. 25–26 верасня 1980 г. / Гомел. дзярж. ун-т. – Гомель, 1980. – 183 с.

5. Толстой, Н.И. Атлас духовной культуры Полесья – лингвистический, фольклорный и этнографический аспекты / Н.И. Толстой // Рэгіянальныя традыцыі ва ўсходнеславянскіх мовах, літаратурах і фальклоры: тэз. дакл. II рэсп. навук. канф. 25–26 верасня 1980 г. / Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт. – Гомель, 1980. – 183 с.

References

1. Ivanova, A.A. (2007). *Mikrotoponimiya Mozyrskogo Poles'ya : monografiya*. [Microtoponymy of Mozyr Polesye: monograph]. – Mozyr. (In Russ).
2. Ivanova, A.A. (1981). *Mikrataponimy-nazoŭniki Mazyrskaga Palessya ŭ forme mnozhnaga liku* [Microtoponyms-nouns of Mozyr Polesie in the plural form]. [Belarusian onomastics, 2, Collection], Minsk. (In Belarus).
3. Repina, L.P. (2003) *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki)* [Cultural memory and problems of historiography (historiographical notes)]. Moscow. (In Russ)
4. Stankevich, A.A. (1980) Da pytannya ab typh unutranaŭ formy gutarkovaga slova. *Regiyanal'nyya tradyeyi va ŷskhodneslavjanskikh movah, litaraturah i fal'klory: tez. dakl. II resp. navuk. kanf. 25-26 verasnya 1980 g.* [To the question of the types of the internal form of the colloquial word. Regional traditions in East Slavic languages, literatures and folklore : reports of the II Republican Sciences Conference. September 25-26. Gomel]. (In Belarus)
5. Tolstoj, N.I. (1980) *Atlas duhovnoj kul'tury Poles'ya – lingvisticheskiy, fol'klornyj i etnograficheskiy aspekty. Regiyanal'nyya tradyeyi va ŷskhodneslavjanskikh movah, litaraturah i fal'klory: tez. dakl. II resp. navuk. kanf. 25-26 verasnya* [Atlas of spiritual culture of Polesie – linguistic, folklore and ethnographic aspects : reports of the II Republican Sciences Conference. September 25-26. Gomel]. (In Belarus)

УДК 821.161.1

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ТЕКСТЕ «МАЛОЙ РОДИНЫ»

Л.Е. Беженару,

доктор филологических наук, доцент кафедры Славистики «Петру Караман»
Ясского университета «Ал. И. Куза»,
Ясы, Румыния
E-mail: ludbejenaru@gmail.com

Статья рассматривает поэтическую ономастику в текстах литературы «малой родины» на примерах произведений В. Распутина, И. Друцэ, Ч. Амираджиби.

Ключевые слова: «малая родина», НКМ, онимы, национальные литературы, В. Распутин, И. Друцэ.

NATIONAL ONOMASTIC SPACE IN THE TEXT OF THE "HOMELAND"

L.E. Bezhenaru,

Doctor of Philology,
Associate Professor of the Department of Slavic Studies "Petru Caraman",
University "Al.I. Cuza" of Iasi,
Iasi, Romania
E-mail: ludbejenaru@gmail.com

The article considers poetic onomastics in the texts of the literature of the "homeland" on the examples of the works of V. Rasputin, I. Drutse, Ch. Amirajibi.

Key words: "homeland", NCM, onyms, national literatures, V. Rasputin, I. Drutse.

Введение. Личное имя собственное, являясь значимым элементом, играет важную роль в системе языка и культуры. С помощью ЛИС, являющихся компонентом истории, географии, культурологии, ментальности, социологии, психологии, лингвистики (фразеологии и паремиологии), а также художественного текста (*поэтической ономастики*), можно выявить национально-культурные особенности определенного этноса.

Цели и задачи нашего исследования состоят в определении *имени и имянаречения* как специфической и неотъемлемой частью культуры народов и этносов на примерах авторов текстов о «малой родине» национальных литератур.

Методологической базой работы в ходе исследования избраны системный, сравнительно-исторический, концептуальный методы исследования; жанрология, культурология, социология, антропософия, этнография, геоэтика, художественная антропология. В работе также использован принцип объективности и историзма в изучении культурного наследия.

Результаты и их обсуждение. Анализ образа-концепта «малая родина» [2] позволяет определить тот факт, что данный **образ имеет разветвленную систему сем в национальных литературах**, национальные версии понимания концепта «малая родина» тяготеют к расширению. Этот концепт, имея свои национальные особенности, относится к **устойчивому, константному** понятию во всех национальных литературах, является **доминантой** в «деревенской прозе» и в *прозе о селе* «провального времени» (В. Распутин) новейших национальных литератур и их **стержневым** понятием.

Онима в художественных текстах произведений «деревенской прозы» и *прозы о деревне* принадлежит важнейшая роль по созданию богатого ономастического фона, кроме того, имена собственные содержат в себе важные особенности реализации национально-культурного компонента произведения. Эта особенность *имени собственного* связана с наличием у него лексического фона - комплекса исторических, национально-культурных, социальных и других ассоциаций, сопрягаемых носителем языка с языковой единицей. В лексическом фоне личного имени, который чаще всего и составляет национально-культурный компонент его семантики, содержится богатый страноведческий материал, отражаются генетические, исторические и культурные особенности формирования этноса, его художественное наследие. Национальное ономастическое пространство художественных текстов «малой родины» представлено самыми разнообразными ономастическими категориями: антропонимы, топонимы, зоонимы, мифонимы, хрононимы, названия святых, религиозных праздников и торжеств, которые имеют свои корни в национальную картину мира.

Антропонимы и топонимы в «деревенской прозе» представляют ядро ономастического пространства, остальные онимы – не столь многочисленные разряды – периферию. Каждый элемент ономастического пространства выполняет свои функции. Имя собственное в качестве элемента художественного произведения является одним из важных средств создания *зрительного образа*.

Имена собственные в произведениях представителей «деревенской прозы» играют чрезвычайно важную роль при построении индивидуально-авторской поэтической картины мира, которая, в свою очередь, является отражением языковой картины мира, поскольку языковая картина мира и картина мира, реконструируемая на материале поэтических текстов одного автора, соотносимы. *Антропонимический ряд* образует самую большую разнообразную группу. В текстовом поле произведений «деревенской прозы» представлены антропонимические единицы: личные имена, фамилии, отчества, прозвища.

Национальные личные имена собственные формируют большую группу имянаречений в ономастической системе художественных текстов *произведений «деревенской прозы»*. Из многообразия онимов национальной ономастики в художественных текстах преимущественно встречаются поэтонимы двух разрядов: антропонимы и топонимы, которые и определяют весь ономастический фон повествования. Доля поэтических антропонимов в художественных произведениях о «малой родине» превышает все другие, в том числе и топонимы. Подобная антропоцентричность является важнейшей отличительной чертой ономастического пространства текста «малой родины». Писатели-«деревенщики» и представители *прозы о деревне*, продолжая осваивать национальную

картину мира, обращаются не к отвлечённому пространству необъятной Родины, а к дорогому сердцу пространству «малой родины», известному с детства.

После распада «большой родины» Ион Друцэ продолжает писать вдали от своей «малой родины» не только о близкой ему Молдове и о своих сородичах. До суверенности Молдовы он написал „Povara bunătații noastre” / «Бремя нашей доброты», „Frunze de dor” / «Листья грусти» и „Clopotnița” / «Колокольня», которые стали для молдаван и духовными рукописями, и эмблемой в сегодняшних исканиях ценностей бытования. В его творчестве универсальное переплетается с национальными корнями его «малой родины», а его «малая родина» – это Сорокская степь, о которой он никогда не забывает. Исследователи относят творчество Иона Друцэ к историческим этно-символистам в силу его уважения к истории и традициям и его веры в глубинные корни национального характера, с одной стороны, а с другой стороны, признания им социальных и экономических сил как мощных «формовщиков» общественной солидарности и индивидуальной психологии [7].

Роман „Povara bunătații noastre” / «Бремя нашей доброты», как и другие произведения Друцэ, основан на крестьянском материале и обращен к осознанию смысла человеческого существования. Это широкое эпическое полотно, изображающее почти полувековой период жизни молдавской деревни, повествует о жизни потомственного крестьянина из Сорокской степи *Онакия Кэрэбуша* в значительный период времени, 1914 – 60-е годы XX-го столетия. В своих произведениях молдавский автор создает два вида «деревенских чудиков» – образ *самаритянки* и образы «простолюдина». *Простолюдины* – это простые и вечные труженики родной земли, которые понимают, что «все в мире – итог чего-то». Скромный *Кэлин Абабий*, вдова *Василуца*, *Георге*, вдовый сын, герой «баллад» *Онакие Кэрэбуш* – это мудрые носители народных традиций, памяти духовного наследия «малой родины», которая является хранительницей всего светлого в жизни сельчан Сорокской степи. Простолюдины Друцэ по своему мироощущению напоминают *пошехонцев* и *бухтинцев* Василия Белова.

К такому же типу хранительницы христианских ценностей относится образ *самаритянки* (И. Друцэ «Самаритянка», «Белая церковь»). Напоминает героиня Друцэ Дарью из «Прощания с Матерой» Распутина, откровение которой созвучно сегодняшнему дню: «Нонче свет пополам переломился: эвон чё деется!» («Прощание с Матерой»). Таких параллелей можно привести множество; все это свидетельствует не только о том, что постсоветские страны переносили схожие трудности, сохраняя свою самоидентичность и национальную основу бытия в трудные советские годы, но выявляет и тот факт, что существуют неписанные общечеловеческие ценности понимания веры, добра, милосердия, которые отражаются в национальной и языковой картине мира героев Друцэ.

Образ человека и его имя являются важными фрагментами языковой картины мира, а образ старика Булгэре – один из самых глубоких, созданных Ионом Друцэ. Он дополняет галерею «чудиков – скитальцев» русской литературы: «ждет не дождется первого снега... чудак и поэт, недоумение и гордость степного края старик Булгэре» [4]. Румынское слово *bulgăre* означает *земляной ком*, но если это твердый, большой ком, это уже *bolovan-glyba*. В фигуративном смысле существует выражение *bulgăre de lumină/комочек света*, а в румынской гастрономической культуре – *ком мамалыги* (*mămăligă*, национальное блюдо из кукурузной муки в виде круто сваренной каши) и *овечьей брынзы* называют *bulz/булз*; это своеобразная «визитная карточка» страны. Думаем, это имя автор выбрал не с проста. Это и связь с землей, и комочек света, что мерцает в темноте невзгод, это и та незамысловатая пища, которая всегда находилась на столе простолюдина и помогала ему выживать в непростые времена истории.

Образ старика Булгэре напоминает Богодула – они представляют собой фигуры символические. Схожее портретное описание, поведение, образ мыслей, странность характера позволяет нам говорить о том, что каждый из них – Богодул – в Матере,

а Булгэре в Чутуре – утверждают правду вечности. Можно отнести этих героев к вечным героям-скитальцам, преданных родной земле.

В таком же ключе предстает перед нами герой романа «Дата Туташхиа» грузинского автора Ч. Амираджиби. Главный герой Дата Туташхиа не может быть соотнесен в чистом виде с блаженными, праведниками, юродивыми славянской мифологии. «Божественным рыцарем» называет его грузинский критик Реваз Тварадзе. Туташхиа – имя из колхидской мифологии, «день луны», а земным его воплощением становится *абрег* (горный пастух). Дата Туташхиа, который живет на своей земле по законам предков, в силу сложившихся обстоятельств вынужден бороться со злом в его конкретном проявлении. Дата, как и пастух Молдовану из румынской «Миорицы», как пастух Караджа Чобан из азербайджанского *Дастана*, воплощает в себе лучшие черты простого народа, пастуха-абрега. Дата Туташхиа прожил жизнь мученика и отшельника. Добровольный приход его в тюрьму вполне в духе грузинской мифологической модели, согласно которой погибают *лучшие*. Символически финал романа: «И тогда вознеслась душа Туташхиа на небо, а плоть осталась на земле. В луну превратилась его душа, и человек во плоти стал богом» [6].

В основном литературное имя зависит от творческих и мировоззренческих взглядов писателя, а также обусловлено его социальным и творческим опытом этно-национальной характеристикой. Символические фигуры *Богодул* – в *Матере*, а *Булгэре* в *Чутуре* – это как нельзя лучше позволяет нам говорить о том, что каждый из них – представитель своего национального пространства, и имя тому подтверждение.

Границы ономастического пространства литературных произведений «деревенской прозы» расширяются *топонимами*. Важную смысловую нагрузку, как правило, несут микротопонимы, нередко выступая в роли ключевого слова и определяя географические границы разворачивающихся на их фоне событий. В повести В.Распутина «Прощание с Матерой» символично название самого острова: **Матёра**. Оно, конечно же, связано с такими понятиями, как мать (мать – земля, мать – Родина), материк – земля, окруженная со всех сторон океаном (остров Матёра – это как бы «малый материк», малая родина). И неслучайно в сознании современного человека возникает образ планеты как «малого» острова в космическом океане. Также со словом «Матера» возникает еще одна ассоциация – матерый, здоровый, крепкий – относящаяся к народному укладу жизни. В таком значении эта триада, неоднократно употребляемая в тексте, символизирует православную **Троицу**, совокупность воплощения идеи семьи. Гармонический мир Матёры вообще стал как бы самым святым местом на земле. Автор сакрализует это пространство, окруженное водой, под воду и уходящее, через имя. В таком контексте повесть вступает в диалог с христианской легендой о граде Китеже. Лейтмотивом в повести можно считать высказанное писателем убеждение: «Россия издревле верила в себя, как в Дом Богородицы». [5] Культ Богородицы в этой повести показан в нескольких планах. Прежде всего Матёра – мать – родина, Россия. С точки зрения легенды о Мировом дереве, символе мироздания, Матера – это и есть окраина Вселенной, а малая родина воспринимается как аналог большого мира.

В романе «Бремя нашей доброты» Ион Друцэ изобразил не только «миоритическое пространство» молдавской деревни в переломные моменты ее истории, но и любовь предков к родному краю, их заботу о приумножении духовных ценностей, о счастье будущих поколений. У Друцэ пространство раскрывается в слове. Топонимический материал в художественном тексте имеет неоднородный характер – от скупых, реальных топонимов населенных пунктов – *Ciutura/Чутура*, *Nuieluși/Нуелушь*, рек – *Nistru/Днестр*, *Pрут/Прут*, речка *Câinari/Кайнары*, до наименования достаточно крупных городов – Могилев, Бельцы, широко известных объектов: *Заднепровье Приднепровья*, *Россия*, до образно-поэтической системы – *Câmpia Sorocii/Сорокская Стень*. Это реально существующие топонимические единицы. Включенное в художественно-литературный

текст реальное геокультурное пространство и реальные топонимы связаны с конкретными фактами биографии автора. Он родился в селе *Хородиште* Сорокского уезда.

В рамках национального пространства «малой родины» Ион Друцэ создает вневременной образ *степи*, которую сам же назвал Сорокской, определив ее образом *национальной идентификации* локуса. Это – «малая родина» писателя, которую он воспекает в своем творчестве: «родную молдавскую (бессарабскую, сорокскую) землю» (Давид Хахам). Кроме топонимов используются метафорические названия, содержащие авторскую оценку: «...Боже мой, что за великое **чудо** эта Сорокская степь!.. Автор делает акцент на изображении «огромного необъятного мира», Сорокской степи, и малого мира, которой предстает в образе *Чутуры*.

Лексема *ciútură* (из лат. *cytola*) – это бадья, в румынской, как и в русской картине мира обозначает емкость/ деревянное окованное широкое ведро, изготовленное из клёпки – прочных и твёрдых *дубовых* дощечек, которое служит для подъема воды из колодца-журавля. Особенно в сельской местности, в начале села, у входа в село или в чистом поле находятся такого рода колодцы-журавли/колодцы-цапли/*fântâna cu cumpănă*, с бадьей, сделанной из твердого дерева. Выражение (*Plouă de) toarnă cu ciutura; plouă cu găleata* это смысл русского выражения «дождь, как из ведра». Эта лексема воплощает и дождь, который приносит богатый урожай, и дуб, символическое дерево румынского пространства.

Чутура – не обетованный рай, а кусочек земли, и будет она стоять, так как **небо** осталось над деревней. Ключевые знаки – символы, повторяемые в тексте многократно имеют четкую семиотическую структуру. *Сорокская степь*, попав в водоворот исторический событий, постоянно противостоит внешнему миру. Степь «свернула свои просторы» перед чужим миром, однако *Чутура* выстояла. Сорокская степь – необъятный мир, мифический и реальный, антропоморфный и крестьянский, сопоставимый с «Ладом» Василия Белова. **Чутура** – центр этого мира, все дороги-тропинки устремляются к ней. Жизненный путь Кэрэбуша, от рождения до смерти – жизнь по кругу в этом пространстве, за пределами которого рождается новый мир: новое небо, новые люди, по-новому нарядилась земля. Трехкратный повтор ассоциирует святую троицу, так нес свое бремя Кэрэбуш.

«Время **нашей** доброты» – заглавие романа замыкает знаковый ряд. Мир *Чутуры* – наш, тех, кто будет сеять доброту на вечной ниве жизни Сорокской степи.

Заключение. Национальные составные концепта «родина-Сибирь-Матера» и «родина-степь-Чутура» образует самостоятельную культурно-историческую константу, в новых исторических условиях приобретают смысл возвращения в *родовое гнездо, к родным пенатам*. Благодаря исследованию онимов в национальных картинах мира, имен собственных в текстах о «малой родине», можно проследить процесс формирования образов в сознании и мировосприятия нации в целом.

Литература

1. Басинский, П. Новые деревенские. Эту тему закрывали, но не сумели закрыть / П. Басинский // Литературная газета. – 2001. – № 36. – С. 7.
2. Беженару, Л. Концептът „малка родина“ в диалога на националните литератури от ХХ–ХХІ век : автореф. на дис. труд за присъждане на науч. степен „Доктор на науките“ / Л. Беженару. – София, 2015. – 48 с.
3. Друцэ, Ион. Бремя нашей доброты. – Кишинев, 1988. – С. 265–266.
4. Лебедева, С.Н. Мировоззренческие истоки творчества В. Распутина / С.Н. Лебедева // Русская словесность. – 2001. – № 4. – С. 33–40.
5. Распутин, В. *Cherhez la femme* : соб. соч. : в 3 т. – М.: Молодая гвардия, 1994. – Т. 3. – 475 с.
6. Тваравдзе, Реваз, Судьба божественного рыцаря, послесловие // Чабуа Амираджиби «Дата Тутация». – Тбилиси : Мерани, 1982.
7. Keith Hitchins, History and identity in the novels of Ion Druță. Revista de etnologie si culturologie, Chisinau, 2007, № 2.

References

1. Basinskij, P. (2001). Novye derevenskie. *Literaturnaja gazeta*. № 36. - S. 7. (In Russ.)
2. Bezhenaru, L. (2015). Kontsept „malka rodina“ v dialoga na nacionalnite literaturi ot XX-XXI vek: avtoresna dis. trud za prizhdane na nauch. stepen „Doktor na naukite“. Sofija, 48 s. [The concept of a small homeland in the dialogue of national literature of the XX–XXI centuries], the author's thesis (In Bulg.).
3. Dručje, Ion (1988). *Bremja nashej dobroty*, str. 265-266. (In Russ.)
4. Rasputin V. (1994). *Sherhez la femme - sob.soch.* v 3 t., t 3, M.:Molodaja gvardija, str. 475. (In Russ)
5. Lebedeva, S. N. (2001). Mirovozzrencheskie istoki tvorchestva V. Rasputina. *Russkaja slovesnost'*. [Ideological origins of V. Rasputin's creativity [Russian Literature]. 200№4.1. С. 33-40. (In Russ.)
6. Tvaravdze, Revaz (1982). Sud'ba bozhestvennogo rycarja, posleslovie. *Chabua Amiradzhibi «Data Tutashhia»*, Tbilisi, Merani (In Russ.)
7. Keith Hitchins (2007). History and identity in the novels of Ion Druță. *Revista de etnologie si culturologie*. Chisinau, № 2.

УДК 811.161.3'373.2

**“БЕЗ АДЧУВАННЯ МАЛОЙ ЗЯМЛІ НЯМА АДЧУВАННЯ ВЯЛІКАЙ...”:
рэцэнзія на манаграфію В. Шура і В. Слівец
“Малая і вялікая радзіма ў анамастыконе пісьменнікаў” (Мазыр, 2019)**

С.Ф. Бут-Гусаім,

кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай філалогіі
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
г. Брэст, Рэспубліка Беларусь
E-mail: svfbg@tut.by

Статья представляет собой рецензию на монографию В. Шура и О. Сливца “Малая и большая родина в ономастиконе писателей” (Мозырь, 2019). Монография посвящена анализу поэтонимикона произведений белорусской классики и современной литературы, в которых они являются ключевыми компонентами художественных текстов. Ономатологи убедительно доказывают: образ малой родины наиболее выразительно выявляется в произведениях художественной литературы посредством поэтонимов – антропонимов, ойконимов, гидронимов, микропонимов, оттопонимических образований. Именно эти, преимущественно реальные единицы позволяют не только очерчивать пространственные и временные границы произведений, идентифицировать важные для писателей объекты, но и передавать чувства, эмоции, выражать гражданскую позицию авторов.

Ключавыя словы: оним, поэтоним, рэгіянальны оним, антропоним, топоним, ономастыкон, літаратурная ономастыка, ономастычная мастацкая рэгіяналістыка.

**“WITHOUT A FEELING OF A SMALL EARTH, THERE IS NO FEELING OF BIG ...”:
review of the monograph by V. Shur and V. Slivets
“Small and Big Motherland in the onomasticon of writers” (Mozyr, 2019)**

S.F. But-Gusaim,

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Belarusian Philology,
Brest State A.S. Pushkin University
Brest, Republic of Belarus
E-mail: svfbg@tut.by

The article presents a review of the monograph by V. Shur and O. Slivets “Small and Big Motherland in the onomasticon of writers” (Mozyr, 2019). The monograph is dedicated to the analysis of poetonymicon in the works of literature belonging to Belarusian classical and modern literature, in which the onyms of small Motherland function as key components in literary texts. Onomatologists prove that the image of Small Motherland manifests itself in a work of literature in the most convincing way with the help of poetonyms (poetic names) – anthroponyms, oikonoms, hydronyms, microplacenames, linguistic units derived from placenames. Exactly these, mostly real, units allow the writers to not only draw spatial and temporal borders of a literary work, identify the objects, which are important for the writers, but also to render feelings, emotions, express the civil position of the authors.

Key words: onym, poetonym (poetic name), regional onym, anthroponym, placename, onomasticon, literary onomastics, onomastic artistic regionalism.

*З радзімак тых складаецца Радзіма,
Але радзімка ў кожнага – свая.*

М. Танк “Планета ўся
ў радзімак родных стрэх”

Станаўленне і развіццё беларускай анамастыкі звязаны з іменем доктара філалагічных навук, прафесара Васіля Васільевіча Шура. Дыяпазон навуковых і вучэбна-метадычных інтарэсаў вучонага надзвычай шырокі: анамастыка (найперш, такі яе раздзел, як літаратурная анамастыка), лінгвістычнае краязнаўства, радзімазнаўства (мазыразнаўства). Творчая спадчына вучонага – манаграфіі, навуковыя, навукова-папулярныя артыкулы, рэспубліканскія праграмы, падручнікі, рэцэнзіі на даследаванні калег. Навуковыя і вучэбна-метадычныя выданні Васіля Шура злучаюць у лагічна абумоўленае кола ўзаемазвязаныя звёны моўнай адукацыі – сярэдняю школу і ўніверсітэт. Не могуць не ўражваць уласцівыя працам Васіля Васільевіча глыбіня, трываласць агульнагуманітарных і спецыяльных ведаў, уменне цікава прэзентаваць такія веды для вырашэння адукацыйных і выхаваўчых задач і, што вельмі важна, эмацыянальна-каштоўнасныя адносіны да іменаслову як складніка матэрыяльнай і духоўнай культуры Беларусі і роднага Мазырска-Прыпяцкага Палесся.

У Беларусі 2018–2020 гады прайшлі пад знакам малой радзімы. Глыбіня і шчырасць гэтай тэмы не пакінулі абыякавым навукоўца. У 2019 годзе выйшла манаграфія вучонага “Малая і вялікая радзіма ў анамастыконе пісьменнікаў”, падрыхтаваная ў суаўтарстве з вучаніцай – маладым анатомалагам Вольгай Слівец.

Для большасці таленавітых творцаў пачуццё Радзімы – краіны, Айчыны – неад’емнае ад пачуцця малой радзімы – родных мясцін, рэгіёна, горада, вёскі. Даследаванне В. В. Шура і В. Р. Слівец прысвечана аналізу “анамастыкону твораў беларускіх пісьменнікаў, у якіх онімы малой радзімы мастакоў (рэальныя або падпраўленыя, а ў тэкстах пісьменнікаў яны онімы-паэтонімы) з’яўляюцца ключавымі, вызначальнымі кампанентамі мастацкіх тэкстаў” [1, с. 7]. Аўтары манаграфіі разглядаюць, як на анамастычным узроўні рэалізуюцца матывы малой радзімы ў творчасці Якуба Коласа, Івана Мележа, Івана Навуменкі, Уладзіміра Верамейчыка, Галіны Дашкевіч і інш. У асноўным звернута ўвага на антрапонімы і тапонімы, якія называюць герояў і абазначаюць месца дзеяння, звязанае з малой радзімай творцаў. Паказана, як з дапамогай анамастычных адзінак, уведзеных у канву мастацкага тэксту, рэалізуецца прынцып аўтабіяграфізму.

Актуальнасць даследавання вызначаецца тым, што анамастыкон твораў Івана Мележа, Івана Навуменкі, Галіны Дашкевіч, Уладзіміра Верамейчыка ўяўляе вялікі інтарэс з пункту гледжання выяўлення нацыянальна-культурнай спецыфікі. Літаратура названых пісьменнікаў з’яўляецца вынікам творчасці аўтараў рэгіёна, які мае багатыя культурныя традыцыі. Нацыянальна-культурная інфармацыя акумуляецца ва ўласных імёнах, семантыка якіх адлюстроўвае сучасную і традыцыйную духоўную і матэрыяльную культуру Палесся. Даследаванне выканана ў рэчышчы міждысцыплінарнага падыходу на аснове сучасных навуковых дасягненняў такіх дысцыплін, як літаратурная анамастыка, лінгвістыка тэксту, лінгвакультуралогія. Падобная шматаспектнасць з’яўляецца надзённай, таму што сучаснае лінгвістычнае даследаванне паэтанімікону мастацкага тэксту прадугледжвае пільную ўвагу да сацыяльна-гістарычнага, культурнага і літаратурнага кантэкстаў эпохі, фактаў жыцця пісьменніка.

Анатомалагамі праведзены аналіз аб’ёмнага ў змястоўным і храналагічным плане пласта літаратуры класікаў і сучасных беларускіх аўтараў з арыентацыяй на нацыянальную і рэгіянальную адметнасць анамастычных сродкаў. Разгледжаны семантыка, структурныя асаблівасці і асноўныя крытэрыі выбару паэтанімаў у залежнасці ад сэнсавага аб’ёму намінацыі, нацыянальна-культурнага зместу, фактаў творчай біяграфіі пісьменнікаў.

Творчасць любога пісьменніка звязана з яго біяграфіяй, адным з важных бакоў якой лічыцца месца, дзе аўтар нарадзіўся і правёў дзіцячыя, юнацкія гады – інакш кажучы, яго малая радзіма. Для таленавітых твораў гэта не проста топас, гэта атмасфера, у якой праходзіла іх сталенне, людзі, якія паўплывалі на развіццё будучых пісьменнікаў. Убачанае і пачутае ў дзіцячыя і юнацкія гады застаецца на ўсё жыццё з кожным чалавекам, а мастак, здольны ўвасобіць свае перажыванні ў вобраз, часта выкарыстоўвае ўражанні маленства і юнацтва ў сваіх творах. Так вобраз малой радзімы, прапушчаны праз суб'ектыўнае ўспрыманне, уваходзіць у многія літаратурныя творы класікаў і сучасных аўтараў. Манаграфія складаецца з дзесяці раздзелаў, у якіх глыбока і шматгранна прааналізаваны анамастыкон беларускіх майстроў мастацкага слова. Грунтоўны аналіз тапанімікону твораў беларускіх аўтараў даў магчымасць выявіць адносіны аўтараў да персанажаў, ідэйна-тэматычны змест твораў, грамадзянскую пазіцыю пісьменнікаў.

Так, глыбокае веданне жыцця і творчасці Івана Мележа дазволіла Васілю Шуру выявіць матывы малой радзімы ў анамастыконе твораў народнага пісьменніка Беларусі. Даследчык адзначае высокую канцэнтрацыю тапонімаў Усходняга Палесся ў мастацкіх творах І. Мележа: *Рэчыца, Васілевічы, Мазыр, Юравічы і Хойнікі, Брагіц, Князьвіца і Тунеўшчына, Глінішчы, Каранёўка, Князьвіца, Луцішчы, Паўлаў круг* і многія іншыя. Аналізуючы тапанімікон твораў класіка, навуковец вылучае рэальныя тапонімы, што адлюстроўваюць геаграфію родных мясцін (*Глінішчы, Дамачы, Мазыр, Тульгавічы, Юравічы*), і відазменення, перайначаныя такім чынам, каб трапіла перадаць прыродны свет, побыт жыхароў Хойніцкага Палесся (*Курані, Алешнікі, Хвойнае*). Анаматолаг адзначае: “Выбіраючы тапонімы для стварэння адпаведнага каларыту, уласцівага для Усходняга Палесся трыццатых гадоў ХХ ст., пісьменнік трапіла падбіраў у неабходных выпадках і адпаведныя анамастычныя адзінкі, якія нярэдка адным словам – тапонімам, а дакладней, яго апелятывам стваралі праўдападобнае ўяўленне ў чытача пра ландшафт, аб'ект, мясцовасць, што апісаны ў яго раманах. Параўн.: *курэнь* – буда з галля, саломы ці тонкага бярэвення для часовага жылля, шалаш” [1, с. 31]. На багатым фактычным матэрыяле паказана, як онімы Мазырскага Палесся становяцца выразнымі стылёва і семантычна маркіраванымі тэкставымі кампанентамі, якія яднаюць агульную анамастычную прастору, удзельнічаюць у пабудове і развіцці літаратурнай кампазіцыі твораў пра “самабытных, непасрэдных і шчырых землякоў-палешукоў” [1, с. 28]. У раздзеле прадстаўлена важная інфармацыя аб прататыпах герояў “Палескай хронікі”: “знакаміты Апейка – «увасабленне тагачасных перамен», узяты пісьменнікам з самога жыцця, меў і прататыпа – *Нічыпара Ануфрыевіча Бельскага*, родам з вёскі *Глінішчы*, добрага знаёмага Івана Паўлавіча. Пісьменнік прызнаўся, што праз Апейку ён хацеў паказаць «*увесь драматызм часу, радасці і нягоды канца 20-х гадоў*». Землякі і знаёмыя пісьменніка, перачытваючы старонкі яго «Палескай хронікі», пазнаюць і іншых персанажаў, прататыпы якіх жылі ў Глінішчах, Хойніках, Алексічах, Юравічах. Гэта *Зайчык, Нохім, Годля* і іншыя, што сталі героямі палескіх раманаў пад сваімі імёнамі і прозвішчамі” [1, с. 29–30]. Цікаваць выклікаюць прадстаўленыя ў манаграфіі звесткі пра гісторыю ў многім сімвалічных загаловаў “Палескай хронікі”.

Разглядаючы творчасць Івана Навуменкі, якога В. Шур ведаў асабіста, навуковец даказвае, што аўтабіяграфізм як адна з выразных і спецыфічных адзнак стылю класіка рэалізуецца праз ужыванне рэгіянальных тапанімічных адзінак, што пазначаюць месца дзеяння яго асноўных твораў – Усходняе Палессе, а менавіта малую радзіму І. Навуменкі палескае мястэчка *Васілевічы* (у творах пісьменніка гэта *Базылевічы, Бацькавічы, Міхалавічы, Слабодка*); праз выкарыстанне тыповых для гэтай мясцовасці ўласных імёнаў і прозвішчаў. Вучоны адзначае: “Назвы-айконімы ў гэтым рэгіёне маюць часты фармант *-ычы (-ічы)*, вядомы ў многіх славянскіх мовах. Суфікс універсальны і вельмі прадуктыўны: ужываўся ў этнаніміі ўсіх славянскіх моў, калі такія множналікавыя айконімы, як сведчаць

даследчыкі, выкарыстоўваліся як назвы родаплемянных калектываў, патомкаў па імені іх продкаў, месцаў калектыўных пасяленняў, аб'ектаў калектыўнай прыналежнасці і інш. Параўн.: *Клімавічы, Багрымавічы, Раўбічы, Васілевічы, Ждановічы, Сялюцічы, Капірэвічы* і інш., а прозвішчы карэнных жыхароў пераважна ўтвараюцца семантычным спосабам ад тыповых для Палесся апелятываў тыпу сокал → *Сокал*, лось → *Лось*, альха → *Альха* і інш.” [1, с. 53]. Надзвычай цікавым з’яўляецца аналіз загаловаў твораў Івана Навуменкі: яны выступаюць як “трапныя метафары, перадаючы найперш уражанне перажытага праз настальгічную памяць аўтара або яго літаратурных персанажаў. Яго асноўныя сюжэты, засведчаныя лаканічна ў трапных і запамінальных бібліёнімах, – гэта ўспаміны, пераважна своеасабліва перанесеныя праз мастацкія ўмоўнасці: «*Вераніка*», «*Таполі юнацтва*», «*Сямнаццатай вясной*», «*Хлопцы самай вялікай вайны*», «*Вайна каля Цітавай копанкі*», «*Замяць жаўталісця*», «*Па грыбы*», «*Хатняе зайчаня*», «*Мяшок белага наліву*», «*Хлопцы-равеснікі*», «*Падарожжа ў юнацтва*», «*Любімы горад*», «*Гасцініца над Прыпяццю*», «*Пераломны ўзрост*», «*Сасна пры дарозе*», «*Вецер у соснах*», «*Сорак трэці*» і інш.” [1, с. 55].

Нагхнёна і грунтоўна аналізуе Васіль Шур паэтанімікон мастацкіх твораў вучонага-лінгвіста і самабытнага пісьменніка Фёдара Янкоўскага, вучнем якога з’яўляецца. Важнай падаецца выснова навукоўца пра тое, што “найперш у сваіх літаратурных творах Фёдар Янкоўскі выступае як лінгвіст, які тонка і глыбока разумее сутнасць і адценні роднага слова, праз якое можна данесці да чытача ўсё багацце чалавечых думак, паказаць прыгажосць і дасканаласць беларускай мовы” [1, с. 78]. На шматлікіх прыкладах В. Шур паказвае, як у мастацкіх творах Ф. Янкоўскі вытлумачвае паходжанне беларускіх імёнаў, нярэдка выкарыстоўваючы этнаграфічныя звесткі: “*Лазьбень! Ладзьбень? Загадкавае слова. Сустракаў я прозвішчы Лазьбень, Лозьбінь, Лазьбінь, Лозьбін. Мабыць, крэўныя гэтыя прозвішчы з лазьбянём. Пчаларовым, бортнікавым, воччычавым... Яго, лазьбень і ладзьбень, рабілі і робяць не з калоды, не з кары. Лазьбень – каробка з лубу, шытая просеценька, бо з майстэрствам-умельствам: так шытая, што мёд, сам цякучы мёд, і кропелькаю не прасочваецца*” [2, с. 279]. Аўтар манаграфіі сістэматызуе спосабы ўключэння паэтанімаў у канву мастацкіх твораў Ф. Янкоўскага: непасрэднае тлумачэнне анамастычнай адзінкі, атрыбуцыя (калі да афіцыйнай назвы прыводзяцца ўстарэлыя, забытыя па розных абставінах тапонімы-дублеты), акцэнтualнае выдзяленне, словаўтваральны каментарый, напрыклад: “*Гастэла? Беларус. Гасціла! Ён адтуль, дзе жылі, дзе жывуць гасцінныя Гасцілы, дзе вёскі, дзе (былі) хутары-сядзібы з назвамі Гасцілы, Гасцілаўцы, Гасцілавічы і інш.*” [2, с. 120].

Аналізуючы анамастыкон Мазырскага Палесся ў творах Уладзіміра Верамейчыка (“*рыцара Вялікасі Прыпяці*”, “*лірніка Палесся*”), В. Шур падкрэслівае, што вызначальная рыса творчай манеры паэта – ужыванне ў творах палескіх гідронімаў (*Славечна, Піці, Прыпяць*), айконімаў (*Рэчыца, Барбароў, Перароў, Тураў, Мазыр, Васілевічы*), уключэнне іх у склад загаловаў (вершы-прысвячэнні “*Васілевічы*”, “*Мазыр*”, “*Гомелю*”, “*Міхалкі*, пяты клас”, “*Прыпяць*”, “*Славечна*”, “*Мазырскі кірмаш*”). Онімы Мазырскага Палесся становяцца ключавымі словамі твораў У. Верамейчыка, выконваюць мастацка-эстэтычныя функцыі, выклікаюць у дасведчанага чытача гістарычныя, культуралагічныя, этнаграфічныя асацыяцыі. В. Шур адзначае, што, пішучы мастацкую гісторыю Палесся, Уладзімір Верамейчык працягвае традыцыі славутых папярэднікаў – асветніка, пісьменніка-манаха Кірылы Тураўскага, мазырскага шляхціца, пісьменніка-патрыёта Івана Мялешкі, навукоўца Паўла Шпілеўскага. Разглядаючы адметны і запамінальны анамастыкон сатырычных твораў У. Верамейчыка, анатолаг робіць трапныя заўвагі аб утварэнні, значэнні, канатацыйных прырашчэннях гаваркіх онімаў – запамінальных партрэтаў, малюнкаў-карыкатур сучаснага жыцця палешукоў: паэт *Харэй Пятровіч Рыфмавіч*, хабарнік *Васіль Хануга*, калгас “*Сізіфава праца*”, кантора “*Рэмітань*”.

Даследуючы анамастычную прастору прозы Віктара Карамазава, Вольга Слівец слушна заўважае, што значная частка яго твораў геаграфічна лакалізаваная – месцам разгортвання дзеяння выступае малая радзіма пісьменніка Магілёўшчына. Топас прозы В. Карамазава ўтвараюць рэальныя гідронімы і айконімы – геаграфічныя адзнакі малой радзімы пісьменніка (*Лімень, Лісань, Ліменская пушча, Васілеўшчына, Сож*). Персанажы В. Карамазава маюць рэальныя прататыпы. Так, Ліменскаму лясніцтву прысвечаны раман “Пушча”, а ў прататыпах дзейных асоб пазнаюцца жыхары Ліменшчыны. Плённа працуе В. Карамазаў у рэчышчы мастацка-біяграфічнай прозы, пішучы пра жыццё славетных жывапісцаў В. Бялыніцкага-Бірулі, А. Бархаткова, Г. Вашчанкі, А. Вырвы, М. Неўрава. Тапанімічная прастора твораў разгледжанага літаратурнага напрамку адыгрывае важную ролю ў інтэрпрэтацыі тэмы малой радзімы. Дамінуючым у мастацка-біяграфічных творах пісьменніка з’яўляецца анамастыкон Магілёўшчыны, што абумоўлена фактамі біяграфіі жывапісцаў. Мастацкае асэнсаванне канатацыйна насычаных рэгіянальных назваў (*Бялынічы, Крынкі, Друць, Быстрыя, Беседзь, Краснаполле, Няшчэрда, Касцюковічы, Шчыглоўка, Лыскаўшчына, Чыкалавічы, Калыбань, Крычаў* і інш.), узбагачаных эмацыйнымі прыраўненнямі, фарміруе агульны гісторыка-культурны фон дзеяння. Сімвалічны вобраз малой радзімы ў кантэксце мастацкіх біяграфій жывапісцаў пераасэнсоўваецца ў іншыя вобразы, якія пашыраюць яго значэнне. Такімі з’яўляюцца, напрыклад, язычніцкія вобразы, характэрныя для мясцовых народных паданняў, што адлюстроўваюць духоўную культуру палешукоў, увасобленую жывапісных палотнах Г. Вашчанкі “*Лель і Лель*”, “*Жыццё*”, “*Купалінка*”, “*Беражніца*”, “*Ярыла*”.

Як вынікае з манаграфіі, “вобраз малой радзімы, «пачуццё родных мясцін» найбольш выразна выяўляюцца ў творах мастацкай літаратуры праз анамастычныя назвы – айконімы, гідронімы, мікратапонімы, адтапанімічныя ўтварэнні і інш. Іменна гэтыя, пераважна рэальныя адзінкі дазваляюць не толькі называць, акрэсліваць прасторавыя межы твора, умела ідэнтыфікаваць важныя для пісьменніка ў яго тэкстах аб’екты, але і перадаць пачуцці, эмоцыі, якія, несумненна, узнікаюць і якія аўтар увасабляе, узнаўляе ўмелым ужываннем онімаў у спалучэнні з іншымі мастацкімі сродкамі” [1, с. 155–156].

Асноўныя палажэнні манаграфіі паспрыяюць далейшаму развіццю літаратурнай анамастыкі. Даследаванне дапамагае высветліць спецыфіку ўплыву экстралінгвістычных фактараў, у прыватнасці, нацыянальна-культурнага жыцця, фактаў біяграфіі пісьменніка на склад і выяўленчыя магчымасці літаратурнай анамастыкі. Атрыманыя вынікі пашыраюць навуковыя веды аб ролі і месцы паэтонімаў у сістэме нацыянальнай і рэгіянальнай анамастыкі, дазваляюць глыбей спазнаць іх прыроду і спецыфіку.

Практычная значнасць вынікаў даследавання заключаецца ў магчымасці іх выкарыстання пры распрацоўцы і выкладанні ў ВНУ курсаў лінгвістычнага аналізу мастацкага тэксту, стылістыкі, анамастыкі. Рэгіянальны напрамак адыгрывае ўсё больш значную ролю ў агульнаадукацыйным працэсе, таму матэрыялы даследавання беларускага іменаслову ў кантэксце мастацкай літаратуры могуць быць выкарыстаны ў школе падчас рэалізацыі рэгіянальнага кампанента на ўроках беларускай мовы і літаратуры, у пазакласнай працы, што будзе спрыяць далучэнню вучняў да набыткаў нацыянальнай і рэгіянальнай культуры.

Манаграфія напісана на высокім навукова-тэарэтычным узроўні. Уражвае скрупулёзнасць працы даследчыкаў, якія сабралі найбагацейшы матэрыял не толькі пра літаратурны іменаслоў, але і пра таленавітых пісьменнікаў, вядомых грамадскіх дзеячаў, палітыкаў, акцёраў, рэжысёраў, пра насычанае падзеямі культурнае жыццё роднага Палесся. Кніга Васіля Шура і Вольгі Слівец прасякнута шчырай любоўю да Бацькаўшчыны, глыбокай павагай да землякоў, творчасць якіх непарыўна звязана з самабытнай народнай культурай роднага краю. Важна падкрэсліць, што раскрыты ў іменаслове вобраз

малой радзімы разглядаецца ў кантэксце беларускай моўнай карціны свету ў цэлым, таму што толькі з улікам агульнанацыянальных рыс можна адэкватна меркаваць аб рэгіянальных асаблівасцях анамастыкону, “упісаных” у гісторыю і культуру Беларусі.

Манаграфія прызначаецца навуковым супрацоўнікам, магістрантам, аспірантам, студэнтам гуманітарных факультэтаў, вучням, настаўнікам. Зборнік уключае кароткі слоўнік анамастычных тэрмінаў, што робіць яго зручным для карыстання. Кніга дапаможа далучыць маладых беларусаў да ўнікальнай духоўнай спадчыны Палесся, паглыбіць веды пра Бацькаўшчыну, выкарыстоўваючы мясцовы матэрыял.

Літаратура

1. Шур, В. Малая і вялікая радзіма ў анамастыконе пісьменнікаў / В. Шур, В. Слівец. – Мазыр : МДПУ імя І.П. Шамякіна, 2019. – 171 с.
2. Янкоўскі, Ф. Само слова гаворыць / Ф. Янкоўскі. – Мінск : Маст. літ., 1986. – 318 с.

References

1. Shur V. & Slivec V. (2019). *Malaya i vyalikaya radzima ў anamastikone pismennikau [Small and Big Motherland in the onomasticon of writers]*. Mozyr: MSPU named after I. P. Shamyakin. (In Russ).
2. Yankoŭski F. (1986). *Samo slova gavoric [The word itself speaks]*. Minsk: Fiction Literature. (In Russ).

УДК 811.161.3'373.2

АСАБІСТАЯ АЎТАРСКАЯ ПАЗІЦЫЯ Ў ПРАЦАХ В.В. ШУРА ПА АНАМАСТЫЦЫ

М.А. Даніловіч,

доктар філалагічных навук, прафесар
г. Гродна, Рэспубліка Беларусь

У артыкуле на падставе апублікаваных кніг прафесара В.В. Шура прасочваецца станаўленне яго як вучонага-лінгвіста, у якога прыярытэтнай стала анамастыка. Аб'ект увагі даследчыка – найбольш пашыраныя тыпы ўласных імёнаў: антрапонімы і тапонімы, іх разнавіднасці, прозвішчы, мянушкі, псеўданімы, якія ён разглядае як гістарычныя помнікі і лічыць нашым нацыянальным багаццем. Значным набыткам беларускай навукавай анамастыкі з'яўляюцца яго працы, прысвечаныя ўласным імёнам у мастацкіх тэкстах, а таксама шматлікія краязнаўчыя працы, у якіх паслядоўна інтэрпрэтуюцца анамастычныя, гістарычныя, этнаграфічныя факты з розных крыніц.

Ключавыя словы: анамастыкон, тапонім, бібліёнім, онім, паэтонім, біяграфізм, малая радзіма, этнаграфізм.

PERSONAL AUTHOR'S POSITION IN THE WORKS OF V. V. SHUR ON ONOMASTICS

M. A. Danilovich,

Dr. of Philology, Professor,
Grodno, Republic of Belarus

On the published books of professor V.V. Shur it is possible to trace his formation as a scientist-linguist, that onomastics was his priority. The researcher focused on the most common types of proper names: anthroponyms and toponyms, their varieties, surnames, nicknames, pseudonyms, which he regards as historical landmarks and considers as our national wealth. His works can be defined as a significant achievement of Belarusian onomastics, his works deal with proper names in literary texts, as well as his numerous local history works, in which he consistently interprets onomastic, historical, ethnographic facts from various sources.

Key words: onomasticon, toponym, biblionym, onym, poetonym, biographism, small homeland, ethnographism.

Уводзіны

Імя Васіля Васільевіча Шура, доктара філалагічных навук, прафесара, знакамітага беларускага вучонага-лінгвіста, вядома далёка за межамі Беларусі. Ён аўтар больш за трыста навуковых прац, сярод якіх больш за дзесяць кніг, што прысвечаны праблемам анамастыкі, некалькі з іх у суаўтарстве. Кірункі навуковых інтарэсаў вучонага

разнастайныя, але прыярытэтнай у яго стала анамастыка. Ён пасля абароны кандыдацкай дысертацыі ў 1974 годзе больш за сорок гадоў займаецца даследаваннем беларускага анамастыкону, апублікаваў па гэтай праблематыцы сотні артыкулаў, дзясяткі кніг. Досвед навукоўца ў яго манаграфіях і дапаможніках знайшоў усебаковае, можна сказаць, энцыклапедычнае адлюстраванне. У агульным плане мы акцэнтуюем увагу толькі на тры аспекты, распрацоўваючы якія, В. Шур паўстае не толькі як глыбокі вучоны, але і як асоба, для якой анамастыка не толькі матэрыял навуковага аналізу, але і штосьці большае, нешта блізкае, дарагое, самабытнае, вартае клопату, грамадскай і дзяржаўнай абароны, аховы.

Мэта і задачы даследавання

Асноўная мэта артыкула: паказаць ролю прафесара В. Шура як даследчыка ў вывучэнні і апісанні беларускай анамастыкі, асабліва беларускай літаратурнай анамастыкі, у вытокаў якой ён быў першы, абараніўшы доктарскую дысертацыю, апублікаваўшы некалькі манаграфій, вучэбных дапаможнікаў, праграм для школ і ВНУ.

Для дасягнення мэты былі пастаўлены наступныя задачы:

– выявіць і сцісла апісаць асноўныя напрацоўкі ў вывучэнні анамастычных праблем, узятых у працах прафесара В. Шура;

– сцісла ахарактарызаваць асноўныя набыткі даследчыка ў вывучэнні беларускіх анамастычных адзінак у соцыуме і ў творах мастацкай літаратуры.

Вынікі і іх абмеркаванне

Аб'ектам увагі даследчыка сталі пераважна два найбольш пашыраныя тыпы ўласных імёнаў – антрапонімы і тапонімы. Разглядаюцца яны ў розных аспектах. Вельмі актуальнымі ў наш час з'яўляюцца пытанні паходжання назваў. Аўтар падрабязна, на шматлікіх прыкладах прасочвае гісторыю іменавання людзей на беларускай зямлі. Так, у дахрысціянскі перыяд імёны даваліся па адзнаках знешнасці, асабліва сцягах характару, па іншых прыкметах, напрыклад, тымі словамі, што называлі жывёл, розныя прадметы і інш.: *Воўк, Тур, Заяц, Вярба*. З пашырэннем хрысціянства ў Беларусі сталі замацоўвацца дзве сістэмы ўласных імёнаў: візантыйска-грэцкая і рымска-каталіцкая. В. Шур паказвае, што і ранейшая, і хрысціянская сістэмы доўгі перыяд суіснавалі з паступовым дамінаваннем апошняй. Іншамоўныя царкоўныя імёны на беларускай моўнай глебе зведалі міжмоўную фанетычную, марфалагічную і словаўтваральную адаптацыю, прыстасаваліся да беларускай моўнай сістэмы, набылі своеасаблівы нацыянальны выгляд, напрыклад: *Данііл* → *Даніла*, *Афанасій* → *Афанас*, *Аляксандр* → *Алесь*, *Екацярына* → *Каця*.

Не менш грунтоўная гаворка ў яго працах вядзецца пра ўзнікненне і развіццё прозвішчаў. Напрыклад, аўтар апавядае пра тое, што традыцыя дыферэнцыяцыі асобаў праз іменаванне іх прозвішчамі пачалася ў X–XI стст. у Італіі і пазней паступова пашыралася на астатнюю Усходнюю частку Еўропы. Беларусы першымі з усходніх славян набылі прозвішчы. У аснову іх пакладзены язычніцкія нехрысціянскія імёны-мянушкі (*Грыб, Жук, Воўк*) – каля 40 %, а таксама іншыя ўтварэнні, найперш бацькайменні тыпу *Якімовіч* (<*Якім*), *Язэпчык* (<*Язэп*), *Клімук* (<*Клім*), *Арыямёнак* (<*Арыём*). Многія беларускія прозвішчы і мадэлі іх утварэння былі пераняты Маскоўскай дзяржавай. Так, паводле перапісу 1897 г., сярод 700 самых знакамітых сем'яў Расіі толькі каля 150 вялі свой радавод ад рускай дынастыі Рурыкавічаў, князёў і баяр маскоўскіх, цвярскіх, казанскіх. А 430 сем'яў паходзіла з Беларусі, Украіны і Польшчы.

Даследчык падрабязна ў некалькіх працах разглядае словаўтваральныя тыпы, лінгвагеаграфічны абсяг прозвішчаў на тэрыторыі Беларусі з выхадам у суседнія краіны, іх нацыянальную ідэнтыфікацыю. Закранаючы спрэчныя ў лінгвістыцы пытанні, аргументавана даказвае, напрыклад, што прозвішчы на *-эня*, *-еня* спецыфічныя пераважна для беларускай антрапанімічнай сістэмы. Прозвішчы на *-овіч*, *-евіч*, *-ікі*, *-скі* маюць беларускае паходжанне і пераважна запазычаны польскай мовай, а не наадварот, як нярэдка памылкова сцвярджаецца. Сярод асабовых імёнаў разглядаюцца таксама мянушкі

(традыцыя іх ужывання, крыніцы і спосабы ўтварэння, мастацкае выяўленне ў творах беларускай мастацкай літаратуры), псеўданімы (гісторыя ўтварэння і паходжання, выкарыстанне беларускімі пісьменнікамі, мастакамі, вучонымі, грамадскімі дзеячамі).

Шмат увагі аўтар удзяляе тапаніміі. Разглядаюцца экстралінгвістычныя ўмовы, спосабы і сродкі называння географічных аб'ектаў у розныя гістарычныя часы. Найбольш усебакова даследуюцца назвы паселішчаў, іх тыпы. Разглядаюцца шматлікія гіпотэзы пра паходжанне назваў канкрэтных беларускіх гарадоў, мястэчак, вёсак, фальваркаў, засценкаў, хутароў і інш., выказваюцца свае меркаванні. Напрыклад, паслядоўна паказана, што айконім *Лагойск* – утварэнне ад назвы рэчкі *Лагаза*, *Бабруйск* – ад *Бабруя*, *Полацк* – ад *Палата*, *Барысаў* названы ў гонар князя Барыса. А пра паходжанне слова *Мінск-Менск* прыводзяцца аж чатыры этымалагічныя версіі, у якіх спалучаюцца звесткі з навуковых крыніц, народных легендаў, міфаў, паданняў.

В. Шур паслядоўна прасочвае, што, акрамя асноўнага, уласнабеларускага, кампанента, у антрапанімічнай і тапанімічных сістэмах пакінулі прыкметны след іншыя этнасы: мазуры, ляхі, палякі, яцвягі, прусы, жамоіты, латышы, татары, яўрэі і інш. Параўн. прозвішчы ад цюрскіх каранёў: *Кураш*, *Камай*, *Булгак*, *Бузук*, *Калдай*, *Канчак*, *Кардаш*, *Салтан*, *Шабаш*; назвы населеных пунктаў ад літоўскіх каранёў: *Гуды*, *Гудзевічы*, *Гудагай*, *Жомайдзі*, *Ашмяны*, *Кушляны*. У асобных групах такой лексікі іншамоўны след вельмі значны. Так, даследчык згадвае меркаванне вучоных, што большае паходжанне захавалі 90 % беларускіх рэкаў і азёраў.

Вучоны лічыць беларускія ўласныя імёны нашым нацыянальным багаццем, якое, як і гістарычныя помнікі, трэба шанаваць, ахоўваць. Іх нельга змяняць, перайначваць на іншамоўны лад. На жаль, за апошнія стагоддзі розныя сацыяльна-гістарычныя і палітычныя працэсы нанеслі няглыбы шкоды беларускаму анамастыкону. Ва ўмовах паланізацыі, а пасля русіфікацыі многія спрадвечныя беларускія імёны атрымалі скажоны выгляд, напрыклад: *Гародня* → *Гродна*, *Бярэсце* → *Брэст*, *Навагарадак* → *Навагрудак*, *Менск* → *Мінск*, *Мёры* → *Міёры*, *Заслаўе* → *Заслаўль*. У савецкі час квітнеў самы сапраўдны валонтарызм у дачыненні да назваў паселішчаў. Яны бесперашкодна і масава замяняліся на сучасныя, часта ідэалагізаваныя, безаблічныя, не адпаведныя беларускай лексічнай сістэме: *Раманава* → *Леніна*, *Рудабелка* → *Акцябр*, *Ігумен* → *Чэрвень*, *Койданава* → *Дзяржынск*, *Дзяругі* → *Каўровая*, *Прапойск* → *Слаўгарад*. Толькі за 1964 год у Беларусі “*на просьбе працоўных*” (як тады модна было апеяляваць) замянілі больш як трыста назваў. Для абазначэння новых паселішчаў падбіраліся няўдалыя, кур'ёзныя з пункту гледжання здаровай логікі, густы, моўнай нормы словы: *Адчаянны*, *Барба*, *Бязбожнік*, *Дзвігацель*, *Луч Сонца*, *Пабядзіцель*, *Рашицельны*, *Труд*, *Уюты*. Даследчык аналізуе прычыны вынішчэння спрадвечна беларускіх тапонімаў, аб'ядноўвае іх у пэўныя семантычныя тыпы паводле тых прымет, якія выклікалі няміласць у кіраўніцтва розных узроўняў.

З такім жа неспакоем ён вядзе гаворку пра непажаданыя змены асабовых імёнаў і прозвішчаў на розных гістарычных этапах. Гэтыя з'явы рэгулявалася афіцыйнымі органамі кіравання ў Рэчы Паспалітай, у Расійскай імперыі. Так, у 1897 г. пад час усеагульнага перапісу насельніцтва спецыяльна інструктаваны перапісчыкі перайначылі мноства беларускіх прозвішчаў, надаўшы ім стандартызаванае рускамоўнае афармленне. Адыход ад першараднага аблічча прозвішчаў адбываўся і ў апошнія стагоддзі, назіраецца ён, на жаль, і зараз. Параўнаем тыповыя змяненні: *Машэра* – *Машэраў*, *Вялюга* – *Вялюгін*, *Сухі* – *Сухой*, *Дыба* – *Дыбо*, *Казёл* – *Ко'зел*, *Жабрак* – *Жэ'брак*. З ужытку выштурхоўваюцца спецыфічныя беларускія імёны тыпу *Алесь*, *Паўлюк*, *Базыль*, *Юрась*, *Міхась*, *Кастусь*, *Юзік*. Аўтар кнігі з відавочнай скрушнаю зайздрасцю заклікае: “Ні палякі, ні французы, ні немцы не імкнуцца перайначваць свае прозвішчы на нейкі недарэчны касмапалітычны ўзор. Мы, беларусы, павінны паважаць сваю духоўную спадчыну, якою нярэдка захапляюцца другія народы, выяўляючы яе самабытнасць, спецыфічнасць”.

Значным набыткам беларускай навуковай анамастыкі з'яўляюцца працы В. Шура, прысвечаныя ўласным імёнам у мастацкім тэксце. Вучоны па-новаму аналізуе ўтварэнне і выкарыстанне беларускімі пісьменнікамі асабовых імёнаў, мянушак, прозвішчаў, розных тапонімаў, онімаў-загалоўкаў. На думку даследчыка, літаратурны онім – катэгорыя поліфункцыянальная, якая выконвае не толькі функцыю ідэнтыфікацыі асобы, але і валодае канатацыйным патэнцыялам, гэта своеасаблівы аўтарскі прыём і аўтарская ацэнка паводзінаў і ўчынкаў літаратурнага героя. Свядомы ці інтуітыўны выбар оніма звязаны з нацыянальна ці сацыяльна акрэсленай эстэтычнай пазіцыяй пісьменніка, яго адносінамі да персанажа. Ён першы з беларускіх лінгвістаў абараніў доктарскую дысертацыю, прысвечаную праблемам літаратурнай анамастыкі.

Асаблівымі пачуццямі вызначаюцца краязнаўчыя працы і раздзелы кнігі пра антрапанімію і тапанімію Мазыршчыны як тыповы аналаг беларускай анамастыкі, дзе з любоўю вядзецца гаворка пра сваю малую радзіму, пра Мазыр, у якім аўтар пражыў найбольшую частку жыцця. Прыводзяцца цікавыя гістарычныя звесткі пра горад на беразе Прыпяці – "бяспрэчны цэнтр усяго Усходняга Палесся", яго вуліцы, памятных мясцін, пра асобаў, якія уславілі яго мінулае, прасочваецца гісторыя анамастыкону гарадскіх аб'ектаў. Як і ўсе гарады ў Савецкім Саюзе, Мазыр знаў тапанімічную ўніфікацыю, ад якой трэба паступова пазбаўляцца. Даследчык піша, што "для абазначэння значных гарадскіх частак, як сведчыць вопыт іншых гарадоў і краін, трэба карыстацца не прыдуманымі чыноўнікамі назвамі, як гэта часта рабілася раней, а выкарыстоўваць найменні, даўно створаныя народамі і апрабаваныя моўнай практыкай". І гэта не проста заклік: аўтар раіць канкрэтныя патэнцыйныя найменні, якімі ўпрыгожылася б, узбагацілася б сістэма ўрбанонімаў горада Мазыра.

Кнігі В. Шура чытаюцца з цікавасцю не толькі таму, што ў іх мноства пазнавальнай інфармацыі, але і таму, што напісаны яны жывой мовай. Навуковы стыль нярэдка саступае месца эмацыйна-мастацкай манеры выказвання, у якім выяўляюцца пачуцці аўтара адносна таго, што яго хвалюе, нахвост: "Духоўнае бяспамяцтва некаторых беларусаў ў наш час выяўляецца ў тым, што асобныя з нас у вёсках і асабліва ў гарадах да канца не ўсведамляюць, што перажываюць духоўны Чарнобыль, бо нярэдка можна сустрэць маладога чалавека, які абьякава адносіцца да мовы сваіх бацькоў і прадзедаў, яго не цікавяць народныя песні, назвы вёскі, у якой ён нарадзіўся, рэчкі, дзе ў дзяцінстве вудзіў акунёў і ментузоў, загараў на сонцы на яе залаціста-пясчаных берагах, збіраў баравікі сярод глухіх баравін і цяністых дуброў, гуляў па разнатраўі духмяных лугавін. І ўсюды былі родныя назвы".

Афіцыйна рэкамендаваныя пераважна для навукоўцаў, студэнтаў і магістрантаў кнігі В. Шура з поспехам могуць выкарыстаць настаўнікі і вучні. Сёння ў школах Беларусі вельмі актуальнай стала навукова-пошукавая праца вучняў. Пад кіраўніцтвам настаўніка дзеці ў пазакласны час займаюцца збіраннем і вывучэннем мясцовай мікратапаніміі і антрапаніміі, даследуюць мову пісьменнікаў. Для гэтай справы кнігі В. Шура – бяспэчныя і тэарэтычныя дапаможнікі, і практычныя даведнікі, і метадычныя ўказальнікі. З вялікай цікавасцю і карысцю для сябе іх можа прачытаць кожны, таму што напісаны яны жывой, даступнай мовай і ў іх праглядваецца выразная аўтарская пазіцыя.

Найбольш значныя кнігі прафесара В. Шура, прысвечаныя праблемам анамастыкі, на аснове якіх намі падрыхтаваны гэты артыкул:

1. Шур, В. 3 гісторыі ўласных імёнаў. – Мінск : Выш. шк., 1993. – 156 с.
2. Беларускія ўласныя імёны: Беларуская антрапаніміка і тапаніміка : дапаможнік для настаўнікаў / В.В. Шур. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1998. – 237 с.
3. Шур, В.В. Анамастычная лексіка ў беларускай мастацкай літаратуры : манаграфія / В.В. Шур. – Мінск : УП "Тэхнапрынт", 2002. – 226 с.
4. Шур, В.В. Онім у мастацкім тэксце : манаграфія / В.В. Шур. – Мінск : Бел. кнігазбор, 2006. – 216 с.

5. Шур, В.В. Уласныя імёны ў часе і прасторы / В.В. Шур. – Мінск : НІА, 2008. – 100 с.
6. Шур, В.В. Уласнае імя ў мастацкім тэксце : манаграфія / В.В. Шур. – Мазыр : УА МДПУ імя І.П. Шамякіна, 2010. – 206 с.
7. Шур, В.В. Слова ў мастацкім кантэксце: онімы, метафары / В.В. Шур, С.Б. Кураш. – Мазыр : УА МДПУ імя І.П. Шамякіна, 2013. – 268 с.
8. Курсавыя працы па беларускай мове: тэматыка, бібліяграфія, метадычныя парады : вучэб.-метаад. дапам. / уклад. В.В. Шур ; пад агул. рэд. В.В. Шура. – Мінск, 2010. – 204 с.
9. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Мазырскага раёна / рэд.-укл. М. А. Капач, В. Р. Феранц, В.В. Шур [і інш.]. – Мінск : Маст. літ., 1997. – 574 с.
10. Шур, В.В. Малая і вялікая радзіма ў анамастыконе пісьменнікаў / В.В. Шур, В.Р. Слівец ; М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, УА «Мазыр. дзярж. пед. ун-т імя І.П. Шамякіна». – Мазыр : МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2019. – 170 с.
11. Шур, В. Беларускія ўласныя імёны: беларуская антрапаніміка і тапаніміка : дапаможнік для магістрантаў / В. Шур. – Мазыр : МДПУ імя І.П. Шамякіна, 2018. – 355 с.

Вывады

Такім чынам, на падставе аналізу манаграфій, артыкулаў, вучэбных дапаможнікаў, вучэбных рэспубліканскіх праграм, распрацаваных прафесарам В. Шурам, рэзэнзій на яго працы, намі зроблены сціслы аналіз яго асноўных манаграфій, дапаможнікаў, пераважна прысвечаных праблемам анамастыкі, змест якіх пераконвае, што ён засведчыў сябе як выдатны педагог-даследчык анамастычных праблем, набыткі якога з'яўляюцца значным унёскам у беларускую лінгвістыку, асабліва ў беларускую анамастыку.

УДК 81'373.612.2

ПАТРИОТИЗМ КАК ОДНА ИЗ ГЛАВНЫХ ЗАДАЧ ПЕДАГОГА В ВОСПИТАНИИ ШКОЛЬНИКОВ И УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЁЖИ

В.Н. Журавская,

магістрант Мозырскаго государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: Zhuravskaya@mail.ru

Л.В. Журавская,

кандидат филологических наук, доцент
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: Zhuravskaya@mail.ru

В статье рассматривается вопрос об этнических особенностях формирования патриотизма как компонента белорусской национальной идеи, как действенного способа современного патриотического воспитания школьников и учащейся молодёжи Наровлянскоко района Гомельской области. Актуализация этнических особенностей патриотизма в составе национальной идеи – стратегический шаг на пути к сильной и процветающей Беларуси, что позволит, используя воспитательные возможности национальной истории и культуры, традиций и обычаев белорусов, обогатить методы и формы современного патриотического воспитания. Для Наровлянщины важными являются следующие этнические особенности самоопределения белорусов: полиэтничный характер государственных образований, в которые входили эти белорусские земли; нестабильность её этнической территории; затянутость процесса консолидации из народности в нацию.

Ключевые слова: патриотизм, гражданственный патриотизм, национальная идея, этногенез, этнический.

PATRIOTISM AS ONE OF THE MAIN TASKS OF A TEACHER IN UPBRINGING PUPILS AND STUDENT YOUTH

V.N. Zhuravskaya,

undergraduate student of Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakina,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: Zhuravskaaviktoria50@gmail.com

L.V. Zhuravskaya,
Cand. Philol. D, Associate Professor,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: Zhurauskaya@mail.ru

The article examines the issue of ethnic features of the formation of patriotism as a component of the Belarusian national idea, as an effective way of modern patriotic education of schoolchildren and students in the Narovlya district of Gomel region. Actualization of the ethnic characteristics of patriotism as part of the national idea is a strategic step towards a strong and prosperous Belarus. For the Narovlyanshchyna, the following ethnic features of self-determination of Belarusians are important: the multiethnic nature of the state formations that included these Belarusian lands; the instability of its ethnic territory; the protracted process of consolidation from nationality to nation.

Key words: patriotism, civic patriotism, national idea, ethnogenesis, ethnic.

Цель исследования – показать, что обращение к этническому материалу с целью воспитания патриотизма молодого поколения Наровлянского района призвано быть определяющим вектором пути национального развития, которое невозможно без преемственности между прошлым и настоящим. Патриотизм как ключевой компонент белорусской национальной идеи имеет глубокие этнические основания. Не случайно патриотизм XXI века направлен на созидание, творчество, развитие личности, её образование, культуру, духовность.

Используя местный реальный материал, можно решить следующие задачи:

- 1) воспитать любовь к родной стороне – малой Родине;
 - 2) сформировать бережное и уважительное отношение ко всему лучшему, что создано земляками, их языку, фольклору, местным богатствам, итогам их ежедневного труда;
 - 3) научить гордиться людьми региона, прославившими себя в трудовых и ратных делах.
- Патриотизм (от греческого *patris* – родина) – любовь к родине, своему народу, служение их интересам, уважение лучших национальных традиций [1].

Под гражданственным патриотизмом понимается формирование у подрастающего поколения нравственного идеала общества, воспитание моральных качеств, трудолюбия, уважения к семье, окружающим людям, самому себе.

Гражданско-патриотическое воспитание ориентировано на:

- формирование чувства любви и уважения к своей Родине, чувства гордости за достижения Беларуси и своей малой Родины;
- приумножение авторитета страны через собственные достижения в обучении, труде, спорте, общественной жизни;
- формирование гражданской позиции, чувства ответственности за развитие и государственное устройство Беларуси;
- сознательный выбор и приоритет национальных интересов;
- уважение Конституции Республики Беларусь и других законов государства;
- осознание роли государства и общества как гарантов максимального развития интересов и способностей человека [2].

Воспитание патриотизма своего Отечества должно постоянно и последовательно опираться на этнические особенности народа региона, его ментальные черты и качества, что позволит использовать воспитательные возможности национальной истории и культуры, традиций и обычаев белорусов, обогатить воспитательные методы и формы работы. Такая актуализация этнических особенностей патриотизма в составе национальной идеи в условиях глобализации и есть стратегический шаг на пути «к сильной и процветающей Беларуси» [3, с. 118].

На формирование патриотизма как важного компонента национальной идеи оказывает влияние становление народа-этноса в пространстве и времени. Имея конкретно-исторические проявления, детерминированные реальностью, специфика этнического патриотизма тесно связана с особенностями этногенеза народа [3, с. 118]. Известно, что

Полесье является частью бывшей славянской прародины. Этот регион выделяется значительной устойчивостью и автохтонностью населения, специфическими ландшафтными показателями, его местом на границе трёх восточнославянских народов, а также близостью Полесья к древнему государственному и культурному центру восточных славян Киеву, а поэтому внимание и интерес к этому региону особенные.

Припятское Полесье рассматривается в наше время как уникальный регион, который аккумулировал в себе черты не только восточных славян, но и элементы духовного и материального наследия иных этносов – польского, еврейского, немецкого, татарского и др.

Ученые сегодня считают, что именно поэтому он может рассматриваться как зона архаических диалектов и как территория, на которой происходила древняя миграция славян. Восточное Полесье рассматривается как компонент славянской прародины или как регион, который непосредственно или близко к нему примыкающий [5, с. 6].

Белорусский этнос, находясь в европейском культурном пространстве и являясь частью восточнославянского этнического сообщества, имеет свои черты развития. Во многом именно синтез западноевропейских и общеславянских традиций с ценностями «узкоэтническими» заложил основы национальной самоидентификации белорусского этноса, которая и стимулировала развитие патриотических чувств. Закрепление ряда этнических качеств и черт, которые трансформировались в ментально-значимые ценности наших предков, обусловило и сущностно-содержательное наполнение белорусской национальной идеи, ключевым компонентом которой является патриотизм.

Эволюция патриотических представлений и их интеграция в систему мировоззренческих координат народа происходит под влиянием комплекса историко-культурных факторов: природно-географических условий проживания этноса, темпов развития общественно-политических институтов и т.д. Однако одно из важных мест в предопределении черт национальной идентичности и материализации компонентов национальной идеи принадлежит условиям этноисторического становления народа.

Этническое самоопределение белорусов происходило, как отмечают ученые, на протяжении нескольких столетий и имело определенные особенности. Выделяют три основные особенности.

1. Полиэтнический характер государственных образований, в которые входили белорусские земли в процессе своего самоопределения. Полиэтничность как одна из характеристик белорусского этногенеза являлась характерной чертой государственной политики, направленной на укрепление и развитие страны и одновременно способом обогащения национальных традиций через приобщение к традициям других народов [4], что привело к признанию права на отличие как важного условия сохранения мира и стабильности в обществе при сохранении национального вектора развития народа и государства. Это повлияло на упрочение мирных основ жизнедеятельности, ориентированных на открытость, толерантность белорусов [5, с. 99]. Законодательное закрепление толерантности уже в XVI в. стало важным завоеванием периода религиозных разногласий, гарантом справедливого порядка, а впоследствии отличительной ментальной чертой белорусов [6].

2. Нестабильность этнической территории, проявлявшаяся в отсутствии самостоятельного государства и разрозненности территории. В различные исторические периоды этнические белорусские земли находились в составе других государств и не раз подвергались изменениям [6, с. 119].

Подтверждением этому является и нестабильность этнической территории Наровлянщины. Так, по данным книги-хроники «Памяць. Нараўлянскі раён» [7] в VIII–X столетиях произошло заселение Наровлянщины славянскими племенами дреговичей;

XI столетие – Наровлянщина в составе Киевского княжества;

2-я половина XIV столетия – территория современной Наровлянщины вошла в состав Великого Княжества Литовского (ВКЛ);

середина XVI столетия – южная часть Наровлянщины вошла в состав Речи Посполитой; 1793 г. – второй раздел Речи Посполитой. Наровлянщина вошла в состав России;

май 1872 г. – деревня Физинки основана латышами Курляндской губернии, которых привёз на Наровлянщину помещик Артур Горватт;

1914 – 1915 гг. – на Наровлянщине созданы немецкие колонии Антоновка, Берёзовка, Дуброва, Хатки и др., что способствовало обогащению культурного наследия других народов, принявших Наровлянщину как вторую малую родину;

1918 г. – Наровлянщина оккупирована германскими войсками и украинскими национальными формированиями, вошла в состав Украинской Народной Республики;

апрель 1919 г. – Наровлянщина в составе Гомельской губернии вошла в РСФСР, а с 1924 года в состав Полесской области БССР;

8 января 1954 г. – в связи с ликвидацией Полесской области Наровлянский район вошёл в состав Гомельской области.

Таким образом, белорусские земли прошли свой путь от вхождения в большие княжества до самоопределения в самостоятельное государство, однако осознание ценности родной земли и желание защитить ее всегда были главным показателем патриотического служения своему государству и народу. Вместе с тем уважительное отношение к другим этносам и государствам способствовало формированию умений равноправия, отстаивания своей позиции, поиска компромиссных решений, миролюбия и чувства собственного достоинства.

3. Затянутость процесса консолидации из народности в нацию (лишь в конце XIX – начале XX века историки отмечают завершение формирования белорусской нации) [3], [4].

Это стало результатом геополитической ситуации, которая послужила началом многих религиозных, территориальных, политических разногласий, тормозивших самоопределение белорусов. Но именно это обусловило формирование таких черт и качеств нации, как настойчивость, терпение, твердость белорусов в достижении своих целей, а также взаимоуважение и сопереживание другим. В феодальном обществе, каким было белорусское на протяжении столетий своей истории, нация не могла носить абсолютный характер. Но стремление действовать – по обычаю, по совести, по праву – позволяло строить личностные, общественные, государственные отношения, опираясь на справедливость, разум и добрую волю.

Именно поэтому для белорусов исторически характерна потребность в справедливости и не свойственные разрушительные устремления. При приоритете собственных обычаев и ценностей белорусы признают их наличие и за другими. Это предопределило наличие таких неотъемлемых качеств белоруса, как ответственность за свои действия, за себя, судьбу народа и государства, нашедших отражение в содержании белорусской национальной идеи.

Таким образом, мы разделяем утверждение ученых, что патриотизм как ключевой компонент белорусской национальной идеи имеет глубокие этнические основания. Отражая этноисторические традиции и ценности белорусов, он определил содержание белорусской национальной идеи, и не случайно патриотизм XXI века направлен на созидание, творчество, развитие личности, её образование, культуру, духовность, образуют три основных уровня патриотизма:

– гражданский уровень – патриотизм гражданина страны, государства;

– культурный уровень – патриотизм личности, принадлежащий к данной культуре и социуму;

– личный уровень – патриотизм личности – семьянина, индивидуума [8].

Опора современного патриотического воспитания на обозначенные составляющие позволит упрочить его ментально соответствующую основу, сделать более эффективным и результативным.

В «Концепции непрерывного воспитания школьников и студенческой молодежи Республики Беларусь» [2] одним из основных направлений является формирование гражданской ответственности и патриотизма личности преимущественно на местных реальных фактах. В Беларуси задача актуализировалась в связи с тем, что Республика стала независимым государством, владеющим богатой европейской историей и культурой. Тем более, что 2018, 2019, 2020 годы объявлены годами «малой Родины» с проведением государственных воспитательных патриотических программ и мероприятий. Долгое время в предыдущие годы в республике распространялись утверждения, настроения, способствовавшие развитию национального нигилизма, своё же отличительное национальное оценивалось негативно как проявление национализма, особенно в отношении к родному языку, культуре. Белорусские ученые (историки, лингвисты, педагоги) предложили начать работу по воспитанию патриотизма молодого поколения с обращения к краеведению, истории, языку, культуре малой Родины. Именно это даёт возможность сделать знание осмысленным, «чтобы человек внутренне чувствовал свою причастность к судьбе белорусского народа» [7, с. 3].

В нашей стране уже сделано немало для формирования гражданских качеств подрастающего поколения: для первоклассников подготовлен учебник «Беларусь – мая Родина», создано его мультимедийное сопровождение, где с помощью современных технологий изложена история страны, отражена природа, информация о каждой области, столице страны. Накоплен богатый материал: это 146-томное издание книг-хроник «Память», где есть сведения по истории каждого района Беларуси. Институтом искусствоведения, этнографии и фольклора имени К. Крапива НАН Беларуси подготовлено издание «Гарады і вёскі Беларусі», созданы научные исследования по ономастике Беларуси (научные труды акад. Бирилло Н.В., учебники Роголева А.Ф., Мезенко А.М., Шура В.В., Лещинской В.А., Лемтюговой В.П. и др.).

Это всё даёт возможность создавать учебники для школьников, где им рассказывается об их малой Родине, о тех местах, где они родились и живут. Уже созданы факультативы «Радзімазнаўства» («Магілёўзнаўства», «Мазырзнаўства» и др.).

Так, по курсу «Радзімазнаўства: Мазыршчына» доктором филологических наук, профессором Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина Шуром В.В. разработана программа факультатива с учетом создания аналогичных программ факультативных занятий, преподаваемых в учреждениях образования других регионов Республики Беларусь, и утверждена на заседании кафедры общей и коррекционной педагогики Гомельского областного института развития образования 20.11.2012 г. (протокол № 10) и на заседании совета этого учреждения (протокол № 4 от 18.12.2012 г.) [9].

Цель факультативных занятий – формирование у школьников и студентов знаний о родном крае, о его месте в общеполорусском и мировом контексте; воспитание патриотизма, национального сознания, любви к Отечеству.

Выводы

Таким образом, мы видим свою задачу в том, чтобы, используя имеющиеся в научном обращении достижения в этой области, исследовать этические особенности краеведения Наровлянского района, приобщать молодое поколение региона к изучению материального и духовного наследия его жителей, способствовать формированию сознания школьников, их необходимости учиться и работать для пользы нашей родины; повышать свою эстетическую и экологическую культуру.

Литература

1. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – 4-е изд. – М. : Сов. энцикл., 1986. – 1600 с.
2. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь (постановление М-ва образования Респ. Беларусь от 14.12.2006 № 125).

3. Буткевич, В.В. Гражданское воспитание детей и учащейся молодежи : пособие для руководителей учреждений образования, педагогов, классных руководителей и студентов / В.В. Буткевич. – Минск : НИО, 2007. – 279 с.

4. Конан, В.М. Становление и развитие философской мысли в X–XVIII вв. / В.М. Конан, А.С. Майхрович, С.А. Подошкин // Очерки истории, науки и культуры Беларуси IX–XX вв. – Минск : Наука і тэхніка, 1996. – С. 98–116.

5. Толстой, Н.И. Полесье и его значение для славянской археологии / Н.И. Толстой // Полесье и этногенез славян. – М. : Наука, 1983. – 608 с.

6. Шамякіна, Т.І. Міфалогія Беларусі : нарысы : вуч. дапам. для студэнтаў філал. спецыяльнасцей ВНУ / Т.І. Шамякіна. – Мінск : Маст. літ., 2000. – 398, [1] с.

7. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Нараўлянскага р-на / уклад. П.П. Рабянок, К.Ф. Ярмоленка. – Мінск : БЕЛТА, 1998. – 448 с.

8. Каваленя, А.А. Ці патрэбна сучаснай школе краязнаўства? / А.А. Каваленя. – Звязда. – 2012. – 28 лютага.

9. Шур Васіль. Радзізнаўства: Мазыршчына : прагр. факультатыўн. заняткаў (VIII клас) / В. Шур, Л. Кузьміч // Роднае слова. – 2014. – № 11. – С. 48–53.

References

1. *Sovetskij enciklopedicheskij slovar'* (1986). [Soviet Encyclopedic Dictionary / gl. red A. M. Prohorov. – 4, 1600 (in Russ).

2. *Koncepcija nepreryvnogo vospitaniya detej i uchashchejsya molodyozhi v Respublike Belarus' (postanovlenie M-va obrazovaniya Resp. Belarus' ot 14.12.2006 № 125)* [The concept of continuous upbringing of children and students in the Republic of Belarus (Resolution of the Ministry of Education of the Republic of Belarus of 14.12.2006 No. 125)] (in Russ).

3. Butkevich, V. V. (2007). *Grazhdanskoe vospitanie detej i uchashchejsya molodyozhi: posobie dlya rukovoditelej uchrezhdenij obrazovaniya, pedagogov, klassnyh rukovoditelej i studentov*. [Civic education of children and students: a guide for the heads of educational institutions, teachers, class teachers and students] Minsk (in Russ).

4. Konan, V. M. (1996). *Stanovlenie i razvitie filosofskoj mysli v X-XVIII vv. Oчерki istorii, nauki i kul'tury Belarusi IX-XX vv.* [Formation and development of philosophical thought in the X-XVIII centuries. Essays on the history, science and culture of Belarus in the 9th-20th centuries]. 98–116. Minsk. (in Russ).

5. Tolstoj, N. I. (1983). *Poles'e i ego znachenie dlya slavyanskoj arheologii. Poles'e i etnogenez slavyan*. [Polesie and its significance for Slavic archeology. Polesie and ethnogenesis of the Slavs.] 608. Minsk (in Russ).

6. Shamyakina, T. I. (2000). *Mifalogiya Belarusi : narysy: vuch.dapam. dlya studentaj filal.specyjal'nascej*. [Mythology of Belarus: narasy: teacher's adaptations for students of the VNU branch specialist]. 398, Minsk. (in Belarusian).

7. *Pamyac': gist.-dakum. hronika Naraŭlyanskaga r-na* (1998). [Memory: gist.-dakum. chronicle of the Naraulya region]. 448. Minsk (in Belarusian).

8. Kavalenya, A. A. (2012). *Ci patrebna suchasnoj shkole krayaznaŭstva?* [Does a modern school need local lore?] 28. Zvyazda (in Belarusian).

9. Shur, V. (2014). *Radzimaŭstva: Mazyrshchyna : pragr. fakul'tatyŭn. zanyatkaŭ (VIII klas). Rodnae slova*. [Mazyrshchyna: pragr. electives busy (VIII class)] 11, 48–53. (in Belarusian).

УДК 811.161.3

СЕМАНТЫЧНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ ПРАГМАТОНІМАЎ МАЗЫРШЧЫНЫ

А.В. Кавалёва,

кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры замежных моў і МВЗМ
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: alena.kavaliova@gmx.de

Г.В. Юдзянкова,

кандыдат філалагічных навук, загадчык аспірантуры
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: sajtmzr@mail.ru

Ономастическое пространство региона представляет собой совокупность всех имен собственных, в которую входят также и прагматонимы, находящиеся на периферии ономастического поля. В статье

определяются апеллятивы, которыми мотивированы данные онимные единицы, указывающие на вкусовые особенности, качество продукции, характер ассортимента. В исследуемой группе прагматонимов частотны лексемы, способствующие формированию положительного образа товара для потребителя. Данные ономастические единицы отражают национально-культурную специфику, содержат топонимы и другие имена собственные, которые типичны для языковой картины мира носителей языка.

Ключевые слова: оним, ономастическое пространство, прагматоним, онимизация, способ номинации, апеллятив.

SEMANTIC FEATURES OF MOZYR PRAGMATONYMES

A.V. Kavaliova,

Docent, PhD, associate Professor of the Department of foreign languages and methods of teaching of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: alena.kavaliova@gmx.de

H.V. Yudziankova,

PhD, the Head of postgraduate Department of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: sajtmzr@mail.ru

The onomastic space of a region is a range of all proper names, which also includes pragmatonyms based on the periphery of the onomastic field. The article defines the appellatives that motivate these onymic units, they specify taste, product quality, and the peculiarity of the goods. In this group of pragmatonyms, there are frequent lexemes that create a positive image of goods for consumers. Such onomastic units reflect national and cultural specifics, they are motivated by toponyms and other proper names that are typical for the linguistic picture of native speakers.

Key words: onym, onomastic area, pragmatonym, methods of nomination, appellative.

Уводзіны

Анамастычнае поле складаюць онімныя адзінкі, якія знаходзяцца як у цэнтры, так і на перыферыі анамастычнага поля. Да такіх перыферыічных онімаў належаць і прагматонімы, а менавіта назвы гандлёвых знакаў, пад якімі разумеецца “номен для абазначэння гатунку, маркі, гандлёвага знака” [5, с. 113]. Усе гэтыя найменні ўтвараюць анамастычную прастору пэўнай мясцовасці, на ўзнікненне гэтых перыферыічных адзінак уплывае развіццё соцыуму, што абумоўлівае ўзнікненне новых найменняў. Трэба адзначыць, што лінгвістамі падкрэсліваецца іх прамежкавы стан паміж уласнымі імёнамі і апелятывамі [6]. Прагматонімы разглядаюцца ў сучасных даследаваннях як самастойны разрад анамастычнай лексікі, даследуюцца іх намінацыйныя і функцыянальныя асаблівасці. Такія найменні з’яўляюцца адзінкамі другой намінацыі, пры гэтым яны адлюстроўваюць культурны і сацыяльны ўзровень носбітаў мовы, характарызуюцца семантычнай празрыстасцю, наяўнасцю матывацыйных сувязей паміж апелятывам, ад якога ўтворан прагматонім, і аб’ектам.

Прагматонімы можна аднесці і да рэкламнага тэксту. Такія адзінкі ўтрымліваюць эмацыянальна-экспрэсіўныя канатацыі, таму што ва ўмовах канкурэнцыі паміж таварнымі знакамі неабходна выбраць удалую назву для аднаго з адна тыпу тавараў, якая б мела ўздзеянне на мэтавую аўдыторыю, вылучалася б сярод падобных найменняў. Гэтыя анамастычныя адзінкі адлюстроўваюць пэўныя характарыстыкі тавара, а ў назве ўтрымліваецца “прагматычны элемент, рэалізацыя якога прыводзіць да стварэння пэўнай псіхалагічнай устаноўкі” [4]. Прагматонімы змяшчаюць таксама фрагмент нацыянальнай карціны свету, лексічны фон такіх адзінак базіруецца на асацыяцыях, якія непасрэдна звязаны з дэнататам і моўным знакам [1, с. 20–41]. У якасці тапаасноў гэтых найменняў выкарыстоўваюцца такія апелятывы і онімы, што ўваходзяць у культурны фон носбітаў мовы, напрыклад, гістарычныя рэаліі, літаратурныя персанажы. Такія анамастычныя адзінкі можна разглядаць як згорнуты тэкст, які складаецца з некалькіх модулей [3, с. 6]. Нацыянальна-культурны кампанент з’яўляецца неад’емнай часткай семантычнай

структуры ўласнага імя і ўваходзіць у перыферыю гэтай семантычнай структуры, ён звязаны таксама з пазалінгвістычнымі фактарамі. Прагматонімы з розных пунктаў гледжання даследавалі А.Л. Беразовіч, М.В. Гарбанеўскі, В.М. Калінкін, Ю.А. Карпенка, І.В. Крукава, Г.М. Мезенка, М.Я. Навічыхіна, Т.А. Собалева, В.І. Супрун, А.В. Ціханенка, Т.В. Шмялёва і інш.

Мэта даследавання – вылучыць намінатыўныя асаблівасці назваў гандлёвых знакаў Мазыршчыны, вызначыць тапаасновы назваў гэтых аб'ектаў для выяўлення спецыфікі намінацыі прагматонімаў рэгіёна, а менавіта фіксацыі іх намінатыўных асаблівасцей, нацыянальна-культурнага кампанента, пэўных ментальных стэрэатыпаў, якія дазваляюць выявіць інфармацыю аб нацыянальнай культуры, закадзіраванай ва ўласных імёнах. Матэрыялам даследавання з'яўляюцца назвы гандлёвых знакаў прадпрыемстваў Мазыршчыны (больш 200 найменняў).

Метады і матэрыял даследавання

У якасці метадаў даследавання былі выкарыстаны апісальна-кваліфікацыйны і аналітычны метады, якія перадумоўліваюць аналіз атрыманых вынікаў і іх апісанне.

Вынікі і іх абмеркаванне

Прагматонімы Мазыршчыны ў пераважнай большасці з'яўляюцца полікампанентнымі ўтварэннямі па сваёй структуры. Першы кампанент выступае наменклатурным тэрмінам, які ўказвае на нейкую прадукцыю: рулет *Любительский*, хлеб *Замковый*. Часам у лінгвістычнай літаратуры прыводзяцца тэрміны ідэнтыфікатар і кваліфікатар, што выступаюць носбітамі пэўнай катэгарыяльнай інфармацыі [2, с. 14]. У даследуемай групе прагматонімаў вылучаюцца наступныя наменклатурныя тэрміны *молоко, кефир, йогурт, творог, колбаса, сардельки, сосиски, ветчина, паплет, квас, збитень* і інш., якія сведчаць пра пэўны від прадукта. Часам наменклатурны тэрмін удакладняе некаторыя характарыстыкі аб'екта пры дапамозе ад'ектываў у постпазіцыі: (*соль пищевая морская, напиток кисломолочный*).

Сярод прагматонімаў Мазыршчыны вылучаюцца найменні, утвораныя ад аб'ектаў, а менавіта ад лексем, што змяшчаюць інфармацыю аб прадуктах, указваюць на яго склад, якасць і г.д.), і ададрасатныя найменні, накіраваныя на ўсталяванне кантакта з мэтавай аўдыторыяй. Каля 20 % складаюць адзінкі, што ўказваюць на густавыя асаблівасці прадукцыі. Так, прагматонім *Радуга вкуса* (йогурт) матываваны апелятывамі *радуга* і *вкус*, што сведчаць пра прыемны густ. Найменне *Вкусный* (рулет) матывавана лексмай *вкусный* 'прыемны на густ', двухкампанентная назва *Аппетитная новая* (каўбаса) утворана ад апелятываў *аппетитная* і *новая*. Прадуктыўнымі з'яўляюцца найменні, што ўказваюць на пэўныя інгрыденты прадукцыі. Так, прагматонім *пряники Сливочно-ванильные* паходзіць ад наменклатурнага тэрміна *пряники* і лексемы *сливочно-ванильные*, якая сведчыць пра склад прадукта. Онім *сладости мучные Медовый коктейль* матываваны апелятывамі *медовый* 'які мае адносіны да мёду' і *коктейль*. У даследуемых адзінках фіксуецца апелятывы *бабулін, деревенская, селянская, сельский*, якія выклікаюць асацыяцыі з родным, знаёмым смакам і ўплываюць на выбар спажыўца. Так, прагматонім *Деревенская* ўзыходзіць да лексемы *деревенский* 'які мае адносіны да вёскі', найменні *Крестьянская, Сельская* матываваны апелятывамі *крестьянская, сельская* 'які мае адносіны да сяла', онім *сладости мучные белорусские Бабулін* утвораны ад лексемы *бабулін* 'які мае адносіны да бабулі'. Прагматонім *Мясная* (каўбаса) узыходзіць да апелятыва *мясная*, онім *Балыковая* – да лексемы *балыковая* 'якая мае выгляд балыка', найменне *Пряная* – да лексемы *пряная* 'якая мае востры і араматычны смак', адзінка *хлеб Зернышко особый* утрымлівае апелятыў *особый*, што ўказвае на выключнасць прадукцыі.

Частотнымі ў анамастычнай прасторы Мазыршчыны з'яўляюцца прагматонімы, матываваныя іншымі онімамі, як правіла, тапонімамі, што сведчаць пра мясцовасць, у якой узнік рэцэпт ці прадукт. Онім *молоко Мозырское* ўзыходзіць да лексемы *Мозырское* 'які мае адносіны да Мазыра', найменне *хлеб Могилевский элитный* матываваны онімам

Могилевский 'які мае адносіны да Магілёва'. Назва *Оршанская* (каўбаса) суадносіцца з лексемай *оршанская*, прагматонім *Венгерский* – з лексемай *венгерский* (ад хароніма *Венгрия*). Найменне *Кремлевский* узыходзіць да оніма *Кремлевский*, што суадносіцца з гадонімам *Кремль* і можа выклікаць асацыяцыі з найвышэйшай якасцю. Онім *соль пищевая Белорусская* матываваны лексемай *Белорусская* 'якая мае адносіны да Беларусі'. Двухкампанентны прагматонім *Минская люкс* утвораны ад лексем *Минская* і *люкс*, што можа ўказваць на якасць прадукцыі, найменне *хлеб Днепровский заварной* суадносіцца з гідронімам *Днепр*. Назва торта *Полесье* ўзыходзіць да назвы мясцовасці *Палессе*.

У прагматонімах Мазыршчыны адзінкава выяўляюцца беларускамоўныя лексемы. Анамастычная адзінка *сладости мучные Кветочка* матывавана дэмінітуывам *кветачка* (рус. *цветочек*), найменне *Вясковая* (каўбаса) узыходзіць да апелятыва *вясковая* (рус. *деревенская*), назва *Смачный* утворана ад лексемы *смачный* (рус. *вкусный*).

Непрадуктыўнымі з'яўляюцца прагматонімы, якія накіраваны на адрасата. Адзінка *Лакомка* (кандытарскія вырабы) суадносіцца з лексемай *лакомка* 'той, хто любіць ласаватца', шматкампанентны прагматонім *щербет Сладкоежка с арахисом* у сваім складзе ўтрымлівае лексему *сладкоежка* 'той, хто любіць салодкае'. Адсуб'ектнае найменне *Сладости мучные От всей души со сгущенкой* матывавана ўстойлівым выразам *от всей души*.

Некаторыя назвы алюзіяна ўказваюць на пэўных літаратурных персанажаў ці змяшчаюць асацыяцыі, якія зразумелы носьбітам мовы. Прагматонім *щербет Белочка* ўтрымлівае лексему *белочка* 'жывёла, якая любіць ласаватца арэхамі', онім *пряники Черный принц* суадносіцца з лексемай *Черный принц*, назва *творог Нестерка* ўказвае на літаратурны персанаж.

Вывады

Такім чынам, прагматонімы Мазыршчыны фарміруюць лінгвакультурную прастору рэгіёна, фіксуюць змены ў сацыяльным, эканамічным жыцці горада. Найбольш прадуктыўнымі з'яўляюцца найменні, што ўказваюць на якасць прадукцыі, яе смак (*Лакомка*). Спарадычна фіксуюцца прагматонімы, утвораныя ад беларускамоўных лексем (*Ласунак*). Каля чацвёртай часткі прагматонімаў утрымліваюць тапанімічны кампанент у сваім складзе, што ўказвае на лакалізацыю або пэўныя рэаліі (*Медовуха Мозырская*). Такія адзінкі перадаюць нацыянальна-культурныя адметнасці носьбітаў мовы пэўнага рэгіёна, раскрываюць іх духоўны ўзровень, спрыяюць пашырэнню лінгвакультуралагічных звестак аб рэгіёне.

Літаратура

1. Верещагин, Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1980. – 320 с.
2. Годуйко, Л.А. Ономастикон Брестчины : электронный учебный словарь для студентов филологических факультетов : в 3 ч. / Л.А. Годуйко, О.Б. Переход, О.А. Корабо ; под ред. Л.А. Годуйко. – Брест : БрГУ, 2018. – Ч. 1. : Прагматонимия: названия продовольственных товаров. – 150 с.
3. Горбаневский, М.В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / М.В. Горбаневский ; Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. – М., 1994. – 39 с.
4. Исангузина, И.И. Прагматонимы в ономастическом пространстве: семантический, лингвокультурологический и синтаксический аспекты (на примере названий кондитерских изделий) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmatonimy-v-onomasticheskom-prostranstve-semanticheskij-lingvokulturologicheskij-i-sintaksicheskij-aspekty-na-primere-nazvaniy>. – Дата доступа: 19.05.2021.
5. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М. : Наука, 1988. – 199 с.
6. Соболева, Т.А. Товарные знаки / Т.А. Соболева, А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1986. – 176 с.
7. Заря Агро [Электронный ресурс]. – Мозырь, 2021. – Режим доступа: http://zarya-agro.by/upload/information_system_32/5/8/5/item_585/information_items_property_92.pdf. – Дата доступа: 02.09.2021.
8. Мозырский спиртоводочный завод [Электронный ресурс]. – Мозырь, 2021. – Режим доступа: <http://mozyr-svz.by>. – Дата доступа: 02.09.2021.
9. Мозырский хлебозавод [Электронный ресурс]. – Мозырь, 2021. – Режим доступа: <https://www.gomelhlebprom.by/mozyrskij-khlebozavod>. – Дата доступа: 02.09.2021.

References

1. Vereshhagin E.M. (1980). *Lingvostranovedcheskaja teorija slova [Linguistic and cultural theory of the word]*. – Moscow: Russkij jazyk. (In Russ).
2. Godujko L.A. (2018). *Onomastikon Brestchiny: elektronnyj uchebnyj slovar' dlja studentov filologicheskikh fakul'tetov [Onomasticon of Brest region: electronic dictionary for students of philological faculties]*. – Brest : BrGU. (In Russ).
3. Gorbanevskij M.V. (1994). *Russkaja gorodskaja toponimija: problemy istoriko-kulturnogo izuchenija i sovremennogo leksikograficheskogo opisanija. [Russian town toponymy: the problems of historical and cultural research and modern lexicographic description]*. [Author's abstr. cand. philol. diss.]. Moscow. (In Russ).
4. Isanguzina I.I. *Pragmatonimy v onomasticheskom prostranstve: semanticheskij, lingvokul'turologicheskij i sintaksicheskij aspekty (na primere nazvanij konditerskih izdelij) [Pragmatonyms in the onomastic space: semantic, linguocultural and syntactic aspects (on the names of confectionery products)]* [Electronic resource]. Mode of access: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmatonimy-v-onomasticheskom-prostranstve-semanticheskij-lingvokulturologicheskij-i-sintaksicheskij-aspekty-na-primere-nazvanij>. – Date of access: 19.05.2021.
5. Podolskaja N.V. (1988). *Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii [The Dictionary of Russian onomastic terminology]*. Moscow: Nauka. (In Russ).
6. Soboleva T.A. (1986) *Tovarnye znaki [The names of products]*. Moscow: Nauka, 1986. (In Russ).
7. Zarya Agro [Electronic resource]. – Mozyr, 2021. – Mode of access: http://zarya-agro.by/upload/information_system_32/5/8/5/item_585/information_items_property_92.pdf – Date of access: 02.09.2021.
8. Mozyrskij spirtovodochnij zavod [Electronic resource]. – Mozyr, 2021. – Mode of access: <http://mozyr-svz.by>. – Date of access: 02.09.2021.
9. Mozyrskij hlebozavod [Electronic resource]. – Mozyr', 2021. – Mode of access: <https://www.gomelhlebprom.by/mozyrskij-khlebozavod>. – Date of access: 02.09.2021.

УДК 372. 881. 161.1 : 82.3 (477. 75)

ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В РАБОТЕ С КРАЕВЕДЧЕСКИМ ТЕКСТОМ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Г.И. Канакина,

профессор, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой
«Русский язык и методика преподавания русского языка»
Пензенского государственного университета,
г. Пенза, Россия
E-mail: kanakina-kafedra@mail.ru

В статье раскрывается определение понятия «духовность». Рассматривается проблема формирования духовности школьников на современном этапе развития общества в соответствии с требованиями Федерального государственного стандарта среднего общего образования и Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, в которых приоритетной задачей в сфере воспитания детей определяется «развитие высоко нравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины». Выполнению данных требований способствует работа с краеведческими текстами на уроках русского языка. Комплексный анализ краеведческих текстов позволяет учителю решать не только задачи языковой и речевой подготовки обучающихся, но и задачу формирования у них правильного представления о национальных традициях и культуре родного края, что способствует их духовно-нравственному воспитанию, формированию патриотических чувств.

Ключевые слова: духовность, нравственность, патриотизм, краеведческий текст, культуроведческая компетенция.

FORMATION OF STUDENTS ' SPIRITUALITY IN WORKING WITH THE LOCAL HISTORY TEXT AT THE RUSSIAN LANGUAGE LE

G. I. Kanakina,

Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Department "Russian language and methods of teaching the Russian language" Penza State University,
Penza, Russia
E-mail: kanakina-kafedra@mail.ru

The article reveals the definition of the concept of «spirituality». The article considers the problem of forming the spirituality of schoolchildren at the present stage of society development in accordance with the requirements of the Federal State Standard of General Education and the Strategy for the Development of Education in the Russian Federation for the period up to 2025, in which the priority task in the field of child rearing is defined as «the development of a highly moral person who shares Russian traditional spiritual values, has relevant knowledge and skills, is able to realize his potential in modern society, is ready for peaceful creation and protection of the Motherland». The implementation of these requirements is facilitated by working with local history texts in Russian language lessons. A comprehensive analysis of local history texts allows the teacher to solve not only the tasks of language and speech training of students, but also the task of forming a correct understanding of the national traditions and culture of their native land, which contributes to their spiritual and moral education, the formation of patriotic feelings.

Key words: spirituality, morality, patriotism, local history text, cultural competence.

Введение

Проблема духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения в последние годы стала особенно актуальной. Социальная ситуация в современном обществе характеризуется кризисом духовности личности, возникшим вследствие утраты духовно-нравственных ценностей. Проблема духовности, значимая не только для каждого человека, но и для общества в целом, является предметом научного изучения в работах Б. Г. Ананьева, Е. П. Белозерцева, В. А. Беляевой, Е. В. Бондаревской, Н. М. Борытко, З. И. Васильевой, Т. И. Власовой, А. Н. Леонтьева, К. Д. Ушинского и др.

Цель статьи – определение понятия «духовность» и рассмотрение возможности формирования духовности школьников в процессе работы с краеведческими текстами на уроках русского языка.

Методы и материал исследования

В процессе подготовки статьи использовались следующие методы: анализ философской и психолого-педагогической литературы, анализ действующих учебников русского языка, наблюдение и обобщение.

В силу множественности трактовок «духа» понятие «духовность» толкуется неоднозначно, рассматривается с двух позиций: религиозной и светской. Отечественный философ В. С. Соловьев понятия «духовность» и «нравственность» трактует как синонимичные, соотнося нравственное начало в человеке с христианской религией. Он называет «три момента духовной жизни, которые он считал врождёнными основаниями человеческой нравственности. Это стыд, жалость и благоговение» [5]. В словаре В. И. Даля говорится: «Духовный – бесплотный, нетелесный, из одного духа и души состоящий; всё относящееся к Богу, церкви, вере; всё относимое к душе человека, все умственные и нравственные силы его, ум и воля» [3, с. 503–504]. Психологический словарь понятие «духовность» человека характеризует как «духовно-практическая (не утилитарная) деятельность по самосозиданию, самоопределению, духовному росту человека. Без нее невозможны ни самостоянье человека, ни величие его» [2]. В «Голковом словаре русского языка» духовность определяется как «свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными» [8]. Авторы «Педагогического словаря» приводят три значения понятия «духовность»: 1) высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности, когда основными ориентирами её жизнедеятельности становятся непреходящие человеческие ценности; 2) ориентированность личности на действия во благо окружающих, поиск его нравственных абсолютов; 3) с христианской точки зрения – сопряженность человека в своих высших стремлениях с Богом [6, с. 39]. В данной статье в понимании духовности мы исходим из первой дефиниции, предложенной словарём.

Составляющие понятия «духовность» определяют направления формирования духовности школьников. При этом следует заметить: «Светская педагогика, исключая из состава религиозный компонент, не может игнорировать опыт духовного воспитания, выработанный религиозными и духовными деятелями» [12, с. 148].

Духовно-нравственное развитие обучающихся – основное требование Федерального государственного стандарта среднего общего образования, где в «портрете выпускника школы» даётся одна из личностных характеристик выпускника: «любящий свой край и свою Родину, уважающий свой народ, его культуру и духовные традиции» [10] и Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, в которой говорится: «Приоритетной задачей Российской Федерации в сфере воспитания детей является развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины» [9].

Сопоставление ведущих идей указанных документов позволило выявить цель, стоящую перед системой современного образования, – воспитание духовности подрастающего поколения, создание условий для принятия им базовых национальных ценностей. Одной из важнейших духовных ценностей является патриотизм – любовь к России, к своему народу, к своей малой родине; служение Отечеству. Д. С. Лихачёв справедливо замечал: «К патриотизму нельзя только призывать, его нужно заботливо воспитывать – воспитывать любовь к родным местам, воспитывать духовную оседлость...» [7].

Содержание работы по духовно-нравственному воспитанию школьников рассматривается в работах М. Т. Баранова, А. Д. Дейкиной, Е. И. Ильиной, Т. А. Ладыженской, которые считают, что в системе формирования чувства патриотизма большое значение имеют уроки русского языка и развития речи.

Усвоение национальных ценностей предполагает и формирование заявленной во ФГОС второго поколения культуроведческой компетенции, «... осознания языка как формы выражения национальной культуры, взаимосвязи языка и истории народа, национально-культурной специфики русского языка, владение нормами русского речевого этикета, культурой межнационального общения» [10]. Основу данной компетенции составляет понимание школьниками того, что родной язык – важнейшее средство приобщения к богатствам национальной культуры. При расширении знаний учащихся о родной культуре, истории и быте своего региона происходит процесс духовного развития их личности.

Культуроведческий подход к преподаванию русского языка является «одним из важнейших средств духовно-нравственного развития школьника, формирования его национального самосознания и становления системы общечеловеческих ценностей» [13]. Подобный подход осуществляется за счёт включения в учебники текстов и заданий историко-культурного содержания о развитии языка, особенностях, традициях, обычаях народа; текстов духовно-нравственного наполнения, воздействующих на мысли, чувства, поступки и поведение учащихся. Все это способствует воспитанию учеников, развитию эстетического вкуса, осмыслению нравственных ценностей. Анализ современных учебников русского языка показал, что они содержат разнообразный дидактический материал, отражающий реалии нашей страны в целом, что, безусловно, способствует формированию культуроведческой компетенции. В процессе обучения русскому языку важно также работать с текстами, отражающими историко-культурные ценности того региона, в котором проживают обучающиеся, поскольку воспитание любви к своей малой родине – неотъемлемая часть формирования духовности человека. Однако действующие учебники русского языка не в состоянии обеспечить региональный компонент в преподавании, так как в них не может входить краеведческий материал каждого региона, так необходимый для воспитания правильного восприятия традиционных духовных ценностей и культуры родного края как частички нашей большой Родины – России.

Определяя место регионального компонента на уроках русского языка, мы не предполагаем введения новых разделов курса, он может включаться в изучение

конкретных тем по программе в виде краеведческих текстов, которые являются разновидностью культуроведческих. «Культуроведческие тексты – это культурнозначимые тексты, отражающие историко-культурные ценности народа, его духовность, эстетичные по содержанию, форме, структуре и лексическому наполнению. Это чаще всего тексты, описывающие (интерпретирующие или комментирующие) объекты культуры, артефакты, языковые феномены, традиции народа, религиозные ритуалы, бытовые обряды, праздники, биографии деятелей культуры, историкозначимые события или явления природы, оказывающие эмоционально-нравственное воздействие на читателя (слушателя)...» [11, с. 79]. Учителя-словесники всегда использовали тексты не только как материал для упражнений, но и как средство воспитания, в частности формирования духовности. Задача учителя – на основе погружения в текстовый материал, раскрывающий характерные детали быта, истории, материальной и духовной культуры региона, расширять знания учащихся о традициях и обычаях местных жителей. Краеведческие тексты помогают лучше узнать и полюбить свой родной край, являются одним из эффективных средств патриотического воспитания.

Важное место в формировании духовности обучающихся занимает работа с текстами, знакомящими с народными промыслами, изделиями декоративно-прикладного искусства. Продемонстрируем это на примере комплексного анализа текста об одном пензенском артефакте – высокохудожественном произведении русского прикладного искусства XIX в. – абашевской игрушке.

Абашевская игрушка

Абашевская игрушка – русский художественный промысел, сформировавшийся в Спасском уезде, ныне Спасском районе Пензенской области. В XIX–XX вв. Абашево было ведущим гончарным центром России. В старину изделия из глины в Абашево обжигали березовыми или дубовыми дровами в горнах – сооружениях округлой или овальной формы шириной 1,5 м и высотой 2 м, выложенных из огнеупорного кирпича.

Производство игрушки возникло в XIX в. на базе местного гончарного промысла. Обучать ремеслу начинали с 8 лет. Секреты лепки и обжига игрушек передавали в семьях из поколения в поколение, от отца к сыну. Таким образом образовались целые династии гончаров и дудочников. Больше всего делали свистульки – фигурки кукол, баранов, козлов, коров, собачек, петушков, всадников, барышень. Каждый художник-мастер пропускал эти образы через себя, свою душу, в результате чего рождались неповторимые, одухотворенные, сказочные образы. Фигурки имеют удлинённое туловище с короткими, широко расставленными ногами и длинной изящной шеей. На тщательно вылепленной головке выделяются глубоко процарапанные глаза. Головы козлов, оленей, баранов увенчаны изогнутыми, иногда многоярусными рогами. Свистульки раскрашены яркими эмалевыми красками – синими, зелёными, красными. Отдельные детали, например рога, могут быть расписаны серебром или золотом.

Абашевская игрушка – один из самых узнаваемых брендов Пензенской области. Игрушки абашевских мастеров экспонировались в Лондоне, Париже. Их можно увидеть в Государственном историческом музее Москвы, Русском музее Санкт-Петербурга, музеях Сергиева Посада, Пензы и других городов. Далеко за пределами Пензы известны имена мастеров игрушки: Т. Н. Зоткина, И. Л. Зюзенкова, А. И. Еськина, В. В. Чельшиева, Т. Соловьёвой. Есть в Абашево и керамическая лаборатория, где творят местные ребяташишки, а для гостей проводят мастер-классы по лепке игрушки. (Примечание: текст составлен по материалам Википедии) [1].

Комплексный анализ текста позволяет решать множество задач: отрабатывать навыки по конкретной теме; повторять изученные орфограммы и пунктограммы; постоянно обогащать словарный запас школьников; контролировать понимание прочитанного и многое другое.

Фрагмент текста можно использовать уже в 6 классе при изучении темы «Исконно русские и заимствованные слова», ограничившись здесь вопросами о теме и основной мысли текста, подбором синонимов к словам «ремесло», «мастера» и лексической работой с заимствованными словами «бренд», «эмалевый», «экспонировались».

Этот же текст мы можем предложить в 7 классе при изучении темы «Полные и краткие причастия» для комплексного анализа.

Задания:

1. Прочитайте текст. Определите тему и основную мысль текста.
2. О каких важных для русской культуры исторических реалиях в нём рассказывается?
3. Какие детали жизни и быта нашего региона нашли отражение в данном тексте?
4. Дайте толкование значения выделенных слов самостоятельно или по словарю.
5. Найдите причастия, определите их роль в тексте.
6. Проведите орфографический и пунктуационный анализ текста.
7. Кому будет интересен текст? Где его можно поместить?
8. По аналогии с анализируемым текстом создайте собственное устное или письменное высказывание об одном из произведений народного промысла, бытующего в Пензенском регионе.

Наконец, в 9 классе этот же текст можно использовать при подготовке девятиклассников к государственной итоговой аттестации, предложив задания по изученным в 5–9 классах разделам и по работе с текстом. Завершением может быть творческая работа по аналогии с заданием 9.2 в демоверсии ОГЭ [4]: *Напишите сочинение-рассуждение. Объясните, как Вы понимаете смысл фразы текста: «Каждый художник-мастер пропускал эти образы через себя, свою душу, в результате чего рождались неповторимые, одухотворенные, сказочные образы». Приведите в сочинении два примера-иллюстрации из прочитанного текста, подтверждающих Ваши рассуждения.*

Выводы

Включение в уроки русского языка краеведческого материала не только повышает интерес к предмету, но и даёт учащимся возможность почувствовать гордость за малую родину и за свою страну, повысить интерес к получению новых знаний о своем крае. Учитель-словесник должен особенно чутко подходить к отбору для уроков краеведческого материала, несущего ценную информацию о жизни и быте региона, традициях и культуре родного края. Таким образом, краеведческий текст, являясь дидактическим материалом для обучения русскому языку, становится важнейшим средством воспитания не только духовно богатого, высоконравственного, но и социально культурного человека, настоящего патриота.

Литература

1. Абашевская_игрушка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%B1%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B8%D0%B3%D1%80%D1%83%D1%88%D0%BA%D0%B0. – Дата доступа: 02.02.2021.
2. Большой психологический словарь [Электронный ресурс] / ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2003. – Режим доступа: <https://psychological.slovaronline.com/529-DUHOVNOST>. – Дата доступа: 09.08.2021.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. – М. : Русский язык, 1981. – Т. 1. – С. 503–504.
4. Демоверсия ОГЭ 2021 по русскому языку. 9 класс. ФИПИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://100balnik.ru/wp-content/uploads/2020/08/демоверсия-огэ2021-по-русскомуязыку-9класс-фипи.pdf>. – Дата доступа: 25.08.2021.
5. Ерофеева, К.Л. «Первичные данные нравственности» Владимира Соловьёва: Актуальные аспекты [Электронный ресурс] / К.Л. Ерофеева. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervichnye-dannye-nravstvennosti-vladimira-solovieva-aktualnye-aspekty/viewer>. – Дата доступа: 09.08.2021.
6. Коджаспирова, Г.М. Педагогический словарь : для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений [Электронный ресурс] / Г.М. Коджаспирова, А.Ю. Коджаспиров. – М.: И; М.: Издательский центр

«Академия», 2000. – 176 с. – Режим доступа: https://rudocs.exdat.com/kodzhaspirovy-pedagogicheskij_slovar.doc. – Дата доступа: 11.08.2021.

7. Лихачёв, Д.С. Письма о добром [Электронный ресурс] / Д.С. Лихачёв. – СПб. : «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1999. – Режим доступа: <http://www.facets.ru/edu/likhachev15.htm>. – Дата доступа: 09.08.2021.

8. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка (А-Д) [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Режим доступа: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt. – Дата доступа: 02.02.2021.

9. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html>. – Дата доступа: 22.01.2021.

10. Федеральный государственный стандарт среднего общего образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/>. – Дата доступа: 02.02.2021.

11. Ходякова, Л.А. Методика интерпретации текста как феномена культуры / Л.А. Ходякова // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 2. – Том II (Психолого-педагогические науки). – С. 76–81.

12. Шагардинова, Е. Генезис феномена духовности в педагогическом и психологическом аспектах воспитания личности / Е. Шагардинова // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2014. – № 26 (197). Выпуск 24. – С. 147–152.

13. Шевченко, И.А. Работа по формированию культуроведческой компетенции при обучении русскому языку в 5, 6, 9-х классах [Электронный ресурс] / И.А. Шевченко. – Режим доступа: <https://textarchive.ru/c-1864382.html>. – Дата доступа: 22.01.2021.

References

1. Abashevskaya_igrushka. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%B1%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B8%D0%B3%D1%80%D1%83%D1%88%D0%BA%D0%B0. – Data dostupa: 09.08.2021. (In Russ).

2. Bol'shoj psihologicheskij slovar' / red. B.G. Meshcheryakov, V.P. Zinchenko. SPb: Prajm-Evroznak, 2003. – Elektronnyj resurs. – Rezhim dostupa: <https://psychological.slovaronline.com/529-DUHOVNOST>. – Data dostupa: 09.08.2021. (In Russ).

3. Dal', V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*: v 4 t. T 1. / V.I. Dal'. – M: Russkij yazyk, 1981. – S. 503-504. (In Russ).

4. Demoversiya OGE 2021 po russkomu yazyku. 9 klass. FIPI. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://100balnik.ru/wp-content/uploads/2020/08/demoversiya-oge2021-po-russkomuyazyku-9klass-fipi.pdf>. – Data dostupa: 25.08.2021. (In Russ).

5. Erofeeva, K.L. «Pervichnye dannye npravstvennosti» Vladimira Solov'yova: Aktual'nye aspekty / K.L. Erofeeva. – Elektronnyj resurs. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervichnye-dannye-npravstvennosti-vladimira-solovieva-aktualnye-aspekty/viewer>. – Data dostupa: 09.08.2021. (In Russ).

6. Kodzhaspirova, G.M., Kodzhaspirov A.Yu. (2000) *Pedagogicheskij slovar': Dlya stud. vyssh. i sred. ped. ucheb. zavedenij* / G.M. Kodzhaspirova, A.Yu. Kodzhaspirov. – M.: I; M.: Izdatel'skij centr «Akademiya». – Elektronnyj resurs. – Rezhim dostupa: https://rudocs.exdat.com/kodzhaspirovy-pedagogicheskij_slovar.doc. – Data dostupa: 11.08.2021. (In Russ).

7. Lihachyov, D.S. (1999) *Pis'ma o dobrom* / D.S. Lihachyov. – SPb.: «Russko-Baltijskij informacionnyj centr BLIC». – Elektronnyj resurs. – Rezhim dostupa: <http://www.facets.ru/edu/likhachev15.htm>. – Data dostupa: 09.08.2021. (In Russ).

8. Ozhegov, S. I. , Shvedova, N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka (A-D)*. / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. – Elektronnyj resurs. – Rezhim dostupa: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt. – Data dostupa: 02.02.2021. (In Russ).

9. Strategiya razvitiya vospitaniya v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda. – Elektronnyj resurs. – Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html>. – Data dostupa: 22.01.2021.

10. Federal'nyj gosudarstvennyj standart srednego obshchego obrazovaniya. – Elektronnyj resurs. – Rezhim dostupa: <https://base.garant.ru/>. – Data dostupa: 02.02.2021. (In Russ).

11. Hodyakova, L.A. (2011) *Metodika interpretacii teksta kak fenomena kul'tury* / L.A. Hodyakova // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. № 2. Tom II (Pсихолого-педагогические науки). S. 76-81. (In Russ).

12. Shagardinova, E. (2014) *Genezis fenomena duhovnosti v pedagogicheskom i psihologicheskom aspektah vospitaniya lichnosti* / E. Shagardinova // *Nauchnye vedomosti. Seriya Gumanitarnye nauki*. № 26 (197). Vypusk 24. S. 147-152. (In Russ).

13. Shevchenko, I.A. *Rabota po formirovaniyu kul'turovedcheskoj kompetencii pri obuchenii russkomu yazyku v 5, 6, 9-h klassah* / I.A. Shevchenko. – Elektronnyj resurs. – Rezhim dostupa: <https://textarchive.ru/c-1864382.html>. – Data dostupa: 22.01.2021. (In Russ).

РЭГІЯНАЛЬНЫЯ ОНІМЫ Ў МОВЕ ТВОРАЎ УЛАДЗІМІРА ЛІПСКАГА

М. У. Канцавая,

магістр філалагічных навук,
ДУА «Цярэніцкі дзіцячы сад – пачатковая школа», настаўнік
Цярэнічы, Рэспубліка Беларусь
E-mail: koncevaya@mail.ru

У артыкуле на прыкладах з анамастыкону беларускага пісьменніка У. Ліпскага разглядаюцца асаблівасці функцыянавання мясцовых антрапонімаў і тапонімаў, якія адыгрываюць значную ролю: выконваюць у яго творах асноўныя тэкстаўтваральныя і стыльваўтваральныя функцыі, разам з іншымі адметнымі кампанентамі тэксту ствараюць агульны мастацкі фон, перадаюць нацыянальны і рэгіянальны каларыт, адлюстроўваюць гістарычныя часы, фарміруюць у чытача запамінальную анамастычную прастору і агульнае ўяўленне пра мастацкі твор, што таксама сведчыць пра гонар і павагу да малой радзімы.

Ключавыя словы: онім, тапонім, антрапонім, уласнае імя, айконім, мянушка, рэгіяналізм і інш.

REGIONAL ONYMS IN THE LANGUAGE OF VLADIMIR LIPSKY'S WORKS

M. V. Kontsevaya,

Master of Philological Sciences,
GUO "Terenichi kindergarten-primary school", teacher
Terenichi, Belarus
E-mail: koncevaya@mail.ru

The article uses examples from the onomasticon of the Belarusian writer V. Lipsky to consider the features of the functioning of anthroponyms and toponyms, which play a significant role in creating regional colour in works, perform semantic-stylistic, text-forming and style-forming functions. Such onyms, together with other distinctive components of the text, create a common artistic background, convey national and regional flavor, reflect historical times, form a memorable onomastic space and a general idea of the work of art, which testifies to honor and respect for the small motherland.

Keywords: onym, toponym, anthroponym, proper name, nickname, regionalism.

Уводзіны. Творчасць Уладзіміра Ліпскага – адметная старонка ў беларускай мастацкай літаратуры другой паловы ХХ стагоддзя. Ён аўтар арыгінальных кніг пра малую радзіму: “Адпяванне жывых” (1993), “Я. Праўдзівы аповед пра твой і мой радавод” (1998), “Мама. Малітва сына” (1999), “Бацька. Пісьмы сына” (2004), “Мы. Аповесць пра нашы прозвішчы” (2006) і іншыя. Пісьменнік трапна адзначаў: “Колькі жыву, увесь час думаю, якой была тысячы гадоў назад наша зямля, дзе я нарадзіўся? Якімі былі людзі, іх побыт, якой тады была прырода? Якой была мова? Як зваліся мае продкі, якія мелі імёны?” [1, с. 5]. Даследчыкі звярталі ўвагу на некаторыя мастацкія асаблівасці яго стылю, а таксама “высокае псіхалагічнае майстэрства, яго ўменне не толькі адчуць галоўныя праявы чалавечага характару, але і перадаюць кожны душэўны рух, жэст, паварот думкі – цудоўная глеба для выхавання найлепшых якасцей асобы” [2, с. 5]. Анамастычная лексіка ў яго творах – выразны сродак стварэння палескага каларыту: у пераважнай большасці такія онімы, перадаючы некаторыя характэрныя моўна-этнаграфічныя асаблівасці Усходняга Палесся, утвораны па традыцыйна рэгіянальных мадэлях, яны адметныя, запамінальныя.

Уладзімір Ліпскі шырока выкарыстоўваў у мастацкіх тэкстах народнае тлумачэнне самых розных назваў сваёй малой радзімы, асабліва прозвішчаў карэнных жыхароў. Такі мастацкі прыём аўтар ужывае цалкам апраўдана, бо амаль кожны з нас мае ўласнае разуменне свайго імя, прозвішча з улікам дасведчанасці і кампетэнцыі, хаця часта найўнае народнае тлумачэнне можа зусім не адпавядаць навуковай этымалогіі. Ён умела і творча прадаўжаў традыцыі пра выкарыстанне мясцовых онімаў у мастацкіх тэкстах, пачатых Ф. Багушэвічам, Я. Коласам, І. Мележам і інш.

Мэта і задачы даследавання. Асноўнай мэтай артыкула з’яўляецца даследаванне онімаў у творах пісьменніка У. Ліпскага, прысвечаных яго малой радзіме. Для дасягнення мэты былі пастаўлены наступныя задачы:

- выявіць семантыка-стылістычныя асаблівасці тапонімаў і антрапонімаў у творах У. Ліпскага;

- выявіць заканамернасці і асаблівасці ў выбары пісьменнікам кантэкстуальных сродкаў у фарміраванні анамастычнай прасторы мастацкага тэксту.

Метады і матэрыял даследавання Метадалагічнай асновай даследавання з’яўляюцца апісальны, супастаўляльны метады з выкарыстаннем прыёмаў навуковай інтэрпрэтацыі і абагульнення; асноўны матэрыял даследавання – анамастычная прастора мастацкіх тэкстаў, асабліва тапонімы і антрапонімы яго твораў, іх тэкстаўтваральныя і мастацка-эстэтычныя функцыі.

Вынікі і іх абмеркаванне. Сістэму рэгіянальных антрапонімаў у творах У. Ліпскага ўтвараюць уласныя асабовыя імёны, мянушкі, прозвішчы, імёны па бацьку, андронімы, патронімы, якія ў мастацкім тэксце выступаюць як паэтонімы – “элементы творчага ўвасаблення і кампаненты анамастычнай прасторы твора” [3, с. 13]: “У нашых рэчычан ёсць нават прозвішчы, у якіх зарэгістраваны высокія пачуцці іх продкаў: *Каханаў, Кохан, Кохна, Кахно, Каханоўскі*” [1, с. 143]. Пісьменнік уключаў у тэкст пераважна рэальныя асабовыя ўласныя імёны, уласцівыя яго малой радзіме – вёскі Шоўкавічы Рэчыцкага раёна, што на Гомельшчыне: *Ігнась, Піліп, Міхаліна, Лявон, Хрысціна*. Жыхары Шоўкавічаў – носьбіты пераважна размоўных варыянтаў імёнаў: *Хведар, Пятрусь, Адоля, Мікола, Анэта, Іванка, Дуня, Варка, Марыля, Марынька, Шура, Аўгіння, Коля* і інш. Некаторыя з такіх імёнаў у наш час архаізаваліся, амаль не ўжываюцца, але для пісьменніка і яго землякоў яны натуральныя, жывыя: *Матрэна, Хведора, Адоля, Цярэшка, Праксэда, Яўхрася, Аўгіння, Тодар*. Такія імёны падкрэсліваюць традыцыйнасць іменавання шоўкаўцаў, іх багацце: “*Гэта ж ікона яго маці, а маёй бабкі Праксэды*” [4, с. 82]; “*Як спалася, Пятрусь?*” [4, с. 22].

Пра мянушкі, якія частыя ў палескіх паселішчах, падрабязна расказвае У. Ліпскі ў аповесці “Аўцюкоўцы”: “У Аўцюках, Малых і Вялікіх, кожны мае сваю клічку, дражнілку. Па сапраўдным прозвішчы могуць хату не паказаць. А назавеш мянушку, кожны ведае” [5, с. 82]. У мове мастацкай літаратуры яны з’яўляюцца спецыфічным сродкам для характарыстыкі персанажаў і выконваюць выразную мастацка-эстэтычную функцыю: ствараюцца яны на базе агульнавядомых апелятываў. Характэрнай прыметай такіх онімаў не толькі ў гэтага аўтара з’яўляецца “характарыстычная і рэпрэзентатыўная: у ёй індывід прадстаўлены праз прымету – выпадковую рысу, якая кідаецца ў вочы і вылучае яго з шэрагу падобных” [6, с. 58]. “Мянушкі вельмі часта – семантычныя неалагізмы, у якіх воляй мастака ажыўляецца забытае ці з’яўляецца новае значэнне ў агульнавядомых лексемах, якія ў мастацкім тэксце пачынаюць выконваць ідэнтыфікуюча-характарыстычную функцыю і становяцца ключавымі словамі-дамінантамі пры абмалёўцы і апісанні пісьменнікам літаратурных персанажаў” [7, с. 26]. “Старога дзедка Івана завуць Сыня. Бацька яго, малога, некалі зваў: “Эй, мой сыня...” Другога Івана клічуць Смятаннікам. Залез некалі да суседкі ў склеп, з’еў смятану. А як уцякаў, мацацёр разбіў” [5, с. 82]; “Да Мішы прыліпла дражнілка Картаплеса. Жонка ўсім хвалілася: “Мой чалавек вельмі любіць картоплю і печаныя галушкі” [5, с. 82]. Апелятывы яго мянушак – гэта пераважна словы, якія шырока ўжываюцца ў мове жыхароў вёскі, таму такія “анамастычныя неалагізмы”, зразумелыя чытачу, і, безумоўна, землякам пісьменніка, жыхарам Шоўкавічаў. У творах У. Ліпскага засведчаны таксама калектыўныя мянушкі: “такія онімы шырока ўжываліся на Беларусі з даўніх часоў, асабліва ў вёсках, дзе шмат аднастайных афіцыйных прозвішчаў. І ў наш час, як сведчаць дыялектолагі, карыстаюцца “вулічнымі прозвішчамі-мянушкамі”, каб прасцей растлумачыць, пра каго ідзе гаворка. Лапташамі называлі членаў вялікай шоўкавіцкай сям’і пісьменніка таму, што бедна жылі, хадзілі ў лапцях: “Бацька ледзь спраўляўся кожнаму лапці сплесці. На магазінны абутак не

хапала рублёў” [8, с. 159]. Такая мянушка-паэтонім характарызуе персанажаў аповесці паводле сацыяльна-бытавога ўкладу жыцця. Письменнік у кнізе “Я. Праўдзівы аповед пра твой і мой радавод” тлумачыць паходжанне гэтага сямейнага наймення: “Да нашай сям’і здаўна была прышчэплена клічка Лапташы. Відаць, таму, што жылі бедна. Бацька плёў лапці ўсім дзецям. І сам не здымаў гэты танны і просты абутак” [8, с. 240]. Праз апісанне такіх мянушак, іншых мясцовых рэалій выразна выяўляецца этнаграфізм яго прозы. Ужыванне такіх мянушак таксама характэрна для мовы твораў Я. Коласа. Так, калектыўнай мянушкай Латакі называлі бедную, у залатанай вопратцы, сям’ю Мажэйкаў з аповесці “У глушы Палесся” “... для адрознення палешукоў з прозвішчамі Мажэйка, якіх у Выганах было шмат”. Шырока ўжываюцца такія мянушкі ў сучасных вялікіх палескіх сёлах, дзе пераважаюць 2–4 аднастайныя прозвішчы [3, с. 32].

Як мастацкі прыём письменнік карыстаецца рознымі каментарыямі, удакладненнямі, заўвагамі пры ўключэнні ў мастацкі тэкст такіх анамастычных і іншых адзінак, паказваючы іх натуральнасць, неабходнае кантэкстуальнае прызначэнне, раскрываючы іх семантыку. Паслядоўна ўводзячы онімы ў мастацкі тэкст, письменнік дае ім сваё тлумачэнне, выяўляе разнастайнасць варыянтаў такіх адзінак, удакладняе іх лакальную абмежаванасць, ці пашыранасць. Такая моватворчасць – выразная адзнака яго індывідуальнага стылю.

У прозвішчах па-свойму як бы закарэкавана, закарэкавана наша гістарычная памяць, якая засталася нам ад прадзедаў “спакон вякоў”: “Хто гнаў дзёгаць, гандляваў ім, называўся дзецяром... Памяць пра цяжкае рамяство захавана ў прозвішчах: Дзецяроў, Дзецярэнка, Дзецяраў, Дзяцяр” [1, с. 172]; “Старабеларускі слоўнік даводзіць, што стальмах, стэльмах – гэта рамеснік, які робіць калёсы, сані, экіпажы, карэты. Дык у нас і сёння жывуць Стэльмакі, Стэльмашкі” [1, с. 172]. У займальнай форме тлумачыць семантыку апелятываў некаторых прозвішчаў сваіх землякоў, выяўляе адметныя тыпы асноў, якія паслужылі базай для антрапонімаў, прасочвае эвалюцыю лексічных адзінак, якія архаізаваліся, выйшлі з актыўнага слоўніка, але захаваліся ў складзе прозвішчаў. Напрыклад: “... прозвішча Вярыга (вярыга – ланцуг)” [1, с. 232], “Лямех (лямах – частка плуга, якая падразае пласт зямлі знізу)” [1, с. 233]. Нібы заглядаючы ў святцы, письменнік адзначае, што некаторыя прозвішчы яго землякоў утварыліся ад уласных асабовых імёнаў, якія адаптаваліся да мясцовых умоў, прыйшлі на нашу зямлю з прыняццем хрысціянства: Адамаў, Адамовіч, Аляксандраў, Александронец, Дземідзенка, Верамеяў, Верамейчык і інш.: “Рэдкае імя Аганій. У грэчаскай мове азначае любоў, любімы. Ад мучаніка Аганія прозвішчы рэчычан Аганаў і Ганеяў” [1, с. 27]. Пры тлумачэнні некаторых прозвішчаў прыводзяцца народныя прыметы, звязаныя з днём ушанавання памяці пэўнага святога, у этнаграфічных каментарыях перадаюцца асаблівасці менталітэту і ладу жыцця землякоў: “Аляксея – абаронца. Царква ўшаноўвае сорак дзён яго памяці. Аляксея цёплы, вяснова адзначаецца 30 сакавіка. У гэты дзень чакаюць прылёту буслоў, журавоў. Бусел кажа: “хоць заб’юся, а на Ляксея з’яўлюся”. На Аляксея рыба ідзе на нераст, карова на верас, а бортнік лезе на хвою. Сеюць авёс: Аляксеяў, Аляксея, Аляксеенка, Аляксеюк, Аляксеячык, Алешыч, Алесік. Усяго – 23 прозвішчы” [1, с. 30]; “Даў Бог нашым продкам і святога Юрыя. Казалі, ён нябачны для людзей, выязджае на белым кані і пасе жывёту. Юр’ева раса лічылася гаючай. Людзі качаліся на ніве, каб быць здаровымі, каб зямля радзіла...” [1, с. 36].

Некаторыя прозвішчы і тапонімы письменнік нярэдка тлумачыць з дапамогай “наіўнай этымалогіі” (яшчэ такую этымалогію называюць “народнай”, “ілжывай”). Асяроддзе, дзе ствараюцца такія этымалогіі, не карыстаецца распрацаванымі і апрабаванымі метадыкамі аналізу слова (параўнальна-гістарычным, супастаўляльным, марфемным, семантычным і інш.), а найчасцей абмяжоўваецца прыкладамі выпадковага супадзення ў гучанні вядомых у народзе слоў [9, с. 179]. У радзе выпадкаў, як лічыць письменнік, адбываецца мэтанакіраванае аднаўленне страчаных лексіка-семантычных і канатацыйных значэнняў у онімах. Напрыклад: “Варэна, па-руску Ворена. Чамусьці

хочацца гэта прозвішча раскласці на два словы і ўсклікнуць: “Во!.. Рэпа!..” Можна, так і было: жыў чалавек на зямлі, умеў вырошчваць рэпу і не сорамна было пахваляцца” [1, с. 138]. Так, У. Ліпскі прасочвае тры версіі паходжання назвы роднай вёскі: паводле першай, жыў у паселішчы раней *Мамэрт* – стражнік у панскім лясніцтве: “насіў той *Мамэрт* лаці з шаўковымі аборамаі. Дык вось, кажуць, ад тых шыкоўных абораў і пайшла назва вёскі” [4, с. 11]. Яшчэ кажуць, што ў Шоўкавічах добра радзіў лён: Магчыма, было так: прабіліся нашы льнаробы праз царства туманоў на нейкі рынак, каб абмяняць лён на соль, свечкі, цвікі, а там сустрэўся шчыры гандляр, не стрымаў свайго захаплення: “Ды ў вас жа не лён – шоўк!” І закупіў увесь тавар. А пасля чутка пайшла пра майстроў, пачалі цікавіцца: “Дзе тыя шоўкаўцы?.. Калі зноў прывязуць свой шаўковы лён?..” Вось і нарадзілася назва паселішча – *Шоўкавічы*” [4, с. 11]. Асноўнай жа і найбольш верагоднай версіяй, лічыць аўтар, з’яўляецца тая, згодна якой айконім паходзіць ад прозвішча шляхецкага роду Шолкаўскіх. З гэтай мэтай ён выкарыстаў архіўныя матэрыялы: “Засведчана ў архівах, што ў Мінскай губерні, а наш Палескі павет уваходзіў у яе здаўна, жыў-быў дваранскі род Шолкаўскіх. Самыя розныя прадстаўнікі яго бадзліся на многіх паведах. Аднаго з іх, *Фаму Шолкаўскага*, нават судзілі за зладзейства” [4, с. 11]. Назву *Вузнаж* ён тлумачыць, перадаючы народную этымалогію, паводле якой раней вёска называлася *Вужнаш*, бо казалі: “*Вуж – наш! Гэта вельмі важна – займець сябрыну з вужамі. Іх ніколі не забівалі і стараліся не палюхацца, калі яны пачыналі жыць пад сценамі хаты ці пад печчу. Такая вужовая ласка лічылася добраі прыкметай*” [4, с. 9]. У ёй знайшлі адлюстраванне старажытных вераванняў жыхароў, што вуж можа адпомсціць чалавеку за крыўду, напрыклад, падаць карову або абярнуць гладышы з малаком. У мінулыя часы “частымі гасцямі”, як піша пісьменнік, былі вужы і ў шоўкавіцкіх хатах. Так, Ч. Пяткевіч у кнізе “Рэчыцкае Палессе” прыводзіць прыклад, калі вужы ў тых мясцінах нават пілі малако з адной міскі з сялянскімі дзецямі [11, с. 314]. Па-іншаму ж тлумачаць паходжанне гэтага айконіма вучоныя. У аснове назвы ляжыць “слова узножка, падножка ў шырокім сэнсе (падножка ўзгорка)” [12, с. 384]. Каменціруючы паходжанне мікратапоніма Капішча (так шоўкаўцы называюць рог сенажаці – М. К.), пісьменнік уводзіць у кантэкст элементы навуковага каментарыя, дае тлумачэнне апелятыву капішча – “... месца, дзе некалі славяне, будучы яшчэ язычнікамі, збіраліся на пакланенне Богу. Яно ўяўляла сабой пляц, грудок зямлі. Пасярод стаяў альбо вялізны валун, альбо драўляны ідал, альбо магутны дуб. Там палілі кастры і маліліся” [4, с. 109].

Вывады. Анамастычныя адзінкі ў мастацкіх творах удзельнічаюць ў пабудове і развіцці літаратурнага дыскурсу і кампазіцыі твора, у выражэнні светапогляду аўтара, у перадачы каларыту пэўнай мясцовасці, пэўнага соцыуму. У. Ліпскі паслядоўна выкарыстоўвае ў творах пераважна рэальныя анамастыкон Усходняга Палесся. Такія паэтонімы, створаныя на рэальнай аснове, утвараюць агульны мастацкі фон тэксту, перадаюць нацыянальны і рэгіянальны каларыт, фарміруюць у чытача запамінальную анамастычную прастору.

Літаратура

1. Ліпскі, У. С. Мы: Аповесць пра нашы прозвішчы / У. С. Ліпскі. – Мінск : Беларусь, 2006. – 262 с.
2. Буторына, І. А. Свой у краіне дзяцінства: Сустрэчы з творамі Уладзіміра Ліпскага : вучэб.-метад. дапам. / І. А. Буторына. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2010. – 120 с.
3. Шур, В. Беларускія ўласныя імёны: Бел. антрапаніміка і тапаніміка : дапам. для настаўнікаў / В. Шур. – Мінск : Маст. літ., 1998. – 239 с.
4. Ліпскі, У. Адпяванне жывых: Аповесць пра адну вёску. Дзённік / У. Ліпскі. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 237 с.
5. Ліпскі, У. Аўцокоўцы: Аповесць пра калінак ды каласкоў, якія гаруюць і жартуюць / У. Ліпскі. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1995. – 223 с.
6. Бут-Гусаім, С. Ф. Характарыстычныя назвы чалавека ў беларускай мове / С. Ф. Бут-Гусаім // Весн. Брэсц. ун-та. – 2001. – № 5. – С. 58–68.
7. Шур, В. В. Уласнае імя ў соцыуме і мастацкім тэксце : манаграфія / В. В. Шур. – Мінск : Інстытут радыялогіі, 2015. – 300 с.

8. Ліпскі, У. Я. Праўдзівы аповед пра твой і мой радавод / У. Ліпскі. – Мінск : Беларусь, 1998. – 318 с.
9. Шур, В. В. Онім у мастацкім тэксце : манаграфія / В. В. Шур. – Мінск : Бел. кнігазбор, 2006. – 216 с.
10. Пяткевіч, Ч. Рэчыцкае Палессе / Ч. Пяткевіч ; уклад., прадм. У. Васілевіча ; пер. з пол. Л. Салавей і У. Васілевіча. – Мінск : “Беларускі кнігазбор”, 2004. – 672 с.
11. Жучкевич, В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии : словарь / В. А. Жучкевич. – Минск : Изд-во БГУ, 1974. – 448 с.

References

1. Lipski, U. S. (2006). *My: Apovesec pra nashy prozvishchy*. Minsk, Belarus, 262 s.
2. Butoryna, I. A. (2010). *Svoj u kraine dzjacinstva: Sustrjehy z tvorami Uladzimira Lipskaga: vuchjeb-metad. dapam.* – Minsk, Adukacyja i vyhavanne, 120 s.
3. Shur, V. (1998). *Belaruskija ularnyja imjony: Bel. antrapanimika i tapanimika: dapam. dlja nastawnikau*. Minsk, Mast. lit., 239 s.
4. Lipski, U. (1993). *Adpjavanne zhyvyh: Apovesec pra adnu vjosku. Dzjonnik*. Minsk, Mast. lit., 237 s.
5. Lipski, U. (1995). *Aucjukoucy: Apovesec pra kalinak dy kalaskou, jakija garujuc i zhartujuc*. Minsk, Mastackaja litaratura, 223 s.
6. But-Gusaim, S. F. (2001). *Haraktarystychnyja nazvy chalaveka u belaruskaj move. Vesn. Brijesc. un-ta. № 5. S. 58–68.*
7. Shur, V. V. (2015). *Ulasnae imja u socjume i mastackim tjeksce*. Minsk, instytut radyjalogii, 300 s.
8. Lipski, U. Ja. (1998). *Praudzivy apoved pra tvoji i moj radavod*. Minsk, Belarus, 318 s.
9. Shur, V. V. (2006). *Onim u mastackim tjeksce: managrafija*. Minsk, Bel. knigazbor, 216 s.
10. Pjatkevich, Ch. (2004). *Rjehyckae Palesse*. Minsk, “Belaruski knigazbor”, 672 s.
11. Zhuchkevich, V. A. (1974). *Kratkij toponimicheskij slovar Belorussii*. Minsk, Izdatelstvo BGU, 448 s.

УДК 811. 161.1'373

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СМОЛЕНСКОЙ ПОЭЗИИ (на материале альманахов студии «Персона»)

И.А. Королева

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
Смоленского государственного университета,
● г. Смоленск, Россия
E-mail: innakor@mail.ru

В статье рассматривается система имен собственных (антропонимов) в стихотворных текстах смоленских студентов – членов поэтической студии «Персона», которая уже 25 лет существует в Смоленском государственном университете. Для исследования взяты стихи первого студийного альманаха «Персона 1996» и последнего на сегодняшний день восьмого выпуска. В сравнительно-сопоставительном плане проанализировано использование именованных персонажей, выявлена динамика как участников выпусков, так и антропонимов, использованных молодыми поэтами. Акцентируется внимание на функциональной стороне использования ономастической лексики. Делается вывод о возрастающем интересе авторов к употреблению онимов в последнем выпуске, что свидетельствует о возросшем понимании авторов к пониманию роли имени собственного в художественном тексте. Особенно отчетливо эта тенденция проявляется у постоянных авторов, которые, уже не будучи студентами, по-прежнему являются членами «Персоны». Материал впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: литературная ономастика, антропоним, поэтическая студенческая студия «Персона», альманах, функциональный аспект изучения ономастической лексики.

OWN NAMES IN STUDENT SMOLENSK POETRY (on the material of the almanakh studio "Persona")

I.A. Koroleva,

Doctor of Philology, Professor of the Department of the Russian Language
Smolensk State University,
Smolensk, Russia
E-mail: innakor@mail.ru

The article examines the system of proper names (anthroponyms) in the poetic texts of Smolensk students - members of the poetry studio "Persona", which has existed for 25 years at Smolensk State University. The verses of the first studio almanac "Persona 1996" and the last to date of the eighth issue were taken for research. In a comparative-comparative plan, the use of character names is analyzed, the dynamics of both the participants in the issues and the anthroponyms used by young poets is revealed. Emphasizes on the functional side of the use of onomastic vocabulary. The conclusion is made about the growing interest of the authors in the use of onyms in the last issue, which indicates a criminal understanding of the authors towards understanding the role of their own in a literary text. This tendency is especially pronounced among regular authors who are no longer members of their vocation. The material is introduced into scientific circulation.

Key words: literary onomastics, anthroponym, student poetry studio "Persona", almanac, functional aspect of studying onomastic vocabulary.

Введение. В современной литературной ономастике активно изучаются имена собственные (ИС) и их роль в художественных (в частности – поэтических) текстах.

Литературная ономастика, изучающая функционирование онимов в текстах художественной литературы, сформировалась в 50–60-е гг. XX в. Ю.А. Карпенко определяет литературную ономастику как субъективное отражение объективного, как осуществляемую писателем «игру обще языковыми ономастическими нормами» [2, с. 36]. Достаточно активное использование ономастической лексики в художественных текстах позволяет считать, что ИС является своеобразной лексико-грамматической и стилистической категорией. При определении «степени стилистической эффективности» (термин В. Н. Михайлова) важно, во-первых, установить и описать функции, которые выполняет имя в художественном произведении, во-вторых, выявить факторы, создающие экспрессивные возможности в ИС. Одним из главных условий выразительности имени можно назвать наличие богатого ассоциативного фона [1].

По мнению В. М. Михайлова, «художник-реалист при выборе имени опирается на реальную речевую практику, на антропонимическую систему его времени», при этом важно соблюдать принципы – «строгий отбор и типизация фактов, точность, экономность выражения, соответствие правде жизни, учет экспрессивности того или иного имени, литературной традиции» [4, с. 41].

Если говорить о функциях ИС в художественном тексте, то стоит обратиться к работе Ю. А. Карпенко [Карпенко 1986], который выделяет две разновидности стилистической функции литературной ономастики: информационно-стилистическую и эмоционально-стилистическую. В первом случае средством выражения информационно-стилистических смыслов является этимологическое значение ИС. Во втором случае средством выражения является фонетическая форма имени собственного. Названа эта разновидность эмоционально-стилистической потому, что имя собственное способно вызывать у читателя определенные чувства, формировать его отношение к изображаемому. Личное имя отличается от других онимов характером индивидуализации объекта: каждый объект номинации (человек) имеет имя.

Имя литературного персонажа – это одно из средств, создающих художественный образ: оно может характеризовать социальную принадлежность, национальный колорит, раскрывать черты характера героя, указывать на его профессиональную сферу деятельности [5]. В художественной литературе стало закономерностью стремление автора наделить имя и фамилию (номинацию) литературного героя каким-либо значением, то есть имя в художественном тексте может «говорить» различными лингвистическими и внелингвистическими ассоциациями, причем в подобных случаях, видимо, следует указать на «сознательный авторский расчет» на ту или иную реакцию читателя. Богатый ассоциативный фон возникает, таким образом, за счет этимологически прозрачной основы, то есть оживления внутренней формы слова, что, безусловно, освежает восприятие, делает антропоним семантически значимым, емким, выразительным и стилистически эффективным [1; 4; 5].

Актуальность нашей работы обусловлена её новым научным материалом: это первое исследование онимов в современной смоленской студенческой поэзии. Отметим попутно, что в поэтических текстах ИС изучаются реже, чем в прозе.

В настоящее время в Смоленске и в Смоленской области работает несколько литературных объединений, среди них «Родник» и «Персона». Мы сосредоточили своё внимание на «Персоне». Это уникальное литобъединение существует при Смоленском государственном университете с 23 ноября 1992 года. Руководят студией доктора филологических наук – Л.В. Павлова и И.В. Романова. Именно благодаря формату студии (а значит. ежегодному притоку молодых поэтов, чаще всего студентов филфака СмолГУ) литобъединение существует уже 25 лет [4].

Цели и задачи. Целью настоящей статьи является изучение ИС (антропонимов) и рассмотрение их функций в сравнительно-сопоставительном плане в первом и последнем на сегодняшний день альманахах студии «Персона».

Задачи работы: 1) выборка антропонимической лексики из означенных источников. 2) рассмотрение именованных лирических персонажей стихов в сравнительно-сопоставительном плане, 3) определение функций ИС в поэтических текстах студийцев, 4) анализ динамики употребления ИС в текстах разных времен и авторов.

Методы и материал исследования. В ходе исследования использовались общенаучные методы – анализ, синтез, классификация и др., а также предметные (лингвистические) методы – описательный, сравнительно-сопоставительный, классификационный, структурный.

Материалом исследования стали все выбранные нами имена собственные (антропонимы) из первого и восьмого студийных альманахов, а именно: 19 онимов у 7 авторов в первом альманахе и 44 онима у 15 авторов в восьмом альманахе.

Источниками исследования являются: Персона. Литературный альманах. Вып. 1 / Составители Л.В. Павлова, И.В. Романова. Смоленск: СГПИ, 1996. 80 стр. и **Персона:** Литературный альманах. Вып. 8 / Редакторы-составители О.А. Смагина, А.В. Трифонова. Смоленск : Свиток, 2020. 176 с.

Первый и восьмой альманахи существенно отличаются объемом и количеством представленных в них авторов. Если в первом альманахе 1996 года всего 80 страниц и 10 авторов, то в восьмом альманахе 2020 года 176 страниц и 23 автора.

Результаты и их обсуждение

Сразу же отметим изменение состава авторов анализируемых альманахов. В восьмом альманахе представлено большее количество молодых поэтов, в их числе студенты, пришедшие на филологический факультет намного позже выпуска первого альманаха (так, например, выпускник филфака СмолГУ, автор «Персоны» А. Азаренков родился в год основания студии). Но авторы первого альманаха в нём тоже присутствуют: это «закостенелые старички», как их называют руководители студии, и другие персоновцы (А. Асадчий, Е. Агинская, Д. Смагин и др.). Характеристика имен собственных в альманахе «Персона 8». Среди всех разрядов ИС в альманахе самую объёмную группу составили антропонимы. Вошли в неё имена людей, связанных с искусством: художников, поэтов, музыкантов (Целан (поэт), Ван Гог, Винсент (художник), Вергилий (поэт), Моцарт, Глинка (музыканты), «Колетт Пеньо» (писательница) и др. Встречаются имена реальных людей (тетя Юля, (учительница), сосед Вовка, Марина, бабушка Люба, электрик Валера и др.), литературных персонажей («Маугли», «Монте-Кристо»).

Для выявления роли именованных персонажей в поэзии персоновцев необходимо обратиться к функциям самих антропонимов. В нашем случае реализуются две главные функции: информационно-стилистическая и экспрессивно-стилистическая. Первая в основном называет персонажей, экспрессивная же функция выражает авторское отношение к этим лицам, формируя отношение к ним у читателей. Автор, закладывая в антропоним качество, которое хочет изобразить, заставляет читателя «воспринимать» своих лирических героев в авторском видении.

Так, понять, что антропоним осуществляет экспрессивную функцию, мы можем исходя из того, что он выносится автором в название стихотворения, делая текст посвящением. Например: «Колетт Пеньо», «...(посвященного) Джиму Моррисону», «...Диме Ратникову», «Маугли», «Монте-Кристо». Как видим, авторы в основном посвящают свои тексты представителям искусства (осторожно отнесём журналистику к этой сфере). Посвящения, как правило, адресованы людям (не всегда реальным), оказавшим на автора какое-то влияние, представляющим для него определенную значимость. Понимание читателем ценности адресата для автора влияет на восприятие текста. Читатель начинает вчитываться, и адресат как бы становится не только ценностью автора, но и ценностью читателя, который начинает проявлять большее внимание к тексту и адресату. Антропонимы «Маугли» и «Монте-Кристо» в текстах Д. Смагина – имена литературных персонажей, являющихся ключевыми в образных парадигмах. То есть им – представителям художественного мира – находится отражение в реальности (отражение – основание образной парадигмы), и эту реальность и автор, и читатель (в тексте поэта) воспринимают через призму образа. Иногда посвящения требуют расшифровки: «Посвящается испанскому живописцу 17 века – Хуану Санчесу Котану» (О. Смагина). Весь текст стихотворения пронизан любовью к полотнам этого художника, мало известного неспециалистам.

Антропонимы, реализующие информационно-стилистическую функцию, можно разделить на две группы: представители искусства (Целан, Ван Гог, Винсент, Вергилий, Моцарт, Глинка) и обычные реальные люди (Юля, Марина). Использование этих антропонимов помогает авторам воссоздать в тексте либо время исторических лиц, о которых они пишут (так происходит с именами Ван Гог, Винсент, Вергилий), либо собственную реальность, которая (как и художественный мир авторов в дальнейшем) не существует без реальных людей (Юля, Марина, сосед Вовка и пр.)

Интерес представляет антропоним (бабушка) Люба: С. Пегов использует образ бабушки для визуализации чувства любви, и имя помогает читателю «приблизить» это чувство, сделать его более понятным. «*Бог – это бабушка Люба*», – говорит автор, приближая тем самым образ Бога к простому читателю, но прежде всего – к себе.

Свои художественные миры персоновцы создают, наполняя их людьми вымышленными и реальными: «*Почти как Дант я спустился в Ад*» (С. Пегов); «*Сосед Вовка купил на рынке возле дома петарды...*» (А. Трифонова); «*Поехали к Вадиму – это мой двоюродный брат...*» (А. Трифонова); «*Всего, Асенька, мама сразу боится...*» (В. Кирсанова) и т.д.

Характеристика имен собственных в альманахе «Персона 1»

Аналогичным образом мы выстроили работу с ИС в первом студийном альманахе.

Стоит заметить, что количество ИС в текстах персоновцев в результате первого поэтического среза значительно отличается от количества ИС, используемых в восьмом. Одна из причин, и она наиболее очевидна – меньший объём представленных текстов, соответственно и меньшее количество участников студии. Это, на наш взгляд, определенным образом свидетельствует о возрастании интереса авторов к опубликованию стихов в альманахе. В первом студийном сборнике мы насчитали лишь 19 ИС у семи авторов. Ещё одна причина, не менее важная – расширение круга интересов авторов. Увеличивается количество посвящений людям разных сфер искусства, появляются религиозные и мифологические мотивы.

В группу антропонимов первого выпуска вошли имена вымышленных персонажей из других литературных произведений (КарлО, Гамлет, Журден, Боб); людей, связанных со словотворчеством и изобразительным искусством (Маркабрюн (трубадур), Бальзак (писатель), Н. Гумилёв (поэт), Су Ши (эссеист), Иероним Босх (художник)). Практически нет простых реальных персонажей (единичное теть Света).

Авторы мало используют посвящения: исключения составляют «Н. Гумилёву» у Э. Кирсанова и «Семену Пегову» у С. Ипатова. Однако мы нашли достаточно большое количество использованных имён литературных героев (в основном их использует

А. Асадчий: КарлО, Маркабрюн, Гамлет, Тартюф). Рассмотрение их семантического окружения помогает понять отношение автора к объектам и вызвать эмоциональную реакцию у читателя. Например, в семантических парадигмах А. Асадчего «*Я последний Тартюф*» или «*Гамлетов на свете больше нет*» – имя литературного героя употреблено в значении собирательного образа, «*Я стал любить Бальзака*», – автор прямо говорит о своем отношении к писателю.

В семантическом поле выявляется эмоционально-стилистическая функция антропонима «Горгона» у Э. Кирсанова (эпитет «*Горгона, падкая на блюз*» выражает отношение автора к объекту и формирует это отношение у читателя).

Ещё один пример выявления эмоционально-стилистической функции онима в тексте при помощи семантического поля – образная парадигма «я→Су Ши» в тексте С. Ипатова. Конечно, помимо этой функции оним выполняет ещё и номинативную.

Парадигма «отображение (мозга)→полотна (Иеронима Босха)» в тексте Д. Рогацкина отражает сопоставление не только отображения и полотен, но и мозга и художника. Ставя ИС в подобную сильную образную парадигму, сравнивая важный человеческий орган с художником, да и просто находя в отображении мозга (речь идет о снимке МРТ) ряд ассоциаций, автор сам выявляет себя в своем отношении к художнику. ИС здесь выполняет эмоционально-стилистическую функцию.

В другом тексте Д. Рогацкин одушевляет чувство печали, прибегая к обращению и трансформации обычного номинативного существительного в оним («*Не та ли ты, что зовут Печалью?*»). Когда номинативное существительное трансформируется в оним, оно, помимо информационно-стилистической функции, начинает выполнять еще и эмоционально-стилистическую.

Таким образом, несмотря на небольшое количество антропонимов и посвящений первого альманаха по сравнению с последним, мы видим, что онимы образны и оценочны.

Выводы

Имена собственные в современной поэзии обязательно выполняют номинативную, информационно-стилистическую функцию, в лирике часто и эмоционально-стилистическую.

Антропонимы в художественном произведении разноплановы: дают характеристику объектам, помогают восприятию, пониманию текста читателем, формируют у него оценку изображаемого.

В восьмом альманахе мы насчитали большее число онимов и, соответственно, тематических групп, чем в первом. Это говорит о тенденции заинтересованности поэтами в употреблении ИС для создания поэтического мира, усилению внимания к объектам изображения (людям: реальным, вымышленным, связанным с искусством; миру: странам, городам, рекам и др.) и, как следствие, – к передаче своего отношения к ним.

При постоянном составе авторов объединения, с одной стороны, и пополнению новыми, молодыми авторами – с другой (благодаря формату студии) статистика использования ИС изменяется и говорит о серьезной работе авторов с антропонимами, о появлении своеобразных творческих лабораторий. Так, многие постоянные авторы начинают именовать своих персонажей (например, В. Кирсанова). В текстах Д. Смагина количество онимов возросло примерно в два раза.

В целом ИС используют практически все авторы в большей или меньшей степени.

Сравнительно-сопоставительный анализ антропонимов первого и восьмого выпусков альманаха позволяет рассмотреть динамику состава авторов и динамику использования этими авторами ИС, что в целом характеризует авторскую манеру письма в отношении к онимической лексике.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. О природе ономастической семантики / Н.Ф. Алефиренко // Ономастика Поволжья : Тез. докл. VIII междунар. конф., Волгоград, 8–11 сент. 1998 г. / отв. ред. В.И. Супрун. – Волгоград : Перемена, 1998. – С. 165–168.

2. Карпенко, Ю.А. Имя собственное в художественной литературе / Ю.А. Карпенко // Филологические науки. – 1986. – № 4. – С. 34–40.
3. Михайлов, В.Н. Экспрессивные свойства и функции собственных имен в русской литературе / В.Н. Михайлов // Наследие В.Н. Михайлова. – Донецк : Изд-во «Юго-Восток», 2008. – С. 32–48.
4. Павлова, Л.В. «Что ни напишешь, один бесконечный гамлет...»: Литературное объединение «Персона» (Смоленск) во взаимоотношении с традицией / Л.В. Павлова, И.В. Романова // Известия Смоленского государственного университета. – 2016. – № 4(36). – С. 69–79.
5. Ройзензон, Л.И. «Магия имен» в художественной литературе / Л.И. Ройзензон, Э.Б. Магазаник // Вопросы ономастики. Новая серия 11. Труды Самаркандского университета им. А. Навои. – Вып. 214. – 1971. – С. 41–44.

References

1. Alefirenko, N.F. (1998). *On the nature of onomastic semantics*. Onomastics of the Volga region: Abstracts report VIII int. conf. Volgograd, 8-11 Sept. Otv. ed. V.I. Suprun. Volgograd: Change. S. 165–168.
2. Karpenko, Yu.A. (1986). *Proper name in fiction*. Philological Sciences. No. 4. P. 34-40.
3. Mikhailov V.N. (2008). *Expressive properties and functions of proper names in Russian literature*. Mikhailov. Heritage of V.N. Mikhailov. Donetsk: Publishing house "Yugo-Vostok", S. 32 - 48.
4. Pavlova, L. V., Romanova, I. V. (2016). "Whatever you write, one endless hamlet ...": *Literary association "Persona" (Smolensk) in relationship with tradition*. Bulletin of the Smolensk State University. No. 4 (36). S. 69-79.
5. Roizenzon, L.I., Magazanic, E.B. (1971). "The magic of names" in fiction. Questions of onomastics. New series 11. Proceedings of the Samarkand University named after A. Navoi. Issue. 214 . S. 41 - 44.

УДК 811.161.3'373.2+811.161.1'373.2

ЛІТАРАТУРНАЯ АНАМАСТЫКА БЕЛАРУСІ Ў АСОБАХ І ПУБЛІКАЦЫЯХ

Г.М. Мезенка,

загадчык кафедры рускага і агульнага мовазнаўства, доктар філалагічных навук, прафесар
Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава,
г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь
E-mail: mezenka1@yandex.ru

Паказаны асаблівасці развіцця літаратурнай анамастыкі ў Беларусі, запатрабаванасць якой на пачатку XXI ст. не выклікае сумневу ў сувязі з прыцягненнем яе дадзеных да аналізу мастацкага свету розных аўтараў як лінгвістамі, літаратуразнаўцамі, так і журналістамі. Мэта даследавання – пазнаёміць чытачоў з тымі працамі і асобамі, якія прадстаўляюць сучасную беларускую літаратурную анамастыку, у якой знаходзяць асвятленне такія праблемы, як адлюстраванне ў оніме сутнасных характарыстык літаратурнага персанажа, сацыяльная абумоўленасць імені і да т.п. Абмяркоўваецца сучасная сітуацыя ў дадзенай навуковай галіне і перспектывы яе далейшага развіцця. Указваецца на першараднае значэнне ў распрацоўцы праблематыкі літаратурнай анамастыкі прац такіх навукоўцаў, як В.В. Шур, В.А. Ляшчынская, І.Э. Ратнікава, І.М. Петрачкова, Г.М. Дзервяга. Адзначаецца спецыфіка і роля даследаванняў прафесара В.В. Шура ў станаўленні і развіцці айчынай літаратурнай анамастыкі.

Ключавыя словы: анамастыкон; літаратурная анамастыка; онім; функцыі ўласнага імені; паэтыка імені.

BELARUSIAN LITERARY ONOMASTICS IN PERSONALITIES AND PUBLICATIONS

H.M. Mezenka,

Head of the Department of Russian and General Linguistics, Doctor of Philology, Professor
Vitebsk State University named after P.M. Masherau,
Vitebsk, Republic of Belarus
E-mail: mezenka1@yandex.ru

The report presents specific features of the development of literary onomastics in Belarus, the demand for which at the beginning of the XXI century is doubtless due to its data being drawn for analysis of the art world of various authors by linguists, literary critics, and journalists alike. The aim of the research is to acquaint readers with

works and personalities representing modern Belarusian literary onomastics, which sheds light on such problems as the onym's reflection of the essential characteristics of a literary character, social conditionality of name, etc. The report discusses the modern situation in this scientific field and the perspectives of its further development. The report points at the paramount importance in the development of the problems of literary onomastics of the works of such scientists as V.V. Shur, V.A. Liasczynskaja, I.E. Ratnikava, I.M. Petrachkova, H.M. Dzeraviaga. The special nature and the role of research by Professor V.V. Shur in the formation and development of domestic literary onomastics is marked.

Ключавыя словы: анамастыкон; літаратурная анамастыка; онім; функцыі ўласнага імені; паэтыка імені.

Уводзіны

Сучасны этап развіцця анамастыкі характарызуецца павышанай увагай да апісання літаратурных імёнаў і адзначаны актыўнай цікавасцю ў адносінах да анамастычных адзінак паэтычных, праявітых, драматургічных і інш. твораў. Мастацкі твор уяўляе сабой асаблівую сферу функцыянавання ўласных імёнаў, паколькі словы ў ім суадносяцца не толькі з рэальнай, але і з створанай рэчаіснасцю, а анамастычныя адзінкі ўступаюць у асацыятыўныя сувязі, па некалькі разоў пераасэнсоўваюцца (спачатку аўтарам, потым чытачом). Менавіта таму ўласныя імёны атрымалі статус мастацкага прыёму і ўвайшлі ў арсенал мастацкай паэтыкі, без чаго, на думку А.А. Фаміна, “узнікненне навукі пра паэтыку оніма наўрад ці магчыма” [7, с. 108].

Хаця ніхто з анамастаў не бярэцца з поўнай упэўненасцю сказаць, калі ў літаратурнага оніма з’явіўся гэты статус, нельга не заўважыць, што ўжо ў антычнай літаратуры ўласныя імёны адыгрывалі важную ролю, “вырашаючы не толькі ўласна лінгвістычныя задачы, але і выконваючы шэраг мастацкіх функцый, уласцівых і сучаснай нам літаратурнай аніміі” [7, с. 109].

У сувязі з ростам цікавасці грамадства да сваёй гісторыі, культуры і літаратуры ўзнікае неабходнасць у яго рэалізацыі.

Мэта і задачы даследавання – пазнаёміць чытачоў з тымі працамі і асобамі, якія прадстаўляюць сучасную беларускую літаратурную анамастыку. Указаная мэта прадугледжвае вырашэнне наступных задач: 1) выявіць асноўныя публікацыі беларускіх мовазнаўцаў па літаратурнай анамастыцы 2000–2020 гг.; 2) устанавіць асобы даследчыкаў літаратурнай анамастыкі ў Рэспубліцы Беларусь; 3) абапіраючыся на атрыманыя дадзеныя, вызначыць унёсак розных даследчыкаў ў развіццё літаратурнай анамастыкі як асобнага напрамка даследавання ўласных імён; 4) ахарактарызаваць ролю прафесара В.В. Шура ў станаўленні беларускай літаратурнай анамастыкі.

Метады і матэрыял даследавання

Для аналізу матэрыялу былі выкарыстаны апісальны, супастаўляльны з прыёмам і назірання, навуковай інтэрпрэтацыі, абагульнення; элементы статыстычнага метаду. Матэрыялам для даследавання паслужылі тэксты публікацый беларускіх вучоных па праблемах літаратурнай анамастыкі.

Вынікі і іх абмеркаванне

Першыя навуковыя публікацыі па беларускай літаратурнай анамастыцы сталі з’яўляцца ў 90-х гадах ХХ ст. Гэта былі невялічкія тэзісы прачытаных на розных навуковых канферэнцыях дакладаў В.В. Шура [10], В.А. Ляшчынскай [5], прадметам аналізу ў якіх сталі асаблівасці ўжывання прозвішчаў у творах Я. Куласа і беларускія тапанімныя назвы ў творах Я. Купалы і Ф. Янкоўскага. У самым канцы 1990-х В.В. Шур яшчэ не раз звяртаецца да пошуку месца і ролі ўласных назваў у прозе Ф. Янкоўскага [15], а пачынаючы з 2000 г. перавагу ў сваім даследаванні літаратурнай анамастыкі, якая на ўсё жывіцца стане колам яго навуковых інтарэсаў, аддае творах Я. Коласа, а В.А. Ляшчынская – паэзіі Я. Купалы.

Натуральна, што ўвагу даследчыкаў перш за ўсё прыцягнулі творы беларускай класікі ХІХ ст., якія ўвайшлі ў культурны фонд і лепш за ўсё вывучаныя з філалагічнага

пункту гледжання. Пры гэтым для аналізу звычайна выбіраліся анамастыконы пісьменнікаў, якія ўжывалі літаратурныя імёны з яркай ўнутранай формай ці відавочным сацыяльным каларытам, якія адразу звярталі на сябе ўвагу і “працавалі” на распазнаванне функцый гэтых імёнаў.

У той самы час пачынаецца распрацоўка больш агульных пытанняў паэтыкі ўласнага імені і асноўных тэарэтычных паняццяў, неабходных для гэтага. Варта згадаць у сувязі з гэтым артыкулы Г.М. Басавай [1], а таксама працы Н.П. Лобань [2] і В.В. Шура [11], дзе даследаванне вядзецца на матэрыяле мастацкай літаратуры і фальклору. У 2004 г. В.В. Шурам абараняецца першая доктарская дысертацыя па анамастычнай лексіцы ў мове беларускай мастацкай літаратуры, якая абагульніла назапашаныя звесткі пра лексіка-семантычныя асаблівасці онімаў у творах мастацкай літаратуры і азначала сабою новую стадыю вывучэння ўласных імёнаў у мастацкім тэксце [9]. Па ўсёй верагоднасці, пачатак XXI ст. і варта ўспрымаць як старт актыўнага этапу ў развіцці беларускай літаратурнай анамастыкі. Менавіта ў гэтым годзе абараняецца яшчэ адна доктарская дысертацыя [3], у адной з частак якой ўласныя імёны разглядаюцца як кампаненты паэтычнага тэксту і як адзінкі індывідуальнага стылю пісьменніка.

Тэмпы гэтага развіцця можна прасачыць па няўхільным і досыць хуткім павелічэнні як колькасці абароненых дысертацый (прычым не толькі па творчасці беларускіх пісьменнікаў, а і па творах рускіх, нямецкіх аўтараў: гл.: Ратнікова, И.Э. *Ономастические единицы вне прямой референции в русском публицистическом тексте: автореф. дис. ...д-ра филол. наук / 10.02.02 / И.Э. Ратникова: Белорусский государственный университет. – Минск, 2003. – 36 с.;* Петрачкова, И.М. *Значимость имени собственного в художественном тексте (на материале современной русской прозы): автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.02 / И.М. Петрачкова; Белорусский государственный университет. – Минск, 2003. – 21 с.;* Деревяго, А.Н. *Ономастическое пространство поэзии XX в.: семантика онима, функциональный потенциал: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / А.Н.Деревяго. – Витебск, 2005. – 22 с.;* Троцинская-Степушина, Т.Е. *Языковая репрезентация художественного образа в русскоязычной прозе Беларуси рубежа XX–XXI вв.: номинативный и лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Т.Е. Троцинская-Степушина; Белорусский государственный университет. – Минск, 2015. – 25 с.;* Шеверинова, О.В. *Социопрагматическая информативность имени собственного в русско- и немецкоязычном художественном тексте: (на материале произведений В.П. Астафьева и Г. Белля): автореф.дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / О.В. Шеверинова; Белорусский государственный университет. – Минск, 2018. – 28 с.),* так і па навуковых публікацыях, прысвечаных самым розным пытанням літаратурнай анамастыкі.

У складзеным намі бібліяграфічным спісе, які не прэтэндуе на вычарпальную паўнату, утрымліваецца больш за 200 назваў работ па дадзенай праблематыцы, якія адлюстроўваюць паступовае павілічэнне публікацый па беларускай, рускай і супастаўляльнай літаратурнай анамастыцы. Нельга не заўважыць, што колькасць новых даследаванняў па літаратурнай анамастыцы з кожным дзесяцігоддзем не змяншаецца.

Першае дзесяцігоддзе XXI ст. адзначана і з’яўленнем першых манаграфій па вывучэнні выкарыстання ўласных імён у творах беларускай і рускай класічнай літаратуры, якімі сталі зноў-такі найперш працы В.В. Шура [8, 12, 13, 14], В.А. Ляшчынскай [4], А.Ф. Рогалева [6].

Навукоўцы Беларусі надавалі ўвагу і метадычным аспектам аналізу ўласных імёнаў у мастацкай літаратуры, у сувязі з чым з’явіўся шэраг навучальных дапаможнікаў і падручнікаў па анамастыцы, якія абавязкова ўключаюць у якасці асобных раздзелаў пытанні функцыянавання онімаў у мастацкіх тэкстах. Аўтары падручнікаў (гл.: *Ономастика Беларуси: Антропонимия: учебник / А.М. Мезенко [и др.]. – Минск: РИВШ,*

2017. – 398 с.; Ономастика Беларусі: Топонімія: учебнік / А.М. Мезенко [і др.]; под ред. А.М. Мезенко. – Мінск: РІВШ, 2018. – 320 с.), вучэбных і вучэбна-метадычных дапаможнікаў (гл.: Бут-Гусаім, С.Ф. *Жанраўтваральная роля антрапанімаў у гістарычнай прозе берасцейскіх пісьменнікаў* : вучэбна-метадычны дапаможнік / С.Ф. Бут-Гусаім ; *Брэсцкі дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна*. – Брэст : Выд-ва БрДУ, 2013. – 100 с.; *Деревяго, А.Н. Имя собственное в художественном тексте: учебно-методическое пособие* / А.Н. Деревяго. – Витебск, Издательство «ВГУ им. П.М.Машерова», 2008. – 197 с.; *Ляшчынская, В.А. Анамастыка, тэрміналогія і фразеалогія: вучэбна-метадычны дапаможнік* / В.А. Ляшчынская, М.У. Буракова. – Мінск: РІВШ, 2011. – 166 с.; *Беларуская антрапанімія* : вучэб. дапам. / Г.М. Мезенка (наук. рэд.) [і інш.]. – Віцебск : УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2009. – 254 с.; *Белорусская ономастика: топонимия* : учебное пособие / А.М. Мезенко [і др.]; под общей ред. А.М. Мезенко. – Минск: Элайда, 2012. – 260 с.; *Рогалев, А.Ф. Ономастика художественных произведений: Пособие* / А.Ф. Рогалев. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2002. – 194 с.; *Шур, Васіль. Беларускія ўласныя імёны: беларуская антрапанімія і тапанімія: дапаможнік для магістрантаў, якія навучаюцца па спецыяльнасці 1-21 80 11 “Мовазнаўства”* / Васіль Шур. – Мазыр: Выснова, 2018. – 355 с.) на багатым фактычным матэрыяле тлумачаць не толькі паходжанне і станаўленне сістэмы беларускіх і рускіх онімаў, прыводзяць тэарэтычныя сведчанні пра сучасны стан і гістарычнае фарміраванне розных формул іменавання жыхароў Беларусі, але і іх функцыянаванне ў сацыюме, фальклоры і творах мастацкай літаратуры.

Паклаўшы ў аснову колькасць публікацый, усіх даследчыкаў літаратурнай анамастыкі першых двух дзесяцігоддзяў XXI ст. можна ранжыраваць наступным чынам: 1) маюць больш за 50 публікацый – В.В. Шур (57); 2) больш за 20 публікацый – І.М. Петрачкова (23); 3) больш за 15 публікацый – С.Ф. Бут-Гусаім, Г.М. Дзеравяга, Т.П. Слесарава (15–17); 4) больш за 10 публікацый – І.Э. Ратнікава, В.В. Шэвярынава (10–12); 5) больш за 5 публікацый – В.А. Ляшчынская, А.Ф. Рогалев, Т.Я. Трашчынская-Сцяпушына, Г.В. Юдзянкова, Г.Я. Парамонава (6–7).

Астатнія 14 даследчыкаў (Т.П. Вальнец, Л.А. Гадуйка, Ю.М. Галкоўская, З.М. Заіка, І.М. Зуева, Г.У. Карпук, Н.П. Лобань, М.М. Макарэвіч, Г.М. Саланкова, Т.І. Сінкевіч, В.В. Струкаў, В.С. Тарасевіч, І.М. Цярэнцьева, З.У. Шведава) маюць адзінкавыя публікацыі па аналізаванай праблематыцы.

Цяпер назапашаны значны матэрыял па агульных пытаннях літаратурнай анамастыкі – спецыфіцы літаратурных онімаў, прыёмах і спосабах выражэння імёнамі разнастайных сэнсаў, іх функцыі ў мастацкім тэксце, узаемадзеянні з іншымі адзінкамі тэксту і г. д., – і на канкрэтных аўтарах і творах.

Аб'яднаны і вывучаны матэрыял прадстаўлены вельмі нераўнамерна: адным праблемам, пісьменнікам, творах надаецца значна больш увагі, чым іншым. Так, сярод аўтараў беларускай мастацкай літаратуры, творы якіх выкарыстоўваліся ў якасці матэрыялаў для даследавання, знаходзім Я. Коласа, Я. Купалу, М. Багдановіча, В. Дуніна-Марцінкевіча, А. Сержпутоўскага, І. Шамякіна, І. Навуменку, Р. Барадуліна, Э.Ажэшка, Я. Брыля, П. Броўку, У. Караткевіча, Ф. Янкоўскага, А. Адамовіча, Р. Баравікову, Г. Марчука, В. Іпатаву, З. Дудзюк, А. Наварыча, В. Казько, В. Коўтун, У. Калесніка, У. Гніламедава, Г. Далідовіча, Л. Дранько-Майсюка, А. Мрыя, У. Верамейчыка, Г. Дашкевіч, Г. Марцінкевіча. Сустракаюцца лакуны, якія, мяркуючы, знойдуць запаўненне пазней.

Творы аўтараў рускай літаратуры радзей станаліся прадметам аналізу беларускіх даследчыкаў літаратурнай аніміі. Прыцягвала ўвагу спецыялістаў-філолагаў анімія твораў такіх рускіх пісьменнікаў, як А. Пушкін, В. Брусаў, Ф. Дастаеўскі, Б. Пастарнак, В. Астаф'еў, В. Розаў, А. Вампілаў, М. Зошчанка, А. Арбузаў, Е. Папова, У. Казакевіч, М. Успенскі.

Нераўнамерна вывучаны і разрады літаратурных онімаў: асноўная колькасць работ прысвечана вывучэнню антрапаніміі (каля 180), значна менш, улічваючы антрапацэнтрычнасць мастацкага тэксту, – літаратурнай тапаніміі (каля 30), адзінкавыя даследаванні па іншых разрадах анамастычнай лексікі.

Галоўнай лакунай у даследаванні беларускай літаратурнай анамастыкі другога дзесяцігоддзя XXI ст, якая патрабуе тэрміновага запаўнення, з’яўляецца адсутнасць абагульняючых манаграфій па гэтай праблематыцы, якія б змаглі аб’яднаць назапашаныя шматлікімі даследчыкамі эмпірычныя назіранні і фактычны матэрыял.

Нельга не пагадзіцца ў гэтых адносінах з думкай А.А. Фаміна, выказанай у дачыненні да стану распрацоўкі рускай літаратурнай анамастыкі, што “сучасная літаратурная анамастыка знаходзіцца на той стадыі, калі асабліва плённа абагульненне атрыманых вынікаў, выяўленне ў апісаных фактах агульных заканамернасцей і вызначэнне прырытэтных, найбольш перспектывіўных напрамкаў іх вывучэння” [1, с. 116].

Высновы

Такім чынам, пачатак XXI ст. даў старт актыўнаму этапу ў развіцці беларускай літаратурнай анамастыкі. За гэты перыяд абаронена 3 доктарскія і 4 кандыдацкія дысертацыі, 6 манаграфій, 9 вучэбных дапаможнікаў і падручнікаў. Да праблемы іменавання літаратурнага персанажа з 2000-га г. сярод беларускіх анамастаў, па нашых падліках, звярталіся 26, найбольш прадуктыва сярод якіх працавалі прафесар В.В. Шур, засведчыўшы сябе як выдатны даследчык літаратурнай анамастыкі, як пачынальнік гэтага напрамку навукі пра ўласныя імёны ў Беларусі, таленавіты навуковы кіраўнік, дзейнасць якога непарыўна звязана з падрыхтоўкай кадраў вышэйшай навуковай кваліфікацыі; прафесары В.А. Ляшчынская, І.Э. Ратнікава, дацэнты І.М. Петрачкова, Г.М. Дзеравяга, С.Ф. Бут-Гусаім, Т.П. Слесарава, В.В. Шэвярынава і інш.

Літаратура

1. Басава, Г.М. Літаратурныя антрапонімы як элемент “анамастычнай прасторы” твора / Г.М. Басава // Беларуская мова ў другой палове XX стагоддзя : матэрыялы Міжнар. навук.канф., Мінск, 22–24 кастрычніка 1997 г. / Бел. дзярж. ун-т, Акад. навук Беларусі ; рэдкал.: Л.І. Сямешка, М.Р. Прыгодзіч [і інш.]. – Мінск, 1998. – С. 225–228.
2. Лобань, Н.П. “Які Рыгорка, такая пра яго й гаворка”: Мянуска як сродак выражэння ацэнкі і характарыстыкі літаратурнага персанажа / Н.П. Лобань // Роднае слова. – 1999. – № 7. – С. 61–67.
3. Ляшчынская, В.А. Мова паэзіі Янкі Купалы : дыс. ... д-ра філал. навук : 10.02.01 / В.А. Ляшчынская ; Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны. – Гомель, 2004. – 227 с.
4. Ляшчынская, В.А. Слова ў паэзіі Янкі Купалы / В.А. Ляшчынская ; навук. рэд. А.І. Падлужны. – Мінск : Беларуская навука, 2004. – 272 с.
5. Ляшчынская, В.А. Тапанімічныя назвы ў мове Янкі Купалы / В.А. Ляшчынская // Валадар роднага слова : Тэз. рэсп. навук.-практ. канф., прысвечанай 110 гадавіне з дня нараджэння Янкі Купалы. – Гомель, 1992. – С. 46–48.
6. Рогалев, А.Ф. Имя и образ: Художественная функция имён собственных в литературных произведениях и сказках / А.Ф. Рогалев. – Гомель : Барк, 2007. – 224 с.
7. Фомин, А.А. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы / А.А. Фомин // Вопросы ономастики. – 2004. – № 1. – С. 108–120.
8. Шур, В.В. Анамастычная лексіка ў беларускай мастацкай літаратуры / В.В. Шур. – Мінск : УП “Тэхнапрінт”, 2002. – 228 с.
9. Шур, В.В. Анамастычная лексіка ў мове беларускай мастацкай літаратуры : дыс. ... д-ра філал. навук : 10.02.01 / В.В. Шур ; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. – Мінск, 2004. – 209 с.
10. Шур, В. Беларускія тапанімічныя назвы ў прозе Фёдара Янкоўскага / В. Шур // Дыялекталогія і культура беларускай мовы : Тэз. рэсп. навук.-практ. канф. 11–12 снеж. 1991 / АН БССР. – Мінск, 1991. – С. 193–196.
11. Шур, В.В. Імя і прозвішча ў мастацкай літаратуры, фальклору / В.В. Шур // Беларуская мова і літаратура. – 1997. – Вып. 7. – С. 104–116.
12. Шур, В.В. Онім у мастацкім тэксце : манаграфія / В.В. Шур. – Мінск : Бел.кнігазбор, 2006. – 216 с.
13. Шур, В.В. Уласныя імёны ў часе і прасторы / В.В. Шур. – Мінск : НІА, 2008. – 100 с.
14. Шур, В.В. Уласнае імя ў мастацкім тэксце : манаграфія / В.В. Шур. – Мазыр : УА МДПУ імя І.П. Шамякіна, 2010. – 207 с.

15. Шур, В.В. Уласныя назвы ў прозе Фёдара Янкоўскага / В.В. Шур // Жыццём слугуючы Айчыне: Матэрыялы навук. канф. да 80-х угодкаў праф. Ф. Янкоўскага / Брэст. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна. – Брэст, 1999. – С. 224–230.

References

1. Basava G.M. (1998). Litaraturnyja antraponimy jak element “anamastychnaj prastory” tvora. *Belaruskaja mova ū drugoj palove XX stagoddzia: materyjaly Mizhnar.navuk.kanf., Minsk, 22-24 kastrychnika 1997 g.* [Literary anthroponyms as an element of the "onomastic space" of the work. *Belarusian language in the second half of the twentieth century: materials of the International. Scientific Conference, Minsk, October 22-24, 1997*]. Minsk, 225-228. (In Belarus).
2. Loban N.P. (1999). “Jaki Rygorka, takaja pra jago I gavorka” : Mianushka jak srodak vyrazhennia acenki I haraktarystyki litaraturnaga persanazha. *Rodnaje slova*. [“What Gregory, such is the speech about him”: Nickname as a means of expressing the assessment and characteristics of a literary character. Native word. *Native word*], 7, 61-67. (In Belarus).
3. Liaschynskaja V.A. (2004). *Mova paezii Janki Kupaly*. [The language of Yanka Kupala's poetry]. (Doctoral dissertation. Gomel). (In Belarus).
4. Liaschynskaja V.A. (2004). *Slova ū paezii Janki Kupaly*. [A word in the poetry of Yanka Kupala]. Minsk : Belarusian science.
5. Liaschynskaja V.A. (1992). Tapanimichnyja nazvy ū move Janki Kupaly. *Valadar rodnaga slova: Tez.resp.navuk-prakt.kanf., prysvechanaj 110 gadavine z dnia naradzhennia Janki Kupaly*. [Tapanimichnyja names ū mov Janki Kupala. *Valadar native words: Tez.resp.navuk.-practical kanf., Shine 110 gadavina from the day of naradzhennya Janki Kupala*]. Gomel, 46-48. (In Belarus).
6. Rogalev A.F. (2007). *Imia i obraz: Hudozhestvennaja funkcija imion sobstvennych v literaturnych proizvedenijah i skazkah*. [Name and image: The artistic function of proper names in literary works and fairy tales]. Gomel: Bark.
7. Fomin A.A. (2004). Literaturnaja onomastika v Rossii: itogi i perspektivy, *Voprosy onomastiki*. [Literary Onomastics in Russia: Results and Prospects. *Questions of onomastics*]. 1, 108-120. (In Russ).
8. Shur V.V. (2002). *Anamastychnaja leksika ū belaruskaj mastackaj litaratury*. [Onomastic vocabulary in Belarusian fiction]. Minsk: Technaprint.
9. Shur V.V. (2004). *Anamastychnaja leksika ū move belaruskaj mastackaj litaratury* [Onomastic vocabulary in the language of Belarusian fiction]. (Doctoral dissertation. Minsk). (In Belarus).
10. Shur V.V. (1991). Belaruskija tapanimichnyja nazvy ū proze Fiodara Jankoŭskaga. *Dyjalektalogija i kultura belaruskaj movy: Tez.resp.navuk.kanf. 11-12 snezh, 1991*. [Belarusian Tapan Names v Fyodar Yankoŭskag's Prose. *Dyialektalogiya and Culture of Belarusian Language: Tez.resp.nauk.-practical.kanf. 11-12 snow 1991*]. Minsk, 193-196. (In Belarus).
11. Shur V.V. (1997). Imia i prozvišcha ū mastackaj litaratury, falklory. *Belaruskaja mova i litaratura*. [Name and surname in fiction, folklore. *Belarusian language and literature*], 7, 104-116. (In Belarus).
12. Shur V.V. (2006). *Onim ū mastackim tekse: managrafija*. [Onym in an artistic text: a monograph]. Minsk: Technaprint.
13. Shur V.V. (2008). *Ulasnyja imiony ū chase i prastory*. [Proper names in time and space]. Minsk: NIA.
14. Shur V.V. (2010). *Ulasnaje imia ū mastackim tekse : managrafija*. [Proper name in the artistic text: monograph, 2010]. Mazyr; UA MDPU named after I.P. Shamyakin.
15. Shur V.V. (1999). Ulasnyja nazvy ū proze Fiodara Jankoŭskaga. *Zhycciom slugujuchy Ajchyne: Mat-ly navuk.kanf.da 80-h ugodkaj prof. F. Jankoŭskaga*. [Proper names in the prose of Fyodor Yankovsky. *Serving the Fatherland with life: Mat-ly navk.kanf. to the 80th anniversary of prof. F. Jankowski*]. Brest, 224-230. (In Belarus).

УДК 811.161.1'373.23:821.161.1-2Розов

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИОНИМИИ В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ (на материале пьесы В.С. Розова «В дороге»)

И.М. Петрачкова,

доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка как иностранного
Гомельского государственного медицинского университета
г. Гомель, Республика Беларусь
E-mail: innamihail@mail.ru

Статья посвящена исследованию такого явления в литературной ономастике, как полионимия, на материале имен собственных, используемых драматургом В.С. Розовым для номинации персонажей пьесы «В дороге», написанной в 60-е годы XX века. В исследовании раскрываются проблемы, связанные с установлением роли антропонимов при создании художественного образа и воплощении авторского замысла в произведениях драматургии соцреализма. Онимические средства, отражающие явление многоименности, как художественный прием, присущий творчеству автора, рассматриваются в прагматическом, лингвокультурологическом, этимологическом и функционально-семантическом аспектах.

Ключевые слова: полионимия, контекст, прецедентное имя, антропоним, онимические средства, драматургия.

**ARTISTIC, AESTHETIC AND CONCEPTUAL POTENTIAL OF POLYONYMY
IN THE DRAMATURGICAL CONTEXT
(on the material by V.S.Rozov's play "On the road")**

I.M. Petrachkova,

associate Professor, Cand. Ph.D., head of the Department of Russian as a Foreign Language,
Gomel State Medical University
Gomel, Republic of Belarus
E-mail: innamihail@mail.ru

The article is devoted to the study of such a phenomenon in literary onomastics as polyonymy, on the basis of proper names used by the playwright V.S. Rozov for the nomination of the characters of the play "On the Road", written in the 60s of the XX century. The study reveals the problems associated with the establishment of the role of anthropoetonyms in the creation of an artistic image and the embodiment of the author's intention in the works of socialist realism drama. Onymic means, reflecting the phenomenon of multi-name, as an artistic device inherent in the author's work are considered in pragmatic, linguoculturological, etymological, functional and semantic aspects.

Key words: polyonymy, context, precedent name, anthropoetonym, onymic means, drama.

Введение

На всех этапах познания литературного произведения немаловажную информацию дает использованная автором система имен собственных. Применение особого метода ономастического прочтения текста предполагает изучение языковой личности писателя посредством исследования особенностей употребления имен собственных (далее ИС) в творчестве художника слова. ИС в рамках литературного текста приобретает своеобразное значение. Наше исследование направлено на выявление роли и потенциала такого ономапоэтического явления, как полионимия (многоименность) [1, с. 112] в творчестве писателя-драматурга В. С. Розова. Изучение проприального пространства драматургических произведений реалистического искусства, в том числе и творчество В. С. Розова, до сих пор остается до конца неисследованным. Вопросы, связанные с ликвидацией имеющихся лакун в освоении произведений писателей в разных аспектах, в том числе и с точки зрения ономапоэтического анализа, всегда будут актуальны и интересны для современных филологических наук. Материалы изысканий, отраженные в статье, найдут практическое применение в научно-исследовательской и педагогической деятельности литературоведов и лингвистов.

Цель работы заключается в определении специфики и установлении значимости онимических средств, избранных драматургом для номинации одного и того же персонажа.

Данная цель требует решения следующих **задач**: 1) выявление всего комплекса ИС, закрепленных за одним героем произведения; 2) установление прагматических смыслов каждого поэтонима, обусловленных художественным контекстом пьесы; 3) определение функций номинаций и описание семантико-стилистических особенностей ИС, обусловленных эпохой создания ХТ и избранным драматургом художественным методом, идиостилем писателя.

Методы и материал исследования

Материалом исследования стал весь комплекс антропоэтических единиц, использованных автором пьесы «В дороге» для номинации одного и того же персонажа с целью реализации характеристической, концептуальной и интертекстуальной функций.

Статья отражает результаты применения прагматического, этимологического, функционально-семантического и лингвокультурологического аспектов анализа ИС в драматургическом тексте эпохи соцреализма.

Результаты и их обсуждение

Полионимия текста в целом является многофункциональным средством языка художественной литературы, которое осуществляет огромную работу по созданию и раскрытию характеров персонажей, передаче авторского замысла, а также формированию художественно-образной модели произведения. Множество имен, используемых для номинации одного и того же героя, выбор которых основан на обилии разных черт его характера, поведенческих проявлений, внутренних личностных свойств и внешних признаков, является одним из художественных приемов, позволяющих в концентрированном виде создать всесторонне исчерпывающую обрисовку персонажа, а также реализовать индивидуально-авторские интенции. Ярким примером этому могут служить многочисленные прецедентные имена, присваиваемые героям по разным их качествам. Применение многоименности В. С. Розовым в ХТ пьесы, возможно, обусловлено ещё и тем, что в отличие от прозы в произведениях драматургии художественные средства для характеристики персонажей, передачи авторской концепции и отношения к действующим лицам значительно ограничены.

Смыслопорождающую функцию, обладающую определенной семантической аурой и эксплицирующей идиоматически или фразеологически устоявшиеся значения, в анализируемом нами материале имеет прецедентное имя, выступающее, как ономастическая метафора. Так, главный герой пьесы *Вова*, обращаясь к своей попутчице Симе, называет ее *леди Астор*, подчеркивая инициативность, смелость, находчивость, бережливость, рачительность и неординарность девушки. В истории *леди Астор* известна как активная, властная женщина, которая отличалась от других английских леди своими манерами и чудачествами. *Леди Астор*, обладая миллионами, любила, однако, перед всеми демонстрировать свою «бережливость». Иногда по вечерам после званого обеда с гостями эта женщина садилась около камина и начинала штопать порванные чулки. Неслучайно, Владимир присваивает Серафиме данную номинацию, иронизируя по поводу экономности и расчетливости юной девушки. Оказавшись в дороге совершенно без денег, именно «Сима шарит по карманам» [3, с. 37] и неожиданно восклицает: «У меня же три копейки есть! Вот! (Достала деньги.) Зайдем в булочную, двести пятьдесят граммов хлеба купим» [3, с. 37]. На что Вова незамедлительно реагирует: «Двести пятьдесят! Смотри-ка! Идем, *леди Астор!*» [3, с. 37]. Себя *Владимир* порой тоже именуется разными антропонимами и их вариантами, например, *Вова*, *Владимир*, *Фёдоров* (в зависимости от коммуникативной ситуации). Разные варианты ИС помогают определить позиции коммуникантов и их интенции при общении. На вопрос Павла, как того зовут, *Вова* иронично отвечает: «*Сидор*» [3, с. 61], оставляет записку, подписывая ее только инициалами *В.Ф.* За чувство юмора и самоиронию другие персонажи именуют *Владимира – Шут Иваныч* («АНДРЕЙ ДАНИЛЬЧ. Работа есть, *Шут Иваныч*») [3, с. 57–58]. Синкопированная форма отчества звучит более непринуждённо по сравнению с полной, несинкопированной и свидетельствует о меньшей дистанции между коммуникантами; выдвигание апеллиатива со сниженной и характеризующей семантикой на позицию личного имени и, как следствие, его окказиональная, ситуативная онимизация реализуют комическую функцию окказиональной номинативной единицы. Сам *Федоров* целенаправленно присваивает персонажам разные номинации. Для создания комического эффекта драматург затевает эту игру с именословом героев. Один из эпизодических действующих лиц пьесы, который, используя свое служебное положение, пытается обмануть Вову и заплатить ему за тяжелую работу меньше, чем обещал, присвоив себе остальные деньги, ведет себя весьма уверенно, чинно и важно. Замечая эту черту, манерность в его поведении, Володя намеренно называет персонажа другими именами, используя аллюзии: «*ВОВА. ... Веди! Александр Всеволодович! АНДРЕЙ ДАНИЛЬЧ. Меня Андреем Данилычем зовут. ВОВА.*

А я думал, ты Александр Невский» [3, с. 57–58]. В данном контексте антропонимы *Александр Всеволодович* и *Александр Невский* применяются с целью ироничного намека на привилегированное положение героя (именно он выдает рабочим деньги), его властность и превосходство в поведении, проявляемые по отношению к окружающим его людям. Номинации ассоциируются в читательском сознании с лексемами «князь», «властелин» (ср. известных исторических деятелей с аналогичными личными именами *Александр Всеволодович* – князь Владимиро-Волынский в XII–XIII веках; *Александр Всеволодович (Глебович)* – князь Дубровицкий в XII–XIII веках; *Александр Всеволодович* – князь Псковский в 1341 году или же *Александр Невский* – Новгородский князь и полководец). Реализующие комическую функцию узуальные антропонимы *Александр Всеволодович* / *Александр Невский* формируют комичность за счёт несоответствия «высокого», «княжеского» наименования номинируемому объекту (рядовому железнодорожнику).

Писатели эпохи реализма, как правило, всегда заботились о соответствии выбираемых онимов исторической правде, реальной жизни. Разумеется, прежде всего это было связано с избранием того художественного метода, в рамках которого работал художник слова, стремясь быть правдивым и убедительным в отражении человека и его взаимосвязи с окружающим миром, т.к., по мнению самого В.С. Розова, «самое выразительное, самое зажигающее слово со сцены – это слово правды жизни, правды человеческих чувств» [3, с. 300].

«Современная история в двух действиях» [3, с. 5] В.С. Розова «В дороге» отражает становление личности через общение человека с другими людьми. Сменивший за два года после окончания школы три места работы, упрямый и строптивый москвич Володя не может найти взаимопонимания с родителями. После очередного конфликта он отправляется к дяде Васе, живущему в небольшом городке за Уралом. Дядина семья встретила родственника радушно, но разговоры о необходимости поиска себя в жизни продолжились и там. Рассорившись с родней, без денег и вещей, Володя спешит на поезд, чтобы возвратиться обратно домой. За ним с целью догнать и вернуть последовала и приемная дочь дяди Васи *Сима* / *Серафима*. Отстав от поезда и оказавшись вместе в дороге, молодые люди ближе знакомятся друг с другом. Они проходят немалое расстояние, встречаются с разными людьми. Эти встречи накладывают отпечаток на характер главного героя, одновременно меняя и преображая его. В начале пьесы перед нами предстаёт герой, категоричный, жаждущий во всем и всегда справедливости. Владимир хочет отстоять за собой право быть таким, каким он является, сохранить свою индивидуальность, не стать таким, как все, обезличенным и ничтожным. В конце же Владимир становится мягче, терпимее и уважительнее к людям. Инфантильный, разочарованный в жизни юноша, который доставлял беспокойство своим любящим родителям, постоянно раздражался и язвил, саркастичный, несколько черствый и грубый по отношению к окружающим, пройдя определенные испытания, преображается и становится иным человеком. Все эти метаморфозы с героем происходят благодаря настойчивому, твердому, решительному и стойкому характеру *Симы*, ее жертвенности, огромному желанию помочь молодому человеку найти себя и свое предназначение в жизни.

Полное имя попутчицы Владимира – *Серафима* восходит к мужскому русскому имени *Серафим* «из др.-евр. *saraphim* змеи – в библейской традиции символизировали пламя вокруг трона бога; отсюда серафим – огненный ангел; греч. *Seraphim*, лат. *Seraphim*» [4, с. 199]. Девушка из пьесы В.С. Розова, действительно, решительна и тверда. Опасаясь за судьбу Володи, она смело следует за ним. Молодой человек, «одержимый яростью, быстро шагает по шпалам» [3, с. 24], и пытается прогнать *Симу* обратно домой. Словно ангел, *Сима* оберегает молодого человека, приходит ему на помощь и даже спасает от случайной смерти. «Позади бежит *Сима*. Лицо Володи холодное, злое. Он идет в ровном энергичном ритме. <...> СИМА (задыхаясь, кричит). Поезд сзади идет!.. Поезд!.. Сойди с пути!» [3, с. 24]. Однако с антропонимом *Серафима* не все так просто. Собственно, автор не случайно нам рассказывает устами героини, что это имя не было дано ей с рождения: так

назвали найденную девочку в удочерившей её семье. Благодаря такой специфической особенности использования ИС, как полионимии (многоименности) драматург акцентирует, привлекает особое внимание к антропониму *Серафима*. Узнав от девушки новость о том, что она приемная дочь его дяди, который нашел ее «в Пинских лесах в сорок четвертом году, когда отрядом командовал» [3, с. 43], обрадованный Володя начинает весело фантазировать, подбирая для героини всевозможные личные имена-фиктонимы (вымышленные имена): «А зовут тебя как? <...> Погоди, погоди!.. Так ты, может быть, *Зина? Галя, Варя? Тоня? Фекла? Лена? Ульяна? А?* Ну, скажи, кто ты?» [3, с. 43]. И потом на протяжении всей пьесы Владимир подшучивает над героиней, «примеряя» к ней разные другие женские имена, называя *Луизой, Настей, Евдокией, Еленой, Ириной, Верой, Анастасией* и пр. Разумеется, это не может быть случайностью. Во-первых, драматург создает игровой эффект в пьесе посредством полионимии, несущей в себе определенный идеологический подтекст. Сущность его заключается в передаче мысли о типичности сложившейся ситуации и человеческой судьбы, независимо от избранного В.С. Розовым антропонима для номинации персонажа. Ведь девочка с любым именем, будь то *Серафима, Тоня, Анастасия, Луиза, Евдокия, Елена, Ирина, Вера* и проч., могла во время Великой Отечественной войны остаться сиротой и попасть в одну из таких семей, какую автор рисует в ХТ пьесы, что, безусловно, является чертой реалистического метода.

Во-вторых, имя *Серафима*, в начале 60-х годов само по себе не слишком частое, могло привлекать внимание читателя или зрителя. Если же он узнавал в ходе действия, что имя девушкой было получено не от настоящих, а от приёмных родителей, то эта художественная деталь поневоле обращала на себя внимание. Отметим, что драматург вводит эту деталь вне всякой сюжетной прагматики: развитие действия в пьесе не зависит от того, является ли имя *Серафима* исконным или присвоено героине после удочерения. Поэтому можно предполагать, что автор пьесы сообщает эту подробность тем самым ненавязчиво акцентирует внимание на данном ониме, выделяя его от остальных элементов ономастиконона.

У имени *Серафима* есть и другой характеризующий персонажа потенциал. Личное имя *Серафима* имеет этимологическое значения «огненный ангел» [4, с. 199], и поэтому антропоним указывает не только на то, что героиня, как ангел-хранитель, спасает Владимира, предупреждая его о приближающемся сзади поезде. В нем также сокрыт и иной, более глубокий концептуальный прагматический смысл. Чтобы убедиться в характеризующем потенциале данной номинации, нужно прежде всего разобраться с тем, кто такие *серафимы*, что им свойственно и что может объединять ветхозаветный образ огненного ангела и персонаж реалистической драмы середины XX века. Функция мифологического ангела-серафима при его контактировании с человеком состоит скорее не в том, чтобы уберечь человека от опасностей, а в том, чтобы в соответствии с божественной волей преобразить его. Вспомним пушкинского «Пророка», которому на перепутье явился шестикрылый серафим, чтобы томимого духовной жаждой обыкновенного человека превратить в пророка, обходящего моря и земли и жгущего глаголом сердца людей. Преображение это было осуществлено через смертные муки и страдания человека, и без них оно не могло бы произойти. Напомним эти поэтические строки: «...*Отверзлись веющие зеницы, Как у испуганной орлицы. <...>... И он к устам моим приник, И вырвал греющий мой язык, <...> И он мне грудь рассек мечом, И сердце трепетное вынул, И угль, пылающий огнем, Во грудь отверстую водвинул. Как труп в пустыне я лежал, ...*» [2]. В основе пушкинского сюжета, вероятно, эпизод из Ветхого Завета (Книга пророка Исайи, 6:6), в котором к человеку прилетает серафим, чтобы горячим углем очистить того от грехов и земной скверны. *Серафима*, словно пушкинский серафим или серафим пророка Исайи, постепенно через общие трудности, беды и страдания преобразует «томящегося духом» Владимира. Более того, она видит в этом своё предназначение, свою миссию, поэтому и не покидает его, как ни старается герой прогнать её от себя. Владимир хочет изменить мир к лучшему, но до некоторых пор ещё не может, не знает как, не умеет. Для

того, чтобы это сделать, он должен измениться сам, многое понять, переосмыслить, и для этого судьба посылает ему *Серафиму*, помогающую Владимиру измениться, очистив свой дух от скверны. Таким образом, речь в данном случае может идти не только о характеризующей функции поэтонима *Серафима*, но и о концептуальной и об интертекстуальной его функциях. Трудно сказать определённо, был ли знаком В. С. Розов с книгой пророка Исайи, но знаменитое пушкинское стихотворение «Пророк» он, без сомнения, знал, а поэтому, выбирая имя для героини, драматург мог (осознанно или неосознанно) ориентироваться на данный текст.

Выводы

Таким образом, автор, прибегая к антропозитической полионимии в рамках драматургического метода решает целый ряд конструктивных задач: оказывает эмоциональное воздействие на читателя / зрителя (*леди Астор, Шут Иваныч, Сидор*), создает комический эффект (*Александр Всеволодович, Александр Невский*), акцентируя, привлекая внимание к имени героя, реализует огромный прагматический потенциал поэтонима, вызывая в сознании определенные ассоциативные интертекстуальные ряды, стремится создать совершенно особенный путь передачи авторской концепции посредством антропозонима (*Серафима*), воплощает свои идеологические (*Зина, Галя, Варя, Тоня, Фекла, Лена, Ульяна, Тоня, Анастасия, Луиза, Евдокия, Елена, Ирина, Вера*) и характеристические смыслы (*Серафима*) в художественном контексте пьесы.

Литература

1. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – АН СССР, Институт языкознания. – Москва : «Наука», 1978. – 200 с.
2. Пророк – Пушкин А.С. – читать книгу онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rusneb.ru › catalog>. – Дата доступа: 09.09.2021.
3. Розов, В.С. Мои шестидесятые... (пьесы и статьи) / В.С. Розов. – М. : Искусство, 1969. – 376 с.
4. Суперанская, А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание / А.В. Суперанская. – М. : Айрис-пресс, 2005. – 384 с.

References

1. Podolskaya, N.V. (1978). *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii*. [Dictionary of Russian onomastic terminology]. AN SSSR, Institut yazykoznanija. [Academy of Sciences of the USSR, Institute of Linguistics]. Moscow: Nauka. (In Russ)
2. Prorok — Pushkin A.S. — chitat' knigu onlajn [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://rusneb.ru › catalog> – Data dostupa: 09.09.2021. (In Russ)
3. Rozov, V.S. (1969). *Moi sheshtidesyatye... (p'yesy i stat'i)* [My sixties ... (plays and articles)] (pp. 5 – 82). Moscow: Iskusstvo. (In Russ)
4. Superanskaya, A.V. (2005). *Sovremennyy slovar' lichnykh imen: Sravneniye. Proiskhozhdeniye. Napisaniye*. [The Modern Dictionary of Personal Names: A Comparison. Origin. Writing]. Moscow: Iris-press. (In Russ)

УДК 811.161.3:373.23:821.161.3

АНАМАСТЫЧНАЯ МЕТАФРА Ў МОВЕ БЕЛАРУСКАЙ МАСТАЦКА-БІАГРАФІЧНАЙ ПРОЗЫ

В. Р. Слівец,

кандыдат філалагічных навук, старшы выкладчык кафедры педагогікі і псіхалогіі
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: kovsharolga@tut.by

В статье рассматривается ономастическая метафора как один из способов коннотативного употребления имени собственного в языке художественной литературы. На примерах, отобранных из произведений художественно-биографической прозы белорусских авторов, анализируется ассоциативно-семантический потенциал прецедентных единиц, используемых в метафорическом значении в

художественном тексте, способность таких имён собственных актуализировать экстралингвистическую, нетекстовую информацию. Отдельное внимание уделяется выявлению национальной и историко-культурной специфики ономастических метафор, характерной для белорусской лингвокультуры.

Ключевые слова: коннотация, национально-культурная специфика, оним, ономастическая метафора, прецедентное имя.

ONOMASTIC METAPHOR IN THE LANGUAGE OF BELARUSIAN ART-BIOGRAPHICAL PROSE

V. R. Slivets,

Cand. Ph.D., Senior Lecturer of the Department of Pedagogy and Psychology
of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: kovsharolga@tut.by

The article examines onomastic metaphor as one of the methods of connotative use of a proper name in the language of fiction. Using examples selected from works of art-biographical prose by Belarusian authors, the associative and semantic potential of precedent units used in a metaphorical meaning in a literary text, the ability of such proper names to actualize extralinguistic, non-textual information is analyzed. Special attention is paid to identifying the national, historical and cultural specifics of onomastic metaphors, characteristic of the Belarusian linguistic culture.

Key words: connotation, national-cultural specificity, onym, onomastic metaphor, precedent name.

Уводзіны

Выкарыстанне ўласных імёнаў з пераносным значэннем, заснаваным на мадэлі метафары, абумоўлена сацыякультурнай прыродай імёнаў, іх багатым асацыятыўна-семантычным полем, межы якога распаўсюджваюцца і ў сферы экстралінгвістычнай культурнай інфармацыі. Існуе вялікая колькасць навуковых прац у айчыннай і замежнай лінгвістыцы, прысвечаных аналізу феномену метафары, аднак анамастычная метафора як асобная яе разнавіднасць застаецца мала даследаванай. Пры гэтым нельга не адзначыць працы Р. Варанцова [1], Т. Ларынай [3], А. Нахімавай [4], І. Ратнікавай [5], у якіх аналізуюцца метафары з уласнымі імёнамі ў сваім складзе.

Ужыванне ўласных імёнаў з метафарычным значэннем І. Ратнікава называе «іх нестандартнымі маўленчымі паводзінамі» [5, с. 47]. Ёю была зроблена выснова, што «ужыванне любой намінатыўнай адзінкі па-за яе прамой рэфэрэнцыяй звязана з актыўным пераўтварэннем семантыкі, часцей за ўсё паводле метафарычнай мадэлі». Онiмы, «стаўшы сродкам іншасказання, другаснай намінацыі і вобразнай прэдыкацыі, пераўтвараюцца ў словы-паняцці» [5, с. 8].

Такім чынам, *анамастычная метафора* – гэта асобая разнавіднасць маўленчай метафары, заснаваная на нерэфэрэнтным ужыванні ўласнага імя.

Мэтаі нашага артыкула стала вылучэнне лексіка-семантычных і функцыянальна-стылістычных асаблівасцей онiмаў у складзе анамастычных метафар. Адпаведна былі пастаўлены задачы акрэсліць асацыятыўна-семантычны патэнцыял прэцэдэнтных адзiнак, ужытых з метафарычным значэннем у мастацкім тэксце, выявіць здольнасць такіх уласных імёнаў да актуалізацыі экстралінгвістычнай, пазатэкставай інфармацыі, іх нацыянальную і гісторыка-культурную спецыфіку.

Метады і матэрыял даследавання

Крыніцамі фактычнага матэрыялу сталі тэксты мастацка-біяграфічнай прозы В. Карамазава, А. Лойкі, А. Мальдзіса, М. Стральцова, анамастыкон якой ўяўляе цікавасць у правядзенні комплекснага аналізу структурна-семантычных, функцыянальных асаблівасцей анамастычных адзiнак як фактаў айчыннай і сусветнай гісторыі і культуры. Асноўныя метады даследавання – апісальна-інтэрпрэтацыйны, параўнальна-супастаўляльны і стылістычны метады вывучэння анамастычных адзiнак, сабраных шляхам суцэльнай выбаркі з мастацкіх тэкстаў названых аўтраў, іх кантэкстуальны аналіз, прыёмы колькаснага падліку, лінгвакультуралагічнае і лінгвакраязнаўчае каменціраванне.

Вынікі і іх абмеркаванне

Анамастычная метафара валодае ярка выражанай экспрэсіўнасцю. Гэта абумоўлена тым, што аб'ект намінацыі, які абазначаецца ўласным імем, метафарычна пераасэнсаваным і ўзбагачаным шэрагам асацыяцый, уключаецца ў складаную сістэму экстралінгвістычных падтэкстаў, імплікацый. Метафарызацыі, як правіла, падвяргаюцца менавіта прэцэдэнтныя імёны. За кошт актуалізацыі іх інварыянтаў успрымання фарміруецца асацыятыўна-вобразны комплекс, што і служыць асновам метафары [1, с. 9].

Традыцыйна даследчыкамі, услед за В. Тэлія [6, с. 26–52], выдзяляюцца два экспрэсіўныя тыпы метафар, абумоўленыя іх біфункцыянальнай спецыфікай – здольнасцю выконваць як прэдыкатную, так і ідэнтыфікацыйную функцыі: *экспрэсіўна-вобразныя* і *экспрэсіўна-ацэнныя*. Анамастычная метафара не з'яўляюцца выключэннем. Паводле Р. Варанцова, у яе аснове ляжыць «культурна абумоўлены канатацыйны комплекс, які вызначае яе лінгвакультурную спецыфіку: экспрэсіўна-вобразная метафара-сімвал (*Гамлет, Дон Кіхот*) ці экспрэсіўна-ацэнная метафара-стэрэатып (*Плюшкін, Тарціоф*)» [1, с. 5].

Экспрэсіўна-ацэнная анамастычная метафара засноўваецца на адной ці некалькіх найбольш выразных інтэнсіянальных якасцях уласнага імя: *Адысей* – ‘вандруўнік’, *Іуда* – ‘зраднік’, *Скарына* – ‘асветнік, першадрукар’. Ацэнны характар метафары набывае за кошт стварэння стэрэатыпа ці эталона, абумоўленага ўспрыманням аб'екта, абазначанага П, як узорнага прадстаўніка, выразніка пэўнай якасці. Ацэнка рэалізуецца за кошт спецыфічных марфалага-сітаксічных умоў кантэксту, сярод якіх найбольш распаўсюджанымі з'яўляюцца выкарыстанне:

а) формы множнага ліку: *Дык вось паверце мне, што я ведаю нашага хітрага маэстра-друкара ад «а» да «я» – паверце жэ, тысячы д'яблаў, Тамашы бязверныя Аквінскія!* [9, с. 120];

б) займеннікаў у анафарыстычнай функцыі: *Няхай жыве ў ішчасці... З гэтай Галвіяй* [11, с. 472];

в) атрыбута: *Думаю: калі б я жыў гэтак, у прыродзе, то і мяне б, магчыма, знайшоў ліст якога-небудзь сучаснага Рэіна?* [8, с. 348].

Прыватным выпадкам анамастычнай метафары, паводле Т. Ларынай, з'яўляецца ўжыванне П ў складзе канструкцыі адмаўлення, калі прадмет ці суб'ект намінацыі характарызуецца шляхам выключэння яго з катэгорыі, якая метафарычна абазначаецца дадзеным уласным імем: *Я – не Ева, не спакусніца...* [10, с. 214]; *Твой вобраз, рэбі Леме, светлы, бо не крывавы, бо ты – не крывавы цар біблейскі Давыд, не вераломная, каварная Руф!* [9, с. 307]; *Бо не будзе ў яго ініага маўзалея, як гэтая турма. Не Тамерлан жа ён! Не Медзічы! Не Уладзіслаў Ягела!* [9, с. 307–308]. Сярод зафіксаваных намі прыкладаў ужывання такіх метафарычных канструкцый былі вылучаны наступныя: 1) якія апелююць да біблейскіх прэцэдэнтных тэкстаў: *Давыд* (двойчы ўжыта ў розных кантэкстах), *Майсей, Руф, апостал [Павел], Ева*; 2) да прэцэдэнтных гістарычных сітуацый, маркёрамі якіх выступаюць імёны *Гогаль, Капернік, Медзічы, Тамерлан, Ташыцкі, Уладзіслаў Ягела*; 3) да рымскай міфалогіі (*Феміда, Фартуна, Фама*); 4) да ўніверсальна-прэцэдэнтных тэкстаў: *Адысей, Рамэа і Джульета*.

Экспрэсіўна-вобразная метафара-сімвал «не дае вычарпальнай характарыстыкі аб'екту намінацыі, яна скіроўвае нашу думку аб дадзеным аб'екце па следзе – да тэксту ці гістарычнай сітуацыі, якая садзейнічае раскрыццю зместу метафары» [1, с. 10]. Параўн.: – *А вы, прафесар, не ведаеце, што я Петрарка і што ў вашым пад'ездзе на першым паверсе жыве мая Лаура?* [7, с. 348]. Як вядома, *Франчэска Петрарка* – італьянскі паэт IV ст., заснавальнік гуманізму. *Лаура* – жанчына, апетая ім у многіх санетах і з якой на працягу дзесяцігоддзяў яго звязвалі толькі платанічныя адносіны. У выніку створаны Петраркам паэтычны вобраз *Лауры* стаў сімвалам узвышанага платанічнага кахання, недасяжнай мары.

Любы мастацкі троп, у склад якога ўваходзіць ПФ, мае алузійны характар, што звязана з асобай гісторыка-культурнай інфарматыўнасцю ПІ. Як заўважае Д. Гудкоў, прэцэдэнтнае імя правамерна можа быць прызнана цэнтрам катэгорыі прэцэдэнтнасці, бо з яго дапамогаю нярэдка абазначаюцца прэцэдэнтныя тэксты і прэцэдэнтныя сітуацыі. Параўн.: *Перад вамі – другі Хадыка* [11, с. 358] (*Хадыка* – галоўны герой паэмы Уладзіслава Сыракомлі з аднайменнай назвай); *Дарэчы, пішучы, можаце, дзеля ўздзеяння, выкарыстаць і сялянскія забабоны – саслоўныя, рэлігійныя. Усе, апроча веры ў прыход новага Напалеона Буонапартэ, у дапамогу Захаду* [11, с. 464] (алузія на гістарычныя падзеі – вітанне часткай беларускага насельніцтва арміі Напалеона на пачатку вайны 1812 г. і спадзяванне на яго «вызваленчую» палітыку, аднаўленне межаў ВКЛ).

У сучаснай літаратурна-мастацкай і масавай камунікацыі шырокае распаўсюджванне атрымала метафарычнае ўжыванне ўласных імёнаў пераважна «для абазначэння з пераносным значэннем чалавека, які ў той ці іншай ступені падобны на “законнага” носбіта адпаведнага антрапоніма» [4, с. 36]. Падобныя прыклады засведчаны і ў творах сучаснай беларускай мастацка-біяграфічнай прозы. Параўн.: *Скажучы: вось хто сапраўдны Юдаіш, вось хто павінен быў аказацца трынаццатым* [11, с. 422]; *Цішка Гартны – беларускі Горкі* [10, с. 246]. Такі прыём дазваляе на аснове супастаўлення з пэўным эталонам як носбітам вызначальных характарыстык ствараць дакладныя вобразы з выразнай экспрэсіўна-ацэначнай афарбоўкай: *будучы беларускі Бялінскі* – пра Сяргея Палуяна як пачынаючага літаратурнага крытыка; *беларускі Пушкін* – пра Янку Купалу як выдатнага нацыянальнага паэта; *беларускі Сянкевіч* – пра Уладзіміра Караткевіча як заснавальніка гістарычнага жанру ў нацыянальнай літаратуры. Такое супастаўленне становіцца магчымым толькі за кошт актуальнасці для прадстаўнікоў таго ці іншага соцыуму вызначальных прыкмет прэцэдэнтнай асобы, выкарыстанай у якасці дапаможнага суб’екта анамастычнай метафары.

Акрамя ўніверсальна-прэцэдэнтных імёнаў, якія ўваходзяць у культурны фонд усяго чалавецтва і найчасцей успрымаюцца як сімвалы пэўных якасцей, шырокае ўжыванне ў мастацкіх творах набываюць нацыянальна-дэтэрмінаваныя імёны, якія ў поўнай меры дэкадуюцца толькі прадстаўнікамі лакальных культурных супольнасцей. Пры гэтым агульнавядомыя і найбольш частотныя імёны ў складзе анамастычнай метафары надаюць ёй агульнамоўны характар, а этнамаркіраваныя адзінкі – маўленчы, індывідуальна-аўтарскі. Напрыклад, агульнамоўны характар некаторых прэцэдэнтных адзінак падкрэсліваецца ўжываннем іх у апелятыўным лексіка-семантычным варыянце (*берандзей, донкіхот, іуды, фемістоклюсы і алкіды*): *І тады наша герайня ледзь не малілася б на яго і на сваіх незвычайна таленавітых фемістоклюсаў і алкідаў, уздыхала б і ахала...* [12, с. 85].

Нацыянальна-культурныя асаблівасці анамастычных метафар выяўляюцца, у першую чаргу, у характары пераважнага выбару прэцэдэнтных імёнаў, што дае магчымасць скласці ўяўленне аб спецыфіцы ментальных уяўленняў прадстаўнікоў пэўнай нацыі. Па-другое, нацыянальна-культурную спецыфіку адлюстроўвае якасны склад прэцэдэнтных адзінак, што выкарыстоўваюцца як дапаможны кампанент метафары [3, с. 3]. Так, зыходзячы з прааналізаваных намі прыкладаў, метафарычнаму ўжыванню ў тэкстах сучаснай беларускай мастацка-біяграфічнай прозы падвяргаюцца ПІ, якія ўзыходзяць да наступных груп:

а) пісьменнікі, літаратурныя крытыкі: *Алесь Кучар, Бальзак, Бялінскі, Гогаль, Горкі, Лукаш Бэндэ, Міцкевіч, Петрарка, Пушкін, Сянкевіч, Талстой, Халімон з-пад пушчы;*

б) персанажы мастацкіх твораў: *берандзей, Віялета, Гаўрош, Гулівер, Данка, донкіхот, Лаура, Нестар, дзядзька Сцёпа, рыцар Сумнага Вобраза, буй-тур Усевалад, фемістоклюсы і алкіды, Хадыка;*

в) грамадска-палітычныя і ваенныя дзеячы: *Дзянікін, Калчак, Медзічы, Напалеон, Сцяпан Булат, Тамерлан, Уладзіслаў Ягела, Урангель, Хіндрыкі;*

г) фальклорныя і міфалагічныя персанажы: *Адысей, Венера, Маішэка, Пакацігарошак, Праметэй, Сізіф, Феміда, Фартуна, Фама, Яга;*

д) біблейскія персанажы: *Давыд, Ева, Ісус Хрыстос, цар Ірад, Майсей, апостал Павел, Руф, Юдаш*;

е) асветнікі: *Аргельбранты, Гутэнберг, Скарына, Фіель*;

ж) гістарычныя асобы: *Гальвія, Ліздэйка, Ліхтэнберг*;

з) рэлігійныя дзеячы: *Лютар, Тамаш Аквінскі*;

і) філосафы: *Спіноза, Феербах*;

к) мастакі: *Куінджы, Рэнін*;

л) вучоныя: *Капернік*.

Побач з універсальна-прэцэдэнтнымі імёнамі, якія прэвалююць, ужываюцца нацыянальна-прэцэдэнтныя антрапонімы (каля 16 %), спецыфічныя для беларусаў. Напрыклад, імя *Францыска Скарыны*, асветніка і першадрукара, паводле вызначэння Ю. Гурскай, адносіцца да «ключавых імёнаў» беларускай культуры, што дазваляюць яе разглядаць у агульнаеўрапейскім кантэксце [2, с. 17–18]: *Адраджэння няма, не можа быць без шырыні, без іматграннасці, без адкрыцця сябе ў свеце, сябе ў гісторыі <...> Не таму, што я – Браніслаў [Эпімах-Шыпіла. – В. С.] і ён – Браніслаў, а таму, што ён, Браніслаў Тарашкевіч, а Купала – Купала, вы сапраўды дастойныя ўнукі Скарыны...* [10, с. 154]; *Трымаючы востры серп у адной руцэ, майце ў другой серп мудрасці – маладзёк Скарыны, вы, нашчадкі Скарыны!* [10, с. 341].

Шэраг імёнаў валодаюць меншай ступенню прэцэдэнтнасці і апелююць да больш глыбокага ведання рэцыпіентам нацыянальнай гісторыі і культуры, што толькі падкрэслівае этнамаркіраванасць такіх анамастычных адзінак: *Быў бы Скарына князем, быў бы ў яго свой Ліздэйка, а так – хто славы яго кнізе напярочыць?* [9, с. 80] (у дадзеным кантэксце праз прэцэдэнтны антрапонім *Ліздэйка* (імя літоўскага міфалагічнага жраца князя Гедыміна) адбываецца апеляцыя да гістарычнай ПС – прароцтва аб заснаванні Гедымінам Вільні); *У «беларускім буйным полі» віцязямі палеглі Сцяпаны Булаты, каб сонца рэвалюцыі ўзышло* [10, с. 290] (Сцяпан Булат (1894–1921) – беларускі палітычны і рэвалюцыйны дзеяч, журналіст).

Вывады

Такім чынам, прэцэдэнтныя імёны займаюць асаблівае палажэнне ў анамастычнай прасторы мастацка-біяграфічнай прозы, што абумоўлена яе жанрава-тэматычнай спецыфікай. Семантычная структура такіх адзінак вызначае асаблівасці іх функцыянавання. У шэрагу прэцэдэнтных імёнаў, ужытых з метафарычным значэннем, паводле генетычнай класіфікацыі пераважаюць адзінкі са сфер-крыніц «Літаратура» і «Гісторыя», якія акрэсліваюць асяроддзе фонавых ведаў, неабходных рэцыпіенту для дакладнага разумення і дэкадавання мастацкіх тэкстаў, і ўказваюць на значымасць адпаведных вобразаў-тыпаў для беларускамоўнай супольнасці.

Літаратура

1. Воронцов, Р. И. Ономастическая метафора в русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Р. И. Воронцов ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2002. – 23 с.
2. Гурская, Ю. А. Культурогенные возможности лингвистического знака: ключевые имена в русском и белорусском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.02 / Ю. А. Гурская ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1995. – 22 с.
3. Ларина, Т. И. Семантика, структура и функционирование ономастических тропов в русско-, польско- и англоязычной публицистике : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т. И. Ларина ; Белорус. гос. ун-т, Минск, 2012. – 24 с.
4. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации : моногр. / Е. А. Нахимова ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. агентство по образованию, ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», Ин-т соц. образования. – Екатеринбург : УрГПУ, 2007. – 207 с.
5. Ратникова, И. Э. Ономастические единицы вне прямой референции в русском публицистическом тексте : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 / И. Э. Ратникова ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2003. – 224 с.
6. Телия, В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте / В. Г. Гак [и др.] ; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1988. – С. 26–52.

7. Кармазаў, В. Выбраныя творы / В. Кармазаў ; прадм. А. Бараноўскага. – Мінск : Кнігазбор, 2013. – 577 с.
8. Кармазаў, В. З вясною ў адным вагоне : аповесці, эсэ, дзённік / В. Кармазаў. – Мінск : Юнацтва, 2002. – 399 с.
9. Лойка, А. Францыск Скарына, або Сонца Маладзіковае : раман-эсэ / А. Лойка. – Мінск : Маст. літ., 2009. – 366 с.
10. Лойка, А. Як агонь, як вада... : раман-эсэ пра Янку Купалу / А. Лойка. – Мінск : Маст. літ., 1984. – 486 с.
11. Мальдзіс, А. В. Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі : эсэ ; Восень пасярод вясны : аповесць, сатканая з гістарычных матэрыялаў і мясцовых паданняў / А. В. Мальдзіс. – Мінск : Маст. літ., 2009. – 479 с.
12. Стральцоў, М. Смаленне вепрука : выбр. тв. / М. Стральцоў. – Мінск : Папуры. – 2015. – 207 с.

References

1. Voroncov, R. I. (2002). *Onomasticheskaia metafora v russkom literaturnom jazyke*. [Onomastic metaphor in the Russian literary language]. (Author's abstr. cand. philol. diss.). SPb. (In Russ).
2. Gurskaja, Ju. A. (1995). *Kul'turogennye vozmozhnosti lingvisticheskogo znaka: ključevye imena v russkom i belorusskom jazykah*. [Cultural Possibilities of the Linguistic Sign: Key Names in the Russian and Belarusian Languages]. (Author's abstr. cand. philol. diss.). Minsk. (In Russ).
3. Larina, T. I. (2012). *Semantika, struktura i funkcionirovanie onomasticheskikh tropov v russko-, pol'sko- i anglojazyčnoj publicistike*. [Semantics, structure and operation onomastic tropes in Russian, Polish and English publicism]. (Author's abstr. cand. philol. diss.). Minsk. (In Russ).
4. Nahimova, E. A. (2007). *Precedentnye imena v massovoj komunikacii*. [Precedent names in mass communication]. Ekaterinburg: UrGPU. (In Russ).
5. Ratnikova, I. Je. (2003). *Onomasticheskie edinicy vne prjamoj referencii v russkom publicisticheskom tekste*. [Onomastic units outside direct reference in a Russian publicistic text]. (Doctoral dissertation). Minsk. (In Russ).
6. Telija, V. N. (1988). *Metafora kak model' smysloproizvodstva i ejo jekspressivno-ocenochnaja funkcija. Metafora v jazyke i tekste*. [Metaphor as a model of meaning production and its expressive-evaluative function. *Metaphor in language and text*]. Moscow: Nauka, 26–52. (In Russ).
7. Karamazau, V. (2013). *Vybranyja tvory*. [Selected works]. Minsk: Knigazbor. (In Bel).
8. Karamazau, V. (2002). *Z vjasnoju u adnym vagone: apovesci, jesje, dzjonnik*. [With spring in one car: stories, essays, diary]. Minsk: Junactva. (In Bel).
9. Lojka, A. (2009). *Francysk Skaryna, abo Sonca Maladzikovae: raman-jesje*. [Francis Skaryna, or the New Moon Sun: a novel-essay]. Minsk: Mast. lit. (In Bel).
10. Lojka, A. (1984). *Jak agon', jak vada...: raman-jesje pra Janku Kupalu*. [Like fire, like water...: a novel-essay about Yanka Kupala]. Minsk: Mast. lit. (In Bel).
11. Mal'dzis, A. V. (2009). *Jak zhyli nashy prodki u XVIII stagoddzi: jesje ; Vosen' pasjarod vjasny: apoves', satkanaja z gistarychnyh matjeryjalau i mjascovyh padannjau*. [How our ancestors lived in the eighteenth century: essays; Autumn in the middle of spring: a story woven from historical materials and local legends]. Minsk: Mast. lit. (In Bel).
12. Stral'cou, M. (2015). *Smalenne veprika: vybranyja tvory*. [Burning boa: selected works]. Minsk: Papury. (In Bel).

УДК 811.161.3'42:821.161.3

ПРЕЦЕДЕНТНЫЯ ІМЁНЫ Ў ІДЫЯСТЫЛІ ПАЭЗІІ І ПРОЗЫ У. КАРАТКЕВІЧА

Л.М. Шэцка,

кандыдат філалагічных навук, старшы выкладчык кафедры беларускай і рускай філалогіі,
Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: larisachaika7905@gmail.com

Статья посвящена исследованию прецедентных феноменов (прецедентных имен) идиостиля В. Короткевича, одного из ярких представителей белорусской литературы и культуры, индивидуально-авторская концепция мира которого репрезентирована и в прозе, и в поэзии, и в драматургии. Исследуются особенности идиостиля поэзии и прозы писателя в аспекте прецедентности. Характеризуются вербальные прецедентные феномены – прецедентные имена, приводятся их классификации и особенности употребления.

Делается вывод о разнообразии средств выражения и источниках прецедентности как одной из основных характерных черт идиостиля В. Короткевича.

Ключевые слова: Владимир Короткевич, идиостиль, интертекстуальность, прецедентный феномен, прецедентное имя.

I.M. Shetska,

Cand. Ph.D., Senior Lecturer, at the Department of Belarusian and Russian Philology,
Mozyr Pedagogical University named after I.P. Shamyakina,

Mozyr, Belarus

E-mail: larisachaika7905@gmail.com

PRECEDENT NAME IN THE PROSE-POETIC IDIOSTYLE V. KARATKEVICH

The article is devoted to the study of precedent phenomena (precedent names) of the idiosyle of V. Korotkevich, one of the brightest representatives of Belarusian literature and culture, whose individual author's concept of the world is represented in prose, poetry, and drama. The peculiarities of the idiosyle of poetry and prose of the writer are investigated in the aspect of precedent. Verbal precedent phenomena - precedent names are characterized, their classifications and peculiarities of use are given. The conclusion is made about the variety of means of expression and the sources of precedent as one of the main characteristic features of V. Korotkevich's idiosyle.

Key words: Vladimir Korotkevich, idiosyle, intertextuality, precedent phenomenon, precedent name.

Уводзіны

Даследаванне мастацкага тэксту, мовы асобнага аўтара непарыўна звязана з паняццем ідыястылю. Ідыястыль прадстаўляе сабой сістэму змястоўных і фармальных лінгвістычных характарыстак, уласцівых творам пэўнага аўтара, што робіць унікальным аўтарскі спосаб моўнага выражэння карціны свету, увасоблены ў гэтых творах.

Для беларускай літаратуры і культуры адным з прыкладаў найбольш яркіх ідыястылёвых прастор з'яўляецца літаратурна-мастацкая спадчына Уладзіміра Караткевіча. Даследаванне ідыястылю паэзіі і прозы У. Караткевіча ў аспекце інтэртэкстуальнасці дазваляе раскрыць сутнасць паняцця ідыястыль як адзінства нацыянальна-культурнага кампаненту, з аднаго боку, і універсальнага – з другога (прыёмы апеляцыйі ў творах У. Караткевіча да беларускіх і сусветных пісьменнікаў). Прыметы ідыястылю адлюстроўваюцца ў прынцыпах адбору крыніц прэцэдэнтных адзінак у іх шматлікіх разнастайнасцях, спецыфічных спосабах увядзення ў маўленчую тканіну тэксту, асаблівасцях камбінацый у межах аднаго тэксту, адмысловым рэпертуары функцый і інш.

Мэта даследавання – вызначыць асаблівасці ідыястылю паэзіі і прозы У. Караткевіча на ўзроўні інтэртэкстуальнасці ў аспекце прэцэдэнтнасці. Дасягненне пастаўленай мэты заключаецца ў вырашэнні наступных задач: выявіць у ШП аўтара вербальныя прэцэдэнтныя феномены; апісаць адзін з асноўных тыпаў вербальных прэцэдэнтных феноменаў – прэцэдэнтнае імя.

Метады і матэрыял даследавання

Матэрыялам даследавання з'яўляецца мова пражытных і паэтычных тэкстаў У. Караткевіча як інтэртэкстуальная з'ява. У дадзенай рабоце выкарыстоўваліся розныя метады і прыёмы – ад агульнанавуковых (аналізу і сінтэзу), да лінгвістычных (апісальны метады і лінгвістычныя прыёмы: лінгвістычнае назіранне, класіфікацыя і сістэматызацыя). Шляхам суцэльнай выбаркі былі вылучаны з тэкстаў прозы і паэзіі прэцэдэнтныя феномены, далей матэрыял падвяргаўся класіфікацыі і сістэматызацыі ў адпаведнасці з мэтай і задачамі даследавання.

Вынікі і іх абмеркаванне

Ідыястыль уяўляе сабою сукупнасць лінгвістычных і экстралінгвістычных фактараў (творчая індывідуальнасць аўтара + сродкі яе выражэння). У спалучэнні з паняццем ідыястылю разглядаецца праблема вывучэння дыялагічных адносін тэкстаў. Тэкст, асабліва мастацкі, не існуе ізалявана, а ўступае ў дыялог з іншымі тэкстамі, што

прыводзіць да разгляду дыялогікі тэксту як бясконцай сэнсавай прасторы [10, с. 8]. Для абазначэння міжтэкставых дыялагічных адносін паралельна з тэрмінам «інтэртэкстуальнасць» выкарыстоўваюцца такія тэрміны, як «феномен прэцэдэнтнасці», «чужое слова», «звыштэкставыя сувязі», «міжтэкставая камунікацыя» і інш.

«Тэкст ёсць пункт сустрэчы моўных асоб, сустрэчы моўных здольнасцей» [8, с. 15]. У міжкультурнай камунікацыі адбываецца сутыкненне моўных карцін свету, уяўленняў і каштоўнасцей, характэрных для тых лінгвакультурных супольнасцей, да якіх належаць камуніканты. Моўнымі праявамі такіх уяўленняў і каштоўнасцей выступаюць у тым ліку прэцэдэнтныя феномены (ПФ) і інтэртэкстэмы. У ідыястылі паэзіі і прозы У. Караткевіча нас цікавяць асноўныя тыпы прэцэдэнтных феноменаў, якія выкарыстоўваюцца аўтарам як разнастайныя сродкі выражэння інтэртэкстуальнасці і якія з'яўляюцца адной з асноўных прымет ідыястылю пісьменніка (больш падрабязна аб гэтым гл. [11]).

Прымаючы за аснову класіфікацыю ПФ, прапанаваную В. У. Красных, у ідыястылі У. Караткевіча мы сярод іх вылучаем вербальныя (прэцэдэнтнае імя і прэцэдэнтнае выказванне) і вербалізаваныя, г. зн. тыя, якія падаюцца вербалізацыі (прэцэдэнтная сітуацыя і прэцэдэнтны тэкст) [9, с. 171].

Прэцэдэнтнае імя (ПІ) – індывідуальнае імя, звязанае або з шырока вядомым тэкстам (*Чаго слова «нігіліст» павінна быць лаянкай. Мне здаецца, Тургенеў укладваў у яго другі сэнс. Базараў, між іншым, таксама быў «нігілістам»* [3, с. 246]) або з прэцэдэнтнай сітуацыяй (*Ёсць паданне вякоў, што разбурыць калісь / Вавілонскую Вежу Адам / І няўмольна сальюцца мовы зямлі / У адну, няродную нам* [1, с. 364]), або з прэцэдэнтным выказваннем (*Вось крычыць вязь на ножнах крывых: / «Не вымай без вялікай патрэбы, / Не хавай без вялікай крыві!»*) [1, с. 206].

ПІ паводле структуры [9, с. 172] можна падзяліць на аднакампанентныя (*Пакой, Чайкоўскі хмуры на сцяне* [1, с. 48]; *Венера... будзь каханнем зоркаю, як спрадвеку* [1, с. 63]) і шматкампанентныя (*Бег ценя ад Дрэва Дабрыні і Зла* [1, с. 153]; *Пачым там перац, вера, слава, / Грахоў смяротных сем людскіх?* [1, с. 264]).

Трэба адзначыць, што ў адных выпадках у ПІП У. Караткевіча найбольш вядомыя ПФ, як правіла, выкарыстоўваюцца без якіх-небудзь аўтарскіх тлумачэнняў з прычыны іх высокай верагоднай вядомасці шырокаму колу чытачоў (*Ну, то што будзем рабіць, пасварыўшы два роды? Новы Шэкспір? Рамэа і Юлія для бедных?* [5, с. 112]; *Сёння – праўда, заўтра – хлусня. Сёння – Брут, заўтра – ён жа, Нерон* [5, с. 261]).

Калі ж аўтар не зусім упэўнены, што адпаведнае імя адносіцца да ліку шырока вядомых чытачу, ён выкарыстоўвае тыя ці іншыя спосабы актуалізацыі яго, напрыклад, вынясенне ў моцную пазіцыю з аўтарскімі каментарыямі: *«Афіцэру Лісаневічу» / Яму прапанавалі выклікаць на дуэль Лермантава. Мы нічога болей не ведаем аб ім* [1, с. 249].

Пры ўжыванні таго ці іншага ПІ з усёй разнастайнасці характарыстык законнага носьбіта дадзенага імя вылучаецца нейкі абмежаваны набор прыкмет, а часцей за ўсё і адна эталонная прыкмета, тады як астатнія дэактуалізуюцца. Напрыклад, яўрэйскі цар Саламон – гэта своеасаблівы анамастычны асацыятыў мудрасці (*Ён мог цэлую гадзіну гаварыць духту, а потым кінуць нешта такое, чаго і Саламон не сказаў бы* [3, с. 192]); у другім выпадку згадка пра славу тага мудраца кантрастуе з тупасцю царкоўнай улады (*Лепей быць п'яным, чым цвярозым, – казаў у падобных выпадках Саламон, – сказаў Жаба. // – Лепей быць вялікім і мудрым, чым маленькім і дурным* [6, с. 356]); герой старажытнагрэчаскай міфалогіі Геркулес – гэта асацыятыў сілы, моцы (*Улан стаяў перад ім моцны, як Геркулес* [3, с. 33]); Касандра – багіня, якая валодае дарам прадбачання (*Бачыце вы... Касандра-прарочыца, – сказаў Пружынін* [3, с. 247]); Марфей – бог сну (*Бачыце, які Марфей, – усміхнулася гаспадыня. – Гэта Аленін, бадай, лепшы з маладых мастакоў* [3, с. 186]).

У ПІП пісьменніка можна вылучыць наступныя апеляцыі да імёнаў уласных, якія маюць статус універсальнасці і агульнавядомасці:

• **прэцэдэнтныя імёны, якія ўзыходзяць да фальклору:** верш *«Маішэка»* [1, с. 39]; Так, напрыклад, выйшла на людзі легенда пра *Маішэку* [7, с. 10]; У яго рэзка змяніўся настрой: на месцы *Маішэкі* сядзеў цяпер *Іерамія* [6, с. 194];

• **знакавыя антрапонімы і назвы твораў беларускіх пісьменнікаў:** Яны не даждуць, што *Скарына* / Зямлю сваю пракляне [1, с. 163]; Цень *Міцкевіча* нада мною Лебя-дзіную песню вядзе [1, с. 187]; Ён знайшоў у дзедавай бібліятэцы *Яна Баршчэўскага*. Кніга звалася *«Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях»* [Т4, с. 254];

• **імёны і назвы твораў рускіх пісьменнікаў:** Хлопец бачыў старое фота, на якім сусветна вядомы цяпер кот, той самы апеты ў цудоўным апавяданні *«Кот-зладзюга»*, жэр рыбу, а *Паўстоўскі* стаяў за рогам лазні *«ў засадзе»* [Т2, с. 342]; Гаварыў з людзьмі на паромках (...) з бабамі, якія гаманілі на спявучай мове *Ясеніна* [Т2, с. 342];

• **імёны і назвы твораў сусветна вядомых пісьменнікаў:** Ён глядзеў у вочы суддзям, як *дантаўскі Фарыната*, з пагардай да самога агню [6, с. 261]; Прымусьце чалавека пісаць тэхнічныя раманы ў духу *«Рэльсаў» П'ера Ампа*. Будзе ў літаратуры яшчэ адной нудотай больш [2, с. 224];

• **прэцэдэнтныя імёны, якія суадносяцца з гістарычнымі асобамі:** *Браты-беларусы ўратавалі ад татар славянскую і неславянскую поўнач. Цяпінскі, і Вячка, і Міхал Крычаўскі* – усе яны былі ў ім [2, с. 355] *Пацэбня і Каліноўскі і Траўгут* баранілі праўду / тваю, рускі, беларус і паляк [1, с. 323]; (у такіх кантэкстах пераважаюць імёны, значныя для беларускай гісторыі, якія з'яўляюцца ментальнымі сімваламі культуры і гісторыі Беларусі); *Гітлеры* сякуць галовы адзінкам, а астатніх прыдушваюць жахам і пагардай. [3, с. 201]; Глінскі ўзяў яго за вуха, як *Напалеон маршала* [3, с. 307];

• **прэцэдэнтныя імёны, якія суадносяцца з гістарычнай эпохай, падзеямі:** *Кроў Іліяды, попел Плошчы кветак, / Рагнеды плач і Хірасімы прах* [1, с. 153]; *Перад страшным полем, смяротным полем, / Куліковым полем любові маёй* [3, с. 174]; *Гэта было, як у час князя Вячкі* [2, с. 152];

• **прэцэдэнтныя імёны, якія суадносяцца са знакамітымі асобамі правіцеляў, філосафаў, навукоўцаў:** *Механізмы жэ зусім не тыя (...)* Тут і *Галілей* не разбраўся б [7, с. 308]; *З нешматлікімі сябрамі ён замкнуўся ў маёнтку, стварыўшы нешта накшталт братэрства, філосафам якога быў Эпікур, а рэлігіяй – Вальтэр* [4, с. 186]; нярэдка з іранічным і абразлівым падтэкстам: – Ты, мабыць, спадзяешся да *Цэзара* дарасці. Дык не дарасцеш (...) я табе, гэткаму *Карлу Вялікаму*, заганю ногі менавіта ў тое месца, якім ты думаеш [6, с. 460]; *Манахаў яшчэ нанесла. Навалач. Навухаданосары* [6, с. 473]; – *Пасмешышча!* – крычалі з радой. – *Квасны Платон!* [5, с. 190].

Для ўспрымання ПФ неабходная папярэдняя літаратурная кампетэнтнасць моўнай асобы чытача. Так, прэцэдэнтнае імя, да якога апелюе аўтар у творы, змяшчае ў сабе ёмістую вобразную характарыстыку персанажа і пазбаўляе тым самым пісьменніка разгорнутых апісанняў, бо чытач у выніку дэшыфруўкі ўзгадвае фонавыя веды і разгортвае тоесны сэнс інтэртэкстуальнага ўключэння. Напрыклад: – *Слухай, войт, я табе не лялька, я табе не гліняшка (...)* і ты мне не *Піліп Македонскі*, *выскачка ты, свінапас, халуў кепскага роду, тхароў тата* [6, с. 460] (маецца на ўвазе велічная фігура палкаводца, дыпламата, цара Філіпа Македонскага – бацькі Аляксандра Вялікага); *У Яноўскай было дзе жыць і было што есці, але гэта была непрыхаваная галеча, галеча без прасвятлення. Я, галяк, вучоны і журналіст, аўтар чатырох кніг, меў рублёў чатырыста ў месяці. І мне не трэба было рамантаваць гэтую прорву – палац, рабіць падарункі слугам, трымаць у адносным парадку парк. Я быў поруч з ёю *Крэз** [7, с. 67] (галоўны герой іранічна параўноўвае сябе з апошнім царом Лідзіі Крэзам, імя якога стала асацыятывам з казачным багаццем).

У некаторых выпадках У. Караткевіч ужывае ў межах адной кантэкстнай мікратэмы некалькі ПФ: *І на ўсё гэтае гарганціюанства прымільна глядзеў вялікі чорна-белы (а вушы*

«страшэнна падобныя на локаны **Наталлі Ганчаровай** з партрэта **Гаў**», як сказаў ксёндз) *спаніэль Ас* [7, с. 361]; у гэтым выпадку кантамінацыя ПІ – гэта злучэнне незлучальнага: кантрастнымі з’яўляюцца апісанне застолля, якое падобна да такога ж багацця страў у знакамітым рамане Ф. Рабле «Гарганцюа і Пантагруэль», і выгляд сабакі, які параўноўваецца з адухоўленым выглядам на карціне адной з самых прыгожых жанчын славутага мастака.

Дэманстрацыя адносін аўтара да характару героя адбываецца пры сумяшчэнні двух ПІ ў наступных прыкладах: *З’едлівая пажылая вахцёрка, якую мы – хай даруе нам бог – клікалі часам «Цэрберам», часам «Цэнзарам Феакціставым»* [7, с. 247]; *Наглядчык Цэзар Георгіевіч, па класнай мянушцы Цэрбер Гаргонавіч, мог трапіцца паўсюль* [Т4, с. 325].

Шырока распаўсюджана ў пісьменніка анамастычная метафара (Т. І. Ларына, І. Э. Ратнікава) на базе прэцэдэнтнага оніма для абазначэння чалавека, які, на думку аўтара, падобны да непасрэднага носьбіта дадзенага антрапоніма з іранічным падтэкстам. Такі прыём дазваляе правесці паралелі паміж поглядамі, асабістымі якасцямі, сферай занятасці адпаведных асоб і служыць для выражэння адносін аўтара да гэтых людзей, параўн.: – *Кінь глядзець, кажу. Замнога гонару. Падумаеш мне яшчэ: каралева Пятра Вялікага* [3, с. 103]; – *Бачыце вы... Касандра-прарочыца, – сказаў Пружынін* [3, с. 247]; *Здекуючыся, ён называў сябе ў думках Ленскім, Крэцьенам дэ Труа, Вертэрам* [3, с. 214].

У рамане «Чорны замак Альшанскі», які мае дэтэктыўна-прыгодніцкі сюжэт, падаецца неаднаразова ў якасці анамастычнай метафары і апелятывацыі онімаў імя знакамітага сышчыка **Шэрлака Холмса**: – *Прасо-очый. Ну, выйшаў ксёндз, зайшоў – гэта прасочый. А вось хто да ксяндза пайшоў? (...) / – Ну, Холмс* [7, с. 528]; *А нашто там было быць копнаму суддзі Станкевічу, чалавеку з рода беларускіх шэрлак-холмсаў, патомнаму сышчыку? Амаль жа ніводнай шумнай справы не было ў шаснаццатым – семнаццатым стагоддзях, каб яе нехта са Станкевічаў не разблытваў* [7, с. 229]. Аўтар прыводзіць яшчэ адно прэцэдэнтнае імя і ставіць яго поруч са знакамітымі літаратурнымі героямі-сышчыкамі: – *Холмсы мне яшчэ таксама... Пінкертоны... Картэры... Станкевічы¹... Мегрэ (...) – ¹Андрэі Станкевіч – самы славуты з гэтай «дынастыі законнікаў» следчы і суддзя беларускага сярэднявекі (у прыватнасці – справа Марыны Дастаеўскай-Карловіч б сакавіка 1607 г.)* [7, с. 245]. Пісьменнік, улічваючы агульнавядома-масць некалькіх ПІ з мастацкіх твораў, дае ў зноскы тлумачэнне толькі адносна беларускага следчага, вядомага па судовых справах і невялікаму колу чытачоў. Цікавы выпадак тлумачэння прэцэдэнтнага імя пасродкам другога, агульнавядомага прэцэдэнтнага імя з рамана А. Конан Дойля, ужытага ў другасным сэнсе, знаходзім у аўтарскай рэмарцы – у зноскы да рамана «Каласы пад сярпом тваім»: – *Тфу ты, чорт, – сказаў Кастусь. – Ішоў бы ты на месца Пуціліна¹, кучу грошай зарабіў бы – ¹Пуцілін Іван – наглядчык маскоўскай паліцыі, пазней начальнік вышукной паліцыі ў Пецярбургу. «Рускі Шэрлок Холмс»* [5, с. 140].

Прэцэдэнтныя імёны ў ПІІІ У. Караткевіча прадстаўлены таксама ў шэрагу іншых анамастычных метафар (*Узносяцца над светам Парфеныны, / У садах квітучых музыка іграе, / Гамеры светлыя складаюць гімны / І моцарты над нотамі сядзяць* [1, с. 284]; у складзе камбінаванай канструкцыі «метафара + вобразнае параўнанне» (*І струны, як змеі Мядузы Гаргоны, / Свісцяць на вятры і ловаць мяне* [3, с. 173]) або ў складзе параўнальнага звароту (*Замры, падобны на Нептуна, / Трызубец, сціснуўшы ў далонь* [1, с. 27]); у складзе параўнання з аўтарскімі рэмаркамі (*Улан стаяў перад ім моцны, як Геркулес, кучаравы («Ванька-ключнік», – падумалася Горава), з румянымі вуснамі і нахабнымі светлымі вачыма* [3, с. 33]).

Вынікі

Такім чынам, ПІІІ У. Караткевіча характарызуецца наяўнасцю апелятыў да розных прэцэдэнтных феноменаў, якія перажываюць, як правіла, аўтарскую трансфармацыю і

выкарыстоўваюцца ў якасці вобразных сродкаў і спосабаў узмацнення стылістычных прыёмаў. Характэрнай рысай функцыянавання прэцэдэнтных феноменаў у ідыястылі пісьменніка з'яўляецца тое, што крыніцы інтэртэкстуальных уключэнняў у большасці сваёй так ці інакш далучаны да нацыянальных спецыфічных адметнасцей беларускай культуры і гісторыі.

Літаратура

1. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1987. – Т. 1 : Вершы, паэмы. – 431 с. : 4 л. іл.
2. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1988. – Т. 2 : Аповесці, апавяданні. – 511 с. : 4 л. іл.
3. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1988. – Т. 3 : Раман. Аповесці. – 543 с. : 4 л. іл.
4. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1989. – Т. 4 : Каласы пад сярпом тваім : раман, кн. 1. – 399 с. : 4 л. іл.
5. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1989. – Т. 5 : Каласы пад сярпом тваім : раман, кн. 2 : Зброя : аповесць. – 527 с. : 4 л. іл.
6. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1990. – Т. 6 : Хрыстос прыязмліўся ў Гародні : раман. – 494 с. : 4 л. іл.
7. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1990. – Т. 7 : Дзікае паляванне караля Стаха : аповесць ; Чорны замак Альшанскі : раман. – 574 с. : 4 л. іл.
8. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 262 с.
9. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? / В.В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
10. Менджеричкая, Е.О. Когнитивные аспекты изучения синтаксиса художественной литературы / Е.О. Менджеричкая // Лингвистика на исходе XX века. Итоги и перспективы : тезисы докладов международной конференции. – Т. 1. – М. : Изд-во МГУ, 1995. – С. 423.
11. Шецко, Л. М. Интертекст и идиостиль / Л. М. Шецко // Литературно-художественный интертекст в системно-структурном и тексто-дискурсивном измерениях : моногр. / С. Б. Кураш, О. Н. Хакама, Л. М. Шецко ; под общ. ред. С. Б. Кураша. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2018. – С. 96–126.

References

1. Karatkevich U. (1987). *Zbor tvoraŭ : u 8 t. Vershы, pajemy. V.1. [Collection of works: in 8 v. Verse, poems]*. Minsk : Imag. lit. (In Belarus).
2. Karatkevich U. (1988). *Zbor tvoraŭ : u 8 t. Apovesci, apavjadanni. V.2. [Collection of works: in 8 v. Short novellas, stories]*. Minsk : Imag. lit. (In Belarus).
3. Karatkevich U. (1988). *Zbor tvoraŭ : u 8 t. Raman, Apovesci. V.3. [Collection of works: in 8 v. Novellas, short novellas]*. Minsk : Imag. lit. (In Belarus).
4. Karatkevich U. (1989). *Zbor tvoraŭ : u 8 t. Raman, kn. 1 V.4. Kalasy pad sjarpom tvaim : raman, kn. 1. [Collection of works: in 8 v. Novel, b.1 Ears of corn under your sickle]*. Minsk : Imag. lit. (In Belarus).
5. Karatkevich U. (1989). *Zbor tvoraŭ : u 8 t. Raman, kn.2 V.5. Kalasy pad sjarpom tvaim : raman, kn. 2. : Zbroja: apoves' [Collection of works: in 8 v. Novel, b.2 Ears of corn under your sickle: short novel: Weapon]*. Minsk : Imag. lit. (In Belarus).
6. Karatkevich U. (1990). *Zbor tvoraŭ : u 8 t. Raman V.6. Hrystos pryjazmliŭsja ŭ Garodni : raman [Collection of works: in 8 v. Novel Christ landed in Gorodnya]*. Minsk : Imag. lit. (In Belarus).
7. Karatkevich U. (1990). *Zbor tvoraŭ : u 8 t. Apoves', raman V.7. Dzikae paljavanne karalja Staha : apoves' ; Chorny zamak Al'shanski : raman [Collection of works: in 8 v. Wild hunt for King Stach: short novel; Black Castle Olshansky: Novel]*. Minsk : Imag. lit. (In Belarus).
8. Karaulov Ju. N. (1987). *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: Science. (In Russ).
9. Krasnyh V.V. (2003). «Svoj» sredi «chuzhih» : mif ili real'nost'? [“One's own” among “strangers”: myth or reality?]. Moscow: «Gnozis». (In Russ).
10. Mendzherickaja E.O. (1995). Kognitivnye aspekty izucheniya sintaksisa hudozhestvennoj literatury Lingvistika na ishode XX veka. *Itogi i perspektivy. Tezisy dokladov mezhdunarodnoj konferencii. T.1.* [Cognitive aspects of studying the syntax of fiction. Linguistics at the end of the twentieth century. Results and prospects. Abstracts of the reports of the international conference. V.1]. 1, 423. (In Russ).
11. Shetsko L. M. (2018). *Intertekst i idiosstil' Literaturno-hudozhestvennyj intertekst v sistemno-strukturnom i teksto-diskursivnom izmerenijah : monogr. [Intertext and idiostyle. Literary and artistic intertext in system-structural and textual-discursive dimensions: monogr.]*. Mozyr': MGPU im. I. P. Shamjakina. (In Russ).

АНАМАСТЫЧНЫЯ НАЗВЫ Ё ТВОРАХ ЛІТАРАТУРЫ ЯК СРОДКІ І КРЫНІЦЫ ВЫХАВАННЯ ПАТРЫЯТЫЗМУ І ГРАМАДЗЯНСКАСЦІ

В.В. Шур,

прафесар, доктар філалагічных навук
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: kovsharolga@tut.by

В статье на примерах из произведений классиков белорусской литературы показана роль ономастикона малой родины авторов в формировании наиболее отличительных черт их художественного стиля, которые умело и творчески продолжая использовать ономастикон Полесья, региональные особенности истории региона, фольклора, создали классические произведения белорусской художественной литературы. Такие произведения являются также образцовыми в формировании патриотизма, любви к Родине.

Ключевые слова: библионим, биографизм, малая родина, ономастикон, поэтоним, регионализм, топоним.

ANOMASTIC NAMES IN THE WORKS OF LITERATURE AS SOURCES OF EDUCATION OF PATRIOTISM AND CITIZENSHIP

V.V. Shur,

Professor, Doctor of Philology
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: kovsharolga@tut.by

Using examples from the onomasticon of the classics of Belarusian literature, the article shows the role of the small homeland in the formation of the defining, most distinctive features of the artistic style, their formation as writers who skillfully and creatively continue to use the regional features of the history of the region, folklore, the onomasticon of Polesie, created classic works of Belarusian artistic literature. Such works are classic and exemplary in the formation of patriotism, love for the Motherland.

Key words: biblionym, biographism, homeland, onomasticon, poetonym, regionalism, toponym.

Уводзіны

Патрабавальны да сваёй творчасці аўтар не заўсёды можа адразу падабраць удалы онім-паэтонім, онім-бібліонім, пра што сведчаць замены і варыянты паэтонімаў, іншы вопыт творчасці класікаў беларускай літаратуры. Выбар такіх кампанентаў, як прасочана, залежыць ад майстэрства і ўмення аўтараў творча прадаўжаць засвоеныя імі традыцыі рэгіёна і часу (перыяду) стварэння твора, улічваць рэгіянальныя адметнасці з гісторыі малой Радзімы, фальклору, а таксама вопыт папярэднікаў і, безумоўна, традыцыі жанру сусветнай і беларускай мастацкай літаратуры. У артыкуле на прыкладах з анамастыкону і біяграфій, творчых лёсаў беларускіх пісьменнікаў адлюстравана вызначальная роля малой Радзімы, яе рэалій у фарміраванні патрыятызму, асабліва ў выбары онімаў-паэтонімаў як ключавых і найбольш выразных кампанентаў і адметнасцяў стылю.

Мэта і задачы: паказаць дамінуючую ролю анамастыкону, фальклору малой Радзімы пісьменнікаў у стварэнні асаблівасцей іх індывідуальнага стылю і разам з іншымі мастацкімі сродкамі ўдзельнічаюць у фарміраванні патрыятызму, уласцівых іх творчасці, а таксама ў стварэнні мастацкага рэгіяналізму і біяграфізму.

Метады даследавання

Асноўнымі метадамі даследавання былі метады лінгвістычнага апісання, а таксама супастаўляльны з выкарыстаннем прыёмаў навуковай інтэрпрэтацыі і абагульнення.

Вынікі і іх абмеркаванне

Іван Мележ заўсёды быў з'яднаны, неразлучны са сваёй малой радзімай. Ён, мабыць, самы першы з пісьменнікаў разам са сваім знакамітым земляком Чаславам Пяткевічам,

аўтарам унікальнай кнігі *“Рэчыцкае Палессе”*, як правільна заўважалі Барыс Сачанка і Уладзімір Васілевіч, энцыклапедычна поўна і падрабязна стварылі *сагу пра Палессе* – “мастацкі шэдэўр пра балотны край, пра сваю малую радзіму – *“Палескую хроніку”*. У аўтарскім прысвячэнні да першага рамана *“Людзі на балоце”* – *“бацьку, маці, бацькоўскай зямлі”* – падкрэслена непарыўная сувязь пісьменніка з зямлёй сваіх бацькоў, з Беларуссю і яе народам. Праз мастацкае адлюстраванне *малой радзімы* перайначана, перастворана многае з таго, што некалі было перажыта пісьменнікам, што на век замацавалася *“памяццю яго сэрца яшчэ ў дзяцінстве”* [1, с. 74]. Дарэчы, як заўважана даследчыкамі, радзіма найчасцей параўноўваецца з маці: *Чаму ж чалавек заўсёды сумуе па сваёй роднай зямлі, як дзіця па маці?* (Я. Баршчэўскі); *Мой край, мой рай бульбяна-жытны! / Зеленадолы, залаты! / Як спеў матулі – старажытны, / Як песня любай-малады!* (Н. Гілевіч); *Беларусь, я твой воін адданы і сын, / Мае думкі і сэрца заўсёды з табою. / Ты мяне згадала, ты мяне калыхала, / Ты мне песні, як родная маці, спявала, / Клапатліва збірала ў шлях* (П. Панчанка); *Дала мне маці гэту мову, / Як спадчыну і завет* (А. Пысін); *Родная мова, цудоўная мова! / Ты нашых думак уток і аснова! / Матчын дарунак ад самай калыскі...* (У. Дубоўка).

Народны пісьменнік Беларусі Іван Мележ нідзе і ніколі не забываў сваё роднае *Палессе*, аблогі яго балотаў і пушчаў, сакавітую зеляніну і разнатраўе шырокіх прыпяцкіх і дняпроўскіх лугоў, багацце рачулак і азёраў, раздолле ўрадлівых палёў і духмяных садоў... Самымі дарагімі і незабыўнымі былі ў яго ўспаміны пра сваю радню, самабытных, непасрэдных і шчырых землякоў-палешукоў, непаўторныя *Глінішчы, Мазыр, Хойнікі, Курані*. *“З радасцю і болей пад’язджаю я кожны раз к родным сваім мясцінам, – пісаў пісьменнік у сваёй біяграфіі – Ад Гомеля ці ад Мазыра – глядзячы па тым, з якога боку ідзе дарога к роднаму кутку, – пачынаюцца гарады, станцыі, вёскі, на якія не магу ўжо глядзець без хвалявання. Рэчыца, Васілевічы, Мазыр – для мяне не проста назвы паселішчаў, а як бы жывыя істоты, таварышы маладосці... Чым бліжэй вядзе дарога к Глінішчам, тым бліжэйшыя, даражэйшыя таварышы выходзяць насустрач – Юравічы і Хойнікі, Брагін, Княжыца і Тунеўшчына. І нарэшце – родныя Глінішчы, дзе ўжо выходзяць насустрач такія таварышы, якія не названы на самых дасканалых картах, але якія моцна, на ўсё жыццё праявілі ў сэрцы. Луцішчы, Тур’я, Канпельскае, Казекава, Перавельскі круг, Паўлаў круг, безазнак, балота, выганы. Гайкі гэтыя даўно сцёрты з зямлі так, што і ннён не асталося, у рацэ вады па костачкі, “кругі” многія высахлі нашчэнт – і ўсё ж яны жывуць успамінам у сэрцы, шчыплівай, непатрэбнай тугой страты”*. Названыя паэтонімы неаднаразова ўпамінаюцца ў творах аўтара, атрымаўшы там мастацка-выяўленчую зададзенасць і кантэкстуальна выверанае ўжыванне.

Расійскі акадэмік Дз. Ліхачоў таксама гаварыў, што, калі чалавек не любіць хаця б зрэдку праглядваць старыя фотаздымкі сваіх бацькоў, не прызнае вартасці памяці аб іх, значыць, ён не любіць іх. Калі ж чалавек не любіць старыя вуліцы, нават даволі старыя і няўтульныя, – значыць, у яго няма павагі і любові да свайго горада. Калі чалавек раўнадушны і абыякавы да помнікаў гісторыі сваёй радзімы, – ён, як правіла, раўнадушны і да сваёй краіны.

Роля *малой радзімы* ў станаўленні творчасці адзначаецца ў біяграфіях амаль усіх беларускіх пісьменнікаў, што змешчаны ў кнізе *“Вытокі песні”* (Мінск, 1973). Землякі, радня, прырода родных мясцін, іх назвы, гістарычныя падзеі, мясцовы фальклор вызначылі іх творчы лёс. *“Пра Радзіму, як і пра маці, можна раскаваць бясконца,”* – гэтымі мудрымі словамі пачынаў сваю біяграфію *“Бяру свой род”* пісьменнік Уладзімір Паўлаў. *“Калі я бачу партрэт Францішка Багушэвіча ці чую гэта імя, побач устае вобраз бацькі. І наадварот. У абодвух былі такія самыя вусы, абодва хударлявыя, энергічныя і, здаецца, нястомныя, абодва дарагія мне. Адзін – родны бацька, другі – той, хто, як ніхто да яго, сказаў свету пра Беларусь і беларусаў, каго ў савецкім друку не раз называлі бацькам”*, –

пісаў у сваёй біяграфіі “*Радкі з успамінаў і сустрэч*” пісьменнік і вучоны-лінгвіст Фёдар Янкоўскі.

На жаль, сярод беларусаў ёсць і такія, хто хутка забывае пра сваю малую і вялікую радзіму, бацькоў, выракаецца роднай мовы, скажае сваё прозвішча, імя. Пра гэта пераканальна пісаў Генадзь Бураўкін: “*Ну што, Беларусь, у цябе за сыны ? – / Хто быў паітаром, / Плугаром / Ці падпаскам, / Як толькі праб’еца хоць трохі ў чыны, / Забыць цябе лічыць сваім абавязкам...*” Можам назіраць і адваротнае. Некаторыя з нашых землякоў, якія ў выніку самых розных абставін пакінулі родны кут, малую радзіму, воляй лёсу сталі гонарам іншых краін. У артыкуле М. Шчэрбін “*Традыцыі выхавання патрыятызму і грамадзянскасці ў спадчыне Францыска Скарыны*” пераканальна паказана выключная роля лёсаў і ўчынкаў выдатных асоб і асабліва асветніка, першадрукара ў выхаванні “*людзей паспалітых*”. Аналіз прац, выхаваўчай дзейнасці такіх асоб, як пераконвае гэта даследчыца, дае падставы вылучыць асаблівую хрысціянскую скіраванасць грамадзянска-патрыятычных поглядаў на станаўленне асобы..., яшчэ Ф. Скарына звяртаў увагу на неабходнасць фарміравання нацыянальных пачуццяў, развіццё прыхільнасці да свайго народу і краіны, як важных умоў удаканалення грамадзяніна. Абазначаныя ў працах асветніка погляды і грамадзянска-патрыятычныя ідэі агульнага добра, адзінства, служэння свайму народу былі ў наступныя гады падтрыманы як суайчыннікамі, так і нашчадкамі асветніка, яны (погляды) не згубілі сваёй актуальнасці і ў наш час, бо для гэтага вялікага гуманіста, асветніка, як пераконвае таксама багаты вопыт яго паслядоўнікаў, служыць “*людзям паспалітым*” незалежна ад сацыяльнай і рэлігійна-канфесійнай прыналежнасці і ёсць сэнс жыцця сапраўднага чалавека-патрыёта [5, с. 75–77].

Такія асобы, як Францыск Скарына, не маючы магчымасці памнажаць інтэлектуальныя і іншыя набыткі свайго народа, унеслі значны ўнёсак у сусветную цывілізацыю – рускую, польскую, французскую культуру, навуку. Назавём толькі некаторыя імёны, якія вельмі яскрава і пераканальна гавораць за сябе: *Сімяон Полацкі, Казімір Семяновіч, Іван Фёдараў (Федаровіч), Міхаіл Глінка, Восіп Гашкевіч, Фёдар Дастаеўскі, Адам Міцкевіч, Эліза Ажэшка, Чэслаў Пяткевіч, Міхаіл Агінскі, Станіслаў Манюшка, Ігнат Дамейка, Тадэвуш Касцюшка, Якуб Наркевіч-Ёжа, Соф’я Кавалеўская, Валянціна Церашкова, Мікалай Прэжавальскі, Гіём Апалінэр, Герман Мінкоўскі, Барыс Кіт, Дзмітрый Шастаковіч, Леў Арцымовіч, Эдуард Пякарскі, Ян Чэрскі, Павел Сухой, Сямён Косберг, Іў Кусто, Шымон Перас і інш.* У гэтым перакліку выдатных асоб, чый лёс найперш цесна звязаны з Беларуссю, Палессем, імёны *Івана Паўлавіча Мележа, Івана Пятровіча Шамякіна, Івана Якаўлевіча Навуменкі* – народных пісьменнікаў Беларусі, ураджэнцаў Усходняга Палесся, творчасць якіх пераважна заснавана на падзеях, імёнах і лёсах землякоў, падзеях і рэаліях іх малой Радзімы. Намі падрыхтавана і апублікавана манаграфія “*Малая і вялікая радзіма ў анамастыконе пісьменнікаў*”, у якой даследуецца пераважна нацыянальна-культурная адметнасць іх стылю, усебакова разглядаюцца онімы і вобразныя асаблівасці паэтонімаў і іншых характаралагічных адзінак, частых і адметных у іх літаратурным анамастыконе [4].

Пра цыкл раманаў “*Палеская хроніка*” І. Мележа напісана даволі многа літаратуразнаўцамі, лінгвістамі, этнографамі, краязнаўцамі. Устаноўлена, што пісьменнік умела паставіўся да апісання блізкіх і дарагіх для яго мясцін, айконімаў, уласных імёнаў, прозвішчаў землякоў. У творах І. Мележа, безумоўна, прысутнічае мастацкі вымысел, разам з тым, на старонках раманаў можна выявіць рэальныя і крыху змененыя, дзеля рэалізацыі мастацка-эстэтычных задач, падпраўленыя, але лёгка пазнавальныя для дасведчанага чытача тапанімічныя адзінкі. У ліку такіх даследчыкі творчасці І. Мележа называюць *Алешнікі (Алексічы), Вадовічы, Глінішчы, Загалле, Курані (Каранёўка), Міхалі (Міхалёў), Мокуць (Моклішчы), Туманы, Юравічы, Мазыр.*

У кнізе “Памяць. Калінкавіцкі раён” (с. 175) ёсць падрабязнае апісанне таго, адкуль з’явіліся Мележы на Палессі, пра што паведаміла сястра І. Мележа Тамара Аляхновіч: *“На працягу дзевяці гадоў, пачынаючы з 1890-га, валасным старшынёй у Юравічах быў Фёдар Мележ, дзед пісьменніка Івана Мележа. У сям’і захавалася паданне аб тым, што род пайшоў ад чэха Ігната Мелешака аднекуль з-пад Прагі. Нейкім чынам Мелешак служыў у рускім войску. Прышоў аднойчы з сябрам, юравіцкім хлопцам, на пабыўку ў в. Глінішчы – на радзіму ж далёка. І закахаўся тут у мясцовую дзяўчыну-прыгажуню Кацярыну. Прайшоў тэрмін службы ў войску, маладыя пабраліся. Было ў іх дзевяць дзяцей, сярод іх сын Фёдар. Прозвішча сваё на новай радзіме перайначыў – стаў Мележам”*. У сваёй біяграфіі І. Мележ пісаў: *“Я тут нарадзіўся, тут непаседлівым хлапчуком шныпарыў у балотных зарасніках, непраходных, як джунглі. Тут дакранаўся да загадкавага свету балот, ён уразіў мяе прывіднае дзіцячае ўяўленне. Зараснікі гэтыя, балоты, край гэты назаўсёды ўлюбілі мяне ў хараство прыроды, хараство жыцця”* [2, с. 309].

Такім чынам, падзеі, уражанні, факты, рэаліі з асабістага жыцця пісьменніка, атрымаўшы ўсебаковае асэнсаванне і адпаведную тэкставую інтэрпрэтацыю, знаходзяць мастацкае адлюстраванне і на старонках яго твораў, а онімы з яго твораў успырамаюцца як выразныя стылёва і семантычна маркіраваныя кампаненты, якія яднаюць агульную анамастычную прастору, удзельнічаюць у пабудове і развіцці літаратурнай кампазіцыі.

Творчасць пісьменніка І. Мележа цесна звязана з Мазыром, Мазырскім Палессем. Ён любіў і ніколі не забываў гэты непаўторны куток беларускай зямлі, неаднаразова з задавальненнем прыязджаў туды, будучы ўжо вядомым беларускім літаратарам. Павышаная ўвага да роднага кутка, зварот да гісторыі роднага краю, да бацькі і маці, да рэалій малой Радзімы, да родзічаў-землякоў – у гэтым найперш выяўляецца патрыятызм пісьменніка. Змест *патрыятызму* – як пісаў Алег Лойка, – *чалавекалюбны, высакародны, інтэлектуальны, прыгожы*. Ён не пачынаецца з супрацьпастаўлення свайго чужому, з узвышэння адной нацыі над другой, з палітыкі выраджэння, дэнацыяналізацыі, са знішчэння праз шыбеніцы і расстрэлы. Патрыятызм – ад слова *Pater* – бацька, *patria* – бацькаўшчына.

У нарысе “*Нашы вандроўкі*” сябра пісьменніка, паэт Мікола Аўрамчык, успамінаў: *“Кожны раз калі мы пад’язджалі да Калінкавіч, я заўважаў, як раптам святлее ягоны твар. І замест таго, каб з Калінкавічаў ехаць карацейшай дарогай, ён рабіў кругалю. Мінаў наваротку на Хойнікі, за якіх-небудзь шэсць кіламетраў ад яе пераязджаў мост праз раку і міма аўтастанцыі выяжджаў на плошчу Леніна ў Мазыры. На ёй, каля школы, у якой калісьці вучылася Вера Харужая, пакідаў машыну і вёў мяне да Прыпяці. Некалькі хвілін стаяў моўчкі, аглядаючы на супрацьлеглым беразе пясчаныя пляжы з кустамі лазы... Потым вёў мяне па Савецкай вуліцы, між старых двухпавярховых дамоў, першыя паверхі якіх – з цэглы, а другія – драўляныя, з прыгожай разьбой пад дахам і на вокнах. Заводзіў накрыты рынак і вадзіў паміж сталамі, заваленымі садавіной і гароднінай. Пасля ўзбіраліся на гару. Паказваючы рукою на Мазыр, які адсюль увесь відзён, як на далоні, з узгоркамі і ярамі, ён задаволена пытаўся: – Ну, як?!”* [3, с. 142]. Названы вельмі дарагія і незабыўныя для І. Мележа назвы.

У творах вядомых мастакоў можна лёгка пазнаць прыкметы іх малой радзімы. Так, Дз. Бугаеў на прыкладах з твораў класікаў пераканальна паказаў, як родны кут мастака слова, яго назвы, пейзажы, вобразы становяцца залатым запасам, які падтрымлівае эмацыйную сілу ўсёй іх творчасці. У прыватнасці, ён адзначаў, што такімі незабыўнымі ўражаннямі на ўсё жыццё для Янкі Купалы былі *Прудзішча, Селішча, Аконы*, для М. Гарэцкага – *Малая Багацькаўка* на Магілёўшчыне, а таксама куляшоўскія *Саматэвічы*, у слуска-капыльскім рэгіёне чорнаўскія *Боркі* і *Цімкавічы*, мележаўскае Палессе з *Глінішчамі* і *Каранёўкай* пад пяром мастака стала *Куранямі*, чыгрынаўскі *Вялікі Бор* у яго раманах атрымаў назву *Верамейкі* і г.д.

Для творчасці, напрыклад, Я. Коласа найярчэйшым прыкладам таго, з якімі любасцю і замілаваннем услаўляецца родны кут, назвы родных мясцін, найперш з'яўляецца яго ўнікальная ў сусветнай літаратуры паэма “Новая зямля” з яе незабыўным запевам “*Мой родны кут, / Як ты мне мілы!*” А гідронім *Нёман* у яго творах паслядоўна выконвае не толькі ідэнтыфікуючую функцыю – называе адну з вялікіх рэк Беларусі, на берагах якой прайшлі дзіцячыя і юнацкія гады класіка нашай літаратуры, – гэта і назва-сімвал, неад’емная частка не толькі прыроднай, а і духоўнай рэальнасці роднага краю, Бацькаўшчыны. Пра гэта больш падрабязна гл. у нашай кнізе “Малая і вялікая радзіма ў анамастыконе пісьменнікаў” [4, с. 11–28]. Пра патрыятызм твораў Я. Коласа, іх пазнавальна-выхаваўчы патэнцыял сказаў выдатны паэт Пімен Панчанка: “*Кнігі Коласа / і калыскаю, і школай былі / і на новай зямлі / нас у сённяшні дзень прывялі. / Песні Коласа нас / навучылі Радзіму любіць, / Родны край бараніць*”.

У газеце “Звязда” (6.02.2021, с. 8) напярэдадні 100-гадовага юбілею І. Мележа былі прыведзены запамінальныя факты пра дарагія для пісьменніка ўспаміны землякоў і пра *Каранёўку* (у сапраўднасці *Курані*), *Алексічы* → *Алешнікі*, *Глінішча* → *Глінішчы*, *Міканораву грэблю*, *Хойнікі* і інш. Вось як успамінаюць землякі і сябры класіка пра тыя часы, мясціны і персанажы твораў. Мікола Мятліцкі: «Я бываў не раз у Каранёўцы, той вёсачцы за Глінішчамі, якая стала ў Мележа Куранямі, і бачыў на свае вочы: як геаграфічна дакладна ўвайшла яна ў “Палескую хроніку”. Там ёсць і тая ж дарога на сенажаць, і тыя ж грушы на былых загуменнях, і тое ж поле каля цагельні. Дый тое ж не меней гразкае ў разводдзе і дажджы ўзбалоце, дзе куранёўцы будавалі грэблю ў бок Алешнікаў → Алексіч. Ды і прозвішчы ў Каранёўцы тыя ж, раманныя – *Глушакі*, *Зайчыкі*, *Дзятлы*».

У мазырскай абласной газеце “*Большавік Палесся*” былі апублікаваны першыя мастацкія творы Івана Мележа, пераважна вершы, якія тагачасны камсамольскі работнік і пачатковец-літаратар дасылаў у рэдакцыю, не забываў ён наведваць і мясцовае літаратурнае аб’яднанне пры газеце, прыязджаючы на семінары і пасяджэнні з Хойнікаў. Дарэчы, у гэтай абласной газеце ў якасці карэспандэнта пачынаў свой шлях у вялікую літаратуру ў першыя пасляваенныя гады і *Іван Навуменка* – зямляк і сябра Івана Мележа, у будучым народны пісьменнік. У пасляваенныя гады ў абласным Мазыры І. Мележ неаднаразова наведваў свайго школьнага сябра, *Пятра Чарняка*, які пэўны час працаваў сакратаром Мазырскага райкама партыі. У Мазыры ёсць вуліца *Івана Мележа*, яго імя носіць *Мазырскі драматычны тэатр*, які неаднаразова наведваў пісьменнік. Пры яго ўдзеі і цесных творчых кантактах з таленавітым рэжысёрам Міхаілам Коласам, “*самародкам з лельчыцкіх загонаў*”, паэтэскай Галінай Дашкевіч (Клімовіч), іншымі здольнымі і вельмі самабытнымі артыстамі, як сведчаць успаміны гэтых творчых асоб, былі ажыццёўлены на мазырскай сцэне выдатныя пастаноўкі драматычных твораў з рэпертуару Янкі Купалы, Кандрата Крапівы, Андрэя Макаёнка, Георгія Марчука і, безумоўна, Івана Мележа. Між іншым, П. Чарняк ва ўспамінах адзначаў, што пісаць вершы І. Мележ пачынаў яшчэ раней у *Алексіцкай* сямігодцы, а потым друкаваўся ў Хойніцкай раённай газеце “*Ленінскі сцяг*”. Успамінаў, што Іван, будучы скалечаным на вайне і жывучы ў Бугуруслане, шукаў праз ліставанне ўсюды параскіданых вайной беларусаў-землякоў і знаходзіў многіх, у тым ліку і такіх, якія сталі яго літаратурнымі персанажамі – прататыпамі яго “Палескай хронікі”, напрыклад, першых сваіх настаўнікаў – *Параскеву Андрэеўну* і *Паліну Іванаўну*. Пра гэта больш падрабязна пісаў Дз. Бугаёў у артыкуле “Ад апавядання да рамана: станаўленне творчай індывідуальнасці Івана Мележа”, адзначаючы, што пісьменнік з прыемнасцю ўспамінаў сваю глінішчанскую настаўніцу *Праскоўю Андрэеўну Дашко*, якая засведчана ў рамане “Подых навальніцы” пад сваім уласным іменем нават з дакументальнай дакладнасцю... Барыс Сачанка, зямляк класіка, ганарыўся зямляцтвам і неаднаразова ў сваіх успамінах удакладняў некаторыя важныя факты пра творчасць і жыццёвыя падрабязнасці Івана Мележа. Напрыклад, раман “Мінскі напрамак”

упершыню пачаў друкавацца ў мазырскай абласной газеце “Большавік Палесся”: “Трапілася на вочы падшыўка мазырскай абласной газеты, у якой з нумара ў нумар друкаваліся з працягам урыўкі з вялікага твора Івана Мележа, і я чытаў тэя ўрыўкі не адрываючыся...” Назву *Глінішчы* – родную вёску пісьменніка – Барыс Сачанка паслядоўна пісаў у такім варыянце, а не *Глінішча*, як можна прачытаць у некаторых іншых аўтараў: “Глінішчы – мы гэта ведалі – былі за балотам, непадалёку ад Вялікага Бору”...

Добрым словам пісьменнік згадвае і хойніцкага настаўніка *Міхаіла Іванавіча Пакроўскага*, які ўмела тлумачыў вучням узоры беларускай, рускай і сусветнай літаратуры. Ён першы падтрымаў паэтычныя пачаткі Івана Мележа, што друкаваліся ў хойніцкай раённай газеце “Чырвоная змена” і ў абласной “Большавік Палесся”. “Я пісаў пра яе з хваляваннем і любоўю. Я апісаў тую школу, у якой працавала *Праскоўя Андрэеўна*, а я вучыўся, апісаў беражліва, дакладна, так мне дорагі былі кожная падрабязнасць абстаноўкі, у якой працавала любімая настаўніца... Увесь вобраз яе для мяне азораны ўспамінамі пра цудоўную пару дзяцінства. Тэя старонкі, на якіх жыве гэты вобраз, у маім уяўленні як бы свеціцца, выпраменьваюць воблік тых далёкіх дзён” (Польмя. – 1975. – № 1. – С. 196).

Пра іншых персанажаў у творах Івана Мележа. *Нічыпар Ануфрыевіч Бельскі* – прататып старшыні валыканкама ў раманах “Палескай хронікі”. Асобныя рысы гэтага паважанага І. Мележам чалавека прасочваюцца ў вобразе *Сцяпана Іванавіча* з апавядання “*Дадому*”. Пісьменнік пісаў: “Ён для мяне – гэта дзяцінства і юнацтва, тое дарагое, чым выкліканы абодва раманы «*Людзі на балоце*» і «*Подых навальніцы*»”.

З цеплынёй у пасляваенны перыяд Іван Мележ у прыватных размовах успамінаў свайго хойніцкага настаўніка і паэта *Тодара Курбацкага*, хаця пра ваенны лёс свайго выкладчыка народны пісьменнік нічога не ведаў. Пра гэта паведамляў літаратуразнаўца і пісьменнік *Алесь Бельскі*, які знайшоў невядомы дагэтуль вершы настаўніка з Хойнікаў, што былі апублікаваны ў мазырскай абласной газеце “Большавік Палесся” і “Чырвонай змене” (Роднае слова, 2008. – № 11. – С. 34).

Дарэчы, уласная ваенная біяграфія франтавіка Івана Мележа па-мастацку прасочваецца ў асобных дэталях на вобразе-прататыпе *Аляксея Лагуновіча* ў рамана “*Мінскі напрамак*”, дзе ў дэталях паказаны шлях адступлення нашых воінаў ад Брэста да данскіх стэпаў, удзел у баях пад Сталінградам і на Курскай дузе, а ў франтавіка І. Мележа 1941 год і цяжкія кіламетры на ўсход з-пад Карпат праз усю Украіну, пад Растоў, дзе ён быў цяжка пранены і на доўгія месяцы апынуўся ў армейскіх шпіталях.

Сяргей Грахоўскі пісаў: “Цяпер ёсць вуліцы і школы яго імя, плыве па беларускіх рэках параход “*Іван Мележ*”, а вось прагал у літаратуры, у нашай памяці і ў нашых сэрцах нічым не запоўніш. Ніхто не піша так, як мог напісаць толькі ён, ніхто не скажа таго, што мог сказаць *Іван Паўлавіч*” [3, с. 105]. Ніл Гілевіч у гэтай сувязі падкрэслена адзначаў: “*Мележ быў у найбольшай ступені, чым хто іншы з нашых сучасных празаікаў, беларускі пісьменнік, беларускі ва ўсім, што ім напісана*” [3, с. 206]. Сваім жыццём, усёй сваёй творчасцю вельмі пераканальна адказаў на гэта пытанне народны пісьменнік Беларусі *Іван Паўлавіч Мележ*. Гэтыя словы як найлепш адпавядалі галоўнай патрыятычнай задачы на 2018 год, пастаўленай урадам Рэспублікі Беларусь, якой мы кіраваліся, адказаўшы на пытанне: Якая роля малой радзімы ў жыцці кожнага з нас? Прафесар *І. В. Катляроў* адзначаў, што ідэалогія беларускай дзяржавы – гэта ідэалогія гонару за сваю радзіму. Унікальнасць патрыятызму заключаецца ў тым, што ён з’яўляецца паказчыкам высокай грамадзянскасці, знітанасці з лёсам сваёй краіны, імкненнем накіраваць усе справы на карысць Айчыны і народа. На жаль, як піша гэты вучоны, у апошнія часы слова “патрыёт” па самых розных прычынах стала ледзь не лаянкавым... Высокія духоўныя ідэалы падмяняюцца цынзізмам і раўнадушшам, эгаізмам і індывідуалізмам, агрэсіўнасцю і непаважлівым стаўленнем да людзей і дзяржавы. Знявага

да мінулага выклікае цынiзм і бездухоўнасць. Нігілізм і адсутнасць веры ў будучае (Польмя. – 2009. – № 7. – С. 132–135).

Пiмен Панчанка ў нарысе “Сын Палесся” вельмі высока, узнёсла, з захапленнем напісаў пра радзiму пiсьменніка, яе прыроднае багацце, пра яго самага як знакамітага пiсьменніка з *Глiнiшчаў*, што ў Хойнiцкiм раёне. З Іванам Мележам яго аб’ядноўвалі даўнія сяброўскія адносіны не толькі па сумеснай працы, а і асабістая павага за ўнікальны талент, адметную палескую дабрыню і мудрасць. Пасля паездкі на верталёце напярэдадні залатога юбілею ў 1971 г. на радзiму Івана Мележа (разам з П. Машэравым, Ц. Кісялёвым, М. Танкам, А. Макаёнкам, І. Шамякіным) паэт напісаў наступныя класічныя радкі, азаглавіўшы іх ёмкай перыфразай “Зямля бацькоў”, у якіх кожны беларус праз дакладна вывераныя мастацкія метафары, параўнанні, алюзіі пазнае не толькі мележаўскае Палессе з твораў класіка, а і сваю малую радзiму: *А на Палессі ўсё нядробна: / Цяжкая спадчына вякоў, / Цяжкія рукі хлебарабаў, / Цяжкія сны палешукоў. / Якую трэба мець адважнасць / І сэрца сынава, каб так / Любіць палескі край туманны / І маці бедны аднарак / Пад навалнічны подых рэзкі / Я пад буслянкую стаю / І ў ціхай вёсачцы палескай / Сябе малага пазнаю. / Зямля бацькоўская, святая, / Так, гэта мы. Увесь народ... / Мне ў сэрца бусел залятае / З трывожных прыпяцкіх балот.*

Агульначалавечае, нацыянальнае, рэгіянальнае, напрыклад, у раманах пра Палессе Івана Мележа прысутнічае на кожнай старонцы яго “Хронікі” у самым арганічным, высокім адзінстве. Як адзначаў Алесь Адамовіч, ён палемічна абвясціў у сваіх раманах абразлівы несправядлівай традыцыяй, погляд на палешука, як на істоту з нейкага гістарычнага запаведніка. На яе, гэтую істоту глядзяць спачувальна быццам, але ўсё ж зверху [3, с. 7]. Безумоўна, што любіць, не забываць, шанаваць, ганарыцца малой радзімай, г. зн. быць патрыётам. Важна, каб кожны з нас зрабіў нешта істотнае для сваёй малой і вялікай радзімы, памножыў матэрыяльныя і духоўныя набыткі сваіх землякоў. Некаторыя з названых онімаў з твораў класікаў, што вядомы ў народзе і мастацкай літаратуры, напрыклад, *Юравічы, Мазыр, Хойнікі, Глiнiшчы, Васілевічы*, рэальныя прозвішчы палешукоў – *Мележ, Шамякін, Навуменка, Клімук, Мазураў, Грамыка, Іван Колас, Міхась Дрынеўскі, Васіль Талаш (дзед Талаш), Пiмен Бумажкоў, Васіль Корж, Вера Харужая*, тапонімы і гідронімы *Брэст, Мікалаеўшчына, Нёман, Прыпяць, Дняпро* і інш. утвараюць у носьбітаў мовы, чытачоў не толькі анамастычныя, але і вобразныя (мастацкія), а часам і энцыклапедычныя асацыяцыі.

Традыцыі Івана Мележа ў апісанні рэалій малой радзімы творча прадаўжалі і ўзбагачаюць іншыя пiсьменнікі, ураджэнцы Палесся, не толькі яго сучаснікі і сябры, І. Шамякін, І. Навуменка, А. Макаёнак, а і наступныя маладзейшыя, асабліва У. Ліпскі, У. Верамейчык, В. Казько, А. Бароўскі, А. Федарэнка, У. Лякін, В. Ярац, Г. Дашкевіч і інш.

Вывады

Такім чынам, анамастычная прастора мастацкага тэксту залежыць ад майстэрства пiсьменніка, асабліва ў выбары онімаў, ад яго ўмення па-мастацку творча адлюстроўваць і прадаўжаць тыповыя адметнасці рэгіёна, фальклору, улічваць вопыт папярэднікаў, а таксама традыцыі беларускай і сусветнай мастацкай літаратуры ў фарміраванні патрыятызму. Патрабавальны да сваёй творчасці пiсьменнік заўсёды ў пошуку мастацкіх сродкаў, асабліва ў выбары паэтонаімаў, пра што сведчаць вопыт і мастацка-выяўленчыя адметнасці іх творчасці. У апошнія гады апублікаваны мастацкія творы, успаміны, эсэ, краязнаўчыя працы, прысвечаныя канкрэтным асобам, мясцінам нашай радзімы, па-мастацку напісаныя з глыбокім веданнем і аналізам біяграфій і лёсаў некаторых асоб, у якіх засведчаны імёны, падзеі, якія, на жаль, па розных прычынах малавядомыя чытачам, асабліва моладзі. Удалым прыкладам у гэтым накірунку з’яўляюцца ўспаміны, мастацкія тэксты, нарысы І. Шамякіна, А. Лойкі, Дз. Бугаёва, М. Лужаніна, А. Карлюкевіча, А. Марціновіча, А. Бельскага, В. Рагойшы, М. Улашчыка, У. Гніламёдава, У. Калесніка

і інш. Аўтары з падкрэсленай павагай да некаторых забытых асоб і памятных мясцін праз умоўнасці мастацкага тэксту далучаюць чытача да жыццёвых лёсаў такіх людзей, да мінулага некаторых рэальных паселішчаў. У гэтых онімах акумуляюецца мноства ідэй па ўшанаванні фрагментаў гераічнага і трагічнага малой радзімы пісьменнікаў і кожнага з нас.

Літаратура

1. Куляшоў, Ф. Иван Мележ. Літаратурная біяграфія / Ф. Куляшоў // Мінск : Маст. літ., 1968. – С. 74–180.
2. Мележ, І. Трохі загадак і думак / І. Мележ // Пяцьдзясят чатыры дарогі. – Мінск : Маст. літ., 1963. – С. 387–391.
3. Успаміны пра Івана Мележа [склад. Л. Я. Пятрова-Мележ]. – Мінск : Маст. літ., 1982. – 415 с.
4. Шур, В. В. Малая і вялікая радзіма ў аномастыконе пісьменнікаў / В. В. Шур, В. Р. Слівец. – Мазыр : МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2019. – 171 с.
5. Шчэрбін, М. М. Традыцыі выхавання патрыятызму і грамадзянскасці ў спадчыне Францыска Скарыны / М. М. Шчэрбін // Святло скарынавых ідэй: да 90-годдзя з дня нараджэння У. В. Алічэнкі : зб. навук. арт. / М-ва адукацыі РБ, УА “Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. Ф. Скарыны”, Навукова-даследчы ін-т гісторыі і культуры ўсходнеславянскіх народаў пры ГДУ імя Ф. Скарыны. – Гомель, 2014. – С. 75–77.

References

1. Kuljashou, F. (1968). *Ivan Melezh. Litaraturnaja bijagrafija*. [Ivan Melezh. Literary biography]. Minsk: Mast. Lit. 74–180. (In Bel).
2. Melezh, I. (1963). *Trohi zagadak i dumak. Pjac'dzjasjat chatvry darogi*. [A few mysteries and thoughts. Fifty-four roads]. Minsk: Mast. lit. 387–391. (In Bel).
3. *Uspaminy pra Ivana Melezha*. (1982). [Memories of Ivan Melezh]. Minsk: Mast. lit. (In Bel).
4. Shur, V. V. Slivec, V. R. (2019). *Malaja i vjalikaja radzima u anamastykone pis'mennikau*. [Small and large homeland in the onomasticon of writers]. Mazyr: MDPU imja I. P. Shamjakina. (In Bel).
5. Shchjerbin, M. M. (2014). *Tradycyji vyhavannja patryjatyizmu i gramadzjanskasci u spadchynie Francyska Skaryny. Svjatlo skarynavyh idzej*. [Traditions of education of patriotism and citizenship in the legacy of Frantsysk Skaryna. Light of Skaryna's ideas]. Gomel'. 75–77. (In Bel).

УДК 811.161.3'28:39(476.2)*М.І.Талстой

ПАЛЕССЕ Ў НАВУКОВЫХ ПРАЦАХ АКАДЭМІКА М. І. ТАЛСТОГА І ЯГО ПАСЛЯДОЎНІКАЎ

В.В. Шур,

прафесар, доктар філалагічных навук
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: kovsharolga@tut.by

Артыкул прысвечаны разгляду ролі акадэміка М. І. Талстога і вучоных створанай ім маскоўскай міфалагічнай школы ў вывучэнні Палесся як унікальнага старажытнага рэгіёна, на тэрыторыі якога захаваліся шматлікія сведчанні архаічнай духоўнай культуры славян, зроблены сціслы каментарый асноўных прац лінгвістаў, прысвечаных розным праблемам у вывучэнні Палесся.

Ключавыя словы: этнагенез, прарадзіма, этнас, славянскія мовы, славянскія народы, фальклор, лексіка, архаічная зона (тэрыторыя), духоўная культура.

POLESIE IN THE SCIENTIFIC WORKS OF ACADEMICIAN M. I. TOLSTOY AND HIS FOLLOWERS

V. Shur,

Professor, Doctor of Philology
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: kovsharolga@tut.by

The article deals with the role of academician N.I. Tolstoy and linguists of the Moscow mythological research school, which he created, in the study of Polesie as a unique ancient region, which has preserved many testimonies of

archaic spiritual culture of the Slavs, the author gives a brief commentary on main linguistic works, that are devoted to various problems of Palesse study.

Key words: ethnogenesis, ancestral home, ethnos, Slavic languages, Slavic peoples, folklore, vocabulary, archaic zone (territory), spiritual culture.

Уводзіны

Роля Палесся ў этнагенезе ўсходніх славян, асабліва на падставе лінгвістычных, фальклорна-этнаграфічных і археалагічных фактаў, як пераканальна прасочана ў грунтоўных працах акадэміка М. І. Талстога, вызначальная і надзвычай важная. Гэты рэгіён, як сведчаць даследчыкі, з’яўляецца часткай былой славянскай прарадзімы: Палессе ў розных аспектах матэрыяльнай і духоўнай культуры выдзяляецца значнай устойлівасцю і аўтахтоннасцю насельніцтва, спецыфічнымі ландшафтнымі паказчыкамі, яго месцам на сумежжы трох усходнеславянскіх народаў, а таксама яго блізкасцю да старажытнага дзяржаўнага і культурнага цэнтра ўсходніх славян Кіева.

Мэта артыкула – паказаць вызначальную ролю акадэміка М. І. Талстога як ініцыятара і пачынальніка ў 60–80-я гады XX ст. комплекснага даследавання Палесся.

Для дасягнення мэты былі пастаўлены наступныя **задачы**:

– выявіць і прасачыць далейшае вывучэнне і развіццё асноўных напрамкаў, прапанаваных М. І. Талстым, у даследаванні набыткаў матэрыяльнай і духоўнай культуры Усходняга Палесся з канца XX ст.– пачатку XXI ст.;

– сцісла ахарактарызаваць асноўныя набыткі (манаграфіі, слоўнікі артыкулы і інш.), прысвечаныя комплекснаму вывучэнню матэрыяльнай і духоўнай культуры Палесся.

Метады і матэрыял даследавання

Метадалагічнай асновай даследавання з’яўляюцца апісальны, супастаўляльны метады з выкарыстаннем прыёмаў навуковай інтэрпрэтацыі і абагульнення; асноўны матэрыял даследавання – манаграфіі даследчыкаў Палесся, слоўнікі, тэксты мастацкіх і навукова-краязнаўчых прац, кнігі-хронікі “Памяць”.

Вынікі і іх абмеркаванне

Прыпяцкае Палессе ў наш час разглядаецца як унікальны рэгіён, які акумуляваў у сабе рысы не толькі ўсходніх славян, але і элементы духоўнай і матэрыяльнай спадчыны іншых этнасаў – польскага, яўрэйскага, нямецкага, татарскага і інш. У гэтай сувязі прывядзем некаторыя выказванні вучоных аб гэтым рэгіёне. “Прыпяцкае Палессе можа служыць аб’ектам даследавання з двух пунктаў гледжання – “як узорная зона архаічных дыялектаў і як тэрыторыя, на якой адбывалася старажытная міграцыя славян”. Па-першае, яно можа разглядацца як “доследны палігон” накіраванага Закарпацця або Пскоўшчыны, а суадносіны яго гаворак можна ўявіць як тыпалагічную мадэль любой архаічнай зоны. Па-другое, Палессе з’яўляецца ўнікальным, паколькі цяпер ні ў кога са славістаў не выклікае сумнення тое, што на гэтай тэрыторыі пралягалі шляхі першага масавага перасялення славян (В. Мартынаў). На думку даследчыкаў-археолагаў, Сярэдняе Падняпроўе – эпіцэнтр цяперашняга Мазырска-Прыпяцкага рэгіёна – з’яўляецца “калыскай славян” пачатку першага тысячагоддзя нашай эры. Увесь перыяд ранняга сярэднявечча тут адбываліся інтэнсіўныя славяна-іншакультурныя ўзаемакантакты і ўзаемаўплывы. А з IX ст. гэтыя землі сталі транзітнымі тэрыторыямі на шляхах “з *варагаў у грэкі*”, вядомымі як заходнедзвінскі, дзяпроўскі, прыпяцкі. Гэта быў перыяд моцнага культурнага ўплыву скандынаўскіх вікінгаў на аўтахтоннае насельніцтва, калі і ўзнік старажытны цэнтр краю – Тураўскае княства... Усё адзначанае дало права ініцыятару стварэння “*Палескага этналінгвістычнага атласа*” акадэміку М. І. Талстому назваць гэты рэгіён “*ідэальным палігонам, запаведнікам для даследчыкаў старажытнаславянскай эпохі*”. Такім чынам, Мазыршчына, Усходняе Палессе “поўнаасцю або часткова, разглядаюцца як кампанент славянскай прарадзімы і нават як сама прарадзіма, або як рэгіён, які непасрэдна або блізка да яго прымыкаючы, што робіць этнагенетычны план палескіх даследаванняў вельмі

карысным для славістыкі ў цэлым” [1, с. 6]. М. І. Талстой наогул вызначаў гэты рэгіён як аналаг славянскага этнамоўнага/этнакультурнага прастану. Гіпотэзу аб тым, што Беларусь і асабліва Палессе – сакральны цэнтр Еўропы развівае ў сваёй манаграфіі “Беларуская класічная літаратурная традыцыя і міфалогія” (Мінск, 2001) культуралаг Таццяна Шамякіна. У прыватнасці, з існуючымі класічнымі палажэннямі аб прарадзіме славян яна сцвярджае, што ў далёкія часы тэрыторыя Беларусі была адным з сакральных цэнтраў Еўропы. Доказам з’яўляецца нашае своеасаблівае геаграфічнае становішча, наяўнасць надзвычай разгалінаванай рачной сеткі, прычым рэкі цякуць у супрацьлеглыя бакі, што дазваляе па гэтых блакітных гасцінцах лёгка перамяшчацца ў розныя краіны свету. У сваю чаргу так жа лёгка прыплывалі і да нас. Усё гэта не магло не нарадзіць ідэю сакральнасці тэрыторыі, паколькі яна цэнтральная: як бы на ростанях дарог, бо рэчкі ў старажытнасці – найлепшыя шляхі-дарогі (Роднае слова, 2008, № 5, с. 88).

Спецыфіка палескай тэрыторыі заключаецца і ў тым, што яе цэнтральнае месцазнаходжанне на мяжы ўсходнеславянскіх этнасаў і ўсходне-заходнім славянскім памежжы абумовіла асабліва інтэнсіўныя міжэтнічныя ўзаема сувязі і ўзаемаўплывы. Выключная актуальнасць вывучэння і захавання агульнапрызнанай унікальнай культурнай спадчыны Палесся зафіксавана асобнай пастановай Генеральнай Асамблеі ЮНЕСКА ў 2002 годзе.

Вывучэнне Палесся, як прасочана, пачалося яшчэ ў XIX ст. – першай палове XX ст. Гэта этналагічныя, этнаграфічныя і фальклорна-лінгвістычныя працы Д. Булгакоўскага, М. Стрыйкоўскага, А. Кіркора, Я. Снядэцкага, К. Кантрыма, П. Чубінскага, П. Шпілеўскага, Ё. Абрэмскага, М. Доўнар-Запольскага, П. Бузукі, У. Завітневіча, К. Машыньскага, Ч. Пяткевіча, М. Улашчыка, А. Крукоўскага і інш. У 60-ых гадах XX ст. па ініцыятыве акадэміка М. І. Талстога вучонымі Расіі, Беларусі, Украіны было ажыццёўлена шырокамаштабнае, комплекснае даследаванне мовы і духоўнай культуры насельніцтва гэтага рэгіёна, праведзена некалькі навуковых канферэнцый, выдадзены значныя абагульняльныя працы – манаграфіі, дысертацыйныя даследаванні, слоўнікі. Назавём некаторыя, самыя значныя, пераважна лінгвістычныя: “Лексика Полесья” (М., 1968), “Полесье (лингвистика, археология, топонимика)” (М., 1968), “Лексика Полесья ў прасторы і часе” (Мн., 1971), “Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования” (М., 1983), “Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции” (М., 1983), выдадзены значныя лексікаграфічныя працы: “Тураўскі слоўнік” у пяці тамах, “Матэрыялы да дыялектнага слоўніка Гомельшчыны”, апублікаваныя ў зборніках “Беларуская мова”, “Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Гомельская вобласць” пад рэд. В. П. Лемцюговай, “Палескі слоўнік: Лельчыцкі раён” А. К. Малюка, І. М. Кучука (Мазыр, 2000), В. А. Лякіна “Фаміліі Калинового края” (Мозырь, 2008) і “Калиновый край в именах и названиях” (Минск, 2016), слоўнік Г. А. Івановай “Микропонимия Мозырского Полесья” (Мозырь, 2007), “Дыялектны слоўнік Брэстчыны” (Мн., 1989), манаграфія Н. А. Багамольнікавай “Гідронімы басейна ракі Прыпяць” (Гомель, 2004), слоўнік Н. А. Багамольнікавай і А. А. Станкевіч “Айканімія Гомельшчыны” (Гомель, 2003) атлас-слоўнік “Лексика гаворак Беларускага Прыпяцкага Палесся” (Мн., 2008), працы А. Ф. Рогалева “Географические названия в калейдоскопе времен” (Гомель, 2008), “От Гомеюка до Гомеля: городская старина в фактах, именах, лицах” (Гомель, 1993), “Матэрыялы до лексичного атласу ўкраінскай мовы (Правобережне Полісся)” М. В. Ніканчука, “Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны” Т. С. Янковай (Мн., 1982), перавыдадзеная і перакладзеная з польскай мовы на беларускую манаграфія Ч. Пяткевіча “Рэчыцкае Палессе” (Мінск, 2004), унікальная комплексная праца “Хроніка Убарцкага Палесся” (аўтар-укладальнік А. Антагулаў) (Мінск, 2001), апублікаваны шматлікія артыкулы і манаграфіі А. Крывіцкага, А. Рогалева, І. Штэйнера, Г. Цыхуна, А. Станкевіч, Ф. Клімчука, мясцовых краяведаў У. Лякіна, А. Бабра, М. Капача з Мазыра і інш.

Адметнасць, унікальнасць Палесся засведчана ў значнай колькасці навукова-папулярных кніг, нарысаў, артыкулаў, аўтарамі якіх з'яўляюцца П. Шпілеўскі, А. Рогалеў, У. Караткевіч, Ю. Лабынцаў, В. Вольскі, Я. Пархута, У. Ліпскі, А. Бароўскі, Н. Канопліч, У. Лякін і інш.

Асабліва багатыя на ўнікальныя факты з духоўнай і матэрыяльнай культуры Палесся гісторыка-дакументальныя хронікі “Памяць”, прысвечаныя ўсім адміністрацыйным рэгіёнам Палесся, а ўсяго апублікавана 146 тамоў, дзе на падставе архіўных дакументаў, біяграфічных нарысаў, матэрыялаў музеяў, успамінаў удзельнікаў раскрываецца гісторыя канкрэтных падзей, падрабязна прыводзяцца забытыя і зусім невядомыя факты з гісторыі канкрэтных рэгіёнаў, паслядоўна падаюцца фальклорна-этнаграфічныя матэрыялы, імёны, прозвішчы, тапаніміка канкрэтных рэгіонаў і інш.

Сістэматычнае комплекснае лінгвістычнае вывучэнне Палесся пачалося ў 1962 г., калі па ініцыятыве М. І. Талстога “Інстытут славяназнаўства і балканістыкі АН СССР” сумесна з “Інстытутам мовазнаўства АН БССР” арганізавалі серыю экспедыцый, вынікам якіх з’явіліся публікацыі зборнікаў, якія атрымалі шырокае міжнароднае прызнанне: “Полесье” (М., 1968), “Лексика Полесья” (М., 1968), “Лексика Палесся ў прасторы і часе” (Мінск, 1971). Наступны этап вывучэння мовы і традыцыйнай культуры Палесся пачаўся ў 1970-ыя гады. Пад кіраўніцтвам М. І. Талстога штогод праводзіліся комплексныя экспедыцыі, задачай якіх быў збор лексічных і фальклорна-этнаграфічных матэрыялаў для стварэння Палескага этналінгвістычнага атласа і Слоўніка славянскіх народных старажытнасцей. Вынікі палескіх даследаванняў неаднаразова дакладваліся на пасяджэннях, навуковых канферэнцыях і сімпозіумаў у СССР і за мяжой. Першая этналінгвістычная экспедыцыя праводзілася летам 1974 г. і мела разведачны характар. Былі абраны два пункты: адзін ва ўсходнім Палессі, у сяле Стадолічы, другі – у заходнім – у в. Спорава Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці. Палявыя матэрыялы, сабраныя летам 1974 г., палажылі пачатак Палескаму архіву, які захоўваецца ў сектары этналінгвістыкі і фальклору Інстытута славяназнаўства і балканістыкі. Яго матэрыялы штогод папаўняюцца не толькі вучонымі-даследчыкамі, а і аматарамі-краязнаўцамі з Беларусі, Украіны, Расіі.

У часы экспедыцый працаваў семінар, у якім былі прачытана нямала наватарскіх, навуковых дакладаў з выкарыстаннем канкрэтных мясцовых матэрыялаў, напрыклад, *М. І. Талстога* – аб фанетыцы палескіх гаворак; *Ю. І. Смірнова* – аб славянскіх этнічных сюжэтах; *Ф. Д. Клімчука* – аб архаічных старажытнасцях заходняга Палесся; *В. М. Макіенкі* – аб славянскай фразеалогіі; *З.В. Рубцовай* – аб сучасным стане тапанімічнай навукі; *Н. Г. Уладзімірскаяй* – аб звычаях і павер’ях, звязаных з ткацтвам; *В. М. Ісаенка* – аб ранніх археалагічных помніках Палесся і інш.

У 1974 г. у вёсцы Стадолічы пад кіраўніцтвам М. І. Талстога працавалі вядомыя вучоныя, аспіранты, студэнты з Масквы, Ленінграда, Мінска, Жытоміра, Нежына, Мазыра. М. І. Талстой, які неаднаразова бываў у розных паселішчах Палесся, лічыў фальклорныя матэрыялы са Стадолічаў самымі ўнікальнымі. Яны, як ён пераконваў, пацвярджаліся шматлікімі зніклымі ў іншых раёнах Славіі фактамі, што Мазыршчына, Усходняе Палессе “поўнасцю або часткова, разглядаюцца як кампанент славянскай прарадзімы і нават як сама прарадзіма, або як рэгіён, які непасрэдна або блізка до яго прымыкаючы, што робіць этнагенетычны план палескіх даследаванняў вельмі карысным для славістыкі ў цэлым” [1, с. 6]. Ад часоў Я. Карскага, М. Доўнар-Запольскага даследчыкамі розных галін навукі сцвярджаецца, што самы разнастайны фальклор Мазырскага Палесся не спазнаў неславянскіх знешніх уплываў і з’яўляецца эталонам для аднаўлення агульнаславянскага фальклорнага фонду (М. І. Талстой, П. Шпілеўскі, Ч. Пяткевіч, К. Машынскі і інш.). Унікальныя запісы мясцовага фальклору, запісанага ад жыхароў Стадоліч, змешчаны ў працах – артыкулах, манаграфіях, дакладах – М. І. Талстога, С. М. Талстой, Ю. І. Смірнова, Ф. Д. Клімчука) напрыклад, у манаграфіі “Славянский и балканский фольклор” (М., 1981);

“Заметки по славянскому язычеству”; “Русский фольклор”, “Поэтика русского фольклора” (Л., 1981), “Материалы к Полесскому этнолингвистическому атласу” // Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования (М., 1983. – С. 129–150).

М. І. Талстой і С. М. Талстая падрабязна даследавалі старажытныя павер’і, абрады, магічныя дзеянні, якія былі ўласцівы ў мінулым многім славянскім рэгіёнам і народам, але да нашага часу, як сведчаць шматлікія матэрыялы, такія рэліктавыя з’явы захаваліся пераважна толькі на Мазырскім Палессі. Так, у артыкуле “Заметкі па славянскім язычніцтве: Выкліканне дажджу каля калодзежа” гэтыя даследчыкі на матэрыялах сяла Стадолічы з каментарыямі і спасылкамі на іншыя славянскія рэгіёны апісалі падрабязна, як у мінулым у славян выконваліся розныя магічныя дзеянні, каб спыніць летнюю спёку, калі доўга была невыносная жара, людзі спрабавалі сваім спосабам выклікаць дождж. Для выкліку гэтай атмасфернай з’явы ля калодзежа выконваліся наступныя магічныя дзеянствы: у калодзеж сыпалі пасвечаны ў царкве мак, ля калодзежа развешвалі звычайныя рушнікі, вадзі ў калодзежы боўталі палкамі і крукамі і “галасілі па Макару” (ёсць такая доўгая палеская песня). На думку шматлікіх мясцовых інфарматараў, такі спосаб выклікання дажджу ў засуху “галасіць па Макару” даволі эфектыўны, яго маглі выконваць не ўсе, а толькі адзінкавыя, надзеленыя божым дарам, асобы. Зафіксаваны ў Стадолічах гэты ўсходнепалескі абрад, як лічаць вучоныя, даволі архаічны. Да яго адметнасцей, якія, безумоўна, заслугоўваюць увагі не толькі лінгвістаў і этнографіаў, адносяцца: 1) уяўленні носьбітаў аб звязнасці (узаемасувязі) усіх водных стыхій; 2) ахвярапрынашэнне (крыніцы, калодзежы) макавых зёрнаў; 3) прадзенне і тканне (за адзін дзень) “абыдзеннага” рушніка; 4) рытуальны акт біцця (калечэння) вадзі ў калодзежы (крыніцы); 5) сувязь дажджу з міфалагічным тапельцам (Макаркам); 6) драматычнае дзейства – выхад з вадзі міфалагічнага Макаракі (гл. больш падрабязна: “Поэтика русского фольклора” Ленинград: Наука, 1981. – С. 87–98). Апрача гэтага матэрыялу, М. Талстой і С. Талстая ў серыі “Заметки по славянскому язычеству” падрыхтавалі наступныя публікацыі з багатым выкарыстаннем матэрыялаў, засведчаных у Стадолічах: “Вызывание дождя в Полесье”, “Первый гром в Полесье”, “Защита от града в Полесье” і інш. Спасылкі на гэтыя і іншыя працы, падрыхтаваныя пераважна на матэрыялах са Стадолічаў, можна выявіць у працах даследчыкаў матэрыяльнай і духоўнай культуры многіх славянскіх народаў. Такім чынам, фальклор Стадоліч стаў свайго роду ўзорам, на які спасылаюцца пры правядзенні пэўных параўнанняў, паралеляў, тапалогій з іншымі славянскімі рэгіёнамі.

Падхопленыя наватарскія ідэі і шматаспектныя задумкі акадэміка М. І. Талстога ў комплексным вывучэнні Палесся ў 60–90-я гады ХХ ст. сталі сапраўдным гісторыка-лінгвістычным бумам у навуковых колах значнай часткі лінгвістаў, гісторыкаў, этнографіаў, краязнаўцаў не толькі Беларусі. Асабліва актывізаваліся ў гэтым напрамку калектывы гуманітарных кафедраў ГДУ імя Ф. Скарыны. Найбольш вызначыліся на цэлыя дзесяцігоддзі ў абраных праблема па вывучэнні Палесся калектывы кафедраў філалагічнага і гістарычнага факультэтаў гэтай установы, апублікаваўшы шматлікія артыкулы, манаграфіі, абараніўшы дысертацыйныя даследаванні, правёўшы паспяхова міжнародныя навуковыя канферэнцыі, далучаючы да вывучэння Палесся вучоных іншых навуковых цэнтраў. Напрыклад, “Традиционная культура Полесья и современный мир” (Гомель, 2012), “Традыцыі матэрыяльнай і духоўнай культуры Усходнага Палесся: праблемы вывучэння і захавання ў постчарнобыльскі час” (Гомель, 2009), “Славянская фразеология в синхронии и диахронии” (Гомель, 2014), “Літаратурнае Палессе ў постацях і лёсах” (Мазыр, 2005).

Асабліва вызначыліся творчыя калектывы пад кіраўніцтвам дактараў навук У. В. Анічэнкі, Р. М. Казловай, У. І. Коваля, А. А. Станкевіч, В. А. Ляшчынскай, А. Ф. Роголева, І. Ф. Штейнера, В. С. Новак і інш. Так, прафесар У. І. Коваль, атрымаўшы яшчэ ў студэнцкія гады, вызначальныя, фактычна прарочыя, як аказалася потым, рэкамендацыі, парады М. І. Талстога на доўгія гады стаў асноўным і вядомым даследчыкам агульна-

славянскай міфалогіі, фразеалогіі, лексікалогіі, лексікаграфіі. Дарэчы, зыходнымі данымі ў яго працах паслядоўна заўсёды былі палескія матэрыялы, якія шырока прадстаўлены і пададзены ў яго грунтоўных манаграфіях, вучэбных дапаможніках, дакладах на міжнародных з'ездах славістаў у Польшчы, Славеніі, Македоніі, сталіцах Мінску, Белградзе. Назавем некаторыя яго манаграфіі, праблемныя і актуальныя на доўгія гады: “Восточнославянская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение” (Гомель, 1998), “Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение” (Мінск, 2011), “Текст и язык: поиски истоков” (Мінск, 2012), “Язычество в языке и тексте” (Гомель, 2021), “Мифологические верования восточных славян” (Гомель, 2016), “Народная духоўная культура Брагіншчыны” (Гомель, 2007, у суаўтарстве з В. Новак) і інш. Усяго каля 20 манаграфій, слоўнікаў, падручнікаў.

Дарэчы тут адзначыць, што асобныя рэгіёны Палесся ўнікальныя для даследчыкаў і аматараў-краяведаў па некалькіх прычынах: напрыклад, Лельчыцкі раён аддалены ад значных камунікацый, у мінулыя гады быў недаступным з-за непраходных балот, шматлікіх вадаёмаў – рэчак, азёр, першабытных некранутых лясоў, што ў значнай меры садзейнічала захаванню многіх старажытных адметнасцей, пра што вельмі падрабязна паведамляецца ў арыгінальнай “Хроніцы Убарцкага Палесся” (аўтар-укладальнік А. І. Антагулаў. – Мінск, 2001. – 496 с.). Гэта кніга – унікальны збор археалагічных, географічных, тапанімічных, лінгвістычных, этнаграфічных і іншых звестак пра адметны куток Мазырскага Палесся. У храналагічнай паслядоўнасці выкладзены найважнейшыя факты і падзеі гісторыі краю. У дахрысціянскія часы тут сутыкаліся ўладанні драўлян і дрыгавічоў. Дрыгавічы, як вядома, сяліліся сярод лясоў і балот, адсюль і назва гэтага славянскага племя, ад слова дрыгва – балота. А. Рогалеў у артыкуле “Загадка дрыгавічоў” ставіць пад сумненне правільнасць тлумачэння гэтага этноніма ад слова *дрыгва*. На яго думку, этнонім адзначаецца ў пісьмовых крыніцах і на іншых славянскіх землях, прычым у некалькі змененым гукавым варыянце. Візантыйскія крыніцы XII ст. упамінаюць племя славян-драгавітаў, ці драгавітаў на Балканскім паўвостраве. Племя дрыгавічоў мелася і сярод палабскіх славян. Такім чынам, як лічыць А. Рогалеў, супастаўленне наймення надпрыпяцкіх дрыгавічоў са словам *дрыгва* на знешнім падабенстве адбылося ўжо ў новы час, і, як ён перакананы, было штучным. Магчыма, тэрыторыя гэтага аб'яднання знаходзілася дзесьці паблізу дунайскай прарадзімы славян, з якой разыходзіліся, як апавядае “Повесть временных лет”, розныя славянскія плямёны [2, с. 13]. Ёсць таксама меркаванне, што этнонім *драгавічы* паходзіць ад славянскага ўласнага імя *Дрыгавіт*, як *радзімічы* ад *Радзіма*, *вяцічы* ад уласнага імя *Вятка*. У розных старажытных тэкстах гэты этнонім засведчаны ў некалькіх варыянтах: *другвіты*, *драгавіты*, *дрогавіты* (М. Ермаловіч). Цэнтрам дрыгавічоў быў Тураў (980 г.), ад якога да сучасных Лельчыц усяго 60 км. На паўднёвы ўсход таксама на адлегласці не болей 60 км. знаходзіўся другі значны цэнтр славян *Оўруч* (у старажытнасці *Уручій* (*Вручій*), згадваецца пад 977 г.) як адзін з цэнтраў драўлян, куды ўваходзілі таксама сучасныя гарады ўкраінскага Палесся Жытомір (заснаваны ў 884 г.), а таксама Корасцень (старажытны Іскоростень), дзе жыў вялікі князь і старэйшыны ўсіх драўлян, недалёка быў і Малін – разідэнцыя драўлянскага князя Мала. Мяжа паміж землямі рассялення гэтых плямёнаў, як лічаць даследчыкі, ніколі не была выразнай, таму можна меркаваць, што ў культуры, мове, фальклору жыхароў сучасных Лельчыцкага, Ельскага, Жыткавіцкага і іншых суседніх украінскіх раёнаў захавалася многа асаблівасцей ад гэтых старажытных плямёнаў, пра што ў сваіх працах сцвярджалі Я. Карскі, М. Доўнар-Запольскі, В. Сядоў, А. Грушэўскі, М. Талстой, Ю. Лабынцаў, П. Шпілеўскі, П. Чубінскі. Ёсць меркаванне (М. Ніканчук, М. Талстой, Т. Назарава, В. Сядоў) і пераканальны аргумент адносна гіпотэзы ўзнікнення беларускай і ўкраінскай моў, магчыма, спачатку дыялектаў, якія, на думку названых даследчыкаў Палесся, размежавалі дзве роднасныя ўсходнеславянскія мовы: “Храналізацыя данай дыялектнай

мяжы (умоўнай мяжы паміж драўлянамі і дрыгавічамі – *В.Ш.*), якая дэманстравала канфрантацыю “драўлянскага” і “дрыгавіцкага” дыялектаў, увязваецца з часам (перыядам) пераходу драўлян праз Прыпяць, што пацвярджаецца іншымі аргументамі з наступнай асіміляцыяй балтамоўнага субстрату” [3, с. 169], на шматлікіх фактах якога ў наступныя стагоддзі пачалося фарміраванне беларускай народнасці і беларускай нацыі. Без вызначальных прац акадэміка М. І. Талстога і яго паслядоўнікаў такія грунтоўныя абагульненні наўрад ці маглі б з’явіцца.

Вывады

Такім чынам, роля акадэміка М. І. Талстога і яго паслядоўнікаў, вучняў надзвычай вызначальная ў вывучэнні Палесся як унікальнага старажытнага рэгіёна, які акумуляваў у сабе рысы не толькі ўсходніх славян. Гэты рэгіён разглядаўся на падставе лінгвістычных фактаў як вызначальны ў этнагенезе славян, як “узорная зона архаічных дыялектаў і як тэрыторыя, на якой адбывалася старажытная міграцыя славян”, як частка былой славянскай прарадзімы. Пачатак М. І. Талстым дастойна прадаўжаюць яго паслядоўнікі.

Літаратура

1. Толстой, Н. И. Полесье и его значение для славянской ареалогии / Н. И. Толстой // Полесье и этногенез славян. – М. : Наука, 1983. – 566 с.
2. Рогалеў, А. Ф. Сцежкі ў даўніну: Геаграфічныя назвы Беларускага Палесся / А. Ф. Рогалеў. – Мінск : Польша, 1992. – 159 с.
3. Полесский этнолингвистический сборник: материалы и исследования / под ред. Н. И. Толстого. – М. : “Наука”, 1983. – 286 с.

References

1. Tolstoj N. I. (1983). Polessje i ego znachenie dlja slavjanskoj arealogii [Polessje region and its meaning for Slavic arealogy]. Moscow: Nauka. (In Russ).
2. Rogaleu A. F. (1992). Scezhki u dauninu: Geografichnyja nazvy Belaruskaga Palessja [Paths to ancient times: Geographical names of Belarusian Polessje]. – Minsk: Polymja. (In Bel).
3. Tolstoj N. I. (Ed.) (1983). Polesskij etnolingvisticheskiy sbornik: materialy i issledovaniya [Polessje ethnolinguistic book: materials and research]. – Moscow: Nauka. (In Russ).

ТЕКСТ И ДИСКУРС В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ И ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

УДК 81'42

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

А.М. Амагов,

доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и методики преподавания
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
г. Белгород, Россия
E-mail: amatov@bsu.edu.ru

Г.В. Свищёв,

кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
г. Белгород, Россия
E-mail: svishchev@bsu.edu.ru

В дискурсе политических деятелей широко распространён нарратив – система взаимосвязанных историй, переходящих одна в другую от речи к речи. Идеологический нарратив в политическом дискурсе играет важную роль в мифотворчестве. При этом потенциал языковых средств в нарративе обычно используется для решения какой-то основной коммуникативной задачи – например, защита традиционных ценностей, право на исключительность и продвижение своих партийных, классовых и прочих интересов. В статье рассматриваются особенности функционирования языковых средств в современном идеологическом нарративе, раскрывается их роль в реализации глобальной коммуникативной стратегии «Мы и Они» и вытекающие из нее тактические ходы.

Ключевые слова: политический дискурс, идеология, нарратив, метафора.

IDEOLOGICAL NARRATIVE AND POLITICAL DISCOURSE

A.M. Amatov,

PhD, professor of the Department of the English language and Teaching Methods,
Belgorod state national research university,
Belgorod, Russia
E-mail: amatov@bsu.edu.ru

G.V. Svishchov,

Cand. Phil. D., associate Professor of the Department of Romance and Germanic Philology,
Belgorod state national research university,
Belgorod, Russia
E-mail: svishchev@bsu.edu.ru

Political discourse features narrative as a system of interconnected stories that transform one into another in the speeches of various politicians. The ideological narrative in political discourse plays an important part in myth creation. The linguistic potentials of linguistic are typically used in narrative to achieve the main communicative goal, like protection of traditional values, exceptional rights, promotion of partisan, class, and other interests. The article deals with the features of the language in the modern ideological narrative and shows their role in the implementation of “Them and Us” global communicative strategy along with the ensuing tactical moves.

Key words: political discourse, ideology, narrative, metaphor.

Введение

Для политического дискурса характерно наличие смысловых доминант, выступающих в роли центров притяжения, вокруг которых разворачивается дискурс (дискурс

конкретного политика, дискурс политической проблемы, дискурс политического события и т.п.). Эти доминанты обладают порождающей силой, генерируют дискурс определенной идеологической модальности, определяют направления его развертывания. Для обозначения способа экспликации смысловых доминант в последнее время часто прибегают к термину «*narrative*» (*narrative*).

Данный термин очень активно фигурирует в политическом дискурсе последних лет, причем содержание понятия «нарратив» в современном политическом дискурсе значительно расширилось. Б. Робертс (2004) отмечает, что *narrative* используется в связи с политической биографией и автобиографией, рассказам о политических репрессиях и преследованиях, повествованием из области политической истории, политической аналитикой, системой политических взглядов и др.

Противопоставляя нарратив слогану, Д. Бойл характеризует его как «модное словечко» политического маркетинга (a marketing buzzword), которое в силу своей новизны еще не успело утратить воздействующую силу. Оно возникло в ответ на возрастающее неприятие публикой политического пиара. Хотя политики уделяют много внимания поиску сильных, воздействующих слоганов, но народ выработал против них иммунитет, слоганы утратили свою силу убеждения, стали семантической пустышкой. Люди не доверяют рекламе и слоганам, но к историям они все еще прислушиваются [2].

Д. Бойл справедливо полагает, что важным свойством нарратива является его «объяснительность». Значимость «объяснительной силы» как конститутивного признака нарратива отмечает также и Дж. Веллеман, который полагает, что его можно в принципе охарактеризовать как жанр объяснения. «Нарратив не просто излагает события, но делает их доступными для понимания, систематизирует причинно-следственные связи» [8].

Доступность для понимания обеспечивается тем, что нарратив в каком-то смысле упрощает реальность. Придумывается история, под которую подгоняются реальные факты и события: “We seek to understand the struggle in Iraq by constructing narratives and fitting events into them” [1]. Благодаря этому нарратив дает возможность осмысления сложных и запутанных политических ситуаций.

Успех того или иного политического лидера объясняется наличием у него внятной и убедительной истории, понятно и приемлемо для избирателей объясняющей его основные цели. Политическое противоборство, особенно в рамках избирательной кампании, это, прежде всего, соперничество историй. Так, по замечанию Джеймса Кэрролла, каждый кандидат на участие в президентской гонке 2008 фигурирует в качестве героя хотя бы одного нарратива, завязанного на одну из ключевых проблем нации: Мак-Кейн и сага о благородном воине, Эдвардс и борьба с бедностью, Ромни и права религиозных меньшинств, Джулиани и 11 сентября, Хиллари Клинтон и история американской женщины, Обама и повесть о двух расах» [3].

Фразеология, характерная для политического дискурса в целом, приобретает свою специфику в дискурсе нарратива. Так, в политическом нарративе активно используются отсылки к прецедентным текстам, метафоры обычно встраиваются в систему и подчинены достижению той или иной узкой коммуникативной цели, нарративу свойственна большая «художественность», нежели политическому дискурсу в целом.

Цели и задачи

Широкое распространение нарратива в политическом дискурсе побудило нас к рассмотрению нарративных тактик употребления языковых единиц, а также той глобальной стратегии, которой эти тактики подчинены.

Теория и методология исследования

В языкознании укоренились две ключевых тенденции анализа политического дискурса: дескриптивная и критическая [5; 6]. Критическое направление, являющееся основным в нашем исследовании, имеет целью изучение социального неравенства, находящего отражение в дискурсе, а ученый открыто высказывается в защиту бесправных

и угнетенных. Как отмечает Т. ван Дейк, среди сторонников этого подхода «не может быть исследователей, имеющих отстраненное или равнодушное отношение к изучаемому вопросу» [4, с. 253].

Именно в рамках последнего подхода и с использованием его методов и приемов было проведено наше исследование.

Результаты и их обсуждение

В изученном материале нами выявлено около десятка коммуникативных микроролей самопрезентации политиков США, Великобритании и Франции, однако наиболее рекуррентными в рамках именно идеологического нарратива являются следующие три:

1. Лидер (leader). Вне всяких сомнений, глава любой страны, а тем более президент США – страны, претендующей на очень многое в современном мире, должен всегда выглядеть достойным лидером, ввиду того что именно на это рассчитывали его избиратели, отдавая за него свои голоса.

2. Защитник (defender, protector). Поскольку одной из важнейших ценностей, как витальной, социальной, так и политической, является безопасность, представляется рациональной коммуникативная самопрезентация президента в ценностно-личностной микророли «защитника» интересов избравших его граждан и государства в целом.

3. Борец (fighter). Данная коммуникативная ценностно-личностная модель отвечает ожиданиям избирателей, желающих видеть на посту президента человека, способного бороться как с социальной несправедливостью и недостатками в государственном аппарате внутри государства, так и с угрозами во внешнеполитическом пространстве.

Зачастую эти роли используются вместе в рамках одного и того же контекста, поэтому в дискуссии мы не будем дифференцировать приводимые выдержки из публичных речей американских политиков по данному критерию.

Для политической партии нарратив – это, прежде всего, некая идея или комплекс идей, доктрина, лежащая в основе партийной идеологии. Можно сказать, что данный тип нарратива есть партийный манифест. Партии, перед которыми стоит задача прихода к власти, осознают, что их проблемы в значительной степени связаны с отсутствием внятного нарратива. Так, в аналитике, посвященной Демократической партии США, нередко констатируется потребность в «сильном», впечатляющем нарративе. “*The Democrats need a compelling narrative of their own, in particular a populist narrative*” [7, с. 116].

К идеологическому нарративу тесно примыкают (а иногда и непосредственно вписываются в него, из него вырастают или же его формируют) разного рода политические мифы.

В риторике основных представителей американской политической элиты двух последних десятилетий как от Республиканской, так и от Демократической партии нарратив полифункционален: он играет роль и в самопрезентации, и в мифотворчестве. Среди мифов центральное место занимает миф об американском превосходстве, регулярное воспроизведение которого помогает поддерживать имидж патриота, а использование военных метафор позволяет укрепить суггестивный эффект политического текста.

При этом политические лидеры США напоминали и напоминают, что всегда найдутся несогласные с такой исключительностью, что представляет угрозу не только национальным интересам, но и самому образу жизни американцев. Концептуальная метафора позволяет моделировать традиционные ценности и американскую исключительность в общественном сознании как объект нападения, жертву, а действия, предпринимаемые руководством США для их защиты, получают положительную оценку.

Сопоставление текстов речей американских политиков позволяет выявить, с одной стороны, центральное положение ценностей *freedom, peace, leadership, democracy, security, health, dream* в американском политическом дискурсе, а с другой стороны, подтвердить их устойчивость на основании частотности употребления в корпусе исследуемых текстов. Необходимость защиты этих основополагающих ценностей обуславливает частое обращение к метафорам войны. Кроме того, использование военной лексики выглядит

закономерным на фоне того, что одной из наиболее важных функций самого политического дискурса является борьба за власть, следовательно, в нем первоначально заложена богатая основа для метафорического использования военной лексики.

В результате анализа текстов речей были выявлены используемые в риторических стратегиях модели, одним из компонентов которых является ценностно-значимое понятие. Принцип создания риторического эффекта заключается в устранении логической оппозиции «часть-целое», когда говорящий, актуализируя какую-либо из частей ментальной модели, скажем, с положительной коннотацией, распространяет положительную оценку на всю данную модель. Например, чаще всего понятие *freedom* воспринимается в качестве объекта защиты в ментальной модели «defense», которая активизируется посредством глагола *defend* в таких сочетаниях, как *defend freedom*, и существительного *defense* в *the defense of freedom*.

Ценностно-значимые понятия фигурируют в нарративе не только американских политиков. Так, в ходе последней предвыборной кампании во Франции сторонники Эммануэля Макрона сравнивали ситуацию в стране с той, которая была в Германии в тридцатых годах, а популярность Марин Ле Пен (главного конкурента Макрона) с популярностью Адольфа Гитлера. Примечательно, что и противники Макрона воспользовались тем же самым аргументом, только в графической форме – на страницах *Le Monde* разместили фотографию, где Макрон изображён на Елисейских полях в образе Гитлера. Сравнение Макрона с Гитлером допустила и пакистанская министр по правам человека Ширин Мазари, заявившая, что «Макрон делает с мусульманами то же, что нацисты делали с евреями». Как видно, одно и то же ценностно-значимое понятие (в данном случае антиценность) фигурирует в нарративе совершенно разных политиков и применимо к абсолютно разным ситуациям и людям – однако с той же целью и сопоставимым эффектом.

Обращение к ценностно-значимым понятиям в текстах политических речей позволяет не только усилить пафос выступления и сохранить преемственность системы ценностей, но и создать новые смыслы за счет «рефрейминга» – перехода от старого видения ситуации к новому, предлагаемому оратором, по сути, переноса уже известной ментальной модели в новый, еще непривычный контекст. Принцип действия этого механизма как процесса формирования нового смысла заключается в использовании новых языковых средств описания, приводящего к созданию новых смыслов и изменению существующего понимания положения вещей. Барак Обама выразил свое ироническое отношение к любимому лозунгу Джорджа Буша *war on terror* («война с терроризмом») в одной из своих речей, где он назвал войну с терроризмом политическим футболом. Помещая метафору в другую контекстную модель, Б. Обама меняет созданную Дж. Бушем положительную оценку выражения на отрицательную.

Анализ текстов политических выступлений показал, что «рефрейминг» главных тем речи оратора связан с риторическими стратегиями, которые преследуют своей целью убедить, информировать, оказать эмоциональное воздействие, вызвать доверие, привлечь внимание адресата.

Заключение

Риторический репертуар американских политиков разнообразен, однако тактика самопрезентации является, пожалуй, универсальной и даже может применяться независимо от глобальной оппозиции «Мы и Они».

Самопрезентация – это управление впечатлением, которое политик желает произвести на аудиторию с целью оказания на нее воздействия; это «самоподача» оратора, вербальная демонстрация его личностных качеств, так называемое автопортретирование. Стратегия самопрезентации, как показал проанализированный нами материал, актуализируется тактиками самовосхваления, обещания, демонстрации профессионального успеха – как в рамках глобальной стратегии «Мы и Они», так и вне ее. Здесь также следует

отметить, что вторая важная часть этой стратегии – отрицательная презентация оппонентов – вне глобальной стратегии не используется. Во всяком случае, такого ее применения нами не выявлено.

Тактика самовосхваления в идеологическом нарративе базируется на желании политика представить себя в самом выгодном свете, описать свои личностные качества, достоинства, таланты и в значительной степени опирается на манипулятивный потенциал метафор.

Следует отметить, что выбор объекта для метафорической атаки политических лидеров, как и общий идеологический посыл нарратива, напрямую зависит от актуальной в определенный период внутри- и внешнеполитической обстановки и индивидуальных взглядов политика. Особенно это заметно на примере политиков США. В рассмотренных нами выступлениях наблюдается «эволюция» антиценностей, как бы завершающая свой цикл. Если Митт Ромни утверждал, что основной проблемой в стране является бедность и несправедливость, то занявший пост президента США Б. Обама считал приоритетной на данном этапе борьбу с террористами и их приспешниками. В свою очередь, кандидат от той же партии Х. Клинтон вновь возвращается к социальным проблемам, но на более высоком уровне – их решение, по ее мнению, возможно лишь в том случае, если нация «объединится в предстоящей битве». Выигравший прошлую президентскую гонку Д. Трамп в качестве основных проблем выдвигал внешние угрозы – от миграции до экономической войны с Китаем. Наконец, критики самого Трампа вновь возвращают нас к социальным проблемам, которые предыдущий президент США «запустил». Будет ли этот цикл повторяться или же американские политики изберут объектом идеологического нарратива какие-то другие приоритеты – покажет время. Однако в любом случае нарратив остаётся и, очевидно, ещё долгое время будет важным инструментом пропаганды и манипуляции в руках как американских, так и многих других политиков.

Литература

1. Barone, M. *A New Narrative* // U.S. News & World Report. – New York, 2006. – P. 59.
2. Boyle, D. *In search of a political narrative*, 2005: <http://david-boyle.co.uk/politics/narrative.html>.
3. Carroll, J. *Candidates' stories tell us what we've become* // The Boston Globe, March 05, 2007, p. 23.
4. Dijk, T.A. van. *Principles of Critical Discourse Analysis* // Discourse and Society. – 1993. – Vol. 4. – № 2. – P. 249–283.
5. Fairclough, N.L. *Critical and Descriptive Goals in Discourse Analysis* // Journal of Pragmatics. – 1985. – Vol. 9. – P. 739–763.
6. Fairclough, N.L. *Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: the universities* (текст) / N.L. Fairclough // Discourse and Society. – 1993. – № 4 (2). – P. 133–134.
7. Nunberg G. *Talking right: how conservatives turned liberalism into a tax-raising, latte-drinking, sushi-eating, Volvo-driving, New York times-reading, body-piercing, Hollywood-loving, left-wing freak show*. – New York: Public Affairs, 2006. – 264 p.
8. Velleman, J.D. *Narrative Explanation* // The Philosophical Review. – 2003. – Vol. 112. – No. 1. – P. 1–25.

References

1. Barone, M. (2006). *A New Narrative*. U.S. News & World Report. New York, P. 59.
2. Boyle, D. (2005). *In search of a political narrative*, URL: <http://david-boyle.co.uk/politics/narrative.html>.
3. Carroll, J. (2007). *Candidates' stories tell us what we've become* // The Boston Globe, March 05, 2007, p. 23.
4. Dijk, T.A. van. (1993). *Principles of Critical Discourse Analysis*. Discourse and Society. Vol. 4. № 2. P. 249–283.
5. Fairclough, N.L. (1985). *Critical and Descriptive Goals in Discourse Analysis*. Journal of Pragmatics. Vol. 9. P. 739–763.
6. Fairclough, N.L. (1993). *Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: the universities* (текст). Discourse and Society. № 4 (2). P. 133–134.
7. Nunberg G. (2006). *Talking right: how conservatives turned liberalism into a tax-raising, latte-drinking, sushi-eating, Volvo-driving, New York times-reading, body-piercing, Hollywood-loving, left-wing freak show*. New York: Public Affairs, 264 p.
8. Velleman, J.D. (2003). *Narrative Explanation*. The Philosophical Review. Vol. 112. No. 1. P. 1–25.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ БЕЛАРУСИ (ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО)

Е.П. Жиганова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и зарубежной литературы,
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: zhiganovalena@mail.ru

Статья посвящена категории интермедиальности в современном русскоязычном поэтическом дискурсе Беларуси. На материале антологии современной русскоязычной поэзии Беларуси «Поэзия русского слова» исследуются категории дискурса изобразительного искусства, реализованные в поэтическом тексте посредством таких типов интермедиальных включений, как референция, экфрасис и проекция формообразующих принципов произведений искусства в литературном тексте.

Ключевые слова: интермедиальность, дискурс, референция, экфрасис, проекция формообразующих принципов произведений искусства, корреляция, русскоязычный поэтический дискурс.

FEATURES OF IMPLEMENTATION OF INTERMEDIA RELATIONS IN THE MODERN RUSSIAN- SPEAKING DISCOURSE OF BELARUS (FINE ARTS)

E.P. Zhiganova,

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Belarusian and Foreign Literature,
EE «Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank»,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: zhiganovalena@mail.ru

The article is devoted to the category of intermediality in the modern Russian-language poetic discourse of Belarus. The categories of the discourse of the visual arts are investigated on the material of the anthology of modern Russian-language poetry of Belarus «Poetry of the Russian Word», which realized in the poetic text through such types of intermedia inclusions as reference, projection of the formative principles of works of art in the literary text and ekphrasis.

Key words: intermediality, discourse, reference, ekphrasis, projection of the formative principles of works of art, correlation, Russian-language poetic discourse.

Литература как искусство слова наряду с изобразительным искусством, музыкой, кино, архитектурой, является элементом универсального художественного дискурса, отражающего представление об окружающем мире с помощью кодов различных семиотических систем. Взаимодействие и взаимовлияние различных видов искусства, в данном случае литературы и изобразительного искусства, способствуют расширению представлений об окружающей действительности и человеку.

Основными типами интермедиальных включений элементов дискурса изобразительного искусства в современный русскоязычный поэтический дискурс Беларуси являются:

– референция, которая, согласно определению Н. Д. Арутюновой, представляет собой отношение актуализованного, включенного в речь имени или именного выражения (именной группы) к объектам действительности [1];

– проекция формообразующих принципов произведений изобразительного искусства в литературном тексте, которая представляет собой своеобразную словесную интерпретацию живописного произведения, описание процесса его создания;

– экфрасис, который являет собой вербальное описание какого-либо предмета визуального искусства (живописи, архитектуры, скульптуры) в художественном произведении [2].

Для описания подобных корреляций мы будем использовать термин интермедиальность, который, в отличие от интертекстуальности, предполагает взаимодействие

элементов разных семиотических систем. Согласно А.А. Хаминовой, интермедиальность представляется как перевод языка (текста) одного искусства в систему другого, в результате чего происходит усложнение семиотической системы доминирующего искусства [4].

Исследование проводилось методом сплошной выборки из материалов антологии современной русскоязычной поэзии Беларуси «Поэзия русского слова» (Минск, 2019, в 2 томах) [3]. Корпус материалов составил более 60 поэтических текстов, где были выявлены элементы дискурса изобразительного искусства.

Объектом исследования является процесс вербализации элементов изобразительного искусства в современном русскоязычном поэтическом дискурсе Беларуси.

Самым частотным интермедиальным включением в современной русскоязычной поэзии Беларуси является референция. В поэтических текстах встречаются имена известных художников, названия произведений изобразительного искусства, специальные термины, связанные с дискурсом изобразительного искусства. Например, «*Все убежало, временем гонимое, / Через года и хрупких веток вязь, / Здесь муза Пэна проходила мимо, / Под зонтиком, от солнца заслонясь...*» (Марина Боборико) → Юдель Пэн (белорусский художник, учитель Марка Шагала); «*Я – из Витебска, где под небом / Белорусским работал Репин, / И сияет, как добрый след, / Его жизни «Осенний букет». / Я – из Витебска, где сквозь тлен / Старый Пэн берет меня в плен, / Хоть холодных ветров торжество / Над забытой могилой его. / Я – из Витебска, где Шагал / Прямо с Замковой в небо взлетал, / Зацепился за облака – / И остался тут на века. / Я – из Витебска, где Малевич / С Уновисом, с семьей левых, / Богу брат и дьяволу брат, / Поднимал, как знамя, квадрат...*» (Давид Симанович) → упоминаются имена художников Ильи Репина, Юделя Пэна, Марка Шагала, Казимира Малевича; живописные полотна – «Осенний букет» (И. Репина), «Черный квадрат» (К. Малевича), указывается на УНОВИС – авангардную арт-группу, созданную в Витебске Казимиром Малевичем.

Самым упоминаемым художником в современной русскоязычной поэзии Беларуси является Марк Шагал: «*По ночному небосводу / Встрепенулся, зашагал. / Ты воспой мою свободу, / Нарисуй меня, Шагал!*» (Михаил Карпачёв); «*На старой ратуше пробил куранты: / «Мы расскажем тебе про Марка Шагала...», «И сказал Шагал, чуть дыша, / В час последний вдали от родины: / «Там осталась моя душа...» – / И глаза его синие дрогнули...», «Нежно звучала / Среди грома и крика / Скрипка Шагала, / Еврейская скрипка...» (Давид Симанович).*

Кроме Шагала в современных русскоязычных поэтических текстах встречаются упоминания имен и картин русских художников – Андрея Рублева, Исаака Левитана, Василия Поленова, Архипа Куинджи: «*И сердцу откровенное откроется: / В грядущее струится свет белого. / Тьму победила Сергиева Троица – / И просияла «Троица» Рублева...*» (Вадим Спринчан), «*И не помнится злого. Садится на сруб стрекоза. / Слово с фрески Рублева, глядят в мою душу глаза...*» (Николай Александров); «*Это золото взял я у ржи / У Есенина и Левитана / Было в августе и сентябре / Будет в марте и будет в апреле...*» (Геннадий Лопатин); «*Я у тебя на поводу / Пойду / Художница / Поклонница / Изящнейшего цвета белого / И если нянчить по Поленову / И баловать по Левитану / И по Куинджи непременно...*» (Геннадий Лопатин).

В текстах встречаются имена известных европейских живописцев:

– Сандро Боттичелли («*Это золото я подсмотрел / Для тебя на холстах Боттичелли*» Геннадий Лопатин; «*...и тогда уже не понимая / Ничего (откуда, где ты, кто?) / Ты увидишь, что она нагая, / Будто Боттичелли полотно...*» Александр Слащёв);

– Эдгар Дега («*Метельные кружились дни и ночи, / Как будто бы танцовщицы Дега...*» Маргарита Назарук; «*И в свете дня рисует силуэт / Рукой Дега... И вот автопортрет / С чертами и харизмой Гарибальди...*» Людмила Воронова);

– Петер Пауль Рубенс («*...что ползла к продавице, Кондратьевой Анночке, / Кою взял бы в натурщицы Рубенс П.П.*» Александр Габриэль);

– Сальвадор Дали («Да здравствуют Дали иллюзии / И песни Визбора – / Услышать мир, как будто музыку, / Дано лишь избранным») Александр Слащёв);

– Винсент Ван Гог («Слова, словно выдох последний Ван Гога. / Самоубийство – и это убого, / Тоска все равно не пройдет никогда...») Наталья Татур) и др.

Вводя в поэтический контекст имена художников, названия картин, иные элементы живописного дискурса, современные поэты воссоздают историческую эпоху, соответствующую той, когда жили и творили эти художники. Особая эмоциональная атмосфера достигается посредством аллюзивного присутствия сюжетов живописных полотен в поэтическом тексте (танцовщицы Дега, колоритные натурщицы Рубенса, летящие влюбленные Шагала и пр.)

В приведенных выше примерах эти элементы изобразительного дискурса лишь реферируются, тогда как в текстах современных русскоязычных поэтов Беларуси есть более сложные корреляции с дискурсом изобразительного искусства – проекции формообразующих принципов произведений изобразительного искусства в литературном тексте. Например, названия некоторых поэтических произведений отсылают нас к жанрам изобразительного искусства – «Пейзаж» Юрия Матюша, «Рисунок» Натальи Татур, «Весенние акварели» Светланы Кряжевой, «Натюрморт с треской» Елены Туровой, «Неавтопортрет» Александра Ключникова, «Акварельная абстракция» Алексея Пигулевского и др. Подобная номинация поэтического произведения или упоминание в нём живописной терминологии задает способ создания лирической ситуации.

Так, пейзажная зарисовка акцентирует внимание читателя на визуализации вербальными средствами картин природы: «Берег, течение, шепот осоки / И паутиная нить... / Может и малое быть высоким, / если его любить... / Все, что увидишь, глядя с обрыва, / Не позабыть вовек...» (Юрий Матюш); «Пейзаж вдали небросок. / Звезда созрела прежде темноты. / И лишь в душе какой-то отголосок, / Какие-то туманные черты...» (Анатолий Аврутин), «Над землей / висит картина: / месяц медленно ведет, / запрокинув рог за спину, / звездный в небе хоровод. / Сном объаты / гладь речная, / темный лес, росистый луг...» (Николай Иванов).

Акварельные зарисовки обращают внимание читателя на саму технику изображения и богатство тона, построение формы и пространства при помощи цвета: «Закончилась сказка печально: / Все краски текут по холсту, / И в мире размытых иллюзий / Я все еще там – на мосту. / В разводах остались перила, / И в пятнах желтеет вода. / Фигура неясно застыла, / Бесформенной стала она...» (Алексей Пигулевский); «Река, утратив панцирь ледяной / И захмелев от солнца и свободы, / Несет свои стремительные воды, / Сверкая ослепительной волной...», «В зеленой дымке тонут берега. / Деревья пьют тепло легко и жадно. / И жаворонки радостно и складно / Встречают солнце...» (Светлана Кряжева).

Рисунок представляет собой структурную основу зрительно воспринимаемой формы, рисунки, как правило, сюжетны: «А на стекле светло и вдохновенно / Рисует иней дымчатую ель. / <...> / А я рисую солнечные лужи, / в них пляшущие дети босиком...» (Наталья Татур); «Мы с сыном рисовали облака, / Салют в ночи, охапки желтых листьев. / И небо на рисунках было чистым, / Как сердце сына моего пока...» (Руслана Гусева).

В поэтических натюрмортах внимание читателя сосредоточено на отдельных предметах (традиционно в натюрморте изображаются предметы неживой природы): «Копченая треска / И белое вино, / Зеленая тоска, / Забытая давно...» (Елена Турова). Подобный визуальный образ является своеобразным толчком для дальнейшего развития лирической ситуации, которая в полной мере отражает трагедию героини, потерявшей возлюбленного. В стихотворении Геннадия Лопатина «Бабочка, присев на натюрморт...» образ бабочки сопоставляется с изображенным на холсте натюрмортом («бабочки охристое пятно / знаку восклицания равно / натюрморт всегда есть состоянье / есть

души простор и естество / бабочка касается его / пробуя себя на восклицанье»), благодаря чему возникает абсолютно неповторимый поэтический образ единства сотворенного природой и человеком.

Проекция формообразующих принципов произведений изобразительного искусства позволяет в современной поэзии визуализировать создаваемые образы, обогатить их за счет обращения к иной семиотической системе, наполнить поэтический текст не только словами, но и красками.

Еще одним значимым способом корреляции поэтического и изобразительного дискурсов является экфрасис. В современной русскоязычной поэзии Беларуси есть отсылки к конкретным живописным произведениям М. Шагала, И. Айвазовского, М. Врубеля, К. Малевича и др.

Самый «цитируемый» художник – Марк Шагал:

– «Там окраина. Чад. Глядят / Окна в мир еврейскими ликами, / Козы прыгают у оград, / Скрипачи на крышах тиликают / Так, что ходит земля ходуном, / Вся с деревьями и дорогами. / И летят они с Беллой вдвоем / Над церквями и синагогами...» (Давид Симанович) → «Над городом»;

– «Стол покидает рыба-фши, / Наполненная фаршем, / И прямо – в небо... / – Эй, шалишь! – / Мы ей вдогонку машем. / Кричим: / – Художник, право, черт! / Он не имеет права!.. / Но этот странный натюрморт / давно покрыла слава» (Давид Симанович) → «Натюрморт»;

– «Над чернотой крыши / Средь облачных белил / Шагал летел в Париж / На светлой паре крыл...» (Давид Симанович) → «Париж»;

– «Летят над Беларусью / Влюбленные Шагала. / Оркестр играет музыку / Еврейского квартала...» (Тамара Залеская) → «Над городом»;

– «Шли двое под одним зонтом, / Блаженствуя в потоках сильных: / Любви невидимые крылья / Несли в пространстве неземном. / А рядом с ними проплавал / С любимой Беллой Марк Шагал» (Ирина Карнаухова) → «Над городом».

В стихотворении Натальи Татур «Твой бледный лик...» с помощью экфрасиса, апеллирующего к картине И. Айвазовского «Девятый вал», воссоздается мотив трагической любви, разрушающей жизнь человека: «...Любовь как шторм, / Девятый вал. / Ушла. / Обломок корабля... / Вода и небо... / Где земля?».

В стихотворении Ларианы Кыркаловой «Царевна-лебедь» М. Врубель вербальными средствами описывается названная картина: «Сияньем дорогим убора, / Очей печальной глубиной / К себе притягивает взоры / Портрет царевны молодой».

Как можно заметить, наряду с попыткой вербализации живописи, поэты обязательно сопровождают восприятие произведения изобразительного искусства описанием эмоционального состояния, которое оно вызывает. Вводя в текст описание известных картин, поэты оттеняют, дополняют содержательное пространство поэтического текста, тем самым эстетизируя его.

Обобщая вышесказанное, отметим, что интермедиальная связь изобразительного и поэтического дискурсов реализуется с помощью таких видов включений, как референция, проекция формообразующих принципов изобразительного искусства в художественном тексте и экфрасис. Проведенный анализ показал, что наиболее продуктивными видами включений в современном русскоязычном поэтическом дискурсе Беларуси являются референции и проекции формообразующих принципов изобразительного искусства в художественном тексте. Интермедиальные связи изобразительного и художественного дискурсов приводят к слиянию в тексте различных семиотических систем, что способствует расширению культурного диапазона литературного произведения, помогает читателю постичь смысл созданных поэтами художественных образов.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Референция // Лингвистический энциклопедический словарь / Н. Д. Арутюнова. – М., 1990. – С. 790.
2. Большая Российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/literature/text/4928123>. – Дата доступа: 04.09.2021.
3. Поэзия русского слова: антология современной русскоязычной поэзии Беларуси : в 2 т. ; редкол.: В. В. Гниломедов [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2019.
4. Хамина, А. А. Творческое наследие В. Ф. Одоевского в аспекте интермедиального анализа : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / А. А. Хамина. – Томск, 2011. – 224 л.

References

1. Arutyunova, N. D. (1990). *Referenciya*. Lingvisticeskij enciklopedicheskij slovar. Moscow: Sov. enciklopediya, p. 790. (In Russ).
2. *Bol'shaya Rossijskaya ehntsiklopediya*. URL: <https://bigenc.ru/literature/text/4928123>. Data dostupa: 09.09.2021. (In Russ).
3. *Poeziya russkogo slova : antologiya sovremennoj russkoyazychnoj poezii Belarusi : v 2 t. ; redkol.: V. V. Gnilomedov [i dr.]*. Minsk : Belarus. navuka. (In Russ).
4. Haminova, A. A. (2011). *Tvorcheskoe nasledie V. F. Odоеvskogo v aspekte intermedialnogo analiza* [Author's abstr. cand. philol. diss.]. Tbilisi. (In Russ). Tomsk. (In Russ).

УДК 811.161.1.37+ 81'373.612.2

РОЛЬ ОТНОШЕНИЙ СМЕЖНОСТИ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ И ГЕНЕЗИСЕ МЕТАФОРЫ (КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ)

Н.А. Илюхина,

профессор, доктор филологических наук,
заведующий кафедрой русского языка и массовой коммуникации,
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва
г. Самара, Россия

E-mail: ilnadezhda@rambler.ru

В статье рассматривается роль отношений смежности в функционировании и происхождении метафорических образов, концептуализирующих внутренний мир человека: образов вместилища, живого существа, водной стихии, температурного состояния. Показано, что эти метафоры функционируют в этой сфере по законам метонимии – образное представление смещается с целого на части. Наряду с закономерностями функционирования роль смежности играет ключевую роль в формировании метафор на базе исходных представлений о человеке в результате их переноса на его абстрактно мыслимые элементы.

Ключевые слова: текст, концептуализация, когнитивная метафора, метонимический механизм, партитивные отношения.

THE ROLE OF CONTIGUITY RELATIONS IN THE FUNCTIONING AND GENESIS OF A METAPHOR (COGNITIVE ASPECT)

N.A. Iliukhina,

professor, Doctor of Philological Sciences, head of the Department
of Russian Language and Mass Communication,
Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: ilnadezhda@rambler.ru

The article examines the role of contiguity relations in the functioning and origin of metaphorical images that conceptualize the inner world of a person: images of a receptacle, living creature, water element, temperature state. It is shown that these metaphors function in this area according to the laws of metonymy – the figurative representation shifts from the whole to the parts. Alongside with the laws of functioning, the role of contiguity plays a key role in the formation of metaphors based on the initial ideas about a person as a result of their transfer to his abstractly conceivable elements.

Key words: text, conceptualization, cognitive metaphor, metonymic mechanism, partitive relations.

Метонимия как механизм и результат его действия давно привлекает внимание исследователей. Однако до последних десятилетий обращали на себя внимание преимущественно переносы существительных, а также определений (эпитетов). С развитием когнитивного подхода в поле зрения лингвистов попадают и другие единицы, которые также подвергаются переносу в процессе воспроизведения в речи – в частности, образ (концепт) как элемент ментальной модели. Однако не только закономерности функционирования метафор [4; 3; 2], но и сам процесс их генезиса логично рассматривать не столько в системе языка, сколько в формате текста и дискурса [4; 6].

Цель статьи – продемонстрировать, что закономерности функционирования и даже генезиса метафорического образа как ментальной единицы в качестве средства концептуализации внутреннего мира человека предопределены на когнитивном уровне и подчиняются логике отношений целого и части как разновидности отношений смежности.

Исследования в рамках когнитивных исследований показали, что векторы метонимического переноса существительных, определений и траектория сдвига ментальной единицы (образа, представления) в процессе её воспроизведения являются *общими* и отражают типовые разновидности отношений смежности: целое ↔ часть, предмет ↔ функция, признак ↔ его носитель, действие ↔ объект действия. Особое место среди базовых логических отношений занимают отношения партитивные (отношений целого и части).

Особенно очевидной эта общность является в сфере, связанной с человеком – его внутренним миром, продуктами его психической, речевой деятельностью, межличностными отношениями. Способы характеристики, концептуализации человека часто совпадают со способами характеристики и метафорической концептуализации частных концептов, представляющих жизнедеятельность человека: ума, чувств, сомнений, слов, веры, боли, души и других. См. пример переноса определения с человека на его психические сущности: *Разумное самостеснение, а не бессердечное стремление лишь шокировать* (Комсом. правда); ср.: *разумный и бессердечный человек*.

Состав элементов сферы личности, концептуализируемых по аналогии с человеком, выходит за пределы психических составляющих и затрагивает, в частности, продукты его деятельности: *влюблённый человек – влюбленные речи – Как жемчуг, сплетаю созвучья влюблённые* (Бальмонт). Общими для человека и его «частей» являются не только состав определений (перенесенных эпитетов), но и состав метафорических моделей. Ср.:

человек кипит, расквитаться – задор гнев, спор кипит и т.д.;

обуздать хулигана, муж встал на дыбы – обуздать гордыню, гордость встала на дыбы.

Приведем текстовые иллюстрации функционирования метафоры «жидкая субстанция» в ментальной сфере «человек»:

а) в рамках ассоциации образа с человеком в целом: *...зablестели недобрый блеском глаза: Чапаев бурлил негодованием...* (Фурманов); *Меня, как реку, Суровая эпоха повернула. Мне подменили жизнь. В другое русло, Мимо другого потока она, И я своих не знаю берегов...* (Ахматова);

б) в рамках ассоциации образа с микроконцептами («частями») человека: *Стихия сладострастия бурлит в Мите гораздо сильнее, чем в Иване* (Кантор); *...отвечал Вихров, еле удерживаясь от прихлынувшего задора* (Леонов); *Воспоминания нахлынули на нее ...она потонула в них* (Тургенев); *И слова его полились рекою* (Тургенев).

Аналогично выглядит картина функционирования в этой сфере образа огня:

а) ассоциация образа огня с человеком в целом: *Но на третью ночь у Сашеньки сделался припадок ложного крупа. Он горел и задыхался* (Пастернак); *Он ведь какой – огонь! Чего с него взять? Запалит, да того и гляди, и сам сгорит...* (Фурманов);

б) ассоциация образа огня с микроконцептами («частями») человека: *Страстная, огненная натура, она принимала самое горячее участие в нашем деле...* (Герцен); *...вся его душа горела в тоске...* (Булгаков); *...разгоралась жестокая головная боль* (Булгаков).

Ср. воплощение обеих ассоциативных связей образа огня в составе одной фразы: *...Без возврата Сгорим и мы, свершая в свой черед Обычный путь, но долго не умрет Жизнь, что горела в нас когда-то* (Бунин).

Не менее последовательно на частные объекты сферы «человек» распространяются другие образы, которые отражают ключевые способы концептуализации человека и при этом не являются метафорическими по происхождению. Речь идет об образах «вместилище» и «живое». По аналогии с человеком-вместилищем (*В нём копился гнев*), по аналогии с другими материальными частями-вместилищами (голова, грудь и др.) осмысляются и смежные с ними абстрактные части человека – сознание, ум, память, душа, мысль, слово:

В голове поездка → *в мозгах* → *в уме, в сознании, в памяти* поездка;

В груди сумбур → *в чувствах, в желаниях* сумбур;

В ее устах забота → *в речах, в словах, в утверждениях* забота;

В его руках деньги, чужая жизнь → *в его власти, в его распоряжении* деньги, чужая жизнь;

В его глазах мольба → *в его взгляде* мольба.

В русле этой тенденции образ вместилища регулярно переносится с человека на его состояние – физиологическое, эмоциональное, интеллектуальное: *во сне он говорил с матерью; ...я чувствовал..., что она в своем тихом бреду, в предсмертном воображении видит меня...* (Набоков). Таким образом, появление конструкции типа *в уме, в памяти, в воображении, в мыслях* логично рассматривать как результат метонимического смещения модели вместилища со смежных концептов *в человеке, в голове, в груди*. Очевидны отношения смежности между головой и умом: именно они послужили причиной смещения образа вместилища с предмета на его часть, на его свойство.

Такое же происхождение в сфере человека имеет олицетворение, представленное выражениями *рождаются мысли, умирают чувства, просыпается совесть, приходит желание, не изменяет память, подсказывает опыт, голоса выдал его состояние*, которые являются результатом переноса категоризации человека как живого существа (образа «живое») на его части – свойства и порождения. Сказанное свидетельствует, что метонимия определяет механизм функционирования образа, векторы его движения в рамках одной сферы, в данном случае сферы человека.

Однако роль метонимии в процессах метафорообразования этим не ограничивается. Обратимся к неочевидным её проявлениям, которые заслуживают внимания с точки зрения осмысления механизмов возникновения образности. Есть основания предполагать, что значительная часть языковых выражений, которые принято квалифицировать как метафорические, обязаны своим происхождением когнитивному акту *метонимического* характера. Впервые так поставил вопрос Дж. Лакофф [7].

Как было показано выше, любая образная модель (в том числе метафорическая), попав в ту или иную ментальную сферу (вступив в ассоциативную связь с какой-либо реальностью), оказывается во власти метонимических механизмов, управляющих векторами ее дальнейшего движения и обеспечивающих её экспансию в рамках этой сферы. Попасть же в данную ментальную сферу модель может в результате не только метафорической когнитивной операции. Наблюдения позволяют предполагать, что в ряде случаев своим попаданием в конкретную сферу образ обязан метонимическому акту, *практически не оставившему следов* и воспринимаемому как метафорический.

Интересны для таких наблюдений стереотипные образы, регулярно воспроизводимые в качестве средства концептуализации одной сферы. К ним относится, в частности, образ жидкости в сфере эмоций человека.

Обратимся к сфере эмоций. Едва ли не самой частотной в этой сфере является, как известно, метафорическая модель жидкости. Есть основания предполагать, что своим

появлением в этой сфере она обязана отношениям смежности сразу по нескольким линиям – связи между состоянием человека и *особенностями кровотока*, состоянием человека и *слезами*, состоянием человека и выпитым *напитком* (вином) и т.д. Отношения смежности между состоянием и разными видами «жидких субстанций» представляют линии множественной мотивации проникновения образа жидкости в эту сферу.

Наиболее тесно отношениями смежности связаны кровоток и сильные чувства: *клокотала кровь* → *клокотал гнев*, *клокотала злоба*; *кровь прихлынула к сердцу* – *прихлынули чувства*. Нередко контекст прямо указывает на такую связь: *О, называй меня безумным! Назови Чем хочешь: в этот миг я разумом слабею И в сердце чувствую такой прилив любви, Что не могу молчать, не стану, не умею!* (Фет); *Пускай скудеет в жилах кровь, Но в сердце не скудеет нежность...* (Тютчев); *Тёплое текучее счастье заполняло его всего, словно не кровью были налиты жилы, а вот этим счастьем, бьющимся в кисти, в виске, стучащим в грудь, выходящим из пальца рубиновой капелькой, если уколет случайная булавка...* (Набоков); *Время эти понятия не стёрло, Нужно только поднять верхний пласт – И, дымящейся кровью из горла, Чувства вечные хлынут на нас!..* (Высоцкий); *Какой-нибудь пустяшный случай, То чья-то реплика, то звук Вдруг начинает сердце мучить, Кровь останавливает вдруг!..* (Берггольц).

В других контекстах образ воспроизводится без указания на такую связь (*клокочет гнев*, *струится нежность*, *разливается покой*) и потому напрямую не соотносится в нашем сознании с кровью: именно поэтому образ и именуется обычно термином *жидкая субстанция*. Однако обращает на себя внимание (см. приведенные выше примеры), что такая «жидкость» обычно локализуется в сердце, в жилах.

Столь же естественна связь чувств и слёз как одной из форм их проявления, приводящая к их одинаковой концептуализации – чувств по аналогии со слезами: *выплакать горе*, *излить горе в слезах* – *излияние чувств*; *хлынули слёзы* – *хлынули чувства*. Продемонстрируем текстовые примеры соположенности в контексте эмоций и слёз: *... несмотря на все свои усилия не поддаётся нахлынувшему на нее чувству, заплакала...* (Тургенев); *...И обида по щекам не потечет* (Митяев); *...На лице, обращённом к звездам, – Ароматные слёзы хвалы* (Блок); *«Я обожжаю тебя», – слабым голосом проговорил Франц и довольно долго, мокрыми глазами смотрел ей вслед* (Набоков); *Тревога за жизнь любимого сверлила мозг, не покидала ее днями, навевалась и ночью, и тогда то, что копилось в душе, взнузданное до времени волей, – рвало плотины: ночь, всю дотла, билась Аксинья в немом крике, в слезах...* (Шолохов). Показательно, что в толковании слова *слеза* В.И. Даль подчеркивает очевидную для любого носителя языка связь слёз с эмоциями: «...слеза признак плача, и вызывается печалью, жалостью, а иногда и нечаянной радостью, или вообще сильным чувством» [1, с. 219].

Представления о тесной связи эмоционального поведения и некоторых видов органических жидкостей непосредственно отразились в названиях типов темперамента, предложенных Гиппократом, – типов высшей нервной деятельности, которые проявляются прежде всего в особенностях эмоционального состояния – в силе, глубине или поверхностности чувств, в скорости их протекания, в их устойчивости или быстрой смене [5, с. 600]. Каждый из четырех типов темперамента (сангвиник, холерик, флегматик, меланхолик) имеет в наивной картине мира свой соматический источник – соответственно кровь, желчь, так называемую «черную желчь» и слизь.

Таким образом, устойчивость метафор жидкости в сфере чувств обусловлена их метонимической мотивацией по нескольким линиям. Для говорящего, неосознанно ощущающего эти связи, они служат эмпирической опорой соответствующих образных стереотипов.

Метонимические механизмы можно усмотреть и в истоках метафор физического воздействия, связанного с давлением, которые широко распространены в сфере чувств:

...Я чувствую, что ты вся – нега, вся – гроза, Вся – молодость, вся – страсть; и чувства без названия **Сжимают сердце** мне пленительной **тоской**, И потерять тебя – боязнь моя безмерна... (Северянин); Но Франц, **давась** чудесным **волнением**, вдруг наполнившим его при виде ночной улицы, глухо сказал, что пойдет пешком (Набоков); О женщина, твой вид и взгляд Ничуть меня в тупик не ставят. Ты вся как **горла перехват**, Когда его **волнение сдавит** (Пастернак). В таких случаях принято говорить о метафорическом переносе лексем физического состояния на эмоциональное. Однако думается, что этот перенос *исходно* отражает отношения смежности – прямую (а не образную) связь между эмоциональным состоянием и затрудненным или облегченным дыханием (физическим состоянием), т.е. не сходство, а естественную причинно-следственную связь. Так, волнение и ощущение удушья в двух последних выражениях объективно связаны причинно-следственными отношениями.

Проникновение в эту сферу образов, воплощающих высокую и низкую температуру, изначально также связано с состоянием организма, прежде всего с состоянием кровотока, выражающим себя другой стороной – температурными ощущениями: *Спорщики разгорячились; Девушка похолодела; Злость постепенно остывала* (Распутин); *И сердце мое застыло* (Ахматова). Впоследствии, в результате «разработки» этого образа как метафорической модели, он трансформируется, в частности, в образы огня и льда: *Мне не жаль, что огонь, закипевший в крови, Мое сердце сжигал и томил...* (Апухтин); *...пожара, пылавшего у меня всю ночь в жилах* (Набоков); *Как стужа меня измаяла, Этот сердечный мороз. Мне бы заплакать, чтоб сердце оттаяло. Да нет слез...* (Гиппиус). Этот образ также не случайно в типовых контекстах имеет связи с сердцем, жилами, кровью. Показательна в свете наших рассуждений лексема *хладнокровие*, фиксирующая прямую связь температурных ощущений, крови и эмоционального состояния.

Таким образом, в рассмотренных случаях метонимический перенос *генетически предшествовал* метафоре как *способ концептуализации* соответствующих *концептов*. После стихийной концептуализации абстрактной сущности – чувства – в категории жидкости (крови, слёз и т.д.) или температурного состояния – сознание начинает соотносить две сущности на основе их *сравнения*, искать между ними сходство (так, чувство и жидкость обнаруживают сходство по признакам «изменчивость», «стихийность» и другим), т.е. манипулировать образом как *метафорической* моделью. На базе состоявшейся концептуализации абстрактного концепта (осмысления чувства как жидкости) происходит варьирование этого образа, прежде всего его разнообразная конкретизация, связанная уже отнюдь не только с кровью или слезами, а с любым видом жидкости. Выражения *эмоции фонтанировали, разлился покой, лава вдохновения* и подобные являются результатом «разработки» этой образной модели как метафорической. Такая «разработка» стирает следы проникновения модели в данную ментальную сферу – проникновения в известном смысле случайного, обязанного соположенности двух концептов, не связанного со специальной установкой говорящего, с характерной для метафоры избирательностью.

Следовательно, отношения смежности, и прежде всего отношения целого и части на когнитивном уровне, отражающем закономерности восприятия человека, во многом определяют не только функционирование метафорического образа в одной сфере (в данном случае в сфере человека), но и его происхождение; метонимия служит условием формирования когнитивной метафоры.

Литература

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1978–1980. – Т.4. – Режим доступа: <https://runivers.ru/lib/book3178/10120/>.
2. Илюхина, Н. А. Текст как условие воплощения пропозициональной семантики именов существительным: когнитивный аспект [Электронный ресурс] / Н. А. Илюхина // Текст. Язык. Человек : сб. науч. тр. : в 2 ч. /

УО МГПУ им. И.П. Шамякина ; редкол.: С.Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2017. – Ч. 1. – С. 11–15. – Режим доступа: <http://dspace.mspu.by/bitstream/123456789/2685/1/Текст.%20Язык.%20Человек.%20Ч.%201.pdf>.

3. Илюхина, Н. А. О тексто-дискурсивной концепции метафорики [Электронный ресурс] / Н. А. Илюхина // *Вестник Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І.П. Шамякіна.* – 2020. – № 1(55). – С. 171–172. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42913031>.

4. Кураш, С. Б. Метафорика русской и белорусской поэзии: тексто-дискурсивный аспект / С.Б. Кураш. – Мозырь : МГПУ им. И.П.Шамякина, 2020. – 322 с.

5. Современный словарь иностранных слов. – СПб. : «Дуэт», 1994.

6. Творческий аспект в языке и тексте [Электронный ресурс] = *Der Kreative Aspekt in Sprache und Text* : коллективная монография / Н.А. Илюхина [и др.] – Самара – Würzburg, 2021. –Режим доступа: <http://repo.ssau.ru/handle/TVORChESKII-ASPEKT-V-YaZYKE-I-TEKSTE-DER-KREATIVE-ASPEKT-IN-SPRACHE-UND-TEXT/373>.

7. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. URL: <https://sociosemiotics.net/files/Cognitive%20Linguistics%20-%20Lakoff,%20G%20&%20Johnson,%20M%20-%20Metaphors%20We%20Live%20By.pdf>.

References

1. Dal' V.I. (1978-1980). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]*. Vol. 1- 4. Moscow: Russian language (In Russ).

2. Ilyuhina N. A. (2017). *Tekst kak uslovie voploshcheniya propozitsional'noj semantiki imenem sushchestvitel'nyh: kognitivnyj aspekt. Tekst. Yazyk. Chelovek [Text as a condition for the embodiment of propositional semantics by a noun: cognitive aspect. Text. Language. Person. At 2 h. n. 1; editorial board: S.B. Kurash (ed.)]*. Mazyr. P. 11- 15. (In Russ).

3. Ilyuhina N.A. (2020). О тексто-дискурсивной концепции метафорики. *Vesnik Mazyrskaga dzyarzhaj'naga pedagogichnaga yunivertsiteta imya I. SHamyakina*. [About the text-discursive concept of metaphors. *Vesnik Mazyrskaga dzyarzhaj'naga pedagogichnaga yunivertsiteta imya I. Shamyakina*]. № 1(55). С. 171–172. (In Russ).

4. Kurash S. B. (2020). *Metaforika russkoj i belorusskoj poezii: teksto-diskursivnyj aspekt [Metaphorics of Russian and Belarusian poetry: text-the discursive aspect]*. Mazyr, 322 p. (In Russ).

5. *Sovremennyj slovar' inostrannyh slov.* (1994). [Modern dictionary of foreign words]. Saint Petersburg: "Duet" (In Russ).

6. *Tvorcheskij aspekt v yazyke i tekste* (2021). [The creative aspect in language and text]. Samara -Würzburg. (In Russ).

7. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

УДК 81'373

ЯЗЫК КАК СИМФОНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА

В.А. Маслова,

доктор филологических наук, профессор кафедры ДиНО
Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

г. Витебск, Республика Беларусь

E-mail: mvavit@tut.by

Важнейшим принципом современной науки вообще и лингвистик в частности является интегративность, которая становится одной из методологий гуманитарного знания. Обращение к интегративности дает симфоническое восприятие языка и позволяет повысить достоверность выводов, т.к. интегрированность имеет эвристические возможности.

Ключевые слова: интегративность, симфония, синтез, полипарадигмальность, холизм, триангуляция.

LANGUAGE AS SYMPHONY: POSSIBILITIES OF THE INTERDISCIPLINARY APPROACH

V.A. Maslova,

Doctor of Philology, Professor of the Preschool and Primary Education Department,
Vitebsk State University named after P.M. Masherov.

Vitebsk, Republic of Belarus

E-mail: mvavit@tut.by

The most important principle of modern science in general and particularly in linguistics is integrativity, which becomes one of the methods of humanitarian knowledge. Appeal to interactivity gives a symphonic perception of the language and allows you to improve the accuracy conclusions, as integrativity has heuristic capabilities.

Key words: integrativity, symphony, synthesis, polyparadigmality, holism, triangulation.

Введение

Известно, что почти весь XX век главной в языкознании была **структурно-семантическая парадигма языка**. Новая исследовательская парадигма языка – антропоцентрическая – вобрала в себя ряд подходов, которые многие лингвисты тоже считают парадигмами: **семиотическая, коммуникативная, функциональная, когнитивная, лингвокультурологическая** и др.

Современные принципы изучения языка – интегративность, антропоцентричность, текстоцентричность, культуроцентричность, коммуникативность, функциональность. В процессе формирования синтезированного интегрального знания встает вопрос об интегральном описании, когда должна возникнуть интегральная парадигма языкознания. Поэтому интегративность – важнейший из принципов исследования языка и текста. Полипарадигмальность позволяет осуществлять комплексный анализ выбранного объекта одновременно по разным направлениям в различных областях знания широкого спектра речеведческих, психолингвистических, риторических и лингвокультурологических дисциплин.

Целью данной статьи является обоснование необходимости формирования интегративно подхода к языку, который перерастает в методологию гуманитарного знания.

Методы и материал исследования

Использовались как традиционные общенаучные – наблюдения и описания, так и приемы когнитивного анализа. Материалом послужила русская поэзия XX–XXI веков.

Результаты и их обсуждение

Единая общая тенденция для всех наук называется *холизм*. Холизм опирается на следующий принцип: познание целого должно предшествовать познанию его частей. Еще в трудах Гиппократом отмечено, что «человек есть универсальная и единая часть от окружающего мира», «микрокосм в макрокосме». «Только целое имеет смысл», – писал Г. Гегель.

Поэтому филологов и специалистов по смежным дисциплинам должна объединять некая идея *целостного подхода к изучению человека* [6, 58]. «Для человека нет ничего более интересного, чем люди», – писал В. фон Гумбольдт. Именно этим неослабевающим и всепоглощающим интересом объясняется вектор современных лингвистических исследований.

Наблюдения за обыденным языком свидетельствуют о взаимосвязи языка музыки, языка поэзии и языка живописи: *светлый образ в музыке, красочное звучание в поэзии*. Широко известны следующие «синкретические» метафоры: «*Хроматическая мелодия воспринималась как красочная, изысканная, изнеженная*» [1, с. 607]. *Хачатурян – Рубенс в музыке. Шедевры поэзии сделаны по-бетховенски*. Музыку С. Прокофьева сравнивают с фреской.

Так, утонченная диалектика творческой взаимосвязанности бытия и слова, онтологии и филологии в высшей степени характерна и для мира языка и реальной действительности, которые в комплексе Ю.С. Степанов назвал *Воображаемой Словесностью* [4]. Через принцип симфонии, через идеи строгого синтеза, встречи и диалога, он приходит к необходимости интегрального подхода. Вторит ему Протоиерей Иоанн Мейендорф: «Подлинное мировосприятие реальности покоится на целостности знания. Это не означает, что математик должен быть также и поэтом, а физик – музыкантом. Всякая форма восприятия должна быть верна себе и последовательна в своей методологии...

Познание истинной реальности осуществляется там, где разные формы восприятия сходятся воедино» [2].

Такие рассуждения постепенно привели к изменению параметров научного мышления в сторону синтеза: появились *кибернетика* – науки об управлении и связи; *семиотика* – наука о знаках, из которых состоит наша культура, язык и мир; *когнитивистика* – направление в науке, объектом изучения которого является человеческий разум, мышление, знание и те ментальные процессы, которые с ними связаны; *синергетика* – это и методология, и подход, и научное направление, заключающееся в абсолютном принятии принципа целостности и системности; *теория тотальности* (90-е годы XX века).

Активно развивается современными психолингвистами *триангуляция* – новый интегративный подход, способный творчески синтезировать результаты теоретических и экспериментальных изысканий в разных областях науки о человеке. В лингвистических кругах о нем впервые всерьез заговорили в 2010 г. [5], после чего стали появляться работы его учеников.

Применение триангулятивного (триангуляционного) подхода является принципиально новым аспектом лингвистических исследований. Как известно, всякое исследование в области любой гуманитарной науки не лишено субъективизма. Установление истины нередко зависит от интуиции того или иного исследователя. В этих условиях нередко высказываются сомнения в достоверности выводов, сделанных на материале некоторых лингвистических данных ограниченного характера. Триангуляция служит для повышения валидности как выводов, так и исследования в целом, так как способствует устранению односторонности исследовательского процесса, возможной предвзятости ученого. Достигается это за счет применения разных методов исследования для решения одной и той же задачи, использования разных данных, разных теорий и подходов, а также участия разных ученых в одном научном проекте, причем триангуляция появляется только в том случае, когда обеспечивается независимость данных, методов, теорий, исследователей друг от друга; это принципиальное условие триангуляционного подхода.

Итак, хотя научный термин *триангуляция* сравнительно нов, однако триангуляция как явление существует с древних времен. Как утверждают исследователи, одним из самых древних и ярких примеров триангуляции можно считать христианское Четвероевангелие (от Матфея, Марка, Иоанна и Луки).

Дву- и многосторонний подход, предполагающий наложение друг на друга альтернативных моделей объекта, дает возможность создать его объемную картину и на этой основе заметно расширить область прикладного использования полученных данных: обучение языкам, перевод, пропаганда, реклама, пиар, нейролингвистическое программирование, психотренинг, разработка программ искусственного интеллекта и др.

В последние десятилетия открылись новые области познания и, соответственно, новые знания – мир просторов Космоса и мир атомов и их ядер, т.е. появились супермалые и супербольшие пространства для научного исследования, на что указывал еще В.И. Вернадский, один из основоположников антропокосмизма, в своей работе «Научная мысль как планетарное явление».

Покажем, как это действует при анализе поэтического текста, который являет собой не только синкретизм слова и музыки, но и в целом культуры и человеческой психологии. При его создании, восприятии и анализе взаимодействуют слово с музыкой, живописью, философией, религией, психологией и др. Особенно тесная связь с музыкой, поэзия изначально зарождалась как синкретичное искусство, которое Веселовский назвал «первобытным синкретизмом». Известный философ М. Каган: «Лирика – музыка в литературе, литература, принявшая на себя законы музыки».

Между поэзией и музыкой есть и чисто внешняя связь (Глинка и Чайковский под влиянием Пушкина создают бессмертные «Руслан» и «Пиковую даму», сотрудничают Лермонтов и Рубинштейн и т.д.) и уникальная внутренняя связь. Об этом свидетельствуют рефлексии самих поэтов, раскрывающих особенности поэтического процесса творчества. Так, М. Цветаева писала «...слышу напев, слов не слышу. Слов ищущу» [1, с. 285]. На близость музыки и поэзии указывали романтики и русские символисты – Вяч. Иванов, А. Белый, А. Блок.

А. Фет, например, считал музыку не просто высшим видом искусства, на который должна ориентироваться поэзия, а философией жизни, вдохновения, творчества. Он утверждал, что поэзия и музыка нераздельны. К. Бальмонт также видел в музыке идеальное искусство, недостижимую в поэзии цель. О. Мандельштам верил, что музыка и поэзия строят мир: *Чтобы вырвать век из плена, / Чтобы новый мир начать, / Узловатых дней колена / Нужно флейтою связать.* («Век»).

Именно музыка есть первоисточник поэзии, она не менее важна, чем слово. Она вместе со словом запечатлевает в художественных образах многомерную и сложную картину мира, развивая в человеке творческое начало. Например, в стихотворении Ю. Левитанского «Музыка моя, слова...» (1991) есть такие строки:

*музыка моя, слова,
осень, ясень, синь, синица,
сень ли, синь ли, сон ли снится,
сон ли синью осенится,
сень ли, синь ли, синева*

Кажется, что идет малоосмысленный перебор созвучных слов, создающих мелодику стиха. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что здесь работает игра значений в слове *осенится*, которое, с одной стороны, 1) покрыться, закрыться тенью и 2) внезапно появиться (осенила мысль), таковы данные толкового словаря. Скрытая энантиoseмия (противопоставленность), сближая оба значения, объединяет их в стихотворении и сталкивает с созвучными словами, тем самым как бы сплетает единую ткань, в которой строится новый сложный неуловимый образ музыки сна, сквозь который сияют смыслы.

Названные механизмы-приемы рожают полутени смыслов, которые, сливаясь в одном образе, создают новый, неожиданный, оригинальный образ, адекватный выражаемому состоянию поэта. Сказанное подтверждает мысль П.А. Флоренского: «В корнях бытия – единство, на вершинах – разъединение».

Вывод. Таким образом, тенденция к взаимопроникновению различных отраслей научного знания – одна из определяющих характеристик всей науки второй половины XX и начала XXI веков. При этом необходимо такое мировидение, которое обладало бы междисциплинарным потенциалом. Был открыт закон единства всего сущего, свидетельствующий о единстве Вселенной и человека в ней. Человека нельзя понять вне языка и вне человечества, человечество вне жизни, жизнь – вне Вселенной. Одним из самых перспективных, на наш взгляд, является триангулятивный поход.

Термин *триангуляция* первоначально возник в точных науках, однако позднее был заимствован социологией, а затем и другими гуманитарными науками. Триангуляция в рамках психолингвистических и лингвокультурологических исследований – достаточно новое явление.

Интегративный поход, который выходит за рамки подхода, когда знания, полученные в других областях науки, не игнорируются, а, наоборот, активно используются при достижении собственных, но она проявляется и в широте исследовательской проблематики. До сих пор традиционные лингвисты выносят вердикт, услышав самые робкие ростки нового: «Это не лингвистика». Но это как раз и есть лингвистика. Еще в

XX в. Э. Сепир писал следующее: «Чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют – и обвиняют справедливо – в отказе выйти за пределы предмета своего исследования, наконец, поняли, что может означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще. Нравится им или нет, но они должны будут все больше и больше заниматься различными антропологическими, социологическими и психологическими проблемами, которые вторгаются в область языка» [3, с. 237–238]. Хотя приведенная цитата датируется серединой XX в., она звучит крайне актуально в начале XXI в.

Обращение к интегративности дает симфоническое восприятие языка и текста и позволяет повысить достоверность окончательных выводов, т.к. интегрированность имеет эвристические возможности; она становится одной из методологий гуманитарного знания.

Литература

1. Музыкальный энциклопедический словарь / под ред. Г.В. Келдыша. – М.: «Советская энциклопедия», 1990.
2. Протоиерей Иоанн Мейендорф. О литургическом восприятии пространства и времени // Литургия, архитектура и искусство византийского мира : труды XVIII Международного конгресса византистов (Москва, 8–15 августа 1991 г.) и другие материалы, посвященные памяти о. Иоанна Мейендорфа / под ред. К. К. Актентьева. – СПб. : Византинороссика, 1995. – С. 1–10.
3. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
4. Степанов, Ю.С. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности» / Ю.С. Степанов. – Калуга, 2010.
5. Тарасов, Е.Ф. Языковое сознание: проблемы и перспективы / Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева // В пространстве языка и культуры. Звук, знак, смысл. – М.: Языки славянских культур, 2010. – С. 735–747.
6. Ушинский, К.Д. Теоретические проблемы педагогики / К.Д. Ушинский. – М.: Педагогика, 1974.

References

1. Musical encyclopedic dictionary (1990), ed. G.V. Keldysh, Moscow, "Soviet encyclopedia".
2. Archpriest John Meyendorff. (1995). On the liturgical perception of space and time. *Liturgy, Architecture and Art of the Byzantine World: Proceedings of the XVIII International Congress of Byzantinists*, edited by K. K. Akentiev. St. Petersburg, Byzantinorossika, pp. 1-10.
3. Sepir E. (1993). Selected works on linguistics and cultural studies. Moscow, Progress, 656 p.
4. Stepanov Yu.S. (2010). Thinking reed. The book is about "Imaginary Literature". Kaluga.
5. Tarasov U.F., Ufimtseva N.V. (2010). Language consciousness : problems and prospects. *In the space of language and culture. Sound, sign, meaning*. Moscow, Languages of Slavic cultures, 2010, pp. 735-747.
6. Ushinsky K.D. (1974). Theoretical problems of pedagogy. Moscow, Pedagogy.

УДК: 811.161.137

ПОНЯТИЙНЫЕ ПРИЗНАКИ КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ «УЯЗВИМОСТЬ» И «ХРУПКОСТЬ»

Е.Н. Пугрич,

аспирант кафедры языкознания и лингводидактики

Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка

E-mail: el.fendich@gmail.com

Предпринимается попытка выявить понятийные признаки концептов «уязвимость» и «хрупкость» путем анализа их дефиниций в толковых, этимологических и ассоциативных словарях. Представленные лексемы являются производными от соответствующих прилагательных – хрупкий и уязвимый. Для выявления актуальности в современной языковой картине мира приводится этимология данных концептов, рассматривается их частотность в ассоциативных словарях и делается вывод о том, что концепты «уязвимость» и «хрупкость» не являются синонимами и должны рассматриваться как самостоятельные единицы.

Ключевые слова: языковая картина мира, значение слова, концепт «уязвимость», концепт «хрупкость», стимул, реакция.

CONCEPTUAL FEATURES OF CULTURAL CONCEPTS OF "VULNERABILITY" AND "FRAGILITY"

E.N. Putrich,

Post-graduate student of the Department of Linguistics and Linguodidactics of the Belarusian State Pedagogical
University named after Maxim Tank
E-mail: el.fendich@gmail.com

An attempt is made to reveal the conceptual features of the concepts "vulnerability" and "fragility" by analyzing their definitions in explanatory, etymological and associative dictionaries. The presented lexemes are derived from the corresponding adjectives – fragile and vulnerable. To identify the relevance in the modern linguistic picture of the world, the etymology of these concepts is given, their frequency in associative dictionaries is considered, and it is concluded that the concepts "vulnerability" and "fragility" are not synonyms and should be considered as independent units.

Key words: linguistic picture of the world, meaning of the word, concept of vulnerability, concept of fragility, stimulus, reaction.

Введение

В конце XX в. язык стал рассматриваться как составная часть культуры, как условие его существования и как фактор формирования культурных кодов. Взаимодействие антропоцентрического, культурологического и когнитивного подходов к изучению языка дает возможность установить национально-специфические особенности концептов, содержащих определенные знания о мире. В этой связи культурные концепты «уязвимость» и «хрупкость» как сложные ментальные образования представляют собой определенную систему ценностей и традиций, присущих русской языковой картине мира.

Цели и задачи

Цель данной статьи – выявление понятийных признаков концептов «уязвимость» и «хрупкость» путем анализа словарных дефиниций, а также описание отличий, дающих основание для их разграничения.

Методы и материал исследования

Для осуществления поставленной цели использовались описательный и сопоставительный методы. Материалом для исследования послужили толковые, этимологические и ассоциативные словари русского языка.

Результаты и их обсуждение

Существительное *уязвимость* происходит от прилагательного *уязвимый*, которое в свою очередь образовалось от глагола *уязвить*, далее от др.-русского глагола *язвити* – «ранить», образованного от др.-русского ъзва – «язва», «болезнь», ст.-слав. ъзва. Ср.: блр. *язва, язавы* (знач. – как в русском); но укр. *язва* – «чума»; болг. *язва* – «язва», «рана», чеш. *jízva* – «след от раны», «шрам», словацк. *jazva* – «шрам», «рубец». Но в некоторых славянских языках это слово значит «нора»: с.-хорв. *jažvina*, словен. *jazbec*, польск. *jaźwiec* «баречья нора» [10, с. 467].

Интересно, что в лексеме *уязвимый* на первый план выходят семы «слабый», «имеющий рану, язву», значение которых активно используется в современном русском языке. При этом в семантизации «появляются» и другие понятийные признаки – «мало защищенный», «имеющий недостатки», «неспособный оказать сопротивление», «легко поразимый», «обидчивый», «ранимый», представленные в следующих словарях:

1. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова: Такой, что легко уязвить, обидеть, ранить || Слабый, такой, где легче всего найти недостатки [4, с. 1046].

2. Словарь русского языка С. И. Ожегова: 1. Такой, что легко уязвить, обидеть. *Уязвимое самолюбие*. 2. Слабый, мало защищенный. *Уязвимые места* [6, с. 847.]

3. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов Н. Ю. Шведовой: 1. Такой, что легко уязвить, обидеть. *Уязвимое самолюбие*.

2. Слабый, мало защищенный. *Уязвимые места. Уязвимая часть доклада* (слабая, плохо аргументированная) [11, с. 1043].

4. Словарь современного русского литературного языка под ред. В.И. Чернышева: Плохо защищенный, неспособный выдержать удар, оказать сопротивление, такой, которого легко поразить: 1. Уязвимый для чего-либо, со стороны чего-либо, в каком-либо отношении; 2. О человеке и животном; 3. Уязвимое место (чье-либо, кого-либо). То, что особенно легко вызывает чувство обиды, задевает кого-либо. || Такой, в котором обнаруживается, сказывается слабость, недостаток [7, с. 1185].

5. Новейший большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова: 1. Такой, которого легко ранить. *Уродился уязвимым со всех сторон.* 2. Такой, которого (которое) легко уязвить. *Сердце – самый у. орган.* 3. Неспособный выдержать удар, оказать нужное сопротивление. *У. участок обороны.* 4. Имеющий слабости, недостатки. *У-ая часть доклада* [5, с. 1413].

Таким образом, анализ словарных статей наглядно показывает, что базовые семы лексических единиц *уязвимость* и *уязвимый* не только сохраняются в современном русском языке, но и приобретают новые понятийные признаки. А это в свою очередь говорит о сохранении древнейших представлений в языковом сознании современного человека.

Перейдем к рассмотрению второго концепта – «хрупкость».

Существительное *хрупкость* происходит от прилагательного *хрупкий*, которое возникло из восточнославянского *хрупать* – ‘хрустеть, громко грызть’ от *хрупь*, образованного от звукоподражательного *хру*. Лексема *хрустеть* появилась в X–XI вв. от общеславянского *хрусть* «треск», также от звукоподражательного *хру* [1, с. 857]. Ср.: польск. *chrupki* – «хрустящий»; словен. *hrupen* – «шумный». В других славянских языках имеется глагол *хрупать*: укр. *хрупати*; болг. *хрупам* – «хрупаю»; чеш. *chrupati* – «хрустеть»; словац. *chrupat'* – «похрустывать». В русском языке прилагательное *хрупкий* известно с XVIII в. (в словарях отмечено с 1782 г.). Старшее значение прилагательного *хрупкий* – ‘хрустящий’ [10, с. 358].

Таким образом, первоначально лексема *хрупкость* была связана с семами ‘легко ломающийся’, ‘крошащийся’, ‘распадающийся на части’, но со временем данный концепт приобрел новые понятийные признаки – ‘непрочный’, ‘нежный’, ‘слабый’, ‘подверженный болезням’, которые ярко представлены в следующих толковых словарях:

1. ТСРЯ под ред. Д. Н. Ушакова: 1. Ломкий, непрочный, легко поддающийся разрушению, распадение на части. 2. *перен.* Лишённый основательности, слишком нежный, слабый [4, с. 1193].

2. ТСРЯ С. И. Ожегова: 1. Очень ломкий, легко раскалывающийся. *Хрупкое стекло.* 2. *перен.* Слишком слабый, нежный. *Хрупкое здоровье* [6, с. 870].

3. ТСРЯ с включением сведений о происхождении слов Н. Ю. Шведовой: 1. Очень ломкий, легко раскалывающийся. *Хрупкое стекло.* 2. *перен.* Слишком слабый, нежный. *Хрупкое здоровье.* 3. *Перен.* Неппрочный, легко нарушаемый. *Х. мир* [11, 1073].

4. НБТСРЯ под ред. С. А. Кузнецова: 1. Легко разрушающийся, распадающийся на части, ломкий || издающий хруст (при разжёвывании). 2. Тонкого, нежного, изящного сложения (о человеке, о частях тела). *Х-ая девушка.* 3. Слабый, болезненный. *Х-ое здоровье.* 4. Требующий бережного, осторожного отношения; непрочный. *Х-ое соглашение* [5, с. 1456].

5. ССРЛЯ под ред. В. И. Чернышева: 1. Такой, которой легко распадается на части, крошится, разбирается; ломкий || Такой, что распадается на части с сухим треском, хрустом || Имеющий лёгкие, немассивные формы; сделанный из непрочного, неплотного материала. 2. Тонкого, нежного, изящного сложения: *о человеке; о цветах; хрупкая фигура, хрупкий стан; хрупкая кисть, рука, хрупкие плечи* и т.п.; *хрупкий, хрупкий телом, собою*

кто-нибудь; хрупкое здоровье, хрупкий организм у кого-н. 3. Перен. Недолговечный, ненадежный [7, с. 494].

Как видим, лексема *хрупкость* претерпела не только количественные, но и качественные изменения в семантике, что приводит к неправильному отождествлению двух первоначально разных концептов «уязвимость» и «хрупкость». Несмотря на соприкосновение этих концептов в семе ‘слабый’, Словарь синонимов русского языка не ставит их в один синонимический ряд [8], так как уязвимый – ‘слабый, мало защищенный’, а хрупкий – ‘слабый, болезненный, нежный’.

Следует обратить внимание и на **Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля**, в котором данные лексемы также не являются синонимами: *уязвлять, уязвить кого, язвить, ранить, причинить кому рану; уколоть, порезать, порубить, укусить, ужалить* и пр. || *оскорбить, обидеть, причинить нравственную язву* [2, с. 335]; *хрупкий, хрупкий, кропкий, крушливый, ломкий, прашливый* [2, с. 367].

Говоря о важности концептов «уязвимость» и «хрупкость» в русской языковой картине мира, обратимся к данным ассоциативных словарей, анализ которых показывает, что в современной языковой картине мира существуют ассоциативные пары, которые восходят к архаическим представлениям. Рассмотрим стимулы «хрупкий» и «уязвимый» в Русском ассоциативном словаре и Русском региональном ассоциативном словаре-тезаурусе ЕВРАС.

Стимул *хрупкость*

Русский ассоциативный словарь – прямой словарь. Самая частотная реакция – лед (52), на шестой позиции – человек (19), на двенадцатой – ломкий (8). Для носителей русского языка *хрупкий* ассоциируется с легко разрушаемым предметом (*хрусталь (17), стекло (34), стакан (34), фарфор (7)*) и его характеристиками: *тонкий (14), ломкий (8), стеклянный (8), легкий (4), ломающийся (3), непрочный (3)*; с человеком (*мальчик (8), девушка (6), ребенок (5), юноша (5), женщина (4)*) и его качествами: *нежный (14), слабый (4), мягкий (4), ранимый (2)*. Хрупкому противопоставляется *крепкий (1), твердый (1), мощный (1), прочный (1)* [7].

РАС – ОС. Хрупкий – самая частотная реакция на стимул *стебель (6)*. Можно предположить, что цветок без мощного стебля, как и человек без внутреннего стержня будет очень слабым.

Согласно материалу словаря, хрупкий связывается с *хлипким (3), некрепким (2), хрустальным (1), старым (1)* [7].

Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС – ПС. Самая частотная реакция – *хрусталь (108)*, на третьей позиции – *ваза, стакан (25)*, на десятой позиции – *нежный (10)* [3].

Как и в предыдущем словаре, ассоциации связаны с легко разрушаемыми предметами, металлами (*алмаз (3), графит (1), кристалл (3), минерал (1)*) и человеком (*слабый, маленький, ранимый, беспомощный, битый, больной, неустойчивый, уязвимый, хилый, хлипкий*).

Интересно, что в данном словаре «хрупкость» вызвала новые реакции – *жизнь, здоровье, нервы*, с одной стороны, и *уязвимый* – с другой. Последняя реакция еще раз подтверждает отождествление в сознании русскоговорящих концептов «хрупкий» и «уязвимый».

ЕврАС – ОС. Хрупкий – самая частотная реакция на стимул *хрусталь (108)*, на второй позиции – *ваза (25)*, на третьей позиции – *бокал (20)*. Остальные реакции такие же, как и в прямом словаре [3].

Стимул *уязвимый*

РАС – ПС. В прямом словаре реакции на стимул не обнаружены.

РАС – ОС. Уязвимый – всего по одной реакции на стимулы *раздражение* и *стремится*. Уязвимость – реакция на стимул *недостатки (1)* [7].

ЕврАС – ОС. По данным ЕврАС концепт «уязвимый / уязвимость» не является частотным. По одной реакции на стимулы *враг (1), невостробованность (1) и хрупкий (1)* [3].

Выводы

Проанализировав толковые словари, можно сделать следующий вывод: семантику концепта «уязвимость» составляют понятийные признаки ‘слабость’, ‘недостаток чего-л.’, ‘незащищённость’, ‘неспособность выдержать удар’, ‘оказать сопротивление’; семантику концепта «хрупкость» – ‘слабость’, ‘ломкость’, ‘нежность’, ‘легкое раскалывание’, ‘непрочность’, ‘изящность’, ‘болезненность’, ‘недолговечность’. Кроме того, в современной русской языковой картине выделяются семы, неотмеченные толковыми словарями: уязвимый – *связь с врагом, невостробованностью и раздражением*. Необходимо подчеркнуть, что в сознании носителей русского языка основные свойства концепта «хрупкость» более чётко проявляются при установлении антонимических ассоциаций: *хрупкий – крепкий, хрупкий – твердый, хрупкий – мощный, хрупкий – прочный*. Именно ассоциации-представления находят отражение в художественных текстах.

Таким образом, концепты «уязвимость» и «хрупкость» не являются синонимами, но, учитывая данные ЕврАС, следует помнить об их отождествлении в сознании носителей русской языковой картины мира.

Литература

1. Большой этимологический словарь русского языка : [ок. 20 000 слов с описанием путей их происхождения и времени появления в рус. яз.] / сост. М. В. Климова. – М., 2013.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. : совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртене в соврем. написании / В. И. Даль. – М., 2003. – Т. 4. – С. 367.
3. Европейский ассоциативный словарь (ЕврАС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras>. – Дата доступа: 15.07.2021.
4. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков ; под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1940. – Т. 4 / сост.: В. В. Виноградов [и др.]
5. Новейший большой толковый словарь русского языка / авт. и рук. проекта, гл. ред. С. А. Кузнецов. – М. ; СПб., 2008.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М., 2003.
7. Русский ассоциативный словарь (РАС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/>. – Дата доступа: 15.07.2021.
8. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; гл. ред.: В. И. Чернышев (гл. ред.) [и др.]. – М. ; Л., 1964. – Т. 16 / ред.: Н. З. Котелова, Н. М. Меделец.
9. Словарь синонимов русского языка : в 2 т. / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 2001. – Т. 2.
10. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : 13 560 слов : в 2 т. / П. Я. Черных. – 6-е изд., стер. – М., 2004. – Т. 2.
11. Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов : 82 000 слов и фразеол. выражений / Н. Ю. Шведова, Л. В. Куркина, Л. П. Крысин ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М., 2008.

References

1. Bol'shoj jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka (2013), sost. M. V. Klimova. (In Russ).
2. Dal', V. I. Tolkovij slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka : v 4 t. (2003). T. 4. – S. 367. (In Russ).
3. Evropejskij associativnyj slovar' (EvrAS) [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras>. – Data dostupa: 15.07.2021. (In Russ).
4. Tolkovij slovar' russkogo jazyka : v 4 t. (1940), gl. red.: B. M. Volin, D. N. Ushakov ; pod red. D. N. Ushakova, Moscow, T. 4 (In Russ).
5. Novejšij bol'shoj tolkovij slovar' russkogo jazyka (2008), avt. i ruk. proekta, gl. red. S. A. Kuznecov. M. ; SPb., (In Russ).
6. Ozhegov, S. I. (2003). Tolkovij slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeol. vyrazhenij / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova. – 4-e izd., dop. – Moscow (In Russ).
7. Russkij associativnyj slovar' (RAS) [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://thesaurus.ru/dict/>. – Data dostupa: 15.07.2021. (In Russ).
8. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka : v 17 t. (1964). Akad. nauk SSSR, In-t rus. jaz. ; gl. red.: V. I. Chernyshev (gl. red.) [i dr.]. – Moscow; Leningrad, T. 16. (In Russ).

9. Slovar' sinonimov russkogo jazyka : v 2 t. (2001). Ros. akad. nauk, In-t lingvist. issled. ; pod red. A. P. Evgen'evoj. – Moscow, T. 2. (In Russ).

10. Chernyh, P. Ja. (2004). Istoriko-jetimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka : 13 560 slov : v 2 t. / P. Ja. Chernyh. 6-e izd., ster. – Moscow, T. 2. (In Russ).

11. Shvedova, N. Ju. (2008). Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vkljucheniem svedenij o proishozhdenii slov : 82 000 slov i frazeol. vyrazhenij; otv. red. N. Ju. Shvedova. Moscow. (In Russ).

УДК 81'373.612.2'42

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С СЕМАНТИКОЙ ОТРИЦАНИЯ И ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЙ МЕТАФОРОЛОГИИ И СИНТАКСИСА

Ю.В. Ранчинская,

аспирант кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: julia13313@mail.ru

В статье анализируются основные подходы к определению понятий «метафора», «отрицание», «противопоставление». С применением методов обобщения и систематизации, основываясь на труды от античных мыслителей до современных лингвистов, были рассмотрены различные взгляды на эти языковые универсалии. Выделяются и описываются основные теории метафоры, дается сравнение понятий «отрицание» и «противопоставление». Автором сделана попытка включить предложения, содержащие метафоры с семантикой отрицания, в классификацию структур с общим характером отрицания. На основе проведенного исследования делается вывод о целесообразности «включения» данных предложений в общую парадигму.

Ключевые слова: метафора, семантика, сравнение, отрицание, противопоставление.

METAPHORICAL STATEMENTS WITH THE SEMANTICS OF NEGATION AND OPPOSITION IN THE CONTEXT OF GENERAL METAPHOROLOGY AND SYNTAX

Y.V. Ranchinskaya,

graduate student of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: julia13313@mail.ru

The article analyzes the main approaches to the definition of the concepts of «metaphor», «negation», «opposition». Using the methods of generalization and systematization, based on the works of ancient thinkers and modern linguists, various views on these linguistic universals were considered. The main theories of metaphor are highlighted and described, and the concepts of «negation» and «opposition» are compared. The author makes an attempt to include sentences containing metaphors with the semantics of negation in the classification of structures with the general nature of negation. Based on the conducted research, it is concluded that it is possible to «include» these sentences in the general paradigm.

Key words: metaphor, semantics, comparison, negation, opposition

Метафора, являясь сложным лингвистическим феноменом, изучением которого занимались со времен античности, до сих пор не имеет единого подхода к определению. Аристотель рассматривал метафору так: «Переносное слово (metaphora) – это несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [1]. Во времена средневековья в «Риторике» Меланхтона метафора описывалась как «перенос природного и собственного значения слова к новому и ему несвойственному, например, *железный человек* говорится потому, что человека *не могут устрашить и преклонить, ... лаять* – то есть *обвинять кого-либо из зависти; или держу, имею и вижу* – вместо *понимаю*» [5, с. 26].

Современные лингвисты также не пришли к единому мнению в определении самого понятия «метафора». Н.Д. Арутюнова полагает, что метафора есть не что иное, как «сокращенное противопоставление»: «В ней заключено имплицитное противопоставление обыденного видения мира, соответствующего классифицирующим (таксономическим) предикатам, необычному, вскрывающему индивидуальную сущность предмета». [2, с. 17]. А. Вежбицкая рассматривает метафору как сокращенное сравнение, которое в своей глубинной структуре имплицитно отрицает при сохранении целостности семантического и формального признаков в метафоре [4, с. 142–147]. В свою очередь О.Н. Лагута высказывает мысль о том, что понятие «метафора» является слишком «эмоциональным объектом для исследования», поэтому дать полное представление о ней не является возможным [5, с. 6].

Интерес к изучению данного явления интенсифицировался в 30-х годах XX века, когда метафора стала самостоятельным объектом изучения различных дисциплин. Сегодня метафора изучается в поэтике, стилистике, риторике, лексикологии, прагматике, психолингвистике, психологии, логике и философии и др.

Изучение теории метафоры отражено в трудах следующих отечественных и зарубежных авторов: Н.Д. Арутюновой, М. Блэка, Д. Дэвидсона, О.Н. Лагуты, Дж. Лакоффа, А. Ричардса, Дж. Серля, Г.Н. Скляревской, В.Д. Стариченка, М.В. Субботина, С.А. Хахаловой и др.

В современной лингвистике природу и сущностные характеристики явления метафоризации изучают два принципиально различных направления – семантическое и когнитивное. Первое описывает механизм и результат переноса, основываясь на концепциях значения. В рамках когнитивного направления используют для этой цели понятия «аналогии», «знания».

Семантическое направление в исследованиях метафоры объединяет ряд теорий, которые можно назвать общей теорией сравнения. В основе лежит признание фактора сравнения двух субстанций (величин) и установление некоей константы сравнения (*tertium comparationis*) [9, с. 14]. К последователям данной теории исследования метафоры относятся Дж. А. Миллер, А. Вежбицкая, М. Бридсли, Ш. Сафарова и др.

Согласно когнитивной теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний: структуры-«источника» (*source domain*) и структуры-«цели» (*target domain*). Область источника в когнитивной теории представлена опытом человека. Область цели – менее конкретное знание, «знание по определению». Основатели данной теории полагают, что «метафора принадлежит не только языку, т. е. не только словам». Они утверждают, что сами процессы человеческого мышления являются метафоричными [6, с. 27]. На основе разработанного Дж. Лакоффом и М. Джонсоном подхода к пониманию метафоры позднее развились другие когнитивные теории метафоры – дескрипторная (А.Н. Баранов), теория метафорического моделирования (А.П. Чудинов) и теория интеракции (П. Рикёр).

В настоящее время, несмотря на большой интерес к метафоре со стороны как отечественных, так и зарубежных лингвистов и существование различных направлений в изучении этого явления, все еще остаются аспекты лингвометафорологии, требующие тщательного дальнейшего изучения. К таким аспектам, в частности, относится анализ метафор с семантикой отрицания и противопоставления.

Понятие «отрицание» взаимосвязано со следующим утверждением: «В отрицательном суждении отрицается то качество, которое приписывается субъекту в положительном суждении» [3, с. 96]. Становится очевидным, что «отрицание» представляет собой языковое выражение негативных связей между понятиями отрицательного суждения, в свою очередь отражающего отрицательные (негативные) связи действительности [3, с. 95–106].

Термины «отрицание» и «противопоставление» не являются синонимичными, но они также не рассматриваются в качестве взаимоисключающих, так как отрицание может

трактоваться как одна из форм противопоставления. При отрицании наблюдается переход определенного понятия в свою противоположность. С другой стороны, в основе логической операции противопоставления лежит отрицание: «В противоположении (*A* и *не-A*) отрицание выражено явно как существенный момент различения. Противопоставление и есть отрицание с функцией обособляющего различения, т.е. определения *нечто* в противоположность другому *нечто*, при обособлении от другого» [8, с. 186]. В русском языке отрицание может быть выражено эксплицитно, при помощи формальных средств выражения, либо имплицитно, неявно, без отрицательных элементов, заключаясь в самой семантике слова или целой синтаксической конструкции.

Вопрос классификации отрицательных предложений в русском языке впервые поднял А.М. Пешковский, являясь основателем классификации, послужившей отправной точкой для других исследователей. «Именно только отрицание, стоящее при сказуемом, делает все высказывание отрицательным, отрицание же, стоящее при другом каком-либо члене, не колеблет общего утвердительного смысла высказывания» [7, с. 377]. Предложения с отрицательным сказуемым были отнесены к общеотрицательным, а в случаях с утвердительным сказуемым, но отрицательной частицей при другом члене – к частноотрицательным.

На основе классификации [10], также основанной на анализе отношений между подлежащим и сказуемым, нами были исследованы структуры с общим характером отрицания с тем, чтобы определить соответствие данной классификации для рубрикации метафоричных высказываний.

В рамках исследования были рассмотрены примеры эксплицитного выражения отрицания в предложениях с метафорами, содержащими значение отрицания / противопоставления.

Согласно вышеупомянутой классификации, все общеотрицательные предложения делятся на:

а) собственно-отрицательные: – *Рыцари дорог, почему вы не пожирате километры?* [Василий Аксенов. Звездный билет// «Юность», 1961]. *Вернулась, опять села в кресло. Кресло её не принимало. Она подоткнула ноги и положила голову на ручку.* [И. Грекова. Летом в городе (1962)]. *Кинематограф – это не пристройка к книжному магазину, и я не хочу видеть писательское кино, я хочу видеть кинематографическое кино.* [Виктория Мусвик. Неделя 12.03-2002.03.18 // «Коммерсантъ-Власть», 2002]. В данных примерах отрицание выражено частицей *не* перед сказуемым;

б) усилительно – отрицательные: «*Расследование гибели МН17 никак не долетит до конца*». [Кремль: ошибка «Первого канала» в сюжете о крушении не подрывает доверие к нему//Коммерсант, 2019.12.11] *А когда все же подступала нужда, смеялся над ней – удача его, как солнце, никогда не падала за предел земли, чтобы вновь не взойти.* [Александр Григоренко. Мэбэт // «Новый мир», 2011]. *Право было бы жаль, если бы его стройного стана никогда не стягивал военный мундир, и если бы он, вместо того, чтоб рисоваться на коне, провёл свою молодость, согнувшись над канцелярскими бумагами.* [А. С. Пушкин. Барышня-крестьянка (1830)]. Здесь помимо частицы *не* есть отрицательное наречие либо местоимение, усиливающие отрицание;

с) обобщенно-отрицательные: *Например, выпуск «Сна в летнюю ночь» очень кровавый был. Казалось, ничего никогда не склеится.* [Марина Токарева. Евгений Каменькович: «Не надо серьезно к себе относиться!» // Новая газета, 2015.07.28]. В предикативной части использованы несколько отрицательных слов, глагол также употреблен с *не*;

д) усилительно-утвердительные: *Безупречное музыкальное сопровождение, которое просто не может не затронуть душу и сердце.* [коллективный. Форум: рецензии на фильм «Служебный роман» (2006–2010)]. *Любовь студентов, признательная и бескорыстная (кстати, Эдуард Григорьевич слыл одним из самых незлобивых экзаменаторов факультета), конечно, не могла не греть душу.* [Игорь Волгин. «Как

собеседника на пир...». Эдуард Бабаев: судьба филолога // Вопросы литературы, 2008]. *На наш взгляд, музыка субсидиарности просто не могла не порадовать русское ухо, поскольку в этом своем аспекте европейский подход к обществу никак не противоречит отечественной политической традиции и, более того, весьма органично сочетается с этой традицией!* [Андрей Захаров. Европейский федерализм в свете российского опыта // «Неприкосновенный запас», 2003.07.14]. Предложения содержат двойное отрицание глагола-сказуемого, что воспринимается как положительная информация.

В рамках проведенного анализа можно сделать вывод, что предложения, содержащие метафорические высказывания с семантикой отрицания/противопоставления, могут быть рассмотрены в рамках общей классификации предложений без метафорической составляющей, так как формальные средства выражения отрицания присущи всем высказываниям, но требуют дальнейшего более глубокого рассмотрения и анализа.

Литература

1. Аристотель. Поэтика / Пер. М. Л. Гаспарова // Аристотель. Сочинения : в 4 т. – М. : Мысль, 1984. – Т. 4. – С. 645–681.
2. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры : сборник ; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 17.
3. Бондаренко, В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория / В.Н. Бондаренко. – М. : Наука, 1983. – 210 с.
4. Вежбицкая, А. Сравнение – градация – метафора/ А. Вежбицкая // Теория метафоры : сборник ; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 142–147.
5. Лагута, О.Н. Метафорология: теоретические аспекты / О.Н. Лагута ; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2003. – Ч. 1. – 114 с.
6. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / Джордж Лакофф, Марк Джонсон ; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
7. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – Изд-е 7-е. – М. : Учпедгиз, 1956. – 511 с.
8. Савинов, А. В. Логические законы мышления [Текст]: (О структуре и закономерностях логического процесса) /А.В. Савинов // [Вступ. статья доц. В.Н. Борисова, с. 3–16] ; Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ин-та, 1958. – 371 с.
9. Хахалова, С.А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры : монография [Текст] / С.А. Хахалова. – 2-е изд., испр. и доп. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – 292 с.
10. Чиркина, И.П. Современный русский язык в таблицах и схемах. Синтаксис: (Словосочетание. Простое предложение) / И.П. Чиркина. – М. : Просвещение, 1984. – Ч. 4. – 223 с.

References

1. Aristotel (1984). Poetika. Aristotel. Essays in 4 volumes. V.4. Moscow: Thought. (In Russ).
2. Arutyunova N.D. (1990). Metafora i diskurs [Metaphor and Discourse]. Arutyunova N.D., Zhurinskaya M.A. Teoriya metafor [Theory of Metaphor]. Moscow: Progress Publ. (In Russ).
3. Bondarenko V.N. (1983). Otricanie kak logiko-grammaticheskaya kategoriya [Negation as logical and grammatical category]. Moscow: Science. (In Russ).
4. Vezhbickaya A. (1990). Sravneniye–gradaciya–metaphora [Comparison–gradation–metaphor]. Arutyunova N.D., Zhurinskaya M.A. Teoriya metafor [Theory of Metaphor]. Moscow: Progress Publ. (In Russ).
5. Laguta O.N. (2003). Metaphorologiya: teoriticheskie aspekty [Metaphorology: theoretical aspects]. Novosibirsk State University. P.1 (In Russ).
6. Lakoff G (2004). Metaphory kotorymi my zhivyom [Metaphors we live by]. Moscow: Editorial URSS. (In Russ).
7. Peshkovskiy A.M. (1956). Russkiy sintaksis v nuachnom osveschenii [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow: Uchpedgisd (In Russ).
8. Savinov A.V. Logicheskiye zakony myshleniya (O structure i zakonomernostyah logicheskogo processa) [Logical laws of thinking (About the structure and laws of the logical process)]. Leningrad: Leningrad inst. Publ. (In Russ).
9. Nahalova S.A. (2011). Metaphora v aspektah yazyka, myshleniya i kultury: monografiya [Metaphor in the aspects of language, thinking and culture: monograph]. Irkutsk: ISLU (In Russ).
10. Chirkina I.P. (1984). Sovremennyy russkiy yazyk v tablicah i shemah. Sintaksis. (Slovosochetaniye. Prostoye predlozheniye) [Modern Russian in tables and diagrams Syntax: (Phrase. Simple sentence.). Moscow: Education (In Russ).

МАНИПУЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТАМИ КАК ТАКТИКА ИНТЕНСИФИКАЦИИ АРГУМЕНТАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ГУМАНИТАРНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Т.Н. Савчук,

доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики,
Белорусского государственного университета,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: tatyana.s77@list.ru

Исследование развивает авторскую – конвергентную – теорию аргументации, релевантную для письменной гуманитарной научно-коммуникативной практики. Установлено, что в гуманитарном дискурсе тактику манипулирования концептами реализуют три аргументативных приема: акцентирование ключевых концептов, создание определенного эмоционально-ценностного фона дискурса и противопоставление концептов. На примерах из русско- и белорусскоязычных научных текстов показано, что эти приемы специфически участвуют в эмоциональной интенсификации убеждающего воздействия за счет активизации подсознательных когнитивных процессов реципиента и ослабления его критичности. Сделан вывод, что успешное применение гуманитариями разных способов манипулирования концептами предполагает учет критериев целесообразности, соразмерности, а также приоритета рациональности научной аргументации.

Ключевые слова: аргументация, аргументативная тактика, интенсивность речевого воздействия, манипулирование концептами, гуманитарный дискурс, научная коммуникация.

MANIPULATION WITH CONCEPTS AS THE TACTICS OF INTENSIFICATION OF ARGUMENTATIVE IMPACT IN HUMANITARIAN SCIENTIFIC DISCOURSE

T.N. Savtchouk,

Associate Professor, Doctor of Philology, Professor of the Department of Applied Linguistics
of Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: tatyana.s77@list.ru

The research develops the convergent argumentation theory, that is relevant for the written humanitarian scientific and communicative practice. It is established that in humanitarian discourse, the tactics of manipulation with concepts are implemented by three argumentative techniques: emphasizing key concepts, creating a certain emotional-value background of the discourse, and opposing concepts. Using examples from Russian and Belarusian-language scientific texts, it is shown that those techniques are specifically involved in the emotional intensification of persuasive influence by activating the recipient's subconscious cognitive processes and weakening his criticality. It is concluded that the successful use of different ways of manipulation with concepts by humanities scholars presupposes taking into account the criteria of appropriateness, as well as the priority of the rationality of scientific argumentation.

Key words: argumentation, argumentative tactics, intensity of speech impact, manipulation with concepts, humanitarian discourse, scientific communication.

Введение

Динамический аспект аргументации предполагает рассмотрение ее как целенаправленной, стратегически организованной интеллектуально-коммуникативной деятельности, специфически проявляющейся в различных типах дискурса. Цель научной аргументативной деятельности состоит в том, чтобы убедить воспринимающего субъекта в достоверности (приемлемости) новых научных идей, обосновываемых продуцирующим субъектом. Убеждающее воздействие предусматривает изменение когнитивного состояния адресата (системы его знаний, оценок, установок и пр.) и осуществляется с помощью определенных аргументативных тактик – стратегически мотивированных коммуникативно-речевых действий. Изучение тактических ресурсов коммуникации находится в зоне лингвокогнитивных и лингвопрагматических исследовательских интересов (см., напр.: [3–

б). Заметим, что гуманитарная научно-аргументативная практика занимает периферийное место в таких исследованиях. Остаются без ответов, в частности, вопросы, касающиеся типологии тактических средств аргументирования, способов их вербализации, критериев эффективности и др.

Предпринятое нами исследование (см. [1; 2]) позволило приблизиться к решению обозначенных проблем: была разработана конвергентная концепция аргументации, в рамках которой систематизированы тактико-стратегические ресурсы, применяемые гуманитариями в письменном дискурсе. Согласно полученным результатам одной из ключевых стратегических установок аргументирующего субъекта научной коммуникации выступает усиление аргументативного воздействия. Важным способом реализации этой установки служит тактика манипулирования концептами (см.: [1, с. 174; 2, с. 178]). Ее рассмотрение находится в фокусе данной статьи.

Цель исследования – установить, каким образом тактика манипулирования концептами реализуется в письменном гуманитарном научном дискурсе, продемонстрировать ее участие в интенсификации аргументативного воздействия. Для этого необходимо: 1) выявить и охарактеризовать приемы, с помощью которых воплощается обозначенная тактика, 2) раскрыть когнитивно-прагматический механизм отдельных приемов и тактики в целом, 3) определить условия успешного применения указанной тактики в аргументативной деятельности гуманитариев.

Методы и материал исследования

Исследование развивает авторскую – конвергентную – теорию аргументации, базирующуюся на когнитивно-прагматической методологии. Для решения сформулированных конкретных задач был задействован комплекс методов, включая описание, реконструкцию, а также различные типы анализа, применяемые в неориторике, лингво-прагматике, логике, дискурсологии (функционально-коммуникативный, констатирующий, пропозициональный).

Источником фактических данных послужили статьи гуманитарной направленности на русском и белорусском языках, опубликованные в рецензируемых научных журналах за 2001–2020 гг.

Результаты и их обсуждение

Тактика манипулирования концептами заключается в специфической структурной организации аргументативного сообщения/текста и его особом вербальном наполнении. Суть тактики в следующем: конструирующие аргументацию доводы/посылки, а также употребляемые в их составе концептуально маркированные слова и выражения отбираются и компоуются таким образом, чтобы эмоционально вовлечь адресата в коммуникацию, активизировать психологические процессы восприятия сообщения и за счет этого усилить эмоционально-психологическое воздействие. Такого рода когнитивно-коммуникативная программа призвана обеспечить достижение прагматического эффекта аргументации – принятие адресатом пропонируемого тезиса – путем интенсификации эмоционального (субъективно-личностного, экспрессивного) аспекта аргументирования и, соответственно, ослабления его рационального (объективного, критического) плана.

Описанный механизм так или иначе проявляется во всех коммуникативно-речевых действиях, реализующих тактику манипулирования концептами. Эти действия распределяются по трем группам и рассматриваются как особые аргументативные приемы [1, с. 174–177].

Первый из них – **акцентирование ключевых концептов** – определяется как многократное повторение в аргументирующем рассуждении слов и выражений, концептуально значимых для данной аргументативной ситуации.

Использование этого приема иллюстрируют следующие два примера: (1) *Имена даются исходя из человеческих отношений... Неограниченный, свободный полет*

мышления может охватить **неограниченный** этот мир и людские **отношения** в нем. Человек вступает во **множество разнообразных отношений**: родственных, этнических, социальных и т.д. **Бесконечность** этих отношений порождает **бесконечность связей, видений мира**. Отсюда **бесконечное разнообразие** имен, вещей, оттенков наименований предметов (НИК2, с. 27). В приведенном фрагменте статьи по культурологии автор обосновывает идею многообразия имен и его детерминированности характером человеческих отношений. Аргументативное воздействие усиливается посредством акцентирования важных в данном контексте концептов: «множество» и «связь/отношение», которые передаются различными лексическими единицами (выделены полужирным шрифтом).

(2) *Інфармацыя аб'ядноўвае, генерыруе **новыя** каштоўнасці і вартасці чалавечага існавання... Палітычная сітуацыя, эканамічныя **пераўтварэнні**, якія адбываліся на мяжы XX і XXI ст., **найноўшыя** інфармацыйныя тэхналогіі **радыкальным чынам змянілі** мову сродкаў масавай інфармацыі. <...> сёння можам гаварыць пра пэўную сфарміраванасць «**новага**» публіцыстычнага стылю* (ВБДУ, с. 84–85). В (2) усиление аргументации тезиса о радикальном изменении современных СМИ достигается благодаря использованию в посылках комплекса языковых средств, репрезентирующих понятие нового – ключевое для данного обоснования.

Анализ примеров (1), (2) и им подобных позволяет раскрыть воздействующий механизм рассматриваемого приема: многократное повторение доминантных концептов стимулирует произвольное внимание, запоминание и иные подсознательные психические процессы реципиента. При этом, естественно, снижается (в той или иной мере) сознательность, критичность восприятия информации. В результате происходит сближение двух когнитивно-речевых процедур – убеждения и внушения. Избыточность в аргументативном тексте концептуально маркированной лексики чревата блокировкой структур сознания – в таком случае прием расценивается как запрещенный в научной коммуникации.

Второй вариант манипулирования концептами заключается в **создании определенного эмоционально-ценностного фона дискурса** за счет активного употребления языковых единиц, обладающих аксиологической модальностью. Этот прием регулярно применяется для обоснования нормативно-оценочных суждений.

(3) *Качественное образование... выступает **условием инновационного развития** страны и **позволяет оптимизировать** решение социальных и экономических проблем... **способствует эффективному включению** социума в мировые экономические, социальные и иные виды практик. <...> **повышается значимость образования** как института, **способного вносить вклад в прогнозирование** будущего и **предотвращение** глобальных рисков и угроз. Образование в современном мире рассматривается как **ключ к решению** глобальных... проблем, стоящих перед человечеством* (СА2, с. 315). Автор статьи по социологии в (3) аргументирует точку зрения о значимости качественного образования в современных условиях, используя систему позитивно-оценочных доводов, образующих каузальную схему. При этом аргументативная конструкция насыщается многочисленными вербализаторами позитивных следствий. Благодаря такому приему создается образ «радужных перспектив», рассчитанный на эмоциональную реакцию адресата и его поддержку.

(4) *І сёння, калі мы **будуем і ўмацоўваем**... сваю ўласную беларускую дзяржаву, усведамляць нашу **цывілізаванасць**, сваю **культурную развітасць** – гэта вельмі важны, вызначальны момант для стварэння агульнай **патрыятычнай атмасферы** ў нашым грамадстве. Задача дзеячаў сучаснага **тэатральнага мастацтва** – **умацоўваць, убагачаць гэту стваральную і плённую атмасферу** адзіна даступнымі сродкамі – **новымі таленавітымі** спектаклямі. Тым самым будзе выконвацца яшчэ адна актуальная задача – **нашырэньне** кола **тэатральных** гледачоў і **ўзмацненне прэстыжу** **сцэнічнага мастацтва***

ў грамадскай свядомасці (БД2, с. 64). В (4) пропонент обосновывает важную роль театрального искусства в формировании суверенной белорусской государственности. В состав посылок прагматической аргументации включаются разнообразные положительно заряженные языковые единицы, которые обеспечивают соответствующую (мажорную) тональность рассуждения. Такой прием усиливает убеждающий эффект коммуникации благодаря эмоциональной вовлеченности в нее воспринимающего субъекта.

В случае критической направленности аргументации в дискурсе активизируется употребление языковых средств, манифестирующих негативную оценку пропонентом определенных фактов/событий, что способствует интенсификации аргументативного воздействия. Сказанное подтверждается при рассмотрении примеров (5) и (6).

(5) *Современное разрушение идентичности как наиболее болезненное и зримое проявление антропологического кризиса обнаруживает себя в различных формах депрессии и апатии, бессмысленной жестокости, различных формах зависимости и беспомощности, стремлении убежать от реального мира, в проявлениях избыточной властности и агрессии, разных формах нигилизма и нарциссизма, в алкоголизме и наркомании, сексуальных и гедонистических извращениях. Все это ведет к негативной личностной автономии... к потере идентичности* (НИК1, с. 28). Обосновывая точку зрения о происходящем в современной культуре кризисе личностной идентичности, аргументатор использует характеризующую схему. Причем для ее вербального наполнения привлекается множество негативно-оценочных номинаций. Такой тактический ход позволяет автору статьи не только детально описать ситуацию, но и явно выразить отношение к ней, вызвать таким образом эмоциональное соучастие реципиента.

(6) *Літаратурная беларуская мова знаходзіцца сёння ў бядоўным стане. <...> для яе складалася вельмі небяспечная сітуацыя. Яе існуючыя нормы і правілы... сталі масава парушацца не толькі на непісьменнасці. <...> Замена спрадвечга беларускіх слоў набыла характар стыхійнага няшчасця... З цягам часу гэты працэс стварэння моўнага хаосу набыў мэтанакіраваны і арганізаваны характар. <...> Але яшчэ да моманту надання статуса дзяржаўнай рускай мове быў зроблены важны крок у зніжэнні статуса беларускай мовы. <...> У гэтых умовах на лёс беларускай мовы можна глядзець толькі песімістычна...* (БД1, с. 86–87). Пессимистически оценивая состояние белорусского языка, автор статьи по лингвистике апеллирует к реальности. Фактуальная аргументация при этом насыщается эмотивными языковыми элементами, что позволяет максимально «сгустить краски» и усилить психологическое воздействие на адресата.

Эффект рассматриваемого приема (создание позитивного / негативного эмоционально-ценностного фона коммуникации) напрямую зависит от плотности в аргументирующем рассуждении оценочных и эмотивных языковых единиц. Высокая их концентрация (как в примерах (3)–(6)), повышает действенность психологических механизмов заражения и эмпатии, которые и служат основой данного аргументативного приема.

Третий способ интенсификации убеждающего воздействия – **противопоставление концептов** – предусматривает построение аргументации на основе концептуально противоположных понятий.

(7) *Благоприятно протекающие процессы социальной коммуникации и наличие адекватной социокультурной среды – ключевые аспекты полноценной жизни, социального взаимодействия, информационных обменов между людьми. Сужение круга контактов, характерное для пожилых людей, ограничивает объем используемой ими социально значимой информации. <...> Индикатором неблагополучия в обществе может также служить множественная дискриминация в отношении пожилых людей...* (СА1, с. 451). В (7) необходимость повышения социального потенциала пожилых людей обосновывается путем сопоставления контрарных ситуаций («желаемое» – «реальное») и

соответствующих им концептов. Оппозиционные концепты, формирующие ядро данной аргументации, объективируются посредством оценочных языковых единиц, коннотации которых (положительная/отрицательная) определенно связываются с противопоставляемыми ситуациями. Такие действия аргументатора интенсифицируют изменение ценностной картины мира адресата, упрощают процедуру принятия им заявленного тезиса.

(8) *У новую сусветную эпоху... рэзка абвастраюцца пытанні сэнсу жыцця, экзістэнцыяльныя. Узрасла патрэба ў надзейнай апоры, дадатковай да апоры ў душы самога чалавека... Асаблівае значэнне ў такой сітуацыі набывае нацыянальная ідэалогія, здольная забяспечыць чалавеку хоць нейкі прывід сувязі асабістага лёсу з лёсам калектывным... Гэта тым больш актуальна на фоне ідэалагічнага вакууму, які характарызуецца зніжэннем жыццядзейнасці грамадства, ўзнікненнем дэструктыўных і дэстабілізуючых ідэй...* (БДЗ, с. 61–62). Выдвигая точку зрения о необходимости формирования национальной белорусской идеологии, проponent усиливает аргументацию за счет противопоставления в ее рамках ядерных концептов. С одной стороны – «надежная опора», ассоциированная с национальной идеологией, с другой – «идеологический вакуум», отражающий современную социальную реальность, негативная характеристика которой подкрепляется рядом оценочных средств. Таким образом приводится в действие психологический принцип контраста. Причем в (8) этот механизм эксплицируется аргументатором: выражение «на фоне» явно указывает на то, что основой убеждения выступает контрастность ситуаций, одна из которых (оцениваемая негативно) создает необходимый (контрастный) фон и оттеняет позитивную ценность другой ситуации.

Разного рода манипулирование концептами обладает значительным интенсифицирующим потенциалом, что объясняется особым структурированием аргументации, а также участием в ее оформлении оценочных и эмотивных языковых средств. Это позволяет специалистам рассматривать тактику как «персуазивную», а используемые в ее рамках речевые действия (аргументы) называть «обманчивыми» [6, р. 161–164], близкими к манипулятивному (см.: [3–5]). На наш взгляд, оперирование концептами в гуманитарной коммуникации, имеющей ценностную природу, правомерно при соблюдении необходимого для научной аргументативной деятельности баланса эмоционального и рационального.

Выводы

В русско- и белорусскоязычном научно-гуманитарном дискурсе тактику манипулирования концептами реализуют три аргументативных приема: акцентирование ключевых концептов, создание определенного эмоционально-ценностного фона дискурса и противопоставление концептов.

Прагматика этих аргументативных приемов связана с их участием в эмоциональной интенсификации убеждающего воздействия и основывается на использовании психологических принципов (заражение, эмпатия, контраст), стимулирующих активизацию подсознательных когнитивных процессов и ослабление критического плана восприятия сообщения.

Нормативная квалификация всех приемов и тактики в целом требует привлечения к анализу широкого дискурсивного контекста. В любом случае необходимо исходить из приоритета рациональности научной аргументации и руководствоваться критериями целесообразности, релевантности, соразмерности, актуальными для дискурса гуманитарных наук.

Список сокращений

БД1 – Падлужны, А. Мова: сучаснасць і будучыня / А. Падлужны // Беларус. думка. – 2003. – № 4. – С. 86–91.

БД2 – Смольскі, Р. Мастацкі лідэр – не пасада, а місія / Р. Смольскі // Беларус. думка. – 2008. – № 3. – С. 62–67.

БД3 – Уладыкоўская-Канаплянік, Л. Ідэалы: беларуская перспектыва / Л. Уладыкоўская-Канаплянік // Беларус. думка. – 2003. – № 8. – С. 60–62.

ВБДУ – Іўчанкаў, В.І. Журналістыка на мяжы ХХ–ХХІ ст. / В.І. Іўчанкаў // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2009. – № 1. – С. 83–87.

НИК1 – Римская, О.Н. Кризис личностной идентичности в постсовременной культуре / О.Н. Римская // Наука. Искусство. Культура. – 2014. – Вып. 3. – С. 25–33.

НИК2 – Шенкао, Г.Х. Язык, имя, власть / Г.Х. Шенкао // Наука. Искусство. Культура. – 2015. – Вып. 5. – С. 26–32.

СА1 – Доминикевич, О.Г. Проблемы повышения социального потенциала пожилого населения Беларуси / О.Г. Доминикевич // Социол. альм. – 2013. – Вып. 4. – С. 447–453.

СА2 – Кройтор, С.Н. Инновационное развитие образования в условиях глобализирующегося мира: состояние, проблемы, перспективы / С.Н. Кройтор // Социол. альм. – 2013. – Вып. 4. – С. 313–321.

Літаратура

1. Савчук, Т.Н. Аргументация в русско- и белорусскоязычном научно-гуманитарном дискурсе / Т.Н. Савчук. – Минск : Изд. центр Белорус. гос. ун-та, 2018. – 279 с.

2. Савчук, Т.Н. Аргументация в дискурсе гуманитарных наук (на материале русско- и белорусскоязычных текстов) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Т.Н. Савчук. – Минск, 2019. – 343 с.

3. Jovičić, T. The effectiveness of argumentative strategies / T. Jovičić // Argumentation. – 2006. – Vol. 20, № 1. – P. 29–58.

4. Nettel, A.L. Persuasive argumentation versus manipulation / A.L. Nettel, G. Roque // Argumentation. – 2012. – Vol. 26, № 1. – P. 55–69.

5. O'Keefe, D.J. Conviction, persuasion, and argumentation: untangling the ends and means of influence / D.J. O'Keefe // Argumentation. – 2012. – Vol. 26, № 1. – P. 19–32.

6. Walton, D. Deceptive arguments containing persuasive language and persuasive definitions / D. Walton // Argumentation. – 2005. – Vol. 19, № 2. – P. 159–186.

References

1. Savtchouk T.N. (2018). *Argumentacija v rusko- i beloruskoyazychnom nauchno-gumanitarnom diskurse*. [Argumentation in the Russian and Belarusian scientific humanitarian discourse]. Minsk: Publishing center of Belarusian State University. (In Russ.).

2. Savtchouk T.N. (2019). *Argumentaciya v diskurse gumanitarnykh nauk (na materiale rusko- i beloruskoyazychnykh tekstov)* [Argumentation in the Discourse of the Humanities (on the Material of Russian and Belarusian-language Texts)]. Philology Dr. Diss. Minsk. (In Russ.).

3. Jovičić T. (2006). The Effectiveness of Argumentative Strategies. *Argumentation*. Vol. 20. 1, 29–58.

4. Nettel A.L. & Roque G. (2012). Persuasive Argumentation versus Manipulation. *Argumentation*. Vol. 26. 1, 55–69.

5. O'Keefe D.J. (2012). Conviction, Persuasion, and Argumentation: Untangling the Ends and Means of Influence. *Argumentation*. 26. 1, 19–32.

6. Walton D. (2005). Deceptive Arguments Containing Persuasive Language and Persuasive Definitions. *Argumentation*. Vol. 19. 2, 159–186.

УДК 811.161.3'373.165.62

ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЕ СЛОВО КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В.И. Сенкевич,

профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин и методик их преподавания Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина,
г. Брест, Республика Беларусь
E-mail: sienkiewiczw@tut.by

Ю.А. Копцова,

старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин и методик их преподавания Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина,
г. Брест, Республика Беларусь
E-mail: yu_ll_yu@mail.ru

Рассматривается лингвистический аспект понятия «иероглиф». Постулируется его связь с познанием и самопознанием, а также перспективой знакомства с непосредственной («самой») реальностью и смыслами, вкладываемыми в неё сознанием. Недискурсивный опыт познания допредикативной реальности не может

быть выражен обычным языком, превращающим его в образы и схемы, и не имеет выхода в область нормативных языковых форм и устоявшихся парадигм. Этот феноменальный опыт доступен языку сущностей и присутствующим в нём вербальным инструментам, характер которых иероглифический. Феномены (сущности) сознания реализуются путём непосредственного воплощения их в «живом» слове, звучащем в режиме «вот»-реальности, и художественного изображения. Сопутствующими продуктами недискурсивного восприятия и осмысления реальности выступают «самовитые» и изобразительные слова. Первые совпадают с самой реальностью и принадлежат мифологическому сознанию. Словами-изображениями создаётся «своя» для автора и адресатов виртуальная реальность, в которой образ уступает место эйдосу. Лингвистически релевантным компонентом виртуальной реальности выступает эмблема.

Ключевые слова: иероглиф, иероглифическое слово, феномен, воплощение, изображение, реальное и виртуальное.

HIEROGLYPHIC WORD AS A LINGUISTIC PHENOMENON

V.I. Senkevich,

Doctor of Philological Sciences, Professor of the Chair of General Education Subjects and Methods of Teaching,
Brest State University named after A.S. Pushkin,
Brest, Republic of Belarus
E-mail: sienkiewicz@tut.by

Yu.A. Koptsova,

Teacher of the Chair of General Education Subjects and Methods of Teaching,
Brest State University named after A.S. Pushkin,
Brest, Republic of Belarus
E-mail: yu_ll_yy@mail.ru

The linguistic aspect of the concept of “hieroglyph” is considered. Its connection with cognition and the prospect of acquaintance with immediate (“itself”) reality and the meanings put into it by consciousness is postulated. Non-discursive experience of cognition of pre-predicative reality cannot be expressed in ordinary language which turns it into images and schemes, does not have access to the area of normative linguistic forms and established paradigms. This phenomenal experience is available to the language of entities and the verbal instruments present in it, the character of which is hieroglyphic. The phenomena (essences) of consciousness are realized through direct embodiment in a “living” word which sounds in the “here”-reality mode and an artistic image. The accompanying products of non-discursive perception and understanding of reality are “self” and graphic words. The first ones coincide with reality itself and belong to the mythological consciousness. Words-images create “their own” virtual reality for the author and addressees, in which the image gives way to eidos. The linguistically relevant component of virtual reality is the emblem.

Keywords: hieroglyph, hieroglyphic word, phenomenon, embodiment, image, real and virtual

И неважно, что означают слова в словаре, важен тот смысл, который мы в них вкладываем.

В. Березин *Путь и шествие*

В ситуациях общения представление о знаковости уступает место знаменательности; знак (*vs* знамение). Возникает феномен ориентированного на сознание иероглифического слова. Его континуальное наполнение противопоставляется тому, что считается знаковым и значительным.

Цель статьи – выявить лингвистический статус и языковые характеристики известного в филологии феномена иероглифичности, воплощенного в вербальных паттернах и моделях общения.

По свидетельству Я. Друскина, термин «иероглиф» впервые в литературоведении употребил Л. Липавский. В его понимании иероглифы – это сигналы реальности, недоступной дискурсивным практикам. Термин был введен для того, чтобы на метаязыке науки обозначить невыраженное и несказанное – «что нельзя услышать ушами, увидеть глазами, понять умом» [13, с. 324]. В знаменитом трактате Я. Друскина «Звезда бессмыслицы», посвященном осмыслению творчества А. Введенского и других участников ОБЭРИУ автором даётся определение иероглифа: «Иероглиф – некоторое

материальное явление, которое я непосредственно ощущаю, чувствую, воспринимаю и которое говорит мне больше того, что им непосредственно выражается как материальным явлением» (Разрядка наша – В.С.) [13, с. 324–325]. По мнению учёного, «Иероглиф можно понимать как обращенный ко мне язык нематериального, через материальное или чувственное [13, с. 325].

В литературоведческих работах чаще всего употребляется термин «иероглифическое слово». Так принято называть опорное слово «со сквозным увеличенным значением» [3, с. 7–24]. В отличие от слов-знаков с заранее предзаданным кругом ассоциаций, слова-иероглифы обнаруживают смысловую многомерность и обладают окказиональным характером [4, с. 27–28]. Исследователи художественного творчества указывают на текстовый статус слов-иероглифов [16]. Смысловый ореол и чувственные обертоны иероглифа становятся доступными в ходе сопоставления контекстов, в которых он употребляется. «Каждое слово цепляется невидимыми крючками за ткань соседних стихотворений», а те, в свою очередь, «раскрывают и объясняют друг друга» [3, с. 22]. Термин «иероглифическое слово» фигурирует в названиях и содержании статей А. Бокарева [2, с. 91–95] и Д. Шакурова [14].

В упомянутых литературоведческих работах термин «иероглиф» выступает воплощением неизречённой глубины смысла, для которой А. Лосев использует термин «hyle». Под ним философ подразумевает аспект слова, обнаруживающий бесформенный непрерывно меняющийся контент смысла. Всякая смысловая бесформенность чревата его манифестацией, выявляющейся, согласно А. Лосеву, в «аспекте гилетического» [11, с. 90]. Понятие иероглифа позволяет современной филологии освободиться от пут позитивистской поэтики и оказаться в герменевтической области текста.

Иероглиф принадлежит к сфере не тождественного понятийному знанию *познания*. Парадоксально, однако путь познания лежит через незнание¹. «Относительно того, что мы знаем, мы нуждаемся, чтобы не знать это. Поскольку чем больше мы знаем, тем меньше мы думаем. Чем меньше мы знаем, тем больше мы задумываемся» [10, с. 12]. В познании осуществляется поворот от мира, существующего «самого по себе», к реальности сознания, несомненной «для нас» и, в силу этого, не нуждающейся в подтверждениях или доказательстве. Это поворот от существования к тому, что есть, – самой сущности.

Смысловый контент познания широкий. Познать – «пережить», «разгадать», «овладеть», «вкусить», «отведать», «постигнуть», «прикоснуться», «почерпнуть» и др. Иероглиф приближает к реципиенту допредикативную реальность – «несказанное». Опыт её переживания феноменальный: *несказанное блаженство, несказанное великолетие, несказанное очарование, несказанное удовольствие, несказанная чувство, несказанное изумление* и т.п.

Невозможность выразить смысл несказанного, компенсируется шансом его реализации в творчестве путём *воплощения и изображения*. Сопутствующими продуктами творческой самореализации выступают иероглифические *слова-воплощения* («самовитые слова») и *слова-изображения*. Феномен воплощения презентует самую суть художественной задачи. Воплощение есть принятие плоти – вещественное осуществление. «Воплотить, т.е. овеществить то, что само по себе вещью не является» [12, с. 74]. Слова-воплощения не нуждаются в средствах передачи смысла. Они *сами* (непосредственно) предъявляют его реципиенту.

Концепция «самовитого слова»² – вполне реалистическая попытка воссоздания в слове не опосредованной образами и логическими схемами *самой* жизни [15, с. 24]. Самовитые слова со всей очевидностью говорят сами за себя, не свидетельствуя ничего иного. «Говорящие слова – даже не названия вещей, явлений, а сами характеристики, сами характеризуют. (...) Само слово говорит (...) Само слово есть творчество, а сам язык –

¹ См. «учёное незнание» (Н. Кузанский).

² См. футуристическую концепцию «самовитого слова», «слова как такового», «воскрешенного слова».

поэзия» [17, с. 264]. Слово же, которое, как отмечалось ранее, «говорит мне больше того, что им непосредственно выражается как материальным явлением» [13, с. 324–325], обладает статусом иероглифа.

Искусство говорения характерно не только слова, но и для других поведенческих импликаций – улыбки, взгляда, привычки, поступка и т.д.: *Грустная нежность ее взгляда говорит сама за себя* (Г. Леру *Призрак Оперы*). Говорить – не значит что-то делать. Говорящий не агент деятельности, а *автор*, инструментирующий в слове смысл. Человек *поступает* словом. О словах-поступках писал М. Бахтин, отмечая «слова с камешком в чужой огород», «слова со шпильками», «слова с лазейкой», «слова с оговорками», «слова-намёки», «словесные выпады», «словесные оглядки», «обидные слова» и др. [1, с. 34]. Эпитетами слова («нежное», «жестокое») отмечается режим вербального поведения говорящего.

Бессловесной мысли не существует. Человек поступает слово-мыслью³. В крылатой строчке Ф. Тютчева «Мысль изреченная есть ложь» постулируется невозможность выразить *саму* мысль. Выражение лишает мысль ее подлинности, превращая в образ или в схему. «Мы не можем сделать объектом нашего понимания, не можем заставить существовать для нас предмет, если не превратим его в образ, в концепцию, в идею, иными словами, если он не перестанет быть, тем, что есть, не превратится в тень, в схему самого себя» [12, с. 101].

Невыразимое воплощается в самом звуковом облике иероглифического слова, обладающего смысловой релевантностью для слушателя:

Скажите, что плохого в значении слова *фрукт*? Пожалуй, ничего. Наоборот – значение слова целиком положительно. Почему же тогда мы говорим о человеке *ну и фрукт*, имея в виду какие-то его отрицательные качества? Что позволяет придать этому слову отрицательное признаковое значение, что так резко «сдвигает» это значение в отрицательную сторону? Видимо, в немалой степени его «плохое» звучание» [7, с. 83].

В поэме Н. Гоголя *Мертвые души* для жителей города N говорящим оказывается слово *миллионщик*.

Впрочем, дамы были вовсе не интересанки; виною всему слово «миллионщик», – не сам миллионщик, а именно одно слово; ибо в одном звуке этого слова, мимо всякого денежного мешка, заключается что-то такое, которое действует и на людей подлецов, и на людей ни се ни то, и на людей хороших, – словом, на всех действует (Н. Гоголь *Мертвые души*).

Феноменологическое слово обладает вещными характеристиками и для мифологического сознания само есть вещь⁴. Как и вещь, словом владеют. Слова, как и вещи, *есть* [5,6]. Слова и вещи мифологизируются – наделяются жизнью, вещают: *живое слово, живой звук; Вещи, как живые говорят* (песен.). Вещание – реальность сегодняшнего дня: *радиовещание, совещание, оповещение, повестка, весть* и др.; ср.: *вещать* ‘говорить что-либо важное’, ‘пророчить’ (МАС, 1, 160).

В отличие от сведений, вести не передаются. Вещание – адресный посыл, доходящий или не доходящий до адресата. Искусство вещания не проявляется в коммуникации и не свойственно её единицам. Схема коммуникация: «Я сказал – Ты услышал и понял». Модель вещания: «Говорит *Сам* – слушает и вникает в смысл *Другой*». Не участвует в коммуникации – «он», вне вещания – *этом*.

³ *Предавись думам несказанным, (...) Спешу к местам обетанным* (П. Вяземский).

⁴ Феноменология началась с манифеста Э. Гуссерля «К самим вещам!» (см., в частности, Гуссерль 2009: 280–309; 2011 б: 9–13).

Звучащие в режиме делящейся «вот»-реальности и осознаваемые говорящим как «мои» слова-воплощения противопоставляются словам-идиограммам (греч. «idios» – свой). «Свое» слово («говорить своими словами») не совпадает с самой реальностью. Характер его виртуальный. Виртуальная реальность не сама реальность, а только её приблизительное («мнимое») изображение. Самость слова, как совпадение его с вещью⁵, в изобразительном слове уступает место «другости» – сходству. «Когда сознание работает в режиме воображения, не объекты приходят к нам сами по себе – это мы вызываем их» [12, с. 217].

В отличие от «живого» воплощения, изображение обладает статусом запечатлённого *письменами* иероглифа, с характерной для него архитектурикой⁶. Сходство со срисованной реалией выступает условием wow-эффекта и не тождественно отношениям подобия (соответствия); образ (*vs изображение*); выразительный (*vs четкий, вырисованный*). Изображается не образ, а *эйдос* реалии.

Характер изобразительного слова эмблематический⁷. В отличие от символа, эмблема не имеет семиотических свойств⁸. Дизайн слова-воплощения сменяется «архитектурным» решением, присутствующим в изобразительном слове. «Эмблематичность. Это когда всё обязательно обладает каким-либо смыслом; постфрейдский «просто огурец» в эмблематической ситуации невозможен. «Говорящую архитектуру» придумали задолго до семиотики...» [9].

Изобразительные слова-характеристики принадлежат к области языковой идиоматики: *свинья* – неаккуратность, неопрятность, неблагодарность, *лиса* – хитрость, *заяц* – трусость, *медведь* – неуклюжесть и т.д.

Качеством иероглифичности обладает текст. Без человека текст – набор непонятных «крючков» и «завитушек»⁹. Иероглифичность присуща как линейному, так и пиктографическому тексту. «Не только китайцы читают иероглифы, но и мы также это делаем постоянно. Читая текст, схватываем слово целиком, воспринимаем его как единую структуру и нам в этом помогают предыдущие слова» [8]. Текст допускает «свое» прочтение. Так, В. Березин слово *путешествие* в названии своего романа изобразил как *Путь и шествие* и через своё авторское решение «сиять заставил заново» (В. Маяковский) привычную словарную номинацию.

Таким образом, понятие «иероглиф» ориентирует языкознание на изучение сознания познающего. В опытах познания, не исключая самопознание, становятся доступными реальные и очевидные, однако фактически не данные и не существующие сами по себе феномены сознания. Благодаря иероглифичности преодолевается привязанность к знаку. Языку в версии Ф. де Соссюра противопоставляется язык сущностей, манифестирующий свои смыслы путём вербальных воплощений и изображений. В своём этологическом статусе он обнаруживает черты мифологического сознания и «архитектуру» человеческого мышления. Феноменологический подход открывает перспективу познания воплощённой в языке *haecceitas* (самости) вещей и их изобразительный эйдос (характер) – всё, что человеком распознаётся как «моё» или «свое».

⁵ Ср.: «В самый раз!» – совпадает, подходит.

⁶ Древние китайцы начинали с рисунков: 人 ‘человек’ 木 ‘дерево’, 休 ‘отдых’ (человек возле дерева). Китайскую каллиграфию можно сравнить с живописью. Подобно живописи, это высокое искусство, где присутствует загадочная душа художника.

⁷ Одно из названий средневековых эмблем, в частности родовых гербов, – импреса (от лат. *impressere* – вдавливать, печатать)

⁸ В семиотике эмблему относят к неиконическим, или условным, знакам. Знак солнца (свастика) – символ, изображение месяца – эмблема.

⁹ Текст, по сути, не то, что читают, а то *чем* читают, – инструмент искусства, увеличивающий разрешающую способность сознания человека.

Литература

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / Михаил Бахтин. – М. : Э, 2017. – 637, [1] с.
2. Бокарев, А. С. Иероглифическое слово в лирике Леонида Аронсона / А. С. Бокарев // Вестник КГУ. – 2016. – № 6. – С. 91–95.
3. Герасимова, А. Г. Об Александре Введенском / А. Г. Герасимова. – М. : ОГИ, 2011. – С. 7–24.
4. Гинзбург, Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. – М. : Интрада, 1997. – 239 с.
5. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / пер. с нем. А.В. Михайлова ; вступ. ст. В. А. Куренного. – М. : Академический Проект, 2009. – 375 с.
6. Гуссерль, Э. Логические исследования. Прологомены к чистой логике / пер. с нем. Э.А. Бернштейн ; ред. С. Л. Франк ; новая редакция Р. А. Громова. – М. : Академический Проект, 2011. – Т. I. – 376 с.
7. Журавлев, А. П. Фонетическое значение / А. П. Журавлев. – Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1974. – 175 с.
8. Иероглифическое мышление [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://singaporelj.livejournal.com/6300.html>. – Дата доступа: 05.07.2021.
9. Крамер, А. Критика vs Пиар [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://klausura.ru/2011/11/aleksandr-kramer-kritika-vs-riar/>. – Дата доступа: 06.07.2021.
10. Кохан, Вальтер. Есть ли место философии в деятельности учителя // Учитель наедине с собой. Ред. М. Н. Кожевникова. – Санкт-Петербург : Лема, ФГНУ ИПООВ РАО, 2014. – С. 10–16.
11. Лосев, А. Ф. Методологическое введение / А. Ф. Лосев // Вопросы философии. – 1999. – № 9. – С. 89–97.
12. Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия культуры : [сб. : пер.] / Хосе Ортега-и-Гассет ; [вступ. ст. Г. М. Фридлендера]. – М. : Искусство, 1991. – 586, [1] с.
13. «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Л. Липавский, А. Введенский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «Чинари» в текстах, док. и исслед. : в 2 т. / [отв. ред. В. Н. Сажин]. – М. : Ладомир, 2000. – Т. 1 / Л. Липавский, А. Введенский, Я. Друскин. – 845, [1] с. ; Т. 2 / Д. Хармс, Н. Олейников. – 748, [1] с.
14. Шакуров, Д. Л. Иероглифическое слово в дискурсе ОБЭРИУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:QNaGCT6JQq8Jpdf>. – Дата доступа: 29.06.2021.
15. Щербина, В. Р. Великая Октябрьская революция и проблемы художественного новаторства // Советская литература и мировой литературный процесс. Идеино-эстетические проблемы. – М. : Наука, 1975. – С. 20–34.
16. Эрль, В. И. Несколько слов о Леониде Аронзоне (1939–1970) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/60s/aronzon/erl.htm.pdf>. – Дата доступа: 29.06.2021.
17. Янкоўскі, Ф. М. Само слова гаворыць : філал. эцюды, абразкі, арт. – Мінск : Маст. літ., 1986. – 346 с.

References

- Ânkoŭski Fëdar. (1986). *Samo slova gavoryc'.* *Filalagičnyâ ècûdy,abrazki, artykuly* [The word itself speaks. Philological etudes, icons, articles]. Minsk, Mastackaâ litaratura. (In Belorussian)
- Bahtin M. M. (1979). *Problemy poëтики Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, Sovetskaâ Rossiâ. (In Russian)
- Bokarev A. S. (2016). *Ieroglifičeskoe slovo v lirike Leonidaaronzona* [Hieroglyphic word in the lyrics of Leonid Aronzon]. «Vestnik KGU» № 6, pp. 91–95 (In Russian).
- Druskin A. S. (2000). *Zvezda bessmyslycy* [Nonsense star]. In: «... *Sboriše družej, ostavlennyh sud'boŭ*». A. Vvedenski, L. Lipavskij, A. Druskin, D. Harms, N. Olejnikov: «Činari» v tekstah, dokumentah i issledovaniâh [«... A bunch of friends left by fate». A. Vvedensky, L. Lipavsky, J. Druskin, D. Kharms, N. Oleinikov: «Chinari» in texts, documents and research]: v 2 t. Moscow, Ladomir. T. 1, pp. 323–416. (In Russian)
- Èrl' V.I. *Neskol'koslov o Leonide Aronzone (1939–1970)* [A few words about Leonid Aronzon] (Available at <http://www.ruthenia.ru/60s/aronzon/erl.htm.pdf> (Accessed: 29.06.2021). (In Russian)
- Gerásimova A. G. (2011). *Ob Aleksandre Vvedenskom* [About Alexander Vvedensky]. In: *A.I. Vvedenskij. Vse* [A.I. Vvedensky. Everything]. Moscow, OGI, pp. 7–24. (In Russian)
- Ginzburg L. Â. (1997). *O lirike* [About the lyrics]. Moscow, Intrada. (In Russian)
- Gusserl' Èdmund. (2009). *Idei k čistoj fenomenologii ifenomenologičeskoj filosofii* [Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy]. Kniga pervââ. Per. s nem. A. V.Mihajlova; vstup. st. V.A. Kurenno. Moscow, Akademičeskij Proekt. (In Russian)
- Gusserl' Èdmund. (2011b). *Logičeskie issledovaniâ* [Logical research]. T. II. Č. 1: *Issledovaniâ po fenomenologii i teorii poznaniâ* [Research in Phenomenology and Theory of Knowledge]. Per. s nem. V.I. Molčanova. Moscow, Akademičeskij Proekt. (In Russian)
- Gusserl' Èdmund. (2011a). *Logičeskie issledovaniâ* [Logical research]. T.I: *Prolegomeny k čistoj logike* [Prolegomena to Pure Logic]. Per.s nem. È. A. Bernštejn. Ed. S. L.Frank; novaâ redakciâ R. A. Gromova. Moscow, Akademičeskij Proekt. (In Russian)

Ieroglifičeskoe myšlenie [Hieroglyphic thinking]. (Available at) <https://singaporelj.livejournal.com/6300.html> (Accessed: 05.07.2021). (In Russian)

Kobrin'skij A. A. (2013). *Poètika OBÈRIU v kontekste russkogoliteraturnogo avangarda XX veka* [Poetics OBÈRIU in the context of the Russian literary avant-garde of the XX century]. Saint Petersburg, Svoe izdatel'stvo. (In Russian)

Kohan Val'ter. (2014). *Est' li mesto filosofii v deatel'nostiučitelâ* [Is there a place for philosophy in the activities of a teacher]. In: *Učitel' naedine s soboj* [The teacher is alone with himself]. Ed. M.N. Koževnikova. Saint Petersburg, «Lema», FGNU IPOOV RAO, pp. 10–16. (In Russian)

Konovalova A. Ū. (2005). *Èstetika i poètika obèriutov* [Aesthetics and poetics of the Oberiuts]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Birk. (In Russian)

Kramer Aleksandr. (2017). *Kritika vs Piar* [Criticism vs PR]. «Klouzura» (Available at) <https://klouzura.ru/2011/11/aleksandr-kramer-kritika-vs-piar/> (Accessed: 09.07.2021). (In Russian)

Lenin V.I. (1978). *Filosofskie tetradì* [Philosophical notebooks]. Moscow, Izdatel'stvo političeskoj literatury. (In Russian)

Losev A.F. (1999). *Metodologičeskoe vvedenie* [Methodological introduction]. «Voprosy filosofii» № 9, pp. 89–97. (In Russian)

Odesskij M.P. (2004). *Poètika russkoj dramy: vtorââ polovina XVII – pervââ tret' XVIII v.* [Poetics of Russian drama: the second half of the 17th century – the first third of the 18th century]. Moscow, RGGU. (In Russian)

Ortega-i-Gasset Hosse. (1991). *Èstetika. Filosofîâ kul'tury* [Aesthetics. Philosophy of culture]. Perevody. Moskva: Iskusstvo. (In Russian)

Rymar' A.N. (2004). *Semantičeskie sredstva ukazaniâ naasemantičeskoe v poètike Vvedenskogo i problema «adekvatnogo» analiza* [Semantic means of pointing to the asemantic in Vvedensky's poetics and the problem of «adequate» analysis]. In: *Aleksandr vvedenskij i russkij avangard* [Alexander Vvedensky and the Russian avant-garde]: Materialy meždunarodnoj naučnoj konferencii. Ed. A. Kobrin'skij. Saint Petersburg, pp. 67–68. (In Russian)

Šakurov D. L. *Ieroglifičeskoe slovo v diskurse OBÈRIU* [Hieroglyphic word in OBÈRIU discourse]. (Available at) <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:QNaGCT6JQq8I.pdf> (Accessed: 29.06.2021). (In Russian)

Šerbina V. R. (1975). *Velikaâ Oktâbr'skaâ revolūcija i problemyhudožestvennogo novatorstva.* [The Great October Revolution and the Problems of Artistic Innovation]. In: *Sovetskaâ literatura i mirovoj literaturnyjprocess. Idejno-èstetičeskie problemy* [Soviet literature and the world literary process. Ideological and aesthetic problems]. Moscow, Nauka, pp. 20 – 34. (In Russian)

Žuravlev A. P. (1974). *Fonetičeskoe značenie* [Phonetic meaning Leningrad]. Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russian)

УДК 81'373.612.2

ФИЛОСОФСКИЙ ПЛАН СОДЕРЖАНИЯ В ЭСТЕТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

С.Н. Стародубец,

доцент, доктор филологических наук, профессор
кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени ак. И.Г. Петровского»
г. Брянск, Российская Федерация
E-mail: starodubets.madam@yandex.ru

В работе рассматривается вопрос экспликации и импликации философского плана содержания в эстетическом дискурсе на примере стихотворений Ф.И. Тютчева. С применением лингвостилистического метода установлено, что философский план содержания в произведениях Ф.И. Тютчева может быть представлен как: эксплицированный в дискурсе посредством маркированных философским планом содержания синтаксических конструкций, посредством синкретичных синтаксических конструкций, являющихся результатом взаимодействия образно-эстетического и философского плана содержания. Наиболее продуктивным способом реализации философского плана содержания является имплицирование средствами композиции всего стихотворения в целом. Делается вывод о том, что синтез философского и художественного, художественного и философского в русской лингвокультуре бинарен: философская форма – эстетическое содержание (как-философская структурно-семантическая модель), художественная форма – философское содержание (как-художественная структурно-семантическая модель).

Ключевые слова: дискурс, план содержания, словесный ряд, как-философский, как-художественный текст.

PHILOSOPHICAL CONTENT PLAN IN AESTHETIC DISCOURSE

S.N. Starodubets,

associate professor, doctor of philology, professor of department of socio-economic and humanities

FSBOU VO "Bryansk State University named after ak. I.G. Petrovsky "

Bryansk, Russian Federation

E-mail: starodubets.madam@yandex.ru

The paper discloses the issue of explication and implication of the philosophical plan of content in aesthetic discourse on the example of poems by F.I. Tyutchev. With the use of the linguistical method, it was established that the philosophical content plan in the references of F.I. Tyutchev can be represented as: explicated in the discourse by means of a labeled philosophical plan for the content of syntactic conventions, by means of syncretic syntactic structures, which are the result of the interaction of the forms-aesthetic and philosophical content plan. The most promotable way to implement the philosophical content plan is the implications of the composition of the composition of the entire poem as a whole. The conclusion is concluded that the sintez of philosophical and artistic, artistic and philosophical in the russian lingure binary: philosophical form – aesthetic content (as-philosophical structural-semantic model), artistic form – philosophical content (as-artistic structural-semantic model).

Key words: discourse, content plan, verbal row, as-philosophical, as-artistic text.

Традиционно термин «план содержания» применяется к языковым единицам разных уровней, начиная с морфемы и заканчивая сферхфразовым единством, текстом.

С позиции семиотического направления термин «план содержания» эквивалентен термину «значение» (который является, с этой точки зрения, атрибутом естественного языка), однако уже в работах Ю.М. Лотмана он употребляется несколько иначе, что впоследствии определяет современное когнитивное его толкование.

Опираясь на понимание языка художественного произведения как вторичной системы, которая «как бы надстраивается над естественным языком» [6, с. 3], можно утверждать, что *план содержания в эстетическом (и поэтическом) дискурсе* есть семантический инвариант, вариативно выраженный (эксплицитный) и не выраженный языковыми средствами (имплицитный), преопределенный авторской (концептуальной) картиной мира, и следовательно, выражающий авторскую оценку.

Семантическими вариантами мы считаем выделенные И.Р. Гальпериным типы информации в художественном тексте:

✓ содержательно-фактуальную, содержащую сообщения о фактах, событиях (обычно выражена языковыми средствами);

✓ содержательно-концептуальную, отражающую индивидуально-авторское понимание действительности (может быть как выраженной, так и невыраженной языковыми средствами);

✓ содержательно-подтекстовую, представляющую собой только скрытый смысл, не выраженный языковыми средствами [3, с. 27–28].

В свою очередь планом выражения в эстетическом дискурсе, как правило, признается языковой материал.

Очевидно, что такое понимание условно, ибо в художественном тексте все выражается словесно.

В этой связи продуктивной нам представляется точка зрения А.И. Горшкова (развивающая идеи В.В. Виноградова), в соответствии с которой одной из доминирующих составляющих плана выражения в эстетическом (а следовательно, и поэтическом) дискурсе признается *словесный ряд*, «представленная в тексте последовательность (не обязательно непрерывная) языковых единиц разных ярусов, объединенных композиционной ролью и соотносительностью с определенной сферой языкового употребления или с определенным приемом построения текста» [4, с. 160], «создающий образ автора и образующий в своем развертывании языковую композицию текста» [4, с. 247–250]. По мнению А.И. Горшкова, словесные ряды могут быть выделены по различным

признакам, главными из которых являются соотнесенность с определенной сферой языкового употребления и с определенным приемом построения текста. Композиция в свою очередь понимается «как система динамического развертывания словесных рядов в сложном словесно-художественном единстве» [2, с. 75].

Очевидно, целью семантико-стилистического анализа эстетического (а потому и поэтического) дискурса является взаимообусловленное декодирование (наиболее объективное) элементов всех уровней плана содержания (ПС) и плана выражения (ПВ).

Действительно, жесткой схемы анализа ПС и ПВ привести невозможно, так как в каждом конкретном случае она будет уточняться (расширяться или сужаться) в зависимости от особенностей самого текста.

Тем не менее попытаемся обратиться к истолкованию ПС и ПВ отдельных стихотворений Ф.И. Тютчева.

Как известно, Ф.И. Тютчев является представителем поэзии философской, но последнее отнюдь не означает, что языковой строй его стихотворений насыщен философскими афоризмами или традиционной философской терминологией. Философской его поэзия признается именно потому, что Ф.И. Тютчев в своих стихотворениях дал собственное неповторимое художественное решение философских проблем жизни и ее течения во времени.

На наш взгляд, философский ПС в стихотворениях Ф.И. Тютчева может быть представлен как:

✓ эксплицированный в дискурсе посредством маркированных философским ПС синтаксических конструкций, к примеру представленных моделью «А есть В», реализуемой авторское дефинирование: «*В разлуке есть высокое значенье: Как ни люби, хоть день один, хоть век, **Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье...***» [12, с. 96], «*Цивилизация – для них **фетиш**, Но недоступна им ее идея*» («Напрасный труд...») [12, с. 239], «*... Что **пережить – не значит жить...***» («Графине А.Д. Блудовой») [12, с. 229]. (Для сравнения можно привести отрывок из стихотворения Вл. Соловьева «Если желанья бегут, словно тени...»: «*Высшую силу в себе созная, Что ж толковать о ребяческих снах? Жизнь только подвиг, – и правда живая Светит бессмертием в истлевших гробах*» [8, с. 83–84].)

✓ эксплицированный в дискурсе посредством синкретичных синтаксических конструкций, являющихся результатом взаимодействия образно-эстетического и философского ПС, к примеру представленных моделью «А, как В», реализуемой образно-авторское дефинирование: «*Здесь **дым** один, как **пятая стихия**, Дым – безотрадный, бесконечный дым!*» («Дым») [12, с. 235];

✓ имплицитный в дискурсе и репрезентируемый адресатом посредством анализа композиции всего стихотворения в целом (см. ниже анализ стихотворения «Как над горячею золой...»).

Наиболее продуктивной репрезентацией философского ПС в стихотворениях Ф.И. Тютчева является имплицитное, что бесспорно обусловлено спецификой самого эстетического, а значит, и поэтического дискурса.

Проанализируем с этих позиций стихотворение «Как над горячею золой...»:

Как над горячею золой
Дымится свиток и сгорает,
И огонь сокрытый и глухой,
Слова и строки пожирает,

Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днем уходит дымом;
Так постепенно гасну я

В однообразье нестерпимом!..
О небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле,
И, не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы – и погас! (Ф.И. Тютчев, 1986, 45).

Можно отметить, что в приведенном стихотворении четко выделяются две композиционные части: 1 – повествует о предметном мире, 2 – непосредственно о чувствах и переживаниях лирического героя. Как отмечает Е.А. Некрасова: «...такое построение стихотворения как бы возвращает читателя назад, к уже прочтенным строкам, чтобы еще раз их перечесть, но уже с иной точки зрения – в сопоставлении с чисто индивидуальными ассоциациями и размышлениями. Поэт не подсказывает конкретного аналога в духовном мире человека, а предоставляет каждому строить сопоставление, наполнять указанное поэтом сходство объективного и субъективного мира своим содержанием» [7, с. 15]. Очевидно, что при таком построении стихотворения смысл рождается из взаимодействия частей: «Третья часть – желаемое. Жизнь уподобляется свитку, сгорающему на огне, вследствие чего огонь становится символом среды, сферы существования» [5, с. 24–25].

Композиционно заданное сопоставление такого типа, называемое, как известно, психологическим параллелизмом (как известно, языковые явления, зияющие на оппозиции природа-человек, представляют собой результат художественной трансформации психологического параллелизма [1, с. 137]), на языковом уровне поддерживается словесными рядами, о которых мы говорили выше: таковыми признаем, с одной стороны, символическую параллель *свиток – жизнь* и систему языковых единиц, реализующую ее сочетаемость («дымится свиток» – «тлится жизнь», «сгорает» – «гаснет»), «скрещивающуюся» в метафоре «*уходит дымом*»; с другой стороны, местоименно-союзную параллель «*как...и..., так, так*», формирующую сопоставление на синтаксическом уровне посредством сложноподчиненного предложения.

Кроме этого, особую композиционную значимость имеет языковой словесный ряд «*огонь – пламень*», по прочтении стихотворения возвращающий читателя к его началу. Названная языковая синонимия в контексте реализует следующие ассоциации: «*огонь ... пожирает*», «*пламень ... развился по воле*».

Именно имплицитный способ репрезентации философского ПС в стихотворениях Ф. И. Тютчева, на наш взгляд, является наиболее продуктивным. Следует, однако, отметить, что представленная в стихотворении «Как над горячею золой...» так называемая 3-я часть (желаемое) в других стихотворениях обычно не выражена языковыми средствами. Например, в стихотворении «Фонтан» основу композиции составляет словесный ряд «*фонтан*» – «*водовет мысли*», тем не менее осознание неизбежности разочарования в мечтаниях скрыто подтекстом.

Можно назвать несколько наиболее известных стихотворений, реализующих названный способ: «Смотри, как на речном просторе...», «Как неожиданно и ярко...», «Как летней иногда порою...», «Я встретил вас – и все былое...», «Нет дня, чтобы душа не ныла...» и др.

Таким образом, продуктивным способом выражения философского плана содержания в поэтическом дискурсе является словесно-композиционный ряд, представляющий, с одной стороны, инвариантную импликацию контекстуальной сочетаемости составляющих его единиц, а с другой стороны, инвариантную импликацию смысловых наращений, декодируемых посредством анализа композиции самого стихотворения, индивидуального стиля поэта (писателя) в целом, совокупности экстралингвистических факторов.

Полагаем, что философское и художественное осмысление мира представляют собой в русской культуре рационально-иррациональный синтез, который методически организован «вчувствованием в предмет» [9, с. 486]. Поэзия Ф.И. Тютчева представляет собой философско-эстетический синтез плана содержания языковых единиц в художественном тексте, – синтез, при котором философско-эстетический план содержания языковых единиц есть результат трансформации узуального значения слова в символическое контекстуальное значение, обусловленное влиянием философии на эстетику. (См. также [10], [11].)

Синтез философского и художественного, художественного и философского в русской лингвокультуре бинарен: философская форма – эстетическое содержание (как-философская структурно-семантическая модель), художественная форма – философское содержание (как-художественная структурно-семантическая модель).

Литература

1. Артеменко, Е.Б. Принципы народно-песенного текстообразования / Е.Б. Артеменко. – Воронеж, Изд-во Воронежского госуниверситета, 1988. – 173 с.
2. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.
3. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – 3-е изд. стер. – М.: УРСС, 2005. – 137 с.
4. Горшков, А.И. Русская стилистика : учеб. пособие / А.И. Горшков. – М.: Астрель, 2001. – 366 с.
5. Григорьева, А.Д. Слово в поэзии Ф.И. Тютчева / А.Д. Григорьева. – М.: Наука, 1980. – 248 с.
6. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
7. Некрасова, Е.А. Поэзия мысли / Е.А. Некрасова // Русская речь. – 1983. – № 6. – С. 15–17.
8. Соловьев, В.С. «Неподвижно лишь солнце любви...» Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников / В.С. Соловьев. – М.: Московский рабочий, 1990. – 444 с.
9. Стародубец, С.Н. Рациональный и эмоциональный синтез философского и художественного текстов в русской лингвокультуре / С.Н. Стародубец // Рациональное и эмоциональное в русском языке: Международный сборник научных трудов. – М.: МГОУ, 2012. – С. 486–491.
10. Стародубец, С.Н. Эстетический фокус языка русской религиозной философии И.А. Ильина / С.Н. Стародубец. – Брянск: ООО «Аверс», 2018. – 170 с.
11. Стародубец, С.Н. Язык религиозной философии И.А. Ильина как эстетический феномен / Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 2-2. – С. 556–559.
12. Тютчев, Ф.И. Стихотворения. Письма / Ф.И. Тютчев. – М.: Правда, 1986. – 488 с.

Literatura

1. Artemenko E.B. (1988) *Principy narodno-pesennogo tekstoobrazovaniia*. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo gosuniversiteta. (In Russ).
2. Vinogradov V.V. (1963) *Stilistika. Teoriia poeticheskoi rechi. Poetika*. Moscow, Izd-vo AN SSSR. (In Russ).
3. Galperin I.R. (2005) *Tekst kak obekt lingvisticheskogo issledovaniia*. Moscow, URSS. (In Russ).
4. Gorshkov A.I. (2001) *Russkaia stilistika: ucheb posobie*. Moscow, Astrel. (In Russ).
5. Grigoreva A.D. (1980) *Slovo v poezii F.I. Tiutcheva*. Moscow, Nauka. (In Russ).
6. Lotman Iu. M. (1970) *Struktura khudozhestvennogo teksta*. Moscow, Iskusstvo. (In Russ).
7. Nekrasova E.A. (1983) *Poeziia mysli*. Russkaia rech. № 6. S. 15-17. (In Russ).
8. Solovov V.S. (1990) «*Nepodvizhno lish solntce liubvi...*» *Stikhotvoreniia. Proza. Pisma. Vospominaniia sovremennikov*. Moscow, Moskovskij rabochij. (In Russ).
9. Starodubets S.N. (2012) *Ratsionalnyi i emotsionalnyi sintez filosofskogo i khudozhe-stvennogo tekstov v russkoi lingvokulture*. Ratsionalnoe i emo-tcionalnoe v russkom iazyke: Mezhdunarodnyi sbornik nauchnykh trudov. M., MGOU, 2012. S. 486-491. (In Russ).
10. Starodubets S.N. (2018) *Esteticheskii fokus iazyka russkoi religioznoi filosofii I.A. Ilina*. Briansk: ООО «Avers». (In Russ).
11. Starodubets S.N. (2015) *Iazyk religioznoi filosofii I.A. Ilina kak esteticheskii fenomen*. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2015. № 2-2. S. 556-559. (In Russ).
12. Tiutchev F.I. (1986) *Stikhotvoreniia. Pisma*. Moscow, Pravda. (In Russ).

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ТЕКСТОВ И ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ТЕКСТОТИПОВ

УДК 81'33

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫЙ ДИСКУРС КАК ОСОБЫЙ ВИД ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

И.П. Азевич,

аспирант Витебского государственного университета имени П.М.Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь
E-mail: drozd2929@mail.ru

В представленной статье анализируются характеристики судебного-экспертного дискурса как особого вида институционального дискурса, выявляются его основные системообразующие признаки. С помощью сравнительного и описательного методов выявлены особенности судебного-экспертного дискурса через призму сравнения его с юридическим и научным дискурсами. На основе выявленных специфических черт судебного-экспертного дискурса сформулировано определение данного явления. Делается вывод о функциональных характеристиках судебного-экспертного дискурса, которыми являются информативность, рациональность, доказательность, обоснованность, всесторонность, а также аргументативность.

Ключевые слова: судебно-экспертный дискурс, судебная лингвистическая экспертиза, институциональный дискурс, аргументативность.

JUDICIAL DISCOURSE AS A SPECIAL KIND OF INSTITUTIONAL DISCOURSE

I.P. Azevich,

post-graduate student of Vitebsk State University named after P.M. Masherov,
Vitebsk, Republic of Belarus
E-mail: drozd2929@mail.ru

The presented article analyzes the characteristics of forensic discourse as a special type of institutional discourse, identifies its main system-forming features. Using comparative and descriptive methods, the author reveals the features of forensic discourse through the prism of comparing it with legal and scientific discourses. Based on the identified specific features of forensic discourse, the definition of this phenomenon is formulated. A conclusion is made about the functional characteristics of forensic expert discourse, which are informativeness, rationality, evidence, validity, comprehensiveness, as well as argumentativeness.

Key words: forensic discourse, forensic linguistic expertise, institutional discourse, argumentation.

Введение

Со второй половины XX века и по настоящее время большое внимание по-прежнему уделяется анализу проблем, связанных с дискурсом. Множество подходов к определению данного явления (существуют лингвистический, философский, исторический, психологический, литературоведческий, социологический и др. подходы) продиктованы сложностью, многогранностью данного коммуникативного явления, его междисциплинарной природой.

Цель и задачи

Цель данной научной статьи состоит в выявлении специфических особенностей судебного-экспертного дискурса и его конститутивных признаков через призму сравнения его с научным и юридическим и соотносении с институциональным дискурсом.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:
обозначить особенности институционального дискурса;

выделить схожие и различающиеся признаки судебно-экспертного научного и юридического дискурса;

определить специфические черты судебно-экспертного дискурса как институционального дискурса, сформулировать определение данного понятия.

Методы и материалы исследования

Для решения задач исследования проанализированы тексты судебных лингвистических экспертиз, выполненные экспертами-лингвистами управления технических экспертиз управления Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь по Витебской области в период с 01.02.2021 по 01.08.2021. В работе использованы сравнительно-описательный метод, метод анализа и синтеза, обобщения, описания и систематизации.

Результаты и их обсуждение

В статье «О типах дискурса» В.И. Карасик, один из авторитетнейших специалистов в области теории дискурса, описывает это понятие «как текст, погруженный в ситуацию общения, который допускает множество измерений. С позиций прагмалингвистики дискурс представляет собой интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения, определение коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного содержания» [2, с. 6]. Некоторые ученые отождествляют дискурс с определенной текстовой структурой, которая, однако, обусловлена социальным контекстом [3, с. 35]

В.Е. Чернявская широко определяет дискурс и трактует его как «текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим все то, что существенно для порождения данного высказывания/текста, в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом» [4, с. 135]. По ее мнению, «текст – это результат коммуникативно-речевой деятельности, та структура, которая возникает в ходе этой деятельности – структура, имеющая свои внутренние внутритекстовые закономерности, связывающая последовательность высказываний в единую текстовую систему соответственно критериям текстуальности» [4, с. 134]. Следовательно, дискурс может быть описан как структура, в которой отражается речевая реальность.

Определяя дискурс как интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, учеными выделяются (в зависимости от ориентированности общения) два его основных типа: персональный, или личностно-ориентированный, и институциональный (статусно-ориентированный) [2, с. 8]. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира во втором случае – как представитель определенного социального института, в рамках определенных статусных отношений.

При описании типов институционального дискурса исследователями учитываются следующие компоненты: 1) участники дискурса – представители той или иной социальной группы, вступающие в общение и исполняющие определенные коммуникативные роли (фактор адресанта и адресата); 2) хронотоп – время и место коммуникативных контактов; 3) цель дискурса – предполагаемый результат коммуникации, обусловленный причинами конструирования и реализации дискурса; 4) система базовых ценностей определяется миссией конкретного институционального дискурса и характерными для сферы его функционирования определенными кодексами; 5) способы общения (стратегии и тактики); 7) жанры институционального дискурса; 8) прецедентные (культурогенные) тексты, на

основе которых выстраивается весь корпус внутренней и внешней институциональной коммуникации, определяются ее миссия, кредо, базовые стратегические установки, нормативные положения и др.; 9) дискурсивные формулы, свойственные общению в данном социальном институте [2, с. 11]. Кроме того, для выявления особенностей институционального дискурса целесообразно учитывать такие критерии, как основа коммуникативной направленности, наличие или отсутствие оценочности, а также характер отправной точки для создания текста [1, с. 64]. В данной работе для описания судебно-экспертного дискурса как институционального выбраны следующие критерии: *сфера функционирования, участники общения (фактор адресанта и адресата), хронотоп, коммуникативная цель (основа коммуникативной направленности), жанры дискурса, наличие или отсутствие оценочности, характер отправной точки для создания текста, характерные дискурсивные формулы.*

Судебно-экспертный дискурс предполагает общение в рамках статусных отношений (эксперт как одна из сторон коммуникативных отношений является представителем экспертного учреждения, которое выполняет поставленные перед ним задачи). С целью выявления специфических черт судебно-экспертный дискурс рассмотрен в сравнении с юридическим, с которым он сближается по своей *сфере функционирования* (область права), и научным, с которым близок наличием информационной составляющей (лингвистическое исследование, анализ текста).

Основной задачей судебной лингвистической экспертизы является исследование устных и письменных текстов для решения задач их смыслового понимания и определения в них криминалистически значимой информации. *Участниками* в данных отношениях выступают эксперт, с одной стороны, и лицо, инициирующее проведение экспертизы (чаще инициаторами выступают органы дознания, предварительного следствия, судебные органы, а также физические лица), с другой стороны. Несмотря на то, что взаимодействие участников происходит в юридической плоскости, задача эксперта – дать заключение на основе лингвистического исследования объекта, с применением научно-обоснованных методов эмпирического познания в рамках существующего законодательства. Время и место экспертных исследований строго определены: как правило, в течение 30 календарных дней с момента регистрации в экспертном учреждении постановления о назначении судебной лингвистической экспертизы эксперту необходимо провести исследование (сообщения о невозможности дачи заключения в указанный срок не входят).

Основа коммуникативной направленности судебно-экспертного дискурса – установление смыслового содержания текста, его пояснение. *Коммуникативная цель* юридического дискурса – регулирование общественных отношений. *Отправной точкой для создания текста* юридического дискурса является конфликтная ситуация, спор, который порождает его диалогичность. Научный дискурс сочетает в себе ориентированность на полемику и информативность (направлен на выдвижение результата, полученного эмпирическим путем). Судебно-экспертный же дискурс предполагает монологичность, отсутствие конфликтной ситуации и ориентацию не на убеждение, а на информативность.

Цель функционирования институционального дискурса предполагает наличие или отсутствие оценочности (приема субъективации, позволяющего передать авторскую позицию) в его текстовой системе. Убеждающая функция юридического дискурса обосновывает в своей структуре оценочный компонент, первичная же информативная цель текста сводит до минимума этот компонент. Исходя из задач судебной лингвистической экспертизы, эксперт не имеет права эмоционально, экспрессивно оценивать тексты.

Фактор адресата также играет важную роль при построении того или иного дискурса. Для юридического и научного дискурса характерен многоликий, непersonифицированный адресат. В судебно-экспертном дискурсе текст предназначен для определенного круга пользователей, четко очерченного правовыми актами.

Адресант в юридическом дискурсе, как правило, персонализированный, конкретный (например, юридическая консультация адвоката, обвинительная речь прокурора, претензионный иск юрисконсульта предприятия и т.д.), обладает такими качествами, как компетентность, дидактичность, заинтересованность. В научном и судебно-экспертном дискурсе *адресант* также обладает персонализированностью, компетентностью, дидактичностью, однако не заинтересован, чтобы его мнение стало основополагающим для адресата. В судебно-экспертном дискурсе адресант обладает специальными, уникальными компетенциями, определенными полномочиями, которыми наделен законодательными актами.

Юридический и научный дискурсы характеризуются *жанровым многообразием* (в юридическом – жалоба, исковое заявление, протоколы следственных действий, обвинительный акт, защитительная речь и т.д., в научном – монография, диссертация, научная статья, рецензия, доклад, реферат, отчет и др.), судебно-экспертный дискурс предполагает наличие исчерпывающего перечня жанров, среди которых заключение эксперта, справка эксперта.

Дискурсивные формулы как «своеобразные обороты речи, свойственные общению в соответствующем социальном институте» [2, с. 15] в научном и юридическом дискурсах разнообразны. Каждый *жанр* отличается своим набором таких формул. Так, для текстов заключений эксперта характерен строго определенная структура, специфические способы и средства аргументации в тексте. Общие специфические особенности указанных дискурсов представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Сравнительная таблица особенностей судебно-экспертного дискурса и дискурсов юридического и научного

Критерий сравнения	Юридический дискурс	Научный дискурс	Судебно-экспертный дискурс
Сфера функционирования	Область права	Научная среда	Область права
Коммуникативная направленность	Диалогичность	Монологичность в сочетании с диалогичностью	Монологичность
Отправная точка для создания текста	Спор	Научное познание	Задание
Первичная цель	Убеждающая	Информативная	Информативная
Фактор адресата	Неперсонализированный	Неперсонализированный и персонализированный	Персонализированный
Фактор адресанта	Персонализированный Заинтересован	Персонализированный Не заинтересован	Персонализированный Не заинтересован
Оценочность	Присутствует	Присутствует	Не присутствует
Жанровое своеобразие	Богатство жанров	Богатство жанров	Исчерпывающий перечень жанров
Дискурсивные формулы	В зависимости от жанра	В зависимости от жанра	Жесткая структура, специфические способы и средства аргументации

Выводы

Таким образом, судебно-экспертный дискурс является институциональным дискурсом, так как общение между его участниками предполагается в рамках статусных отношений: с одной стороны – эксперт, с другой стороны – лицо, инициирующее проведение экспертизы (представители органов дознания, предварительного следствия, судебных органов, а также физические лица). Помимо специфических участников судебно-экспертного дискурса среди других его конститутивных признаков отмечаются специфические коммуникативная цель, жанры, характер отправной точки для создания текста, дискурсивные формулы, отсутствие оценочности.

Характерные особенности, выявленные через сравнение его с юридическим и научным дискурсами, позволяют выделить судебно-экспертный дискурс как самостоятельное образование среди других институциональных дискурсов и сформулировать определение данного понятия: под судебно-экспертным дискурсом мы понимаем регламентируемую законодательными актами интеллектуальную деятельность лиц (обладающих специальными, уникальными, знаниями в какой-либо области) на профессиональной основе, направленную на выявление криминалистически значимой информации и закрепление ее в документе, который может являться доказательством в правовом споре.

Литература

1. Алехина, Н. В. Институциональные дискурсы в лингвистическом изучении / Н. В. Алехина // Молодой ученый. – 2020. – № 41 (331). – С. 64–66.
2. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.
3. Красных, В. В. Исследования дискурса в эпоху неопозитивизма / В. В. Красных // Человек и его дискурс – 6: дигитализация коммуникативных практик : коллективная монография / отв. ред. М.Р. Желтухина. – Волгоград, 2020. – С. 24–37.
4. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.

References

1. Alekhina, N.V. (2020). Institutional discourses in linguistic study. *Young scientist*. No. 41 (331). P. 64–66.
2. Karasik, V. I. (2000). On the types of discourse. *Linguistic personality: institutional and personal discourse: collection of scientific tr.* Volgograd, p. 5–20.
3. Krasnykh, V. V. (2020). Studies of discourse in the era of neo-positivism. *Man and his discourse-6: digitalization of communicative practices: a collective monograph / ed. by M. R. Zheltukhin.* – Volgograd, p. 24–37.
4. Chernyavskaya, V. E. (2009). *Linguistics of the text: Polycode, intertextuality, interdiscursivity.* Moscow, Book House «LIBROCOM», 248 p.

УДК 811.161.1 '42

О СТРУКТУРНЫХ ТИПАХ ДЕТЕРМИНОЛОГИЗИРОВАННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОЕДИНИЦ В НЕНАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Л.А. Богданович

аспирант кафедры белорусской и русской филологии
Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: larisa.blishch@yandex.ru

Изучение взаимосвязи языковедческих слов-терминов и возможности передачи образной информации через них адресату (читателю) представляет большой интерес. В ходе корпусного исследования были зафиксированы примеры детерминологизированной лингвистической терминологии, функционирующей вне научного дискурса, сделан вывод о способности лингвистических терминов разных структурных типов в нелингвистических контекстах участвовать в формировании образных представлений о чём-либо.

Ключевые слова: термин, образность, детерминологизация, художественный текст, журналистика.

ABOUT DETERMINOLOGIZED STRUCTURAL TYPES OF LINGUISTIC TERM UNITS IN A NON-SCIENTIFIC DISCOURSE

L.A. Bogdanovich

post-graduate student of the Department of Belarusian and Russian Philology
of Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: *larisa.blishch@yandex.ru*

The study of the relationship of linguistic words-terms and the possibility of transmitting figurative information through them to the addressee (reader) is of great interest. In the course of the corpus study, examples of determinologized linguistic terminology functioning outside of scientific discourse were recorded, and a conclusion was made about the ability of linguistic term units of different structural types in non-linguistic contexts to participate in the formation of figurative ideas about something.

Key words: term, linguistic term, figurative meaning, determinologization, artistic text, journalism.

Введение

Актуальность настоящего исследования определяется всё большей интенсификацией употребления лингвистической терминологии в поэзии и текстах средств массовой информации и попыткой создания с их помощью ярких художественных образов. Это приводит к формированию ощущений, представлений и образов в ментальном поле реципиента в процессе чтения текстов с употреблением несвойственных для данного вида дискурса слов, в данном случае [6, с. 3].

Заявленная цель исследования определила постановку **задач**:

- выявить используемые лингвистические термины в поэзии и текстах СМИ, ориентированные на адресата (читателя) с целью активизации в его сознании образных представлений;

- выявить наиболее значимые структурные типы детерминологизированных языковедческих терминов на материале фрагментов, извлечённых методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) в проекции на классификацию структурных типов терминов В.П. Даниленко;

- охарактеризовать выявленные единицы как средства создания художественной образности в языке поэзии и СМИ.

Методы и материал исследования

Материалом для исследования послужила лингвистическая терминология, функционирующая в нелингвистических контекстах, извлечённая методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка (поэтический и газетный подкорпусы). Использовались такие методы исследования, как структурно-семантический, компонентный, контекстуальный и дефиниционный.

Результаты и их обсуждение

Широко известно, что особым видом речевой деятельности является поэтическая деятельность. О.Г. Винокур трактует понятие «поэтический язык» как «язык, употребляемый в поэтических произведениях», представляющий собой «особый стиль речи в ряду других». По мнению учёного, язык лирики поэтичен по своей природе и обладает особыми экспрессивными качествами: в процессе знакомства с произведением, у читателя возникает представление об особом «поэтическом мире», с другой стороны, речь идёт об авторском выражении особого «поэтического настроения» [3, с. 25–26].

В основу различий художественных и нехудожественных текстов положена их направленность на различные типы мыслительной деятельности, а именно – образное и логическое [6, с. 18].

С позиций образности поэтический текст – основной источник «лингвокреативной деятельности художника слова» [10, с. 136], а одной из основных особенностей

поэтического языка можно считать отбор индивидуально-авторских лексических средств для создания специфической картины мира самого поэта [8, с. 213]. К таким средствам правомерно отнести и лингвистическую терминологию, функционирующую за пределами своей собственной области знания – лингвистики. В настоящее время авторы всё чаще вводят в контекст термины (лингвистические), наделяя их особыми функциями и смыслами.

Целью журналистского словотворчества является оказание влияния на массового адресата, что в свою очередь обуславливает повышение эмоциональности и определяет его прагматическую направленность, предполагающую преобладание коммуникативной стратегии убеждения [1, с. 17]:

• Ты – **метафора**, ты – **знак**, ты вытащил меня из проруби и тем нарушил порядок вещей, — доверительно говорит криминальный авторитет своему спасителю (Наталья ВОЛОШИНА. Зачем вернулся этот «Титаник»? // Комсомольская правда, 2005.02.02);

• Была конюшня до революции рядом с полем Всеобуча в Сокольниках, на месте стадиона на Песчаной располагались конюшни ипподрома, а в бытность армейской спортбазы на территории Центрального военного санатория команда вообще жила... в конюшне (перестроенной, конечно) князя Юсупова. **Метонимия** по территориальной смежности, скажут лингвисты. Спартакотцы всегда были торговцами, так как команда принадлежала Промкооперации, в которую входили колхозные и прочие рынки, но изначально «Спартак» связывали исключительно с торговлей продуктами питания, потому как первое название команды – «Пищевик» (Дмитрий Гуманов. Почему «Спартак» называют «мясо». «ССФ» выяснил, откуда у фанатов берутся прозвища // Советский спорт, 2012.01.17);

• Помимо этого в политический блок вопросов войдет «**модальность** проведения выборов», но эта тема, как отметил источник, весьма сложна из-за множества спорных моментов (Раскрыта повестка первого саммита с участием Путина и Зеленского // lenta.ru, 2019.11.15).

Коммуникативные стратегии в журналистике определяются Я.С. Вашкевичем как действия (запланированные или спонтанные), наделяющий массовую аудиторию информацией и способствующий достижению определённой цели адресата [2, с. 103–105]. Лингвистическая терминология в нашем случае представляет собой особый инструмент реализации упомянутых выше стратегий.

Исследование образности и способов ее передачи в поэтических и журналистских текстах не было бы полным без анализа лингвистической детерминологизированной лексики на основе классификации структурных типов терминов, предложенной В.П. Даниленко [4, с. 37]. Лингвист выделяет три структурных типа терминов: 1) термины-слова, 2) термины-словосочетания и 3) символа-слова. В составе терминов-слов лингвист выделяет непроизводные, производные, сложные слова и аббревиатуры. В группе терминов-словосочетаний выделяются разложимые и неразложимые; в свою очередь первые подразделяются на свободные и несвободные словосочетания. Третий структурный тип – символа-слова.

Корпусный анализ фрагментов текстов позволил сделать вывод о том, что самой многочисленной группой является группа терминов-слов и выражены они в основном именами существительными: *азбука, алфавит, антитезис, антономазия, ассонанс, буква, глагол, дискурс, жаргон, звук, императив, междометие (междометье), метафора, метонимия, модальность, морфема, наречие (наречье), олицетворение, основа, палиндром, пассив, пауза, перенос, пересказ, перифраза, персонификация, перфект, письменность, плеоназм, повествование, подлежащее, полифония, пословица, поэзия (поэзы), предлог, приставка, причастие, прозопопея, пунктир, ритм, сарказм, синекдоха, слог, союз, стиль, строка, суффикс, тире, ударение, харизматизм, хрия, частица, эпитет* и др.:

• *Дать ему **письменность** и **язык**, / вышивки, резьбы и сразу современные нравы / и взгляды!* (С.Кирсанов);

• *Неузримый при свете и / прозреваемый в темноте, / Ты почти **междометие** / на меже между этим и тем* (Н.Горбаневская);

• *По его словам, **формат** и **модальность** нового созыва будут отличаться от тех условий, что сложились в пятой Думе* (Светлана Макунина. Сергей Нарышкин сделал Думу местом для дискуссий // РБК Дейли, 2011.12.22);

• *Там не только **жаргон** уголовников, а и письменная речь **сослуживцев** такие идеи подбросить способна!* (Анна КОСТРОВА. («КП» – С.-Петербург». Кинопереводчик Гоблин: Как всякий садист, я сентиментален // Комсомольская правда, 2005.03.05);

• ***Частица** «не» означает, что надежды нет, и я об этом знаю* (Ульяна СКОЙБЕДА. Лобанов и Тоска: история расчленения одной семьи // Комсомольская правда, 2013.11.01);

• *Каннибал-армагеддон здесь – такая же прозрачная, обнаженная до зоны бикини **метафора**, каковой был, например, и вампирский фильм режиссера «Выживут только любовники»* (Денис Рузаев. Живые не живут // lenta.ru, 2019.05.15).

В значительной степени терминам-существительным уступают термины-глаголы и термины-прилагательные. Причём в определённом контексте они могут быть образованы автором от терминов-имён существительных, т.е. являются *окаzionaliальными – твердозначен* (от *твёрдый знак*), или выступают в несвойственном сочетании с терминами-существительными или обычными общеупотребительными словами:

• ***Нос, твердозначен / Лоб, буква букв** – Ять, ять без сдачи / В подписи губ* (М. Цветаева);

• *И когда она, мой плащ ужалив / превратится в элегантный стек – / я не звук, а только буква Алеф, / **алфавитный первый человек*** (С. Петров);

• ***Знаковая активность / Иглобомба словесная, / семантический смерч до небес*** (С. Стратановский);

• *Ее картина – прерывистое, **пунктирное повествование** об одном союзе: Владимире Сальникове и Нине Котел* (Лариса Малюкова. Между сенсацией и гуманизмом. 6 декабря стартует «Артдокфест»: что смотреть? Рекомендации Ларисы Малюковой // Новая газета, 2017.11.20);

• *Когда-то её научили: у слов есть не только летучее акустическое тело, **грамматическая оболочка из приставок-суффиксов-окончаний**, но и сложный из этого и много чего другого смысл, сердце смысла, стук-стук* (М. Кучерская).

Третья разновидность терминов-слов – сложные слова – может быть представлена следующим примером, обнаруженным в поэтическом подкорпусе НКРЯ: *Мор Фома, одна **морфема**, / отрицательное «у», / и **не рифма**, а **рифмема**, / как в ютубе король Ублю* (Н.Горбаневская). Как видно из данного контекста, *окаzionaliальное словосложение* представлено соединением двух усечённых компонентов *рифмема* → *морфема* + *рифма* (по аналогии с традиционными *фонема*, *лексема* и др.).

Терминологических языковедческих аббревиатур в ходе корпусного анализа художественных и журналистских текстов выявлено не было.

Второй структурный тип терминов – термины-словосочетания – менее частотны по сравнению с первым типом, однако и они фиксируются в качестве авторского приёма создания образного контекста.

Группа разложимых терминов-словосочетаний делится на свободные (термин может вступать в двухстороннюю связь, т.е. каждое из слов в словосочетании терминологично: *пунктирное повествование, семантический ассонанс метафор, логический антитезис, согласный звук, quasi аорист*, и т.п.) и несвободные словосочетания (один из компонентов

может термином не являться: *знаковая активность, семантический смерч, задний/передний подъем, неопределенное наклонение* и т.п.).

К неразложимым терминам-словосочетаниям относятся лингвотерминологические фразеологизмы, однако следует отметить их ограниченное количество: *будущее время, строчная буква, прошедшее время, «давнопрошедшее» время, слитные гласные, восклицательный знак, вопросительный знак, мягкий знак, множественное число, письменная речь, твёрдый знак, паст перфект, неправильные глаголы* и т.п. В приведенных примерах словосочетаниям свойственно единое целостное значение, и в предложении данные сочетания выполняют единую синтаксическую функцию [9, с. 684].

На наш взгляд, грань между разложимыми несвободными и неразложимыми терминологическими фразеологизмами не является четкой. Поэтому в процессе анализа лингвотерминов, которые подверглись процессу художественно-образной детерминации, мы данной дифференциации их не подвергали. Приведём ряд примеров:

- *Но тембр кожи у жизни повелевает успокоено... / Ах, ее повелительное наклонение сильнее гипнозизма! / Выпадают нестройно / Страницы из моего организма. / Поймите, поймите!* (В. Шершеневич);

- *Холодна вода проточная, на восток течет река, / появилась буква строчная на листе черновика.* (С. Кекова);

- *Где твёрдый знак и буква «ять» с «фитою»?* (А. Тарковский);

- *Но миру / эта / строчная буква / в сто крат красней, / грандиозней / и ярче.* (В. Маяковский);

- *Формы вроде «съел» были когда-то причастиями, и к ним добавляли глагол «быти» в соответствующей форме, чтобы получить сложное прошедшее время — перфект, его еще называют «давнопрошедшим».* (Ася Рязанова. Пропаший рубль // lenta.ru, 2015.10.11);

- *Поэтому не исключено, что письменная «речь» находится еще в развитии.* (Светлана КУЗИНА. СМС — это лингвистическое чудо // Комсомольская правда, 2013.03.04);

- *Множественное число корябает, хотя и объяснимо: пишется о профессии.* (Леонид Никитинский. Бифуркации Батурина. Как книга «Властелины бесконечности» знаменитого российского космонавта и обозревателя «Новой» приводит к мысли об ограниченности знания // Новая газета, 2018.10.17);

- *Переплыть мы решили Пролив. / С нами рядом плывет вертикально / морской вопросительный знак / или шахматный конь, / на котором ты прибыла в мир. / Ты, в одежде одних пузырьков и волос, / узким телом идешь в глубину* (С. Кирсанов);

- *И вот теперь, когда / В восьмом заезде / Восходит череда / Моих созвездий, / Опять ввожу с эффектом / (Ну, и напорист!) / Чуть не plusquamperfectum / В quasi aорист?* (Г. Оболдуев).

Третий структурный тип, включающий лингвотерминологические символы-слова, также незначителен ввиду своей узконаправленности:

- *«БІ» — общий вдох и выдох! / «БІ» мы хрипим, бляя от потерь и выгод / либо — кидаясь к двери с табличкой «выход»* (И. Бродский);

- *По-русски «И» — всего простой союз, / который числа действий в речи множит* (И. Бродский);

- *А буква «А» — среди этих букв старик, / союз, чтоб между слов был звук раздельный* (И. Бродский).

Выводы

Итак, на примере фрагментов текстов, извлечённых из Национального корпуса русского языка, было установлено, что в художественную литературу и тексты из области журналистики активно включаются их авторами лингвистические термины-единицы

различных структурных типов в аддитивно-образных контекстуальных значениях. Однако широкое использование лингвистической лексики в ненаучных контекстах и их метафоричность не затрудняет чтение произведений и не препятствует их пониманию, а наоборот оказывает более интенсивное эмоционально-эстетическое воздействие на адресата в процессе восприятия и понимания текста, способствует созданию оригинальных художественных образов.

Литература

1. Василенко, Е. Н. Реализация коммуникативной стратегии убеждения средствами грамматических категорий (на материале политического дискурса) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. Н. Василенко. – Минск, 2013. – 112 л.
2. Вашкевич, Я. С. Основы коммуникативных стратегий в современной журналистике // Я. С. Вашкевич // Дзясятая Калеснікаўскія чытанні / пад агульнай рэдакцыяй Л. В. Леванцэвіч. – Брэст : БрДУ, 2019. – 283 с.
3. Винокур, Г. О. О языке художественной литературы / Г. О. Винокур. – М. : Высш. шк., 1991. – 448 с.
4. Даниленко, В. П. Русская терминология. – М. : Наука, 1977. – 246 с.
5. Кибрик, А. Е. Когнитивный подход к языку / А. Е. Кибрик // Язык и мысль. Современная когнитивная лингвистика / сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев ; под ред. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев, А. В. Кравченко, Ю. В. Мазурова, О. В. Федорова. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – 848 с.
6. Лиходкина, И. А. Категория образности в лингвокогнитивном пространстве художественного текста французского, русского, английского и итальянского языков в аспекте перевода : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / И. А. Лиходкина ; Московский государственный областной университет. – Мытищи, 2019. – 51 с.
7. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>. – Дата доступа: 06.09.2021.
8. Плотникова, Л. И. Словообразование как феномен языковой личности : монография / Л. И. Плотникова. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2003. – 332 с.
9. Старичёнок, В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Старичёнок. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 811[1] с.
10. Шкроба, О. А. Лексические новообразования в поэтических текстах В. Полозковой / О. А. Шкроба, Л. И. Плотникова // Теория коммуникации. Языковое значение / М-во образования Республики Беларусь, Минский государственный лингвистический университет ; редкол.: А. М. Горлатов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – Вып. 7. – 191 с.

References

1. Vasilenko E. N., (2013). *Realizacija komunikativnoj strategii ubezhdenija sredstvami grammaticheskikh kategorij (na materiale politicheskogo diskursa)*. [Implementation of the communicative strategy of persuasion by means of grammatical categories (based on the material of political discourse)]. [Author's abstr. cand. philol. diss.]. Minsk. (In Russ)
2. Vashkevich Ya. S., (2019). *Osnovy kommunikativnyh strategij v sovremennoj zhurnalistike. Dzasjatyja Klesnikauskija chytanni*. [Fundamentals of communication strategies in modern journalism. The tenth Kolesnikov's readings.]. 103-105. (In Russ)
3. Vinokur G. O., (1991). *O jazyke hudozhestvennoj literatury*. [About the language of fiction]. M: Higher school. (In Russ).
4. Danilenko V. P., (1977). *Russkaja terminologija*. [Russian terminology]. M: Science. (In Russ)
5. Kibrik A. E., (2015). *Kognitivnyj podhod k jazyku. Jazyk i mysl': Sovremennaja kognitivnaja lingvistika*. [Cognitive approach to language. Language and reasoning: Modern cognitive linguistics]. 29-59. (In Russ)
6. Lihodkina I. A., (2019). *Kategorija obraznosti v lingvokognitivnom prostranstve hudozhestvennogo teksta francuzskogo, russkogo, anglijskogo i ital'janskogo jazykov v aspekte perevoda*. [Category of imagery in the linguo-cognitive space of the literary text of the French, Russian, English and Italian languages in the aspect of translation]. [Author's abstr. cand. philol. diss.]. Mytishhi. (In Russ).
7. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka (NKRJ). [Russian National Corpus]. Retrieved September 06 2021 from: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>. (In Russ)
8. Plotnikova L. I., (2003). *Slovotvorchestvo kak fenomen jazykovoj lichnosti: monografija*. [Word creation as a phenomenon of linguistic personality: monograph]. Belgorod: Publishing house BelGu. (In Russ)
9. Starichjonok V. D., (2008). *Bol'shoj lingvisticheskij slovar'*. [Large linguistic dictionary]. Rostov-on-Don : Feniks. (In Russ)
10. Shkreba O. A., Plotnikova L. I., (2018). *Leksicheskie novoobrazovanija v pojeticheskikh tekstah V. Polozkovej. Teorija kommunikacii. Jazykovoe znachenie*. [Lexical neoplasms in poetic texts by V. Polozkova. Theory of communication. Linguistic meaning]. 7, 136. (In Russ)

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ДНЕВНИКОВОМ ДИСКУРСЕ НАЧАЛА XVIII в.

В.В. Денисюк,

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского языка и методики его обучения
Уманского государственного педагогического университета имени Павла Тычины,
г. Умань, Украина
E-mail: dvv2812@ukr.net

Целью статьи есть исследование лексических средств, задействованных автором для обозначения этнической принадлежности представителей разных народов. Для достижения цели методом сплошной выборки были выписаны лексемы, в семантической структуре которых есть прямое значение этничности или которое актуализируется в дневниковом дискурсе. Источником статьи служат дневниковые записи Петра Апостола, полковника Лубенского административного полка. Проведённое исследование свидетельствует о том, что автор изредка использовал лексемы – прямые номинаторы, тогда как в большинстве случаев функция этноидентификации возложена на топонимы или оттопонимные прилагательные. Единицы косвенной номинации выполняют, кроме синтаксически атрибутивной, номинативную функцию, составляя в этом аспекте семантическое ядро словосочетания.

Ключевые слова: лексема, семантика, топоним, оттопонимные прилагательные, этническая принадлежность, дневниковый дискурс.

LANGUAGE MEANS OF EXPRESSING ETHNICITY IN THE DIARY DISCOURSE OF THE BEGINNING OF THE XVIII CENTURY

V. V. Denysiuk,

associate Professor, Cand. Phil. D., associate Professor at the Ukrainian language and methods of teaching department,
Pavlo Tychyna Uman State Pedagogical University,
Uman, Ukraine
E-mail: dvv2812@ukr.net

The purpose of the article is to study the lexical means used by the author to designate the ethnicity of representatives of different peoples. To achieve the goal by the method of continuous sampling, lexemes were written out, in the semantic structure of which there is a direct meaning of ethnicity or which is actualized in the diary discourse. The source of the article is the diary entries of Peter the Apostle, colonel of the Lubensky administrative regiment. The study shows that the author occasionally used lexemes – direct nominators, while in most cases the function of ethno-identification is assigned to toponyms or ottoponymous adjectives. Units of indirect nomination perform, in addition to the syntactically attributive, nominative function, constituting in this aspect the semantic core of the phrase.

Key words: lexeme, semantics, toponym, ottoponymous adjectives, ethnicity, diary discourse.

Введение

Каждое слово таит в себе много тайн. Это действительно так, ведь мы только гипотетически говорим о его появлении, развитии его семантической структуры во времени и пространстве. Настоящее позволяет сделать своеобразную фотографию украинского языка, вербализацию которой находим в современных толковых словарях. Собственно, они остаются кодификаторами трансформаций в семантической структуре лексемы. Этот факт важен для исследователей истории языка, так как заставляет их всегда критически относиться к историческим лексикографическим работам, составители которых, хотя и проделали титаническую работу, все же не были современниками авторов расписанных ими памятников письменности. Хронологически разная языковая картина мира лексикографов и авторов памятников накладывает отпечаток на правильное прочтение контекста, понимание и, соответственно, толкование семантики того или иного слова. Это даёт своеобразный бонус исследователям, которые могут помочь лексикографам как в пополнении источниковой базы (согласитесь, что ни одна

историческая лексикографическая работа не создана на полном арсенале памятников того или иного периода), так и в уточнении семантики слова (новая достопримечательность – новый языковой мир).

Актуализация научных исследований с позиций антропологического подхода призвана если не полностью, то в значительной мере устранить этот пробел и для исторической лексикологии, однако требует от исследователя высокого уровня энциклопедичности, ведь необходимо учитывать и хронос, и топос, и социум, и эго и др. Понятно, что словарный запас летописца и обычного писаря гродского суда значительно отличался, как и генерального хорунжего и простого казака (речь идёт о времени, когда казацкая старшина сословно отделилась от обычного казачества и могла позволить себе обучение детей за рубежом). В поле нашего зрения попал «Дневник» Петра Апостола, сына гетмана Даниила Апостола. Как отмечал А. Лазаревский, все записи П. Апостол сделал на французском языке (ДПА, с. 101), поэтому исследуемая достопримечательность – это перевод конца XIX в., который имел целью сделать «Дневник» доступным широкой общественности. Это дополнительно свидетельствует об уже несколько трансформированной языковой картине мира, заодно заставляя задуматься над тем, было ли достаточно лексических средств во французском языке начала XVIII века для передачи реалий тогдашней украинской жизни. Такие моменты частые в «Дневнике». Наблюдаем, что в таких случаях А. Лазаревский оставлял возле непонятных слов или словосочетаний французский аналог, например *человѣкъ книжный (l'homme d'étude)* (ДПА, с. 107), где имя прилагательное, вероятнее всего, реализовало семантику «грамотный; получивший образование». Наше внимание привлекли особенности вербализации этнической принадлежности человека, поскольку разный уровень энциклопедичности автора, переводчика и читателя по-разному проектирует восприятие слова с его позатекстовыми коннотациями.

В украинистике этнонимам посвящён ряд исследований, в которых изучены различные аспекты их функционирования (И. Горофьянюк, Ж. Масюк, Н. Романишин, А. Сколоздра-Шепитко и др.). И это понятно, потому что этнонимы влияют на формирование этнического сознания людей и служат главным средством этнической самоидентификации: «Наличие названия свидетельствует об осознании членами этнической общности своего единства и отличия от других подобного рода сообществ. Без этнонима не существует ни одна нация, ни одно племя, поскольку, кроме чисто внешнего различительного фактора, он несёт и важную роль, смысловую нагрузку. Он отражает происхождение народа, его этнические связи, среду обитания и характер этнической общности, её ценности» [4, с. 62]. Члены секции истории украинского языка Восточноподольского лингвокраеведческого центра тоже пытаются заполнить «диахронную» лакуну этой проблемы. В частности, И. Высочанская, В. Денисюк проследили специфику функционирования этнонимов в произведениях историографического жанра [1], А. Денисюк, В. Денисюк – в текстах украинских интермедий XVII века [3]. Предлагаемая статья продолжает цикл таких исследований.

Цель и задания исследования

Целью статьи есть исследование лексических средств, которые автор задействовал для обозначения этнической принадлежности представителей разных народов. Для достижения цели необходимо было: 1) определить корпус лексем – вербализаторов семантики «представитель этноса»; 2) исследовать семантику и возможные изменения в семантической структуре лексем; 3) классифицировать лексем на группы, в семантической структуре которых есть прямое значение этничности или которое актуализируется в дневниковом дискурсе.

Методы и материал исследования

Материалом исследования служит один из трёх известных памятников дневникового жанра первой половины XVIII века – «Дневник» полковника Лубенского администра-

тивного полка Петра Апостола. Решение поставленной цели стало возможным благодаря использованию методов сплошной выборки, описательного, контекст- и дискурс-анализа.

Результаты и их обсуждение

Заметим, что единство этнической общности проявляется в её отношении к другим этническим группам. Осознание наличия других этносов и формирование отношения к ним лаконично очертил Л. Н. Гумилёв: «Этнические различия не мыслятся, а ощущаются по принципу: “это мы, а все прочие – иные”» [2].

Исторически сложившуюся презентацию этнической принадлежности вербализуют преимущественно существительные. Это традиционное мнение, однако, требует пересмотра, поскольку в слове можно выделить ближнюю и дальнюю семантику, использование которой детерминировано именно уровнем энциклопедичности человека. Неоспоримый факт владения и оперирования личностью различными знаниями позволяет вербальные средства этнической идентификации классифицировать на прямые (непосредственные), которыми являются обычно субстантивы, и косвенные (опосредованные), к которым относим антропонимы и слова других лексико-грамматических классов.

Записи украинца на французском языке можно рассматривать сквозь призму внеязыковых (из-за причастности отца миргородского полковника Д. Апостола к «делу Мазепы» П. Апостола принудительно забрали в Петербург, где он все же получил хорошее образование, в том числе стал полиглотом (изучил ещё латинский, французский, немецкий, итальянский, польский языки). Использование французского языка обусловлено, предполагаем, опасением за себя через содержание записей) и языковых (изменение языкового кода требовало отбора соответствующих, прежде всего лексических, средств) факторов, в совокупности может приблизить нас к пониманию этнического сознания Петра Даниловича Апостола.

Понятно, что выбор тех или иных этнонимов продиктован жанровой спецификой и задачами, поставленными автором. В «Дневнике» П. Апостол фиксировал события, непосредственным участником которых был, а значит знал всех. Это объясняет факт выбора средств вербализации этнической принадлежности лиц, упомянутых в записях. Метод сплошной выборки показал, что П. Апостол спорадически пользовался прямыми средствами для номинации этнической принадлежности лица, напр.: *Быль у Mr Mathieu, гдѣ договорился съ однимъ французомъ, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ барометръ за 3 р. 10 к.* (ДПА, с. 125); *Одинъ еврейъ принесъ мнѣ письмо отъ моего тестя* (ДПА, с. 132).

Зато активность проявляют косвенные, представленные преимущественно оттопонимными прилагательными, которые были составной частью атрибутивно-субстантивных словосочетаний. Упомянутое выше средство – антропонимы – не всегда позволяет точно идентифицировать личность по национальности, однако в значительной степени квалифицирует её как иностранца, напр.: *генераль Вейсбахъ* (ДПА, с. 117); *г. Ашемъ* (ДПА, с. 124); *генерала Брюса* (ДПА, с. 124); *Потомъ постѣтилъ меня М-г Mathieu* (ДПА, с. 125); *Капитанъ Штоффель* (ДПА, с. 133); *М-г Lucas и объдалъ съ нами* (ДПА, с. 133); *капитану Альтенбургу* (ДПА, с. 137); *подполковникомъ Брюномъ* (ДПА, с. 137) и др. Необходимо учитывать и то, что в тогдашнем Российском государстве были на службе представители других народов, что частично стирает эффект чуждости. Заметим, что в начале XVIII века не было моды на зарубежные имена. Представитель восточнославянских этносов мог получить неславянское имя только при условии, когда один из родителей, обычно отец, был иностранцем. Частично помогают указать на этничность и словообразовательные форманты, в частности суффикс **-енк-** в значительной степени свидетельствует о принадлежности лица к украинской нации (*Солодушенку* (ДПА, с. 127); *Ханенко* (ДПА, с. 131) и др.), **-ов**, **-ин** – российской (*Мамоновъ* (ДПА, с. 124); *Головинъ* (ДПА, с. 128) и др.), **-ич** – белорусской (*Саковича*

(ДПА, с. 111); *Валькевичъ* (ДПА, с. 124) и др.), **-ськ-**ий – польской (*Скоронадскій* (ДПА, с. 107); *старосты Здзяттовскаго* (*starosta Zdzietowski*), *старосты Морецкаго* (*Morecki*), *старосты Любошицкаго* (*Lubossycki*), *старосты Душинскаго* (*Dussynski*) (ДПА, с. 136) и др.). В этом случае можем говорить о распространении моды на фамилии, что проявилось в тенденции к переименованию себя с помощью добавления суффикса **-ов** или **-ск-**, хотя значительная часть украинской старшины уже успела таким образом «ошляхтиться» в течение XVII века. Характерность / нехарактерность имени или фамилии украинской или российской антропонимной системе начале XVIII века является одним из критериев этноидентификации лица как своего / чужого.

«Топонимный» критерий в «Дневнике» является основным вербальным средством выражения этнической принадлежности. Здесь необходимо выделить четыре группы, различные по степени этноидентификации. К первой относим оттопонимные прилагательные, образованные от названий стран. Такие атрибутивы несколько в меньшей степени, чем этнонимы, выполняют функцию этноидентификации лица, напр.: *О. Романъ когда то былъ въ службѣ французскаго короля въ чинѣ подполковника* (ДПА, с. 109); *онъ говорилъ ему, что польскій король вытираль (le si?) великому князю литовскому* (ДПА, с. 110); *Онъ говоритъ, что въ Венгріи только одинъ православный монастырь, основанный старинными сербскими деспотами, которые поддерживали хорошія отношенія съ венгерскими королями путемъ взаимныхъ браковъ* (ДПА, с. 113); *На этомъ парадномъ ученіи присутствовалъ также царевичъ грузинскій* (ДПА, с. 124); *Былъ у англійскаго купца Ducker'a* (ДПА, с. 148); *Объдалъ у валаишскихъ князей* (ДПА, с. 151); *Былъ въ гостяхъ у молдавскихъ князей* (ДПА, с. 152); *Мнѣ сдѣлали визитъ валаишскій князь, Mathieu и Ирвиковскій* (ДПА, с. 154); *Меня пригласили перевести письмо прусскаго короля, письмо Видебанта и изложеніе причинъ ареста курляндскихъ депутатовъ* (ДПА, с. 154); *Герцогъ Голишинскій уѣхалъ въ свои владѣнія* (ДПА, с. 155). Контекстуальное окружение позволяет утверждать, что атрибутив *русскій* имеет значение «украинский»: *Сборщикъ, русскій купецъ изъ Нѣжина, Максимъ Алексѣевъ сынъ, угостилъ меня свѣжей рыбой* (ДПА, с. 109). Считать это ошибкой переводчика не стоит, поскольку этот адекватив в староукраинский период имел несколько графических вариантов (*роуский, рускій, руський, русьскій*).

Вторую группу составляют оттопонимные прилагательные, образованные от названий тогдашних столиц, краёв. Этническая идентификация личности таким средством активизировалась в результате распространения образования и различных межгосударственных контактов (как общественно-политических, так и торговых). Атрибутивы выполняли функцию дополнительного промежуточного фрейма, который упорядочивал логическую мыслительную цепочку, конечным результатом которой становилось понимание, о представителе какого этноса говорится, напр.: *Отправилъ письма къ генералу Вейсбаху и къ своему отцу съ кievскимъ курьеромъ* (ДПА, с. 152); *Мнѣ дали перевести: 1) письмо виленскаго епископа; 2) меморіаль виленскаго каноника; 3) дипломъ на основаніе церкви въ Горкахъ* (ДПА, с. 153).

Третью группу составляют оттопонимные прилагательные, образованные от названий крупных или средних городов. Такие атрибутивы требуют сложных мыслительных операций, однако периферийно позволяют этноидентифицировать лицо, напр.: *войта почепскаго* (ДПА, с. 111); *черниговскими учениками* (ДПА, с. 111); *харьковскаго полковника* (ДПА, с. 112); *лубенскому полковнику* (ДПА, с. 112); *сорочинецкаго сотника* (ДПА, с. 115); *новгородскому архіепископу* (ДПА, с. 126); *глуховскаго сотника* (ДПА, с. 135); *изюмскій полковникъ* (ДПА, с. 137).

Четвертую группу составляют образованные от названий сел оттопонимные прилагательные или соотносящиеся с ними предложно-падежные конструкции. Таким

образованиям присуща наименьшая степень межэтнической идентификации, поскольку они служат для местной, региональной идентификации в пределах страны. Эта группа структурно наиболее пёстрая: 1) атрибутивные словосочетания (*черевковские крестьяне* (ДПА, с. 114)); 2) беспредложные конструкции с топонимом в форме Р. п. (*крестьянами Поповки* (ДПА, с. 114)); 3) предложные конструкции с топонимом в форме Р. п. (*Крестьяне из Черевков* (ДПА, с. 114); *Крестьянин из Поповки* (ДПА, с. 114)).

Выводы

Рассматриваемый «Дневник» доказывает, что П. Апостол в разной степени использовал языковые средства для этнической идентификации личности. Прямую номинацию автор использовал изредка, предпочитая косвенную, что детерминировано внеязыковыми факторами. Хотя вряд ли об этом стоит утверждать категорически, поскольку этноидентификацию представителей разных этносов, населявших тогда одну страну, автор специально не возводил в ранг чего-то сверхъестественного. Ответом на вопрос «Откуда человек?» в таких случаях было оттопонимное прилагательное, вполне достаточное для понимания, о представителе какого народа идёт речь.

Условные сокращения

ДПА – А. Л. Дневник Петра Даниловича Апостола (май 1725 г. – май 1727 г.) // Киевская старина. – 1895. – Т. 50. – № 7/8. Отд. 2. – С. 100–155.

Литература

1. Височанська, І. Етноніми у складі лексики на позначення сторін у міждержавних відносинах / І. Височанська, В. В. Денисюк // Науковий часопис Східноподільського лінгвокраєзнавчого центру : зб. наук. праць студентів, магістрантів, викладачів / відп. ред. Т. М. Тищенко. – Умань : ФОП Жовтий О. О., 2015. – Вип. 4. – С. 60–62.
2. Гумилёв, Л. Н. Историко-философские сочинения князя Н. С. Трубецкого (заметки последнего евразийца) [Электронный ресурс] / Л. Н. Гумилёв. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=283257&p=1>. – Дата доступа: 09.09.2021.
3. Денисюк, О. Функціонування етнонімів в українських інтермедіях XVII ст. / О. Денисюк, В. В. Денисюк // Науковий часопис Східноподільського лінгвокраєзнавчого центру : зб. наук. праць студентів, магістрантів, викладачів / відп. ред. Т. М. Тищенко. – Умань : ВПЦ «Візаві», 2017. – Вип. 6. – С. 33–36.
4. Файзуллин, Ф. С. Этническое сознание и факторы его формирования [Электронный ресурс] / Ф. С. Файзуллин // Вестник академии наук Республики Башкирия. – 2013. – Т. 18. – № 3. – С. 58–65. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskoe-samosoznanie-i-factory-ego-formirovaniya/viewer>. – Дата доступа: 09.09.2021.

References

1. Vysochanska I., & Denysiuk V. V. (2015). Etonymy u skladi leksyky na poznachennia storin u mizhderzhavnykh vidnosynakh. *Naukovyi chasopys Shhidnopodil'skoho lnhvokraieznachoho tsentru*: zb. nauk. prats studentiv, mahistrantiv, vykladachiv [Ethnonyms in the composition of vocabulary to denote parties in interstate relations. *Scientific Journal of the East Podolsk Linguistics Center: journal science works of students, undergraduates, teachers*] / vidp. red. T. M. Tyshchenko. Uman: FOP Zhovtyi O. O. 4, 60–62. (In Ukr.).
2. Gumil'ov L. N. Istoriko-filosofskie sochinenija knjazja N. S. Trubeckogo (zametki poslednego evrazijca) [Historical and philosophical works of Prince N. S. Trubetskoy (notes by the last Eurasian)]. Retrieved September 09 2021 from: <https://www.litmir.me/br/?b=283257&p=1> (In Russ.).
3. Denysiuk O., & Denysiuk V. V. (2017). Funktsiiuvannia etnonimiv v ukrainskykh intermediakh XVII st. *Naukovyi chasopys Shhidnopodil'skoho lnhvokraieznachoho tsentru*: zb. nauk. prats studentiv, mahistrantiv, vykladachiv [Functioning of ethnonyms in Ukrainian interludes of the 17th century. *Scientific Journal of the East Podolsk Linguistics Center: journal science works of students, undergraduates, teachers*] / vidp. red. T. M. Tyshchenko. Uman: VPTs «Vizavi». 6, 33–36. (In Ukr.).
4. Fajzullin F. S. (2013). Jetnicheskoe soznanie i factory ego formirovaniya. *Vestnik akademii nauk Respubliki Bashkirija* [Ethnic consciousness and factors of its formation. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkiria*]. 18(3), 58–65. Retrieved September 09 2021 from: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskoe-samosoznanie-i-factory-ego-formirovaniya/viewer> (In Russ.).

ФУНКЦЫИ АФАРЫСТЫЧНЫХ АДЗІНАК У МАЎЛЕННІ*

Я.Я. Іваноў,

доктар філалагічных навук, дацэнт,
загядчык кафедры тэарэтычнай і прыкладной лінгвістыкі
Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова
г. Магілёў, Рэспубліка Беларусь
E-mail: ivanov_ee@msu.by

Рэгулярна ўзнаўляльныя афарызмы выконваюць базавыя і вытворныя ад іх (прыватныя) функцыі мовы, якія ў адносінах да афарыстычных адзінак рэалізуюцца як аблігаторныя функцыі (камунікатыўная, кагнітыўная, кумулятыўная) і як факультатыўныя (усе астатнія). Прыватныя функцыі мовы могуць спецыфікавацца ў дачыненні да афарызма (канатыўная функцыя рэалізуецца як аргументацыйная і г.д.). Афарыстычныя адзінкі маюць спецыфічныя функцыі, якія размяжоўваюцца на агульныя з іншымі адзінкамі (уласцівыя як афарызмам, так і іншым свабодным і ўстойлівым фразам, аднафразавым тэкстам) і унікальныя (уласцівыя толькі афарызмам). Да ўнікальных функцый афарызма адносяцца ўніверсалізуючая і стылевызначальная.

Ключавыя словы: беларуская мова, афарызм, аблігаторныя функцыі, факультатыўныя функцыі, унікальныя функцыі

FUNCTIONS OF APHORISTIC UNITS IN SPEECH

Ya.Ya. Ivanou

Doctor of Philology, Associate Professor,
Head of the Department of theoretical and applied linguistics
of Mogilev State A.Kuleshov University,
Mogilev, Republic of Belarus
E-mail: ivanov_ee@msu.by

Regularly reproducing aphorisms perform basic and derived (private) language functions, which in relation to aphoristic units are realized as obligatory functions (communicative, cognitive, cumulative) and as optional (all others). Private language functions can be specified in relation to an aphorism (the conative function is realized as argumentative, etc.). Aphoristic units have specific functions that are divided into common with other units (inherent in both aphorisms and other free and set phrases, single-phrase text) and unique (inherent only in aphorisms). The unique functions of the aphorism include universalizing and stylistic.

Key words: the Belarusian language, aphorism, obligatory functions, optional functions, unique functions

Уводзіны

Прынята вылучаць тры функцыі моўных афарызмаў – намінацыўную, кумуляцыйную і дырэктыўную, якія былі ўпершыню абгрунтаваны ў межах лінгвакраіназнаўчай тэорыі афарызма [1, с. 75–78]. Даследчыкі адзначаюць функцыянальную ізаморфнасць моўных афарызмаў, фразеалагізмаў і слоў (Р.Л. Пермякоў [15, с. 250], Я.М. Верашчагін і В.Р. Кастамараў [1, с. 73] і інш.), аднак суаднесенасць функцый лексічных і фразеалагічных адзінак з функцыямі моўных афарызмаў спецыяльна не даследавалася. Актуальнай у гэтай сувязі з’яўляецца праблема вывучэння функцый моўных афарызмаў у аспекце асноўных функцый мовы (якія рэалізуюцца пры ўжыванні адзінак лексічнага і сінтаксічнага ўзроўняў).

Мэта даследавання – вызначыць і дыферэнцаваць тыя функцыі, якія выконваюць устойлівыя афарыстычныя адзінкі ў маўленні з пункту погляду аблігаторнасці / факультатыўнасці свайго праяўлення, а таксама агульнасці / унікальнасці ў адносінах да іншых устойлівых адзінак мовы (фразеалагізмаў).

* Даследаванне выканана ў межах НДР “Беларуская фразеалогія, парэміялогія, моўная афарыстыка ў кантэксце еўрапейскіх моў і культур (сінхранічны і дыяхранічны аспекты)” (ДР № 20211335) падпраграмы “Беларуская мова і літаратура” Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў “Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы” на 2021–2025 гг.

Метады і матэрыял даследавання

Асноўны метада даследавання – дэскрыптыўны з выкарыстаннем прыёмаў кантэкстуальнага і стылістычнага аналізу. Матэрыялам для даследавання паслужылі найбольш актыўныя ў беларускай мове ўстойлівыя фальклорныя і літаратурныя афарызмы, якія ўжываюцца ў сучаснай літаратурнай мове (усяго больш за 500 адзінак, што ўваходзяць у склад беларускага афарыстычнага мінімуму і асноўнага фонду мовы), а таксама фальклорныя і літаратурныя афарызмы польскай і рускай моў, іншамоўныя афарыстычныя адзінкі, запазычаныя ў беларускую мову [12; 13; 14; 18; 19; 20; 21].

Вынікі і іх абмеркаванне

Даследаванне паказала, што моўныя афарызмы выконваюць у маўленча-мысленчай дзейнасці ўсе базавыя функцыі мовы (акрамя намінацыйнай) – камунікатыўную, кагнітыўную, эматыўную (эмацыянальную), метамоўную, а таксама асноўныя прыватныя функцыі (вытворныя ад базавых) – фатычную (кантактаўсталёўную), канатыўную (уплыву), валонтатыўную (рэгуляцыйную), пазнавальную, кумуляцыйную (захоўвання і перадачы інфармацыі), аксіялагічную (ацэнкі), рэфэрэнцыяльную, паэтычную (эстэтычную), рытуальную (магічную) [17]. У гэтым плане моўныя афарызмы не адрозніваюцца ад страявых адзінак мовы (слоў і фразеалагізмаў) і так сама, як і яны дыферэнцыюцца паводле абмежаванасці і ступені рэалізацыі асобных функцый мовы (маўлення).

Устаноўлена, што базавыя і вытворныя ад іх (прыватныя) функцыі мовы ў адносінах да моўных афарызмаў рэалізуюцца дваяка – як аблігаторныя і як факультатыўныя. Аблігаторны характар маюць тры функцыі мовы, якія выконваюцца ўсім моўнымі афарызмамі пры іх рэалізацыі ў маўленча-мысленчай дзейнасці. Трэба заўважыць, што кагнітыўная і кумуляцыйная функцыі моўных афарызмаў часта аб'ядноўваюцца даследчыкамі ў межах агульнай функцыі – пазнавальнай, што характэрна для навукова-філасофскага падыходу да вывучэння афарызма [16]. Ва ўласна лінгвістычным разуменні пазнавальная функцыя ў дачыненні да афарызмаў з'яўляецца факультатыўнай. Усе астатнія базавыя і прыватныя функцыі мовы маюць у дачыненні да моўных афарызмаў факультатыўны характар (г.зн. уласцівы пэўным групам адзінак або абмежаваны пэўнымі ўмовамі ў сваёй рэалізацыі).

Усе функцыі, якія моўныя афарызмы выконваюць у працэсе маўленча-мысленчай дзейнасці, могуць спалучацца адна з адной, дзякуючы чаму афарыстычныя адзінкі практычна не абмежаваны ў сваім выкарыстанні як сродак мыслення і маўлення. Так, у наступным прыкладзе пры ўжыванні прыказкі рэалізуюцца ўсе пералічаныя функцыі, акрамя трох (эматыўнай, фатычнай і метамоўнай): [*Пацяруха (уголас, марудна, як бы стараецца ўткнуць у сэнс слоў)] Не кажы «гон», не пагаварыўшы з жонкай... А што? У гэтым, калі хочаце, ёсць вялікі сэнс. Прыказка вучыць, што складаныя пытанні трэба ўзгадняць з нацай сучаснай жанчынай – перадавіком фабрычнай і саўгасна-калгаснай вытворчасці. І абноўлена прыказка якраз на пяцьдзесят працэнтаў! Пайду запішу, пакуль не забыўся (Н. Гілевіч, “Не кажы «Гон»...”)*]. Праяўленне факультатыўных функцый мае розную прадуктыўнасць у дачыненні да афарызмаў розных класаў і тыпаў. Можна меркаваць, што кожнаму класу і тыпу афарыстычных адзінак уласціва пэўнае мноства функцый, якое адрозніваецца паводле значнасці і актыўнасці рэалізацыі кожнай функцыі. Высвятленне спецыфікі ў выкананні розных моўных функцый афарыстычнымі адзікамі розных класаў і тыпаў з'яўляецца адной з перспектывных праблем лінгвістычнага вывучэння афарызма.

Даследаванне паказала, што афарыстычныя адзінкі маюць спецыфічныя функцыі, якія размяжоўваюцца на агульныя з блізкімі тыпамі звышслоўных адзінак (уласцівыя як моўным афарызмам, так і іншым свабодным і ўстойлівым фразам, аднафразавым тэкстам) і ўнікальныя (уласцівыя толькі афарызмам). Спецыфічныя агульныя функцыі моўных

афарызмаў – гэта тэкстаўтваральная, канцэптаўтваральная і інш. (уласцівы таксама фразеалагічным адзінкам).

Унікальныя функцыі афарыстычных адзінак – гэта ўніверсализуючая і стылевызначальная, якія не рэалізуюцца прама і непасрэдна ніякімі іншымі звышслоўнымі адзінкамі (хоць і могуць праяўляцца, дзякуючы разнастайным камбінацыям лексічна-семантычных, граматычных, стылістычных сродкаў мовы). Універсализуючая функцыя маніфестуе ў маўленні вызначальную прымету афарызма – універсальнае абагульненне рэчаіснасці, проціпастаўленае факталагічнаму абагульненню. Моўныя афарызмы прызначаны ўжывацца ў маўленні найперш для адлюстравання ўніверсальнага зместу, для ўніверсализацыі рэчаіснасці. Гэту функцыю не здольны выконваць ніводныя іншыя звышслоўныя адзінкі. Стылеўтваральная функцыя маніфестуе такую аблігаторную прымету афарызмаў, як дыскурсіўную самастойнасць, здольнасць выкарыстоўвацца ў зместава і структурна аўтаномнай пазіцыі ў маўленні, што пры ўжыванні многіх афарызмаў запар абумоўлівае перарывісты, “ірваны” характар маўлення.

Ужыванне афарызмаў можа ўтвараць такую стылістычна адметную форму маўлення, як афарыстычны стыль, калі афарыстычныя адзінкі ўжываюцца як найболей прадуктыўны семантычны, экспрэсіўны, тэкстаўтваральны сродак перадачы інфармацыі. Афарыстычны стыль засноўваецца не на выкарыстанні адзінкавых афарызмаў, а на зместавай універсализацыі (афарызацыі) маўлення (цалкам або амаль цалкам), калі змест паведамлення перадаецца з дапамогай выключна (ці пераважна) афарыстычных адзінак або калі яны адыгрываюць семантычна і стылістычна галоўную ролю ў маўленні (з’яўляюцца зместава і структурна цэнтральнымі рэплікамі моўніка). Яскравы прыклад афарыстычнага стылю – маўленне Навума, персанажа камедыі В. Дуніна-Марцінкевіча “Сялянка” (1846), які амаль кожную сваю рэпліку пачынае або заканчвае прыказкай. Тое самае і ў іншых мовах. Так, у п’есе С. Высяпянскага “Wesele” (1901) многія персанажы ў сваім маўленне выкарыстоўваюць цимат афарызмаў (з якіх многія сталі крылатымі ў польскай мове), напр.: [*Ksiądz*:] *Nie każdy ma jedno na świecie, a każdy ma swoje osobne, co go trzyma – a te drobne rzeczki, małe, niepozorne składają się na jedną wielką rzecz (sc. 13)*; [*Czepiec*] *Ptok ptokowi nie jednaki, człek człekowi nie dorówna, dusa dusy zajrzy w oczy, nie polezie orzeł w gówna (sc. 25)* і да т.п.

Афарыстычны стыль рэалізуецца ў тэксце, які мае найвышэйшую ступень афарызацыі – насычанасці моўнымі афарызмамі (у афарызаваным тэксце), аднак не з’яўляецца прыметай афарыстычнага тэксту (які ствараецца толькі з адных афарызмаў). Канцэпцыя афарыстычнага стылю прапанавана ў сувязі з вызначэннем паняццяў афарызацыі маўлення і афарыстычнага тэксту [4]. Стылевызначальная функцыя моўных афарызмаў непасрэдна суадносіцца з іх універсализуючай функцыяй, выяўляе яе і абумоўлена ёй пры неадзінкавым ужыванні афарыстычных адзінак.

Індывідуалізацыя выкарыстання розных тыпаў афарызмаў адзінак у розных формах, сэнсах, функцыях і г.д. пры рэалізацыі афарыстычнага стылю ўтварае яго індывідуальна-аўтарскую разнавіднасць – афарыстычны ідыястыль. Афарыстычны ідыястыль можа быць рэалізаваны як у мове асобнага твора (цыклу твораў), так і ў мове аднаго аўтара. Прыкладам выкарыстання афарыстычнага ідыястылю ў межах мовы асобнага твора з’яўляецца верш П. Панчанкі “Простыя ісціны” (1973). На сённяшні час распрацавана канцэпцыя афарыстычнага ідыястылю і на яе падставе апісаны афарыстычныя ідыястылі Я. Коласа [10, с. 143–152] і М. Гарэцкага [10, с. 156–162]. Акрамя гэтага апісаны элементы афарыстычнага ідыястылю мовы пісьменніка на матэрыяле асобных твораў М. Багдановіча [6], [8], Я. Коласа [9; 11], М. Гарэцкага [7], а таксама ў рускай літаратуры – М.В. Ламаносава [2], М.А. Някрасава [3], А.А. Платонава [5].

Высновы

Рэгулярна ўзнаўляльныя афарызмы выконваюць базавыя і вытворныя ад іх (прыватныя) функцыі мовы, якія ў адносінах да афарыстычных адзінак рэалізуюцца як аблігаторныя функцыі (камунікатыўная, кагнітыўная, кумулятыўная) і як факультатыўныя (усе астатнія). Прыватныя функцыі мовы могуць спецыфікавацца ў дачыненні да афарызма (канатыўная функцыя рэалізуецца як аргументацыйная і г.д.). Афарыстычныя адзінкі маюць спецыфічныя функцыі, якія размяжоўваюцца на агульныя з іншымі адзінкамі (уласцівыя як афарызмам, так і іншым свабодным і ўстойлівым фразам, аднафразавым тэкстам) і ўнікальныя (уласцівыя толькі афарызмам). Да ўнікальных адносяцца такія функцыі афарызма, як універсалізуючая і стылевызначальная. Універсалізуючая функцыя маніфестуе такую ўласцівасць афарызмаў, як адлюстраванне ўніверсальнага абагульнення рэчаіснасці ў проціпастаўленне факталагічнаму абагульненню. Стылевызначальная функцыя суадносіцца з універсалізуючай, выяўляе яе і абумоўлена ёй пры неадзінкавым ужыванні афарызмаў. Ужыванне афарызмаў можа ўтвараць афарыстычны стыль, які прадугледжвае зместавую ўніверсальнасць (афарызаванасць) маўлення, калі змест паведамлення перадаецца з дапамогай пераважна афарыстычных адзінак. Афарыстычны стыль рэалізуецца ў тэксце, які характарызуецца найвышэйшай ступенню афарызаванасці (у афарызаваным тэксце), аднак не з'яўляецца прыметай афарыстычнага тэксту (які ствараецца з адных афарызмаў). Індывідуалізацыя выкарыстання розных тыпаў афарыстычных адзінак у розных формах, сэнсах, функцыях, камбінацыях пры рэалізацыі афарыстычнага стылю ўтварае яго індывідуальна-аўтарскую разнавіднасць – афарыстычны ідыястыль.

Літаратура

1. Верещагин, Е.М. Национально-культурная семантика языковых афоризмов / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров // Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М. : Русский язык, 1990. – С. 71–80.
2. Иванов, Е.Е. Афоризмы М.В. Ломоносова / Е.Е. Иванов // Традиции М.В. Ломоносова и современность. – Гомель : ГГУ, 2007. – С. 180–185.
3. Иванов, Е.Е. Афористика поэмы Н.А. Некрасова “Кому на Руси жить хорошо” / Е.Е. Иванов // Русский язык и литература. – 2003. – № 10 (49). – С. 82–98.
4. Иванов, Е.Е. О понятиях “афористический текст”, “афористичность (афоризация) речи” и “афористический стиль” / Е.Е. Иванов // Весці БДПУ. Серыя 1. – 2006. – № 3 (49). – С. 76–79.
5. Иванов, Е.Е. О “языке афоризмов” Андрея Платонова как идиостилистическом феномене / Е.Е. Иванов // Материалы исследований молодых учёных. – Могилёв : МГУ, 1997. – С. 39–42.
6. Иваноў, Я.Я. Афарызмы Максіма Багдановіча / Я.Я. Иваноў // Праблемы беларускага літаратуразнаўства. – Мінск : МНТ, 2000. – С. 123–131.
7. Иваноў, Я.Я. Афарызмы ў мове твораў Максіма Гарэцкага / Я.Я. Иваноў // Беларуская мова і літаратура. – 2008. – № 8 (82). – С. 62–64.
8. Иваноў, Я.Я. Афарыстыка Максіма Багдановіча (да пастаноўкі праблемы) / Я.Я. Иваноў // Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты ўзаемадзеяння. – Мінск : БДПУ, 2011. – С. 102–104.
9. Иваноў, Я.Я. Афарыстыка мовы мастацкага твора (паэма Якуба Коласа “Новая зямля”): лексікаграфічны аспект / Я.Я. Иваноў. – Магілёў : МДУ, 2004. – 84 с.
10. Иваноў, Я.Я. Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове / Я.Я. Иваноў. – Магілёў : МДУ, 2017. – 208 с.
11. Иваноў, Я.Я. Да праблемы ўкладання слоўніка афарызмаў мовы твораў Якуба Коласа / Я. Я. Иваноў // Веснік МДПУ. – 2006. – № 1 (14). – С. 83–88.
12. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамовных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н.э. – XX ст. : тлумачальны слоўнік / Я.Я. Иваноў. – Магілёў : МДУ, 2011. – 164 с.
13. Крылатыя выразы ў беларускай мове : тлумачальны слоўнік. – Магілёў : МДУ, 2004. – Ч. 1: З іншамовных крыніц XII–XX стст. – 136 с.
14. Крылатыя выразы ў беларускай мове : тлумачальны слоўнік. – Магілёў : МДУ, 2006. – Ч. 2: З рускамоўных літаратурных і фальклорных крыніц XII–XX стст. – 208 с.
15. Пермяков, Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда / Г.Л. Пермяков // Типологические исследования по фольклору. – М. : Наука, 1975. – С. 247–274.
16. Сазбандян, Т.В. Афоризмы в бытии и познании человека / Т.В. Сазбандян. – М. : Прометей, 2009. – 139 с.

17. Слосарева, Н.А. Функции языка / Н.А. Слосарева // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1990.
18. Цеплякова, А.Д. Запазычаныя крылатыя выразы ў сучаснай беларускай мове / А.Д. Цеплякова, С.Ф. Иванова // *Phraseology of Germanic, Romanic and Slavic Languages*. – 2009. – Вып. 1. – С. 98–112.
19. Цеплякова, А.Д. Іншамоўныя запазычаныя крылатыя слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове / А.Д. Цеплякова // *Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в вузе*. – Могилёв : МГУ, 2015. – С. 74–77.
20. Цеплякова, А.Д. Структура, семантыка і функцыі запазычаных крылатых слоў у беларускай мове / А.Д. Цеплякова // *Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах*. – Гомель : ГГУ, 2007. – С. 236–240.
21. *Słownik aforyzmów a cytatów z literatury polskiej od XVI do XX wieku* / под ред. Е.Е. Иванова. – Могилёв: МГУ, 2005. – 104 с.

References

1. Vereshchagin E.M. & Kostomarov V.G. (1990). *Natsionalno-kulturnaya semantika yazykovykh aforyzmov. Yazyk i kultura: lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo*. Moscow: Russkiy yazyk. S. 71–80. (In Russ.).
2. Ivanov E.E. (2007). *Aforizmy M.V. Lomonosova. Traditsii M.V. Lomonosova i sovremennost*. Gomel: GGU. S. 180–185. (In Russ.).
3. Ivanov E.E. (2003). *Aforistika poemy N.A. Nekrasova “Komu na Rusi zhit’ khorosho”*. *Russkiy yazyk i literatura*. № 10(49). S. 82–98. (In Russ.).
4. Ivanov E.E. (2006). *O ponyatiyakh “aforisticheskiy tekst”, “aforistichnost’ (aforizatsiya) rechi” i “aforisticheskiy stil”*. *Vesti BDPU. Seryya I*. № 3(49). S. 76–79. (In Russ.).
5. Ivanov E.E. (1997). *O “yazyke aforyzmov” Andreya Platonova kak idiostilisticheskoy fenomeny*. *Materialy issledovaniy molodykh uchenykh*. Mogilev: MGU. S. 39–42. (In Russ.).
6. Ivanou Ya.Ya. (2000). *Afaryzmy Maksima Bagdanovicha. Prablemy belaruskaga litaraturaznaustva*. Minsk: MNT. S. 123–131. (In Bel.).
7. Ivanou Ya.Ya. (2008). *Afaryzmy u move tvorau Maksima Garetskaga. Belaruskaya mova i litaratura*. № 8(82). S. 62–64. (In Bel.).
8. Ivanou Ya.Ya. (2011). *Afarystyka Maksima Bagdanovicha (da pastanouki prablemy). Natsyyanalnaya mova i natsyyanalnaya kultura: aspekty uzaemadzeyannya*. Minsk: BDPU. S. 102–104. (In Bel.).
9. Ivanou Ya.Ya. (2004). *Afarystyka movy mastatskaga tvora (paema Yakuba Kolasa “Novaya zyamlya”): leksyagrafichny aspekt*. Mogilev: MDU. 84 s. (In Bel.).
10. Ivanou Ya.Ya. (2017). *Afarystychnyya adzinki u belaruskay move*. Mogilev: MDU. 208 s. (In Bel.).
11. Ivanou Ya.Ya. (2006). *Da prablemy ukhadannya slounika afaryzmau movy tvorau Yakuba Kolasa*. *Vesnik MDPU*. № 1(14). S. 83–88. (In Bel.).
12. Ivanou Ya.Ya. (2011). *Krylatyya afaryzmy u belaruskay move: z inshamounykh litaraturnykh i falklornykh krynits VIII st. da n.e. – XX st.: tlumachalny slounik*. Mogilev: MDU. 164 s. (In Bel.).
13. *Krylatyya vyrazy u belaruskay move: tlumachalny slounik. Ch. 1: Z inshamounykh krynits XII–XX stst.* (2004). Mogilev: MDU. 136 s. (In Bel.).
14. *Krylatyya vyrazy u belaruskay move: tlumachalny slounik. Ch. 2: Z ruskamounykh litaraturnykh i falklornykh krynits XII–XX stst.* (2006). Mogilev: MDU. 208 s. (In Bel.).
15. Permyakov G.L. (1975). *K voprosu o strukture paremiologicheskogo fonda. Tipologicheskie issledovaniya po folkloru*. Moscow: Nauka. S. 247–274. (In Russ.).
16. Sazbandyan T.V. (2009). *Aforizmy v bytii i poznanii cheloveka*. Moscow: Prometey. 139 s. (In Russ.).
17. Slyusareva N.A. (1990). *Funktsii yazyka. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar*. Moscow: Sov. entsiklopediya. S. 543. (In Russ.).
18. Tseplyakova A.D. & Ivanova S.F. (2009). *Zapazychanyya krylatyya vyrazy u suchasnay belaruskay move. Phraseology of Germanic, Romanic and Slavic Languages*. Vyp. 1. S. 98–112. (In Bel.).
19. Tseplyakova A.D. (2015). *Inshamounyya zapazychanny krylatykh slou u suchasnay belaruskay litaraturnay move. Teoreticheskie i prakticheskie predposylki podgotovki polilingvalnykh spetsialistov v vuze*. Mogilev: MGU. S. 74–77. (In Bel.).
20. Tseplyakova A.D. (2007). *Struktura, semantika i funktsyi zapazychanykh krylatykh slou u belaruskay move. Slavyanskaya frazeologiya v arealnom, istoricheskom i etnokulturnom aspektakh*. Gomel: GGU. S. 236–240. (In Bel.).
21. *Słownik aforyzmów a cytatów z literatury polskiej od XVI do XX wieku* (2005). Mogilev: MGU. 104 s. (In Polish).

МАГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В САКРАЛЬНОМ ТЕКСТЕ

В.И. Коваль,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского, общего и славянского языкознания
Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь
E-mail: vlad-kov@mail.ru

В статье на примере сакральных текстов – народных заговоров – рассматривается суггестивно-магическая функция языковых единиц. Выявляются устойчивые словесные конструкции, употребляющиеся для указания на материальную природу слова в сакральном тексте. Описываются примеры восприятия в лечебных заговорах магически значимых слов как объектов съедения или выпивания с целью выздоровления. Отмечаются случаи использования в заговорах асемантических слов, используемых для придания текстам более высокого сакрального статуса.

Ключевые слова: магическая функция языка, сакральный текст, заговоры, асемантическая лексика.

MAGICAL VOCABULARY IN THE SACRED TEXT

V. I. Koval

Professor, Doctor of Philology, Professor of the Department
of Russian, General and Slavic Linguistics
of the Gomel State University named after F. Skariny,
Gomel, Republic of Belarus
E-mail: vlad-kov@mail.ru

The article considers the suggestive – magical function of language units on the example of sacred texts – folk conspiracies. The stable verbal constructions used to indicate the material nature of the word in the sacred text are revealed. Examples of the perception of magically significant words in therapeutic spells as objects of eating or drinking for the purpose of recovery are described. There are cases of the use of asemantic words in conspiracies, used to give texts a higher sacred status.

Key words: magical function of language, sacred text, spells, asemantic vocabulary.

Частным проявлением волюнтаривной (призывно-побудительной) функции языка является магическая (суггестивно-магическая) функция, сущность которой заключается в способности языковых единиц воздействовать на душевное состояние и поведение человека. При рациональном общении язык используется как «жестко структурированная система знаков, обладающих признаками объективности, точности, семантической определенности, верифицируемости». Фидеистическая (основанная на вере в неконвенциональную природу слова) коммуникация понимается как «практика общения человека с невидимым миром, с высшей реальностью, с таинственными силами природы посредством естественного языка» [6, с. 234–235].

Вера людей в магическую силу слова в наиболее полном виде нашла отражение в народных заговорах, которые, по словам А. Н. Афанасьева, «силою заповедного слова насылают и прогоняют болезни, делают тело неуязвимым для неприятельского оружия, изменяют злобу врагов на кроткое чувство любви, умиряют сердечную тоску, ревность и гнев; и наоборот – разжигают самые пылкие страсти – словом, овладевают всем нравственным миром человека» [11, с. 429]. С восприятием в архаическом обществе слова не только как определенного звукового комплекса, но и как некоей магической «опредмеченной» сущности связано широко известное поверье об опасности родительских проклятий, которые могут реализоваться. «Для первобытного человека, – отмечал Е. Ф. Карский, – слово не есть простое сотрясение воздуха, доступное только одному чувству, а предмет осязательный, материальный» [5, с. 174].

Особенно часто метафорическая «крепость» слова, отождествляемая с твердостью, прочностью камня или металла, манифестируется в заговорных текстах, целью которых

является получение желаемого в результате вербального воздействия. Сравн.: рус. *Будьте, мои слова, крепки, лепки, долговеки и памятливы, крепче крепкого камня, острее острой сабли и жарче жаркого огня* [10, с. 231]; *Будьте, мои слова, крепки и лепки, крепче лому-травы, Божьей стрелы и сабли вострой булатной* [12, с. 508]; бел. *І будзь, маё слова, крэпкім-крэпка, крэпчэ беллага каменя* [4, с. 382].

Выразительным проявлением образной материализации слова служат некоторые заговорные клише. Так, в качестве «закрепки» заговора нередко используется модальная по своей языковой природе конструкция *ключ и замок моим словам*: с ее помощью субъект заговора желает «замкнуть», как в некий воображаемый чехол, сакральную словесную оболочку, сохраняя от разрушения не только ее внешнюю форму, но и сам магический текст и обеспечивая тем самым действенность всего заговора.

В одном из белорусских любовных заговоров магические действия субъекта заговора понимаются именно таким образом: вначале произносится просьба соединить любовные чувства Ивана и Марьи, после чего заговаривающий в буквальном смысле слова «собирает» свои слова, словно какие-то разбросанные на земле мелкие предметы, в платок и замыкает их замком, ключ от которого забрасывает на небо: *Пайду, выйду, малада, за шырокі варата, стану пад чыстае неба, пад часты звёзды, пад ясную зару, пасматру на сіня мора. Там стаіць сабор, царыцкі сабор. Там стаіць золата блюда, на золаці ляжыць Мар'я. Иван к Мар'і падходзіць пабліжы, скланяецца паніжы, просіць: вазьмі маю любоў. Слей кроў з кроўю, саедзіні любоў з любоўю, вайдзі, мая кроў яму ў серца, у жылы, ва ўсе суставы, ва ўвесь магніт, штобы ня мог ні жыць, ні быць, нікаго ў глазах ні зрыць, толька адну Мар'ю. Усе эта сабяру, у платочак завяжу, пад замок замкну, замок брошу ў мора, ключ аддам на неба, штоба ніхто не дастаў ключы з неба, замок – з мора* [4, с. 376] (здесь и далее выделено нами. – В.К.).

Магическая значимость заговорного «ключа» и «замка» может повышаться за счет его сравнения с церковным замком или крестом на церкви: *И не могла бы без меня, раба Божия (имя), ни жить, ни быть, ни дня дневать, ни часа часовать, ни пиением отпиться, ни думьем отдуматься, и ни в парной бане отпариться. Тем моим словом ключ и замок, аки ключ на церкви* [13, с. 308]; *И так бы о мне, рабе Божьем (имя), рабица Божья (имя) сердцем кипела, кровью горела, телом сохла и не могла бы без меня, раба Божья (имя), не жить, не быть, не дни дневать, не часа часовать. Тем моим словам ключ и замок, аки крест на церкви* [8, с. 8].

В русском любовном заговоре магический замок помещается под Латырь-камень – объект, наделяемый в традиционной духовной культуре мистическими свойствами: *Чтобы отроковица (имя) без отрока (имя) не могла бы с себя тоски и сухоты снять, в парной бане париться, не могла бы в чистом поле разгуляться и пресным молоком нахлебаться, ни сном отоспаться, ни в беседе не отсидеться. И тем моим словам ключ и замок, и замок замкну, и снесу замок в Океан-море под Латырь камень* [13, с. 314].

Проявлением материальной природы слова могут служить также многочисленные ситуации ритуального съедения (выпивания) предметов еды и питья, метонимически связанных с «магически заряженными» словами: «Магическая сила слова может быть механически передана другим предметам: стоит только произнести данные слова или целый заговор над водой, хлебом, водкой и т. п. Кто проглотит «нашептанный» хлеб, воду, тот, полагают, проглатывает и самые слова. Если написать заговор на бумаге и проглотить ее самое или, сжегши, проглотить пепел, результат будет одинаков: слова или вселяют в человека боль, или вытесняют ее, смотря по тому, какие это были слова» [1, с. 37].

Для излечения от лихорадки, которая представлялась в виде антропоморфного существа, вселявшегося в человека, рекомендовалось написать на просфоре следующие слова и дать ее съесть больному с заговором: *Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Яко же святой Аркадий укроти львы в пустыни, так и ты, Господи, укроти трясовицу сию в*

рабе Божьем (имя). Всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь [2, с. 136]. Сравн. также: «Заговор от лихорадки пишется вокруг блюдечка, потом на блюдечко наливается святая вода, ею смывается написанное чернилами, и затем эту воду дают пить больному три раза на вечерней заре» [3, с. 290]. В этой же ситуации предписывалось написать на верхней корке хлеба две сакральные фразы (*Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь. Вначале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово*), и эти хлебные корки с написанными фразами давали съесть страдающему лихорадкой натошак три утренних зари подряд [13, с. 360].

Логика вышеприведенных ритуалов представляется вполне понятной: начальная фраза молитвы и слова из Евангелия осознаются как магическое средство, нейтрализующее и даже «убивающее» смертельно опасную болезнь.

В заговорных текстах от болезней могут употребляться загадочные «псевдо-иностранные», лишенные лексического значения слова, призванные, как и в предыдущем примере, как минимум – напугать и как максимум – уничтожить болезнь. Так, при «лечении» больного лихорадкой предписывалось сделать следующее: «Напиши на миндальном зерне новою иголкою слово *habera*, потом дай ее проглотить больному. Если же сие не поможет, то напиши по прошествии трех минут на другом миндальном корне слово *febera* и дай также проглотить. Но если же и сие не поможет, то напиши на третьем миндальном зерне слово *chra* и дай проглотить, то больной верно выздоровеет» [12, с. 448].

Заговоры от укуса змеи включают рекомендации дать укушенному человеку выпить воду или вино, «написав» на них таинственные слова: *Аще человека змия уяст, и ты напиши на воде сия словеса: Парасакон, тима, перескока. Молвити так, и дай ему пить, и будет здрав* [12, с. 328]; *Коего человека змия уяст, и ты вина в ковш улэй и напиши на нем чем-нибудь: Пара сара куиту матересана аиту матгерескона. И сие написах на вине, дай ему пити, и от того Бог помогает той болезни* [12, с. 483].

А. Л. Топорков, комментируя приведенные тексты заговоров и называя загадочные слова асемантическими, высказывает предположение, что загадочные номинации первого заговора – *Парасакон, тима, перескока* – «можно понять как имена змей» [12, с. 386]. Вместе с тем, в подобных случаях нельзя исключать проявления такой особенности сакрального текста, как его фасцинация (от лат. *fascinatio* ‘околдовывание, зачаровывание, завораживание’) – «специально организованного словесного воздействия на человека, обладающего повышенной силой убеждения и/или внушения» [9, с. 45]. Представляется совершенно не случайным, что отмеченные лексические «странности» присутствуют в текстах заговоров, направленных на излечение от смертельно опасной болезни или такой же стрессовой ситуации: в подобных случаях человек оказывается легко внушаемым, подверженным «околдовывающему» психоэмоциональному воздействию, создающемуся использованием в заговоре непривычных, таинственных асемантических слов.

Такими же фасцинирующими словами насыщен «заговор от змея, к жене летающего в дом». Соответствующий мотив, хорошо известный в традиционной культуре славянских народов, включает представления о смертельной опасности общения одинокой женщины с огненным змеем, ходячим покойником или чертом. Приведенный ниже текст в целом воспринимается как русскоязычный, включающий слова неясного происхождения, наличие которых создает атмосферу загадочности, таинственности: *Во всем доме – гилло магал – сидела Солнцева дева. Не терем золотой – шингаффа искала дева; не богатырь могуч из Ноугорода подлетел: подлетел огненный змей Лиф, лиф, зауцаца, калапуда. А броня не медяна, не злата, а ширинки на нем не жемчужны, а шлем на нем не из красного уклада, а калена стрела не из дедовского ларца. Пицано фукудалима кокойталима канафо. Полкан, Полкан! Разбей ты огненного змея, ты соблюди девичью красу Солнцевой девы. Вихадимо гилло могол-дираф. Из-за Хвальинского моря летел огненный змей по синему небу во дальнюю деревишку, во терем к деве: могуч богатырь – Шнялда-Шибулла качилла барайчихо дойцофо караиха дина. Во малиновом саду камка волжская, а на камке дева мертвая, со живою водой, со лютою свекровью, со злым*

свекром. Убит огенный змей, рассыпаны перья по Хвалынскому морю, по сырому бору муромскому, по медяной заре, по утренней росе. **Яниха-шойдега бираха вилдо.** А наехал злой татарин и взял в полон Солнцеву деву, во золотую орду, ко лютому Мамаю, к нехристу басурманскому, ко проклятому **барходею. Уахама штрофо** [13, с. 323].

Е. Е. Левкиевская характеризует подобные слова и выражения – «речь, состоящую из бессмысленных слов и словосочетаний, имеющую некоторые признаки осмысленной речи» – как разновидность вербальной магии и считает, что основная причина «включения в текст иноязычных фрагментов и отдельных слов латинского, греческого или древнееврейского происхождения» – «повышение его сакрального статуса» [7, с. 233].

Таинственные асемантические слова встречаются также и в заговорах от воров и от змеиного укуса: *Аще хто у ково что украдет в хоромине, и которыми дверьми выйдег вон, и ты воткни топор над дверьми, а сам говори трижды на топор: **Оффил и гаратон, и хатон, лимион, никитов фо фо, оскамаин, криснон, крифес, кактой, объявите ми гибель мою, раба (имя); Аще кто что украдет, и ты напиши на козьем сыре да на хлебе пиеничном, а сам глаголи: Мануил, Рафаил, еже еси шол кофите, и Адуиль, гибель, гибель, закрадишася, и так заградитесь, и затеснитесь уста татю сему моему*** [12, с. 327].

Асемантические слова и конструкции в текстах заговоров А. Л. Топорков называет также термином *абракадабра*, так как «сам звуковой облик этих слов выдает их чужеродный для русского языка характер» [14, с. 310]. «Классической» абракадаброй считается наделявшийся магическими (обереговыми) свойствами текст (*Sator arepo tenet opera rotas*), особенность которого заключается в том, что он сохраняется и при чтении справа налево. Записку именно с этим текстом давали съесть больному лихорадкой [2, с. 486].

Анализ сакральных текстов, которые содержат лексику, обладающую суггестивно-магическими свойствами, позволяет более всесторонне и глубоко охарактеризовать языковые единицы, отражающие глубинные пласты народной духовной культуры.

Литература

1. Богданович, А. Е. Пережитки древнего мировоззрения у белорусов: Этнографический очерк / А. Е. Богданович. – Гродно : Губернская типография, 1895. – 187 с.
2. Ветухов, А. В. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова (Из истории мысли). – Вып. I–II / А. В. Ветухов. – Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1907. – 529 с.
3. Гальковский, Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси / Н. М. Гальковский. – Т. I. – Харьков : Епархиальная типография, 1913. – 376 с.
4. Замовы / уклад., систэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. Г. А. Барташэвіч ; рэдкал.: А. С. Фядосік (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 597 с.
5. Карскі, Я. Беларусы / Я. Карскі ; уклад. і камент. С. Гараніна і Л. Ляўшун ; навук. рэд. А. Мальдзіс ; прадм. Я. Янушкевіча і К. Цвіркі. – Мінск : “Беларускі кнігазбор”, 2001. – 640 с.
6. Копчева, В. В. Слово в фидеистической парадигме / В. В. Копчева // Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка. – Барнаул, 2005. – С. 231–254.
7. Левкиевская, Е. Е. Славянский оберег. Семантика и структура / Е. Е. Левкиевская. – М. : «Индрик», 2002. – 336 с.
8. Майков, Л. Н. Великорусские заклинания / Л. Н. Майков. – СПб. : Типография Майкова, 1869. – 164 с.
9. Мечковская, Н. Б. Язык и религия : пособие для студентов гуманитарных вузов / Н. Б. Мечковская. – М. : Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.
10. Попов, Г. Русская народно-бытовая медицина : По материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева / Г. Попов. – СПб. : Типография А. С. Суворина, 1903. – 404 с.
11. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов А. Афанасьева. – Том третий. – М. : Издание К. Солдатенкова, 1869. – 840 с.
12. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова. – М. : «Индрик», 2010. – 832 с.
13. Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / собр. М. Забылиным. – М. : Автор, 1992. – 607 с.
14. Топорков, А. Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.: История, символика, поэтика / А. Л. Топорков. – М. : «Индрик», 2005. – 480 с.

References

1. Bogdanovich A.E. (1895). Perezhitki drevnego mirosozercaniya u belorusov: Etnograficheskiy ocherk. [Remnants of the ancient world outlook among Belarusians: Ethnographic notes]. Grodno: Regional printing house. (In Russ).
2. Vetukhov A.V. (1907). Zagovory, zaklinaniya, oberegi i drugie vidy narodnogo vrachevaniya, osnovannye na vere v silu slova (Iz istorii mysli). [Conspiracies, spells, charms and other types of folk healing based on faith in the power of the word (From the history of thought)]. Warsaw: Printing house of the Warsaw educational district. (In Russ).
3. Galkovsky N.M. (1913). Bor'ba hristianstva s ostatkami yazychestva v Drevney Rusi. [Struggle of Christianity with the remnants of paganism in Ancient Russia]. Kharkov: Church Printing House. (In Russ).
4. Fyadosik A.S. (Ed.) (1992). Zamovy. [Spells]. Minsk: Navuka i tekhnika. (In Bel).
5. Karski Y. (2001). Belarusy. [Belarusians]. Minsk: Belarusian knigazbor. (In Bel).
6. Kopocheva V.V. (2005). Slovo v fideisticheskoy paradigmat. [Word in the fideistic paradigm]. [Jurislinguistics-6: Inveictive and manipulative functioning of the language]. Barnaul. (In Russ).
7. Levkieskaya E.E. (2002). Slavyanskiy obereg. Semantika i struktura. [Slavic amulet. Semantics and structure]. Moscow: Indrik. (In Russ).
8. Maikov L.N. (1869). Velikorusskie zaklinaniya. [Russian spells]. SPb.: Maikov Printing House. (In Russ).
9. Mechkovskaya N.B. (1998). Yazyk i religiya: Posobie dlja studentov gumanitarnykh vuzov. [Language and religion: A manual for students of humanitarian universities]. Moscow: FAIR. (In Russ).
10. Popov G. (1903). Russkaya narodno-bytovaya medicina: Po materialam etnograficheskogo byuro knyazya V. N. Tenisheva. [Russian folk medicine: Based on materials from the ethnographic bureau of knyaz V. N. Tenishev]. SPb.: A.S.Suvorin's printing house. (In Russ).
11. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu. Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskih predaniy i verovaniy v svyazi s mificheskimi skazanijami drugih rodstvennykh narodov A. Afanaseva. [Poetic views of the Slavs on nature. The experience of a comparative study of Slavic legends and beliefs by A. Afanasyev in connection with the mythical legends of other cognate peoples]. Moscow: K. Soldatenkov's edition. (In Russ).
12. Russkie zagovory iz rukopisnykh istochnikov XVII – pervoy poloviny XIX v. [Russian conspiracies from handwritten sources of the 17th - first half of the 19th century]. Moscow: Indrik. (In Russ).
13. Russkiy narod: Ego obychai, obryady, predaniya, sueveriya i poeziya / Sobr. M. Zabylinym. [The Russian people: His customs, rituals, traditions, superstitions and poetry]. Moscow: Avtor. (In Russ).
14. Toporkov A.L. (2005). Zagovory v russkoy rukopisnoy tradicii XV–XIX vv.: Istoriya, simbolika, poetika. [Conspiracies in the Russian manuscript tradition of the 15th – 19th centuries: History, symbolism, poetics]. Moscow: Indrik. (In Russ).

УДК 81'373

ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ ВОЕННОЙ ПОРЫ

Н.А. Красовская,

доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого

г. Тула, Россия

E-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос языка региональной прессы военного периода. Обращение к языковым особенностям газет всегда актуально, так как роль периодической печати трудно переоценить, особенно в период сложных общественных катаклизмов. Цель – определить своеобразие употребления оценочной лексики в языке региональных газет военной поры. В качестве материала выступили номера газеты «Белёвская правда» за 1942 год. Отбор номеров газеты и самой газеты определяется целым рядом исторических, социальных причин. В результате анализа были выявлены многочисленные единицы общеоценочной семантики, они преобладают в изученных материалах. Видимо, это связано с тем, что авторы заметок пытались свою точку зрения представить более прямо, точно, мало заботясь об украшении речи. Лексические единицы, которые выражают оценочность в результате метафорического переноса, встречаются в проанализированных материалах реже.

Ключевые слова: газета, военный период, лексические единицы, оценочность, заметка, общеоценочная лексика.

EVALUATIVE VOCABULARY IN THE REGIONAL PRESS OF THE WAR TIME

N.A. Krasovskaya,

Associate Professor, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Literature,
Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy
Tula, Russia

E-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru

The article deals with the issue of the language of the regional press of the war period. An appeal to the linguistic peculiarities of newspapers is always relevant, since the role of the periodical press is difficult to overestimate, especially during the period of difficult social cataclysms. The goal is to determine the originality of the use of evaluative vocabulary in the language of regional newspapers of the wartime. The 1942 issue of the newspaper "Belevskaya Pravda" was used as the material. The selection of issues of the newspaper and the newspaper itself is determined by a number of historical and social reasons. As a result of the analysis, numerous units of general evaluative semantics were identified, they prevail in the materials studied. Apparently, this is due to the fact that the authors of the notes tried to present their point of view more directly, accurately, caring little about the decoration of the speech. Lexical units that express evaluativeness as a result of metaphorical transference are less common in the analyzed materials.

Key words: newspaper, war period, lexical units, evaluativeness, note, general evaluative vocabulary.

Введение

Трудно переоценить роль газеты в формировании массового сознания. Возрастает роль газет в сложные исторические периоды, во время общественных испытаний и катаклизмов. Естественно, что важна была газета и в период Великой Отечественной войны. О том, какие особенности имело данное средство массовой информации в тяжелые военные годы, написано немало. Например, в работах Еремкиной В.Н. [3], Овсепяна Р.П. [5], Протопоповой О.В. [7], Рубановой Т.Д. [8], Широкоград И.И. [10] и др. определяются особенности печатных изданий в период Великой Отечественной войны в целом, сложность функционирования средств массовой коммуникации на оккупированной территории, делаются серьезные выводы о роли и месте центральной периодической печати в военные годы, выявляются особенности экспрессивно и стилистически окрашенной лексики в языке военной публицистики и т.п.

Цель проводимого нами исследования – определить особенности использования оценочной лексики в региональной прессе военного времени. Для достижения поставленной цели нам необходимо решить следующие задачи: охарактеризовать актуальный терминологический аппарат, сделать выборку оценочной лексики, осуществить ее анализ.

Методы и материал исследования

Основными методами исследования стал метод направленной выборки языковых единиц, метод наблюдения, метод семантического и лексического анализа, позволяющий определять особенности значений лексических единиц. Помимо этого, мы обращали внимание на своеобразие употребления тех или иных слов и выражений в определенном контексте.

Материалом нашего исследования стали номера региональной газеты «Белёвская правда» за май 1942 года. Этот период характеризовался тем, что весной 1942 года на фронтах Великой Отечественной войны еще не произошло столь значительных перемен, которые, например, наблюдаются в 1943 году. Именно поэтому воздействующая, агитационная сила газеты должна была быть достаточно велика, газета должна была не только нести информацию, но и убеждать вести борьбу с врагом. Не только центральная пресса формировала патриотические настроения читателей, но и региональная.

Выбор газеты Белёвского района Тульской области определяется тем, что этот район достаточно продолжительное время находился в оккупации (по сравнению с другими районами Тульской области), некоторые населенные пункты были освобождены раньше, а другие были освобождены гораздо позже, уже в 1943 году. Территорию Белёвского района можно считать верхним выступом территории, на которой проходила Курская

битва. Наконец, следует отметить, что история данного города и района весьма интересна, она связана и с развитием промышленности, и с развитием сельского хозяйства.

В некоторых работах мы уже обращались к особенностям названий статей в газетах, изданных в период Великой Отечественной войны на территории Тульской области. Так, мы анализировали структуру названий, использование в них определенных грамматических форм, употребление некоторых разновидностей лексических единиц [4].

Результаты и их обсуждение

Необходимо отметить, что нами была произведена выборка слов и словосочетаний только из заметок, которые касались региональных вопросов, мы не анализировали материалы Совинформбюро, материалы центральной печати, которые попадали в региональную газету.

Несколько слов скажем о том, как определяются жанры заметки и статьи. Так, мы остановились на следующем толковании: «Заметка – наиболее элементарный жанр публицистики. На основе отобранных одного или нескольких фактов социальной действительности он позволяет дать читателю информацию в познавательных, воспитательных целях. Основные черты заметки: социальная значимость используемых фактов и событий, оперативность, краткость изложения, достоверность» [6, с. 91].

«Статья – один из наиболее сложных жанров. Ей характерен широкий масштаб осмысления действительности, постижение фактов и обобщенных данных. Статья, отвечающая основным требованиям жанра, обычно сочетает в себе освещение конкретных вопросов с глубокими теоретическими обобщениями», – замечает Петрова Л.И. [6, с. 91]. В выбранных нами номерах газет мы анализировали заметки, которые отражали вопросы жизни г. Белёва и Белёвского района.

В рассмотрении оценочной лексики стало традиционным ссылаться на подход Н.Д. Арутюновой, которая выделяла общеоценочную лексику и частнооценочную. Так, Л.Г. Смирнова, рассматривая общеоценочную лексику в русском языке, замечает: «...оценка составляет собственно денотативное значение слов, причем в их семантике может отсутствовать или наличествовать эмотивный компонент, выражающий экспрессию говорящего. Подобные значения слов Н.Д. Арутюнова назвала **общеоценочными**...» [9, с. 75]. «В соотносимых с ними частнооценочных, по терминологии Н.Д. Арутюновой, значениях слов оценка входит в денотативное значение вместе с другими компонентами... Основная функция общеоценочных слов состоит именно в определении объекта действительности как хорошего или плохого в соответствии с мнением говорящего. Нередко в тексте общеоценочные и частнооценочные значения слов трудно разграничить. Оценочный компонент в семантике подобных слов обязательно присутствует, а в частнооценочных словах он находит и определенную мотивировку», – продолжает Смирнова Л.Г. [9, с. 75].

Помимо этого, оценочность слова может появляться в силу его метафорического переноса. Например, рассматривая лексические единицы оценочного содержания в творчестве Н.С. Лескова, О.А. Головачева отмечает: «При метафорическом употреблении в их семантике выявляются коннотативные компоненты, реализующие в тексте пейоративные возможности языкового ресурса за счет контекстных партнеров...» [2, с. 121].

В рамках нашего исследования мы также выделяем слова с общеоценочным значением, в которых оценка, положительная или отрицательная, является частью денотативного значения, и слова, которые выражают семантику оценки в силу метафорического переноса, который возникает в определенном контексте.

В проанализированных заметках встречаются слова и выражения, содержащие негативную оценку (они называют все то, что связано с образом врага, с действиями вражеской армии и т.п.), и слова и выражения, выражающие положительную оценку (они называют все то, что относится к Красной Армии, советскому строю, советским руководителям).

Так, нами было определено, что словом с общеоценочным значением можно считать такую лексическую единицу, как *изверги*. Данная лексема в заметке «День Первое Мая ознаменован выездом в поле» (№44 от 3.05.1942) выражает отношение автора к фашистским захватчикам: *...чтобы знали фашистские изверги, что трудящиеся Советского Союза торжественно провели свой праздник в плодотворном труде* [1]. Слово *ненавистный* характеризует существительное *враг* (заметка «Десятки гектаров сверх плана – в фонд обороны страны» в № 45 от 6.05.1942). По нашему мнению, обе лексические единицы могут быть отнесены к разряду общеоценочных слов: *Каждый лишний гектар засеянной земли на социалистических полях является новым ударом по ненавистному врагу...* Отрицательная оценка присутствует и у слова *подлый*, которое также сочетается со словом *враг*, а прилагательное *гениальный*, которое, по нашему мнению, также относится к общеоценочной лексике, употребляется со словом *полководец*: *Пусть знает подлый враг, что наш народ, руководимый гениальным полководцем тов. Сталиным* (заметка «Овладевайте знаниями по ПВХО», в № 45 от 6.05.1942).

Продолжая отмечать слова с общеоценочной семантикой, мы приведем многочисленные примеры из этого же номера газеты: *проклятый (проклятый враг), кроважидный (кроважидный хищник), праведный (праведная кровь), счастливый (счастливая встреча), радость (большая радость), восторг (с восторгом встречали), озаренный, счастье (дети с озаренными счастьем лицами), скорбь (глубокая скорбь), изверг (немецкие изверги), издевательски (издевательски заставляли), варварский (варварское племя средневековья), вероломный (вероломный Гитлер)*.

Материалы следующего номера газеты также дают многочисленные примеры использования слов с общеоценочной семантикой. Это, например, такие слова, как *хорошо*: *...хорошо организована работа на весеннем севе* (заметка «Все внимание весеннему севу» № 46 от 8.05.1942). В заметке «Приложим все усилия для ускорения разгрома врага» наблюдаем такие примеры: *жестокый (жестokie разрушения), нашествие, каннибал (нашествие немецких каннибалов XX века), счастливый (счастливая колхозная жизнь), бандит (немецкие бандиты), расхищенный (семенной фонд расхищен), озверелый (озверелый фашизм), грабить, разорять (способный только грабить, жечь, убивать и разорять)*. В этом же номере знакомимся с заметкой «Все силы на разгром врага», в которой встречаются следующие примеры общеоценочной лексики: *героический (героический фронт), доблестный (доблестные воины героической Красной Армии), кровавый (кровавый Гитлер), банда (фашистская банда), разрушение, убийство, разорение (разрушения, убийства и разорения советского народа), проклятие (проклятия от миролюбивого народа), священный (священная земля Советского Союза), озверелый (озверелые фашисты), смерть (презрение к смерти), изобилие (изобилие сельскохозяйственных продуктов), самоотверженно (самоотверженно трудиться)*. Общеоценочная семантика присутствует в лексических единицах, которые входят в состав названия заметки «Не забудем и не простим проклятому отродью гитлеризма», имеющейся в том же номере газеты. В ней мы встречаем такие единицы, как: *орда (немецко-фашистские орды), озверелый (озверелые бандиты), доблестный (доблестная Красная Армия), облегченно (облегченно вздохнуть), истрадавшийся (истрадавшееся население), иго (иго немецких оккупантов), зверство, насилие (никогда не простит им за их зверства и насилия), героический (героическая Красная Армия)*.

Таким образом, можно говорить о том, что общеоценочная лексика среди лексических единиц, встречающихся в материалах региональной прессы, составляет довольно большую ее часть. Как можно отметить, некоторые слова в материалах газет повторяются часто, по нашему мнению, так постепенно в период военного времени формировалась устойчивость в употреблении эпитетов, определений.

Обратимся к примерам, которые выражают оценку, как мы заметили выше, и отрицательную, и положительную, приобретя дополнительный смысл в контексте. Тут

также можно говорить о том, что употребление некоторых слов в переносном значении получает устойчивый характер.

Например, в номере от 6.05.1942 в заметке «За высокий урожай» встречается эпитет *черный*. В основном своем значении слово не несет отрицательной коннотации, но в сочетании со словом *дни* выражает отрицательную оценку: *...после черных дней временной оккупации...* В заметке «Овладевайте знаниями по ПВХО» этого же номера используется прилагательное *звериный*, которое также в основном значении не имеет отрицательной семантики, но начинает ее приобретать, употребляясь со словом *злоба*: *...враг в своей звериной злобе...*

В номере 46 от 8.05.1942 употребляется слово *двуногий*, которое в основном значении не имеет отрицательной оценки, однако, употребляясь со словом *звери*, оно приобретает негативный оттенок. Следует также заметить, что и слово *звери*, которое именует фашистов, также используется в переносном значении (заметка «Все силы на разгром врага»). Названия (общие и частные) животных довольно продуктивно использовались авторами газетных материалов для передачи отрицательной оценки по отношению к врагам. Вспоминаются такие лексические единицы (некоторые из которых уже были нами упомянуты), как: *хищники, звери, волки, собаки, гиены*.

Надо отметить, что слов, которые бы выражали оценку путем использования их в переносном значении, в проанализированных материалах меньше, чем слов с общеоценочной семантикой.

Выводы

Рассмотрев заметки из нескольких номеров региональной газеты «Белёвская правда» за 1942 год, мы можем сделать ряд выводов.

Во-первых, формирование патриотических настроений, боевого духа читателей, действительно, во многом осуществлялось за счет использования определенных лексических единиц. Нами специально были рассмотрены заметки, касающиеся только вопросов района, жизни его населения, однако во всех проанализированных нами материалах встречается оценочная лексика.

Во-вторых, в зависимости от того, о чем говорится в заметке, используются лексические единицы, выражающие положительную оценку или отрицательную.

В-третьих, оценка в абсолютном большинстве случаев выражается лексическими единицами, которые относятся к общеоценочной лексике. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что авторы материалов не стремились приукрасить речь, а стремились прямо выразить свое отношение к ситуации в стране, к проблемам, к положению дел на фронте. Лексических единиц, которые приобретают оценочность, употребляясь в переносном значении, гораздо меньше. Однако нельзя не подчеркнуть, что некоторые лексические единицы из-за частотности употребления с другими словами постепенно формировали устойчивые сочетания.

Литература

1. Белёвская правда. Герой газетной полосы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tularic.ru/projects/?ELEMENT_ID=2962. – Дата доступа: 01.09.2021.
2. Головачева, О.А. Оценочная лексика статьи Н.С. Лескова «О признаках благотельного кризиса...» / О.А. Головачева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 6 (2). – С. 120–124.
3. Еремкина, В.Н. Особенности использования экспрессивно и стилистически окрашенной лексики в языке публицистики времен Великой Отечественной войны / В.Н. Еремкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота. – 2016. – № 3(57): в 2-х ч. Ч.1. – С. 123–125.
4. Красовская, Н.А. Газетные заголовки в региональной прессе военного периода / Н.А. Красовская // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 2 (41). – С. 39–48.
5. Овсепян, Р.П. История новейшей отечественной журналистики (февр. 1917 – нач. 90-х гг.) / Р.П. Овсепян. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 206 с.
6. Петрова, Л.И. Жанр как форма публикации в периодической печати [Электронный ресурс] / Л.И. Петрова. – С. 90–91. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanr-kak-forma-publikatsii-v-periodicheskoy-pechati>. – Дата доступа: 30.08.2021.

7. Протопопова, О.В. Боевые сводки и военная публицистика 1941–1945 годов как сверхтексты [Электронный ресурс] / О.В. Протопопова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/boevye-svodki-i-voennaya-publitsistika-1941-1945-godov-kak-sverhteksty/viewer>. – Дата доступа: 29.08.2021.

8. Рубанова, Т.Д. Войны газетная строка: особенности функционирования периодической печати на временно оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны / Т.Д. Рубанова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 2 (42). – С. 7–22.

9. Смирнова, Л.Г. «Всё будет обалденно...» Общеоценочная лексика в русском языке / Л.Г. Смирнова // Русский язык за рубежом. – 2006. – № 4. – С. 75–82.

10. Широкоград, И.И. Центральная периодическая печать СССР в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 : дис. ... д-ра истор. наук : 07.00.02 / И.И. Широкоград. – М., 2002. – 363 л.

References

1. Belyovskaya pravda. Geroy gazetnoj polosy. [Belevskaya truth. The hero of the newspaper page]. Retrieved September 09 2021 from: https://tularlic.ru/projects/?ELEMENT_ID=2962. (In Russ).

2. Eremkina V.N. (2016). Osobennosti ispol'zovaniya ekspressivno i stilisticheski okrashennoj leksiki v yazyke publicistiky vremen Velikoj Otechestvennoj vojny. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Features of the use of expressively and stylistically colored vocabulary in the language of journalism during the Great Patriotic War. *Philological sciences. Questions of theory and practice*] 3 (57): in 2 hours, Part 1. 123-125. (In Russ).

3. Golovacheva O.A. (2011). Ocenochnaya leksika stat'i N.S. Leskova «O priznakah blagodetelnogo krizisa...». *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. [The evaluative vocabulary of the article by N.S. Leskova "On the signs of a beneficent crisis ..."] *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*] / 6 (2). 120-124. (In Russ).

4. Krasovskaya N.A. (2021). Gazetnye zagolovki v regional'noj presse voennogo perioda. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya*. [Newspaper headlines in the regional press of the war period. *Theory of language and intercultural communication*]. 2 (41). S. 39-48. (In Russ).

5. Ovsepyan R.P. (1996). *Istoriya novejshej otechestvennoj zhurnalistiki (fevr. 1917-nach. 90-h gg.)* [History of the latest domestic journalism (Feb. 1917 - early 90s)]. Moscow: Publishing house of Moscow University. (In Russ).

6. Petrova L.I. Zhanr kak forma publikacii v periodicheskoj pechati [Genre as a form of publication in periodicals]. Retrieved August 30 2021 from: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanr-kak-forma-publikatsii-v-periodicheskoy-pechati>. (In Russ).

7. Protopopova O.V. Boevye svodki i voennaya publicistika 1941-1945 godov kak sverhteksty [Combat reports and military journalism of 1941-1945 as supertexts]. Retrieved August 29 2021 from: <https://cyberleninka.ru/article/n/boevye-svodki-i-voennaya-publitsistika-1941-1945-godov-kak-sverhteksty/viewer>. (In Russ).

8. Rubanova T.D. (2015). Vojny gazetnaya stroka: osobennosti funkcionirovaniya periodicheskoy pechati na vremenno okkupirovannoj territorii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv*. [Wars newspaper line: features of the functioning of periodicals in the temporarily occupied territory during the Great Patriotic War. *Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*]. 2 (42). 7-22. (In Russ).

9. Smirnova L.G. (2006). «Vsyo budet obaldenno...» Obsheocenochnaya leksika v russkom yazyke. *Russkij yazyk za rubezhom*. ["Everything will be awesome ..."] General assessment vocabulary in Russian. *Russian language abroad*]. 4. 75-82. (In Russ).

10. Shirokograd I.I. (2002). *Central'naya periodicheskaya pechat' SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny, 1941-1945*. [Central periodical press of the USSR during the Great Patriotic War, 1941-1945] (Doctoral dissertation. Moscow). (In Russ).

УДК 811.161:3'42:398.92

ІНФАРМАЦЫЙНАСЦЬ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ ЯК МІНІ-ТЭКСТАЎ

В.А. Ляшчынская,

прафесар, доктар філалагічных навук, прафесар кафедры беларускай мовы

Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны,

г. Гомель, Рэспубліка Беларусь

E-mail: zshvedova@mail.ru

У артыкуле на матэрыяле групы фразеалагізмаў дыялектнай і літаратурнай беларускай мовы выяўляецца культурная інфармацыя, устойлівы каштоўнасны змест культуры, яе катэгорый і сэнсаў, выяўляецца ўзаемадзеянне мовы і культуры беларусаў дзякуючы адбору лексем-трафонімаў пры стварэнні

вобразаў фразеалагізмаў, што часткова прадстаўляюць гастронамічны код культуры беларусаў у дыяпазоне культурна-нацыянальнай свядомасці. На аснове кагнітыўнага падыходу да вывучэння фразеалагізмаў, з прымяненнем лінгвакультуралагічнага аналізу ўстанаўліваюцца некалькі блокаў інфармацыі, якія складаюць той «згорнуты» тэкст гэтых адзінак мовы: вобразнае прадстаўленне маўленчай дзейнасці чалавека, вызначэння правілы і нормы, як правіла, праз антыправілы на аснове гастронамічных вобразаў, ацэнка, месца і роля выкарыстання фразеалагізмаў у маўленні.

Ключавыя словы: фразеалагізм, культурная інфармацыя, гастронамічны код культуры, кампанент, маўленне, норма, функцыянаванне.

INFORMATIVENESS OF PHRASEOLOGICAL UNITS AS MINI-TEXTS

V.A. Leshchinskaya,

Doctor of Philological Sciences, Professor of the Belarusian Language Department

Gomel State University named after Francysk Skaryna,

Gomel, Republic of Belarus

E-mail: zshvedova@mail.ru

The article reveals cultural information, stable value content of culture, its categories and meanings, the interaction of the language and culture of Belarusians, thanks to the selection of token-trophonyms in creating images of phraseology, which partially represent the gastronomic code of Belarusian culture. range of cultural and national consciousness. On the basis of a cognitive approach to the study of phraseology, with the use of linguistic and cultural analysis, several blocks of information are established that make up the "condensed" text of these units of language: figurative representation of human speech, certain rules and norms, usually, the place and role of the use of phraseology in speech.

Key words: phraseology, cultural information, gastronomic code of culture, component, speech, norm, functioning.

Уводзіны. У апошнія дзесяцігодзі даследаванне фразеалагічных адзінак (ФА) заўважна актывізавалася, што тлумачыцца многімі прычынамі, сярод якіх прызнанне ФА як самых «культурнасных» адзінак кожнай мовы, якія спалучаюць у адно цэлае моўную семантыку і культурную канатацыю. Важна і тое, што адной з важнейшых задач даследавання сучаснай лінгвістыкі ўвогуле і ФА ў прыватнасці з'яўляецца ўстанаўленне сувязі мовы і культуры, мовы і менталітэту народа, паколькі выпрацаваны ў культуры каштоўнасці змест кадзіруюцца ў мове і яе рознымі спосабамі.

Увага да гастронамічнага кода культуры тлумачыцца, па-першае, роляй ежы для жыцця чалавека, па-другое, захаванасцю ўжывання асноўных нацыянальных прадуктаў, найменняў страў, іх пераемнасцю на працягу ўсёй гісторыі народа, што з'яўляецца асновай для вызначэння асаблівасцей яго менталітэту, для параўнальна-супастаўляльнага даследавання і выяўлення гастронамічных адметнасцей іншых народаў. Гастронамічная тэматыка работ лінгвістаў у пачатку нашага стагоддзя надзвычай разнастайная: манаграфіі аб смакавых метафарах [4], аб ФА з асобнымі кампанентамі [3], аб в'етнамскай кухні [2], аб асобных кампанентах і тэматычных групах ФА іспанскай [8], беларускай [5; 6; 7], беларускай і рускай моў [1] і інш.

Мэты і задачы. Абраўшы прадметам вывучэння гастронамічны код культуры беларусаў, які выступае адным з асноўных у вызначэнні асаблівасцей нацыянальнай свядомасці сярод шматлікіх кодаў культуры, спынім увагу на адной групе ФА беларускай мовы, што ўтрымліваюць кампанент-трафонім (ад гр. *trophe* = ежа, жыўленне) і часткова рэпрэзентуюць гастронамічны код культуры беларусаў, але сваім значэннем аб'яднаны ў тэматычную групу 'маўленне' з мэтай устанаўлення інфармацыі гэтых адзінак, якія ў працэсе асваення чалавекам свету ўвабралі ў сябе культурныя сэнсы, якія «прачытваюцца» ў гэтых знаках. А асноўнымі задачамі вывучэння абраных адзінак з'яўляюцца: устанавіць тыпы, блокі інфармацыі, ці «прачытанне» ФА праз адабраныя кампаненты-трафонімы, стварэння з імі вобразы другасных адзінак; выяўленне культурных сэнсаў і ацэначнай сутнасці праз трапеічную прыроду ўнутранай формы, вобразнасць ФА, ці таго зместу, ацэнкі, экспрэсіўна-эмацыянальнай характарыстыкі, што даносяць мы яны як знакі і эталоны, стэрэатыпы вопыту беларусаў.

Выклад асноўнага матэрыялу. Выяўленая група ФА, крыніцай збору якіх паслужылі слоўнікі літаратурнай і дыялектнай фразеалогіі беларускай мовы (гл. спіс скарачэнняў), ілюструе новае абазначванне маўлення чалавека і яго прыкмет. Гэта дзеяслоўныя ФА (*вешаць лапшу* <на вушы> ‘падманваць каго-н., гаворачы няпраўду’ (Л-2008-1: 193); *мясіць кашу* ‘гаварыць абы-што, пустое’ (Д-2020: 253); *рассыпаць крупы* ‘сварыцца’ (Ю-1977: 22) ці ‘пасварыцца’ (М-К-1972: 22); *сеяць дробны мак* ‘гаварыць хутка, блытана, нязвязна’ (Д-2020: 309); *травіць баланду* ‘займацца пустымі размовамі, пустасловіць’ (Л-2008-2: 519); *хватаць гарачыя клёцкі* ‘гаварыць невыразна, неразборліва’ (Д-2020: 260), два субстантыўныя (*навешванне лапшы на вушы* ‘імкненне падмануць каго-н., падман’ (Л-2008-2: 68) і *масла масленае* ‘паўтарэнне аднаго і таго ж іншымі словамі, сэнсавая таўталогія’ (Л-2008-2: 23) і чатыры ад’ектыўныя (*як маслам мажа* гаворыць ‘вельмі складна, красамоўна’ (Д-2020: 315); *як пярун у заці/ерку* ляпнуць ‘недарэчна, неўпапад (сказаць)’ (Д-2020: 413); *як рэпу грызці* чытаць, гаварыць і пад. ‘бойка, гладка, без запінкі’ (Л-2008-1: 329) і *як дурны ў малінах* крычаць ‘вельмі моцна’ (Д-2020: 183). І сваім фіксаваным значэннем новыя адзінкі выяўляюць першы складнік інфармацыі, ці тое, што трэба ведаць носьбіту мовы.

Але, як вядома, значэнне ФА значна шырэй інфармуе, чым значэнне лексем, для чаго дастаткова параўнаць, напрыклад, семантыку ФА *хватаць гарачыя клёцкі* і дзеяслова *гаварыць*, каб у гэтым упэўніцца, што звязана з рознай ступенню абстракцыі: фразеалагічная носіць трохступенчаты характар (паняцце → вобразнае ўяўленне → дэнатат), а лексічная – двухступенчаты (паняцце → дэнатат) [9, с. 26]. І гэтая розніца абавязана ў першую чаргу адбору слоў-кампанентаў, тым вобразам і ўнутранай форме, што і даводзіцца праз спалучэнне моўнай і культурнай семантыкі ФА як другасных адзінак мовы.

Так, у складзе выдзеленых ФА зафіксаваны графонімы, што абазначаюць найменні рэдкіх (*баланды, зацірка*) і густых (*каша, клёцкі, лапша*) страў, прадукты харчавання расліннага (*мак, маліны, рэпа*) і жывёльнага (*масла*) паходжання. Іх адбор пры ўтварэнні ФА абумоўлены наданнем народам гэтым лексемам ці рэаліям, што абазначаны гэтымі лексемамі, сімвалічнага значэння, у выніку чаго яны выступаць як знакі культуры і парознаму даводзяць той дадатковы культурны змест, тую культурную інфармацыю, што выяўляецца пры іх лінгвакультурнай інтэрпрэтацыі ці ўважлівым «прачытанні» ФА.

Напрыклад, ФА *травіць баланду* абавязана менавіта сімваліцы экспрэсіўнай лексемы *баланды* і метафарычнаму пераасэнсаванню ўсяго выразу, дзякуючы чаму ФА суадносіцца з антропна-гастранамічным кодам культуры беларусаў. Тут у аснову вобраза абрана метафара, паводле якой марныя і пустыя размовы ці хлусня і падман каго-небудзь прыпадабняюцца да засвойвання баланды як ежы як пустой, нясытнай стравы, вадзяністай, з якой няма карысці і якая служыць толькі абманам жалудку. І такім вобразам ФА *травіць баланду* перадае стэрэатыпнае ўяўленне чалавека пра пустыя размовы, марную трату часу на гаварэнне абы-чаго ці хлуслівых, абманных слоў каго-небудзь і служыць выражэнню негатыўнай ацэнкі, неадабрэння гэтага, напрыклад: *Хопіць, штурман, травіць баланду. Заўтра ў мора, а мы яшчэ і пагаварыць не паспелі.* У выніку інфармацыйная змястоўнасць ФА складаецца з дэнататаўнага значэння, якое пашырана культурнай інфармацыяй аб баландзе як пустой, нясытнай ежы, узмоцненай фразеалагічнай роляй і назначэннем дзеяслова *травіць* у стварэнні вобраза; з той адмоўнай ацэнкай, якая даводзіцца праз вобразны стэрэатып народнага ўяўлення пра пустаслоўе, хлусню; з эмацыянальна-ацэначнай рэакцыяй чалавека на такі вобраз адзінкі, якая выяўляе эмацыянальны аспект, патрабуе адпаведны кантэкст для магчымага выкарыстання гэтай адзінкі як экспрэсіўна-эмацыянальнай адзінкі мовы.

Ці возьмем ФА *мясіць кашу* ‘гаварыць абы-што, пустое’, што дае новае вобразнае прадстаўленне выніку разумовых здольнасцей чалавека праз ацэнку і характарыстыку яго маўленчай дзейнасці на аснове метафары. Інфармацыйная насычанасць ФА з кампанентам

каша як аднаго з найменняў гатовых страў, што вызначаецца шырокім спектрам сімвалізацыю і сакралізацыю ў народным уяўленні. ФА служыць вобразным вызначэннем і спосабам выражэння неадабральнай характарыстыкі такой маўленчай дзейнасці чалавека, якая выяўляе бессвядомасць, пустату і неразбярыху паводле зместу выказвання. Тут негатыўная ацэнка зместу маўлення чалавека збліжаецца з адмоўным стаўленнем да хаджэння ці язды па чым-небудзь топкім, разрэджаным, сыпкім тыпу мокрага снегу, зямлі ці пяску (параўн. *мясіць гразь*), што падобныя на такую страву, як каша, ці па аналогіі з такой ежай. Каша з яе сімволікай 'неразбярыха', 'блытаніна' перанесена на вынік маўлення, ці тое, што паведамляецца. Дзеяслоўны кампанент *мясіць* выяўляе сувязь фразеалагізма з антропна-дзейнасным кодам культуры і выразна даводзіць пра цяжкасць і неразбярыху маўленчай дзейнасці такога чалавека на аснове асацыятыўнай сувязі дзеяння языка з дзеяннем ног (*Што ты месіш кашу? Усероўна гэта ніпраўда*. (Д-2020: 253). І ФА *мясіць кашу* вобразна і наглядна перадае стэрэатыпнае ўяўленне чалавека пра безмястоўнае, абсурднае выказванне, гаварэнне таго, хто нясе лухту, гаворыць аб-што, выступае культурным знакам, выражае негатыў і эмоцыі чалавека.

Маўленчая дзейнасць чалавека знаходзіцца ў цэнтры беларускай фразеалогіі, тым самым ілюструючы важнасць для беларусаў гэтага аспекта жыцця чалавека і важкасць слова як яго «прадукту». І «прачытанне» ФА *хватаць гарачыя клёцкі* 'гаварыць невыразна, неразборліва' яшчэ раз у гэтым упэўнівае. Маецца на ўвазе, што хтосьці гаворыць невыразна, у кагосьці маюцца праблемы з дыкцыяй, назіраецца спешнае маўленне без паўз, з «глытаннем» галосных, што расцэньваецца як адхіленне ад нормы, не адпавядае патрабаванням выразнага, дакладнага і няспешнага вымаўлення беларусаў. У аснову вобраза абрана гастронамічная метафара, паводле якой гаварыць невыразна, неразборліва як абстрактнае і нябачнае, але ўспрымае на слых і паводле сэнсу паняцце прыпадабняецца да хватання гарачых клёцак. А як вядома, такое ўжыванне ежы з'яўляецца цяжкім для глытання, бо ежа не разжоўваецца і яна гарачая, што вымушае хватаць паветра тады, калі не трэба. І ў выніку ФА даводзіць правіла праз антыправіла: як нядобра хватаць гарачыя клёкі, не разжоўваць іх і глытаць, паколькі гэта неэтычна і нават шкодна, так і невыразна гаварыць, глытаючы гукі, склады ці часткі слоў, з'яўляецца адхіленнем і парушэннем маўлення чалавека (*Гавары толкам, нічога ні поймаеш. Хватаеш клёцкі гарачыя*). ФА перадае стэрэатыпнае ўяўленне пра дзейнасць гора-маўленца, якога цяжка ўспрымаць і нават разумець і маўленне якога выклікае негатыўныя адносіны і нават асуджэнне.

Увага да маўлення, як правіла, яго адмоўных характарыстык адлюстроўваецца і ў іншых трафонімных ФА, якія даводзяць сістэму значэнняў кожнай адзінкі, тыя блокі інфармацыі, што ўключаны ў мадэль семантыкі іх як міні-тэкстаў, і паказваюць, што маўленне чалавека, патрабаванні да яго вызначаюцца праз гастронамічныя вобразы. Так, з ліку кампаратыўных ад'ектыўных адзінак возьмем для ілюстрацыі ФА *як пярун у заці/ерку* ляпнуць, дзе ўвага беларусаў скіравана да парушэння правіла аб месцы, часе і змесце маўлення чалавека. Устанаўленне аналогіі паміж новым зместам і абранай протасітуацыяй забяспечвае трапнасць, маляўнічасць і выражае ацэнку абазначанага, як рацыянальную, так і эмацыянальную. Па-першае, нерэальнасць абранага дзеяння даводзіць пра нерэальнасць, бяссэнсавасць ці пустату сказанага; па-другое, з перуном звязана асацыяцыя вялікага гуку і нечаканасць дзеяння з нечаканасцю для ўсіх раптоўнага выказвання, змест якога параўноўваецца з смешным паводле абранага вобраза ўдарам перуна ў зацірку, што дазваляе выразіць іранічныя адносіны да маўленчай асобы. Да таго ж, як вядома, зацірка не цэніцца як добрая і спажывуная ежа, яна рэдкая, а таму ніякага знака ўдар перуна, ці словы чалавека, не аказваюць (*Але ж ты і ляпнуў перад усімі як пярун у зацірку*). Завяршае экспрэсіўна-эмацыянальную характарыстыку і негатыўную ацэнку слова-канкрэтызатар *ляпнуць* ('гаварыць што-н. неабдуманая, нетактоўна'). І такім

народным вобразам-эталонам для жыхароў заходняй часткі Беларусі, дзе ўтворана і бытуе гэтая ФА, перададзена стэрэатыпнае ўяўленне праз вызначаны эталон, як недарэчна, неўпапад гаварыць, і служыць для выражэння іроніі, жарту ці насмешкі над маўленнем чалавека, які нясе несусвеціцу, гаворыць упустую.

А вось у аснове ФА *як дурны ў малінах* крычаць 'вельмі моцна' ляжыць не сам працэс параўнання, а яго вынікі – збліжэнне дзеянняў у розных сітуацыях і іх адрозненне. Так, вядома, што пры зборы ягад у лесе, у тым ліку і маліны, ягаднікі час ад часу перагукваюцца, аклікаюць адзін аднаго, каб не адысці далёка ці не згубіцца ў лесе. ФА ўтворана як вынік фразеалагізацыі параўнання такога крыку чалавека ў лесе, што зусім заканамерны, зразумелы, з крыкам без прычыны, без патрэбы. А фарміраванню азначанага складніка семантыкі ФА спрыяе скарыстанне субстантываванага прыметніка *дурны*, выражаючы такім чынам негатывную ацэнку, асуджэнне ці іранічнае стаўленне да такога неразумнага, непатрэбнага, але вялікай моцы крыку (*Чаго крычыш як дурны ў малінах?!).* ФА адлюстроўвае стэрэатыпныя ўяўленні аб традыцыйна прыпісаных дурням і чаканых ад іх якасцяў гучных, крыклівых паводзін і выступае эталонам вымярэння высокай ступені праяўлення неразумнага крыку чалавека без патрэбы, проста так.

Сярод выяўленых трафонімных ФА адзначаны толькі два з дадатнай ацэнкай, як і ўвогуле ў фразеалогіі, адзінкі якой выражаюць, як правіла, негатывнае, выступаюць антыэталонамі і антыстэрэатыпамі (В. М. Тэлія): *як маслам мажа* і *як рэпу грызці*, у аснову вобразаў якіх абраны кампаненты-сімвалы і народныя вобразы-эталоны. Першым з іх выступае масла як вядомы харчовы тлушч, што надзелена мноствам сімвалічных значэнняў у дафразеалагічны перыяд свайго існавання, выступае эталонам дастатку (*як сыр у масле*), інтэнсіўнасці гарэння (*надліць масла ў агонь*), празмернасці (*масла масленае*) ці чагосьці прыемнага і добрага (*маслам па сэрцы, як па масле*). Зразумела, што ўсё гэта служыла выдзяленню масла як лексемы, што дадаткова да свайго намінацыйнага значэння набыла сімвалічную семантыку, якая ў складзе ФА вядзе да новага сімвальнага іх прачытання. Для выяўлення каштоўнасных арыенціраў, якімі кіраваліся нашы продкі і якія яны пакінулі сваім наступнікам. У прыватнасці, ФА *як маслам мажа* служыць для высокай ацэнкі якасці менавіта маўленчай дзейнасці чалавека (*От, залез у тэлевізар і гаворыць як маслам мажа*). Тут вынікі дзеяння масла, якое метафарычна і этымалагічна звязана з дзеясловам *мазаць* (лексэма *масла* як прызнаная агульнаславянская адзінка ўтворана ад дзеяслова *мазаць* з суфіксам *-сло*) прыпадабняюцца да вызначэння самых лепшых якасцей маўленчай дзейнасці чалавека.

Ілюстрацыяй каштоўнаснага зместу з ліку выяўленых трафонімных адзінак служыць і кампаратывная ФА *як рэпу грызці*, дзе выкарыстана найменне гародніны ў складзе агульнапрынятага вобраза-эталона беларусаў для абзначэння новага абстрактнага паняцця, абраўшы вядомую форму выражэння, што стала ўжываецца для высокай ацэнкі выразнага чытання ці бойкага адказу, гаварэння. У аснове адбору кампанента *рэпа* ляжаць веды чалавека пра гэту гародніну з яе роляй у жыцці чалавека ў мінулым, замацаванай сімволікай, што надзена ёй. А створаны вобраз-эталон – з успрыманням гукавага суправаджэння пры ўжыванні сырой рэпы, смачнай сваёй саладкаватасцю і сакавітасцю, але двёрдай для разгрызання або разразання, ці з той асацыяцыйнай сувяззю паміж працэсам ужывання рэпы і маўленнем чалавека ў вуснай форме. І ФА набыла ролю эталона, той меры вызначэння прыгожага маўлення чалавека.

Адным словам, культурная інфармацыя кожнай з выдзеленых ФА, ці той канатацыйны аспект у складзе інфармацыі, выяўляецца ў тым, што гэтыя другасныя адзінкі паводле свайго ўтварэння і ў іх адлюстраваны тыя вобразы, тыя прататыпы, якія ўжо «прайшлі» культурны адбор і найперш праз адабраныя лексемы-трафонімы, у выніку чаго ФА з'яўляюцца знакамі не толькі мовы, але і знакамі культуры, якія выконваюць культурную знакавую функцыю. Па-другое, гэтая функцыя выяўляецца праз трапеічны

характер, які ляжыць у аснове ўнутранай формы кожнай ФА, вобраз якой «становіцца тым своеасаблівым правадніком культуры, дзякуючы якому ажыццяўляецца ўзаемапрапіканне дзвюх семіятычных сістэм – культуры і мовы» [3, с. 70].

Вывады. Такім чынам, фразеалагічны фонд кожнай мовы з’яўляецца адным з важнейшых носьбітаў нацыянальна-культурнай інфармацыі, якая адлюстроўвае нацыянальную самабытнасць, культуру народа. Аналіз групы ФА з кампанентамі-трафонімам, што эксплікуюць гастронамічны код культуры, з аднаго боку, дазваляе спазнаць найбольш актуальныя прадукты беларусаў, іх сімволіку, што паслужыла іх адбору для ўтварэння фразеалагізмаў; з другога боку, убачыць сувязь гастронамічных рэалій з маўленнем чалавека як абстрактнай з’явай. Аналіз і прачытанне абраных ФА беларускай мовы дазваляе асэнсаваць іх успрыманне як магутнага сродку камітэсіі інфармацыі. І кампанентны склад, у прыватнасці, трафонімы, унутраная форма, вобраз кожнай ФА даводзяць да нас іх адметную функцыю як моўных і адначасова культурных знакаў, іх трывалую і пазнавальную культурную інфармацыю, што выяўляецца праз дэнататаўны ці праз канатацыйны аспекты значэння.

Вобразныя найменні, ці ўтвораныя фразеалагізмы з гастронамічнымі кампанентамі розных тыпаў, аб’яднаны агульнай сферай – крыніцай метафарычных, метанімічных, асацыятыўных праекцый на ўяўленні пра прадукты харчавання, іх ужыванне чалавекам для вобразнага прадстаўлення яго маўлення, маўленчай дзейнасці і яго якасцей. Іх асноўная роля заключаецца ў апісанні і ацэньванні таго, што звязана з маўленнем чалавека і што чалавек лічыць найбольш важным, каб выразіць і перадаць праз вобразнае ўяўленне ўстойлівы, каштоўнасны змест культуры, яе каштоўнасныя арыенціры.

Спіс скарачэнняў

Д-2020 – Даніловіч, М. А. Фразеалагічны слоўнік гаворак Гродзеншчыны / М. А. Даніловіч. – Гродна : ГрДУ, 2020. – 267 с.; **Л-2008-1** – Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. Т. 1: А-Л / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 672 с.; **Л-2008-2** – Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. Т. 2: М-Я / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.; **М-К-1972** – Мяцельская, Е. С. Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі / Е. С. Мяцельская, Я. М. Камароўскі. – Мінск : БДУ, 1972. – 320 с.; **Ю-1977** – Юрчанка, Г. Ф. Слова за слова (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны) / Г. Ф. Юрчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1977. – 272 с.

Літаратура

1. Бурукина, О.А. Культурные коды в русских и белорусских фразеологизмах со стержневыми компонентами-трофонимами / О.А. Бурукина, О.А. Лещинская // Культура и цивилизация. Журнал по культурологии. – 2019. – Т. 9, № 6А. – С. 85–97.
2. Глазунова, С.Е. Национальная вьетнамская кухня как отражение культурных и философских традиций / С.Е. Глазунова // Лингвострановедение: Методы анализа, технология обучения. Шестой Межвузов. семинар по лингвострановедению : сб. науч. ст. / под общ. ред. Л.Г. Ведениной ; Моск. гос. ин-т межд. отношений (ун-т) МИД России. – М. : МГИМО-Университет, 2009. – Ч. 2. – С. 15–72.
3. Ковшова, М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры / М.Л. Ковшова. Изд. 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 456 с.
4. Костяев, А.И. Вкусовые метафоры и образы в культуре / А.И. Костяев. – М. : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. – 160 с.
5. Ляшчынская, В.А. Пра хлеб і да хлеба: Веды і вопыт беларусаў у фразеалагічных адзінках мовы / В.А. Ляшчынская // Роднае слова. – 2011. – № 10. – С. 38–42.
6. Ляшчынская, В.А. Эталоны і стэрэатыпы ў беларускіх саматычных фразеалагізмах: есці на поўны рот ці на зуб? / В.А. Ляшчынская // Слов’янська писемність у контексті хрысціянскай культуры : матэрыялы круглага стала до Дня слов’янскай писемності та культуры / [за заг. рэд. Н.В. Коч]. – Миколаїв : МНУ імені В.О. Сухомлинського, 2013. – С. 134–139.
7. Ляшчынская, В.А. Трафонімы ў фразеалогіі як адлюстраванне культуры беларусаў / В.А. Ляшчынская // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сборник статей по материалам Международной научной конференции / М-во науки и высш. обр. РФ [и др.]. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2019. – С. 374–383.
8. Мед, Н.Г. Национально-культурная специфика испанских фразеологизмов с гастрономическим компонентом / Н.Г. Мед // Язык. Сознание. Коммуникация : сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2014. – Вып. 50. – С. 216–222.
9. Назарян, А.Г. История развития французской фразеологии / А.Г. Назарян. – М., 1981. – 214 с.

References

1. Burukina, O.A. (2019). Kul'turnye. kody v russkih i belorusskih frazeologizmah so sterzhnevymi komponentami-trofonimami. *Kul'tura i civilizacija. Zhurnal po kul'turologii*. T. 9, № 6A, S. 85-97.
2. Glazunova, S.E. (2009). *Nacional'naja v'etnamskaja kuhnja kak otrazhenie kul'turnyh i filosofskih tradicij*. Lingvostranovedenie: Metody analiza, tehnologija obuchenija. Shestoj Mezhvuzov. seminar po lingvostranovedeniju: sb. nauchn. statej. Ch. 2 Moscow, MGIMO-Universitet, S. 15-72.
3. Kovshova M.L. (2013). *Lingvokul'turologicheskij metod vo frazeologii: kody kul'tury*, Moscow, Knizhnyj dom «LIBROKOM».
4. Kostjaev A.I. (2012). *Vkusovyja metafory i obrazy v kul'ture*. Moscow, Knizhnyj dom LIBROKOM.
5. Ljashchynskaja, V.A. (2011). Pra hleb i da hleba: Vedy i vopyt belarusaŭ u frazealagichnyh adzinkah movy. *Rodnae slova*. № 10. S. 38-42.
6. Ljashchynskaja, V.A. (2013). Jetalony i stjerjeatypy ŭ belaruskich samatychnyh frazealagizmah: esci na poŭny rot ci na zub? *Slov'jans'ka pisemnist' u konteksti hristijans'koj kul'turi: materialy kruglogo stolu dŭ Dnja slov'jans'koj pisemnosti ta kul'turi*. Mikolaïv, S. 134-139.
7. Ljashchynskaja, V.A. (2019). Trafonimy ŭ frazeologii jak adljustravanne kul'tury belarusaŭ. *Slavjanskij mir: duhovnye tradicii i slovesnost': sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Fambov, Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina, S. 374-383.
8. Med, N.G. (2014). Nacional'no-kul'turnaja specifika ispanskih frazeologizmov s gastronomicheskim komponentom. *Jazyk. Soznanie. Kommunikacija: Sb. Statej*, Moscow, MAKS Press, Vyp. 50. S. 216-222.
9. Nazarjan, A.G. (1981). *Istorija razvitija francuzskoj frazeologii*. Moscow.

УДК 811.161.3'373.2

КАНЦЭПТ 'ДЗІЦЯ' Ў БЕЛАРУСКАЙ ПАРЭМІЯЛОГІІ (паводле запісаў А.К. Сержпутоўскага)

В.І. Марцынкевіч,

метадыст,

УА "Мазырскі дзяржаўны медыцынскі каледж",

г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь,

E-mail: vera.martsinkevich@mail.ru

У артыкуле на фактычным матэрыяле фальклорных запісаў А.К. Сержпутоўскага аналізуецца семантычнае нападзенне беларускіх парэмій, якія рэпрэзентуюць канцэпт 'дзіця', даецца лінгвакультуралагічнае тлумачэнне парэміялагічнага фонду, у якім замацаваліся веды і ўяўленні беларусаў (у прыватнасці жыхароў Мазырскага Палесся) пра дзіця, адносіны бацькоў да дзяцей.

Ключавыя словы: дзіця, канцэпт, Мазырскае Палессе, парэмія, бацькі.

THE CONCEPT OF THE "CHILD" IN BELARUSIAN PAREMIOLOGY (ACCORDING TO A.K. SERZHPUTOVSKY'S RECORDS)

V.I. Martsynkevich,

Methodist,

Mozyr State Medical College,

Mazyr, Republic of Belarus,

E-mail: vera.martsinkevich@mail.ru

In the article on the factual material of folklore records A.K. Serzhputovsky analyzes the semantic content of Belarusian paremias, which represent the concept of "child", gives a linguistic and cultural explanation of the paremial fund, which consolidates the knowledge and ideas of Belarusians (especially residents of Mozyr Polesie) about the child, the attitude of parents to children.

Key words: child, concept, Mozyr Polesie, paremia, parents.

Уводзіны

У сучаснай лінгвістыцы існуюць розныя тэарэтычныя падыходы да вывучэння зместу і структуры канцэпта, які разглядаюць як характэрную праяву нацыянальнага менталітэту – своеасаблівы спосаб індывідуальнага і групавога ўспрымання і разумення свету. Большасць даследчыкаў аналізуюць канцэпт як мнагакампанентнае ўтварэнне,

структуру якога складаюць цэнтр і перыферыя. Паводле В.А. Маславай, канцэпты – гэта згусткі нацыянальна-культурных сэнсаў, вывучэнне якіх дапамагае зразумець асаблівасці светаўспрымання народа, уявіць канцэптуальную і нацыянальную карціну свету [6, с. 53]. К.С. Півавар вылучае наступныя асноўныя характарыстыкі канцэпта: 1) мінімальна адзінка чалавечага вопыту ў яго ідэальным уяўленні; 2) асноўная адзінка апрацоўкі, захавання і перадачы ведаў; 3) канцэпт мае рухомыя межы; 4) асноўная адзінка культуры [7, с. 24].

У гэтым артыкуле намі аналізуецца канцэпт ‘дзіця’ ў фальклорных творах (прыказках, прымаўках, выслоўях), запісаных А.К.Сержпутоўскім на Мазырскім Палессі. Як вядома, большасць даследчыкаў выкарыстоўвае матэрыялы А.К.Сержпутоўскага найперш у сувязі з пытаннямі жанравай спецыфікі і міфалагічнага зместу палесскага фальклору, пры гэтым моўны аспект даследаваны менш. “Незразумела, чым выклікана складанне асобнага невялікага зборніка прыказак і прымавак, запісаных у Мазырскім павеце, і чаму яны не былі ўключаны ў агульны зборнік, падрыхтаваны да друку. ... па сваіх ідэйна-мастацкіх якасцях яны не толькі не ўступаюць адабраным для апублікавання, а ў некаторай ступені нават пераўзыходзяць іх. Магчыма, мазырскі сшытак Сержпутоўскі збіраўся выдаць невялікім лакальным зборнікам” [4, с. 284].

У парэміялагічным фондзе А.К.Сержпутоўскага канцэпт ‘дзіця’ з’яўляецца частотным маркіраваным кампанентам выслоўяў, прыказак і прымавак. Таму мы лічым мэтазгодным прааналізаваць прэміялагічны матэрыял, запісаны на Мазырскім Палессі, праз прызму канцэпта ‘дзіця’ і выявіць рэгіянальныя асаблівасці яго ўжывання ў парэміялагічных адзінках на сучасным этапе.

Мэта артыкула – аналіз лексіка-семантычных асаблівасцей прыказак і прымавак Мазырскага Палесся.

Пастаўленая мэта прадугледжвае вырашэнне наступных задач: разгледзець канцэпт ‘дзіця’ ў традыцыйнай сямейнай культуры беларусаў на прыкладзе парэміялагічных адзінак, запісаных на Мазырскім Палессі; выявіць рэгіянальныя асаблівасці ўжывання прыказак і прымавак Мазырскага Палесся на сучасным этапе.

Метады і матэрыял даследавання

Выкарыстаны метады суцэльнай выбаркі і супастаўляльны метады. Матэрыялам для даследавання паслужылі прыказкі, прымаўкі, выслоўі Мазырскага Палесся [3].

Вынікі і іх абмеркаванне

Аналіз даследаванага парэміялагічнага матэрыялу дазволіў вылучыць наступныя прататыпы сітуацый, якія апісваюць становішча дзіцяці ў сям’і: 1) адносіны бацькоў да дзіцяці; 2) сямейнае выхаванне; 3) адносіны да сіраты.

1. Адносіны бацькоў да дзіцяці. Традыцыйна беларускія сем’і былі шматдзетнымі, што падмацоўваецца наступнымі прыкладамі: *Аб год дзіця, аб год дзіця; Што год з дзіцём; Мал мала менш; Песцяць (дзіця), як першае ды апошняе; Дзеткі-наследкі – едкі.* У парэміялагічных адзінках яскрава гучыць матыў любові і цеплыні да дзяцей: *Кожнаму сваё дзіця міла. Сваё дзіцятка міла. Трасеца над дзіцем.*

Безумоўна, бацькі любілі сваіх дзяцей, але стаўленне да іх было супярэчлівым. З аднаго боку, дзіця агаясамлівалася з радасцю для сям’і, працягам роду, з другога боку – з цяжкім прыдаткам: *Багат Хвадзей – поўна хата дзяцей; Гушча дзяцей не разганяе; Куцыя дзетак збірае, а квас разганяе.* Такія дваякія адносіны да дзяцей былі звязаны з эканамічна цяжкімі ўмовамі жыцця беларускіх сем’яў, іх слабым матэрыяльным становішчам і дабрабытам.

Разам з тым у парэміях Мазырскага Палесся паслядоўна падкрэсліваецца, што расціць дзяцей – гэта адказная і складаная справа, поўная перажыванняў і хваляванняў. Як сведчыць прааналізаваны матэрыял, адказнасць семантызуецца шляхам выкарыстання прыёмаў параўнання, супастаўлення, правядзення паралеляў, што надае парэміям

вобразна-эмацыянальнае адценне і павялічвае іх сэнсавую каштоўнасць: *Без дзяцей – сухота, з дзецьмі – пярхота; Тады матка бяду знае, як малое дзіця мае; Малое звесці вокам не дае; Малыя дзеці, малое ліха; Каля лаўкі ходзячы ліха не знае; Няшчасце ў дзецях – няшчасце ў лецях.* Часта ўжываецца сінтаксічная мадэль “хто..., той”: *Хто дзяцей не мае, той гора не знае; Хто мае пчол, той мае мёд, хто мае дзяцей, той мае смурод.*

Як бачым, у парэміялагічным фондзе беларускай мовы маюць месца трапныя народныя выслоўі, сэнсаўтваральнымі кампанентам у якіх выступае лексема *бяда* (ліха гора, няшчасце). І тым не менш, нягледзячы на ўсе супярэчнасці, станоўчай канатацыяй надзяляюцца выказванні, якія сцвярджаюць, што жыццё чалавека без дзяцей губляе сэнс: *Без дзяцей ціха, ды на старасці ліха.*

Відавочна, што параўнанні ў прыказках і прымаўках прадстаўлены рознымі формамі выражэння. Самымі распаўсюджанымі з іх з’яўляюцца злучнікі *як, каб, што, быццам, то, але, бы*, фіксуюцца і бяззлучнікавыя канструкцыі. Кампазіцыйна парэміялагічныя адзінкі, часцей за ўсё, складаюцца з дзвюх частак (таксама зафіксаваны прыклады кампазіцыйнай арганізацыі з 3–4 часткамі).

Вызначальная роля належала **жанчыне-маці** ва ўсталяванні адносін у сям’і, вядзенні побыту і выхаванні дзяцей, захаванні сямейных традыцый і адлюстраванні норм маралі, выпрацаваных продкамі на працягу многіх стагоддзяў. Аналіз даследаванага парэміялагічнага матэрыялу прыводзіць да высновы, што значная колькасць прыказак і прымавак рэпрэзентуе любоў, клопат і цеплыню маці да свайго дзіцяці: *Усякая матка хваліць сваё дзіцятка. Які палец ні ўкусі, роўна балюча. У парэміях І ваўчыха сваіх дзяцей любіць; Ваўчыха й тая сваё дзіця беражэ сувязь ‘маці-дзіця’ будуюцца на прыёме параўнання з выкарыстаннем заамарфізма ваўчыха – метафарычнай характарыстыкі асобы, утворанай на аснове назвы жывёлы. Значнасць, высакароднасць ваўчыхі падкрэсліваецца пры дапамозе ўзмацняльнай часціцы і (й) у значэнні ‘нават’. У дадзеным кантэксце заамарфізм ваўчыха становіцца ўвасабленнем маральных якасцей асобы.*

У парэміях выразна вызначаюцца і традыцыйныя фальклорныя адзнакі, якія гучалі пераважна з вуснаў маці: звароты з памяншальна-ласкавым значэннем: *Кірпачка мая маленькая, дарагенькая*; жанравая паэтыка калыханкі і забаўлянкі: *Люлі, люлі, люлі, палез кот у дулі; Кую, кую ножку, паеду ў дарожку*; загадкі: *Малы малышок скінуўся з вышок (жолуд), Матка – таўстуха, дачка – краснуха, а сын Хвядос пайшоў да нябёс (дым з печы).*

Значная колькасць парэмій актуалізуе матыў ‘перажыванне, клопат, трывога’ маці за здароўе, лёс і долю дзіцяці: *Нішто столькі жалю не мае, як родная матка. Гэта ён пад такую планіду радзіўся. Яно з пялёнак такое ўпартае. Не радзіся красным, а радзіся шчасным. Дзіця не ўпаўшы не вырасце. Дзіцята бы ягнята. Дзіця не салжэ. Якія годы, такі й розум. Дзецім дарога – перасцярога. Што міру – то й бабінаму сыну.*

Як адзначае Ж.Я. Белакурская, “мацярынства ахоплівае эмацыянальную, псіхалагічную і бытавую сферы, а бацькоўства – грамадскую. Права бацькі мела ў вачах грамадства большую значнасць, чым хатнія заняткі маці” [1, с. 27]. У парэміях *Няма таткі, няма й папкі (хлеба)*”, *Спякуць і дзеці, калі ёсць у клеці* падкрэсліваецца, што менавіта мужчына быў здабытчыкам у сям’і, мужчынская праца цанілася вышэй, яна з’яўлялася асновай матэрыяльнага дабрабыту сям’і. Таму кампанент ‘сын’ надзяляецца станоўчай канатацыяй: *Нарадзіла малайца акурат, як айца. Сын у дом грабе, а дачка ў людзі бярэ. Бацьку з сынам нішто не рассудзіць. Каб сын вырас памочнікам, бацьку пры яго выхаванні неабходна праяўляць строгаць і патрабавальнасць, не дапускаць свавольніцтва: Вучы сына, як каля лаўкі ходзіць, бо як вырасце, то цябе навучыць. Расці хлапца ды не шкадуі дубца, то выведзеш у людзі.*

2. Сямейнае выхаванне. Першае дзіця – Божы дар, бязмежная радасць для бацькоў (*Першае дзіцятка – панятка*), яго песцяць, галубяць, шкадуюць. Разам з тым, народная мудрасць перасцерагае бацькоў ад празмернай апекі над дзецьмі: *Вытесціць пестуна. З пестуна нічога не будзе, бо дзіця трэба выхоўваць у строгаць з самага маленства.*

Парэміялагічная карціна свету палешукоў утрымлівае значную групу прыказак і прымавак, якія выступаюць своеасаблівымі інструкцыямі для бацькоў у пытаннях выхавання. Гэта дасягаецца праз ужыванне сінтаксічных канструкцый безасабовых сказаў і дзеясловаў загаднага ладу: *Тады дзяцей вучаць, як каля лаўкі ходзяць. Малому не патурай, а што трэба дай. Годзе яму патураць, бо вырасце злодзем. Дзяцей гадаваць – волі не даваць. Дасі дзецям волю – адбярэш долю. Лети даглядзі, а за руку не вадзі. Выхавай дзяціну на ліхую гадзіну.*

Прыярытэтным у сямейным выхаванні беларусаў спрадвеку лічылася не фізічнае ўздзеянне ці пакаранне, а цвёрдае, павучальнае бацькоўскае слова, якое накіроўвала на правільны жыццёвы шлях. Аднак жа ў парэміялагічным матэрыяле, запісаным А.К.Сержпутоўскім, фіксуецца значная колькасць прыкладаў, якія рэпрэзентуюць выхаванне як пакаранне, асэнсоўваюцца розныя падыходы бацькоў да метадаў выхавання: маці выхоўвае ласкай і дабрынёй, бацька – дубцом і сілай (параўн.: рус.– метод кнута и пряника): *Дзеці балуюцца ад матчынага блінца, а разумнеюць ад бацькавага дубца. Любі дзіця як душу, а калаці як грушу. Разумнае дзіця баіцца гразы, а дурное – лазы. Добрае дзіця паслухае ківа, а ліхое не слухае й кія. Няічасныя тыя дзіцяці, якіх не жураць ні бацькі, ні маткі.*

Абавязак бацькоў заключаецца ў тым, каб падрыхтаваць дзяцей да самастойнага жыцця: прывучыць да працы, навучыць уменню весці гаспадарку, набыць жыццёвую мудрасць. Таму, бясспрэчна, адказнасць за выхаванне дзяцей ускладаецца на бацькоў: *Твае дзеці – табе й глядзеці. Умеў дзіця радзіць, умей і вучыць.*

Вынікі аналізу выяўляюць найбольш актуальныя **рэаліі** для пэўнага народа, найменні каторых уваходзяць у якасці кампанентаў у склад парэміі. Так, для беларусаў актуальны такія рэаліі, як зямля, дамашнія жывёлы, прадметы быту. Напрыклад: *Лька дзяры, пакуль дзяруць, дзеўку аддавай, пакуль бяруць. Сем пар лапцёй чорт стаптаў, пакуль іх сабраў. Не па рэпачыцы націнка, не па дзевачыцы дзяцінка. Пазнаюць нашу дачку й у андарачку. Праходзіць Пакрова – раве дзеўка бы карова. Сын адзінак – ці чорт, ці сабака. Першае шчанятка за плот кідаюць. У прыкладзе Здаецца, пасадзі на полі дзіця й тое вырасце параўнанне ўказвае, на колькі была важнай і значнай земляробчая праца і ўраджай для дабрабыту сям’і. Такім чынам, парэміялагічная карціна свету адлюстроўвае і гаспадарчы ўклад жыцця беларусаў.*

Дзеці выхоўваюцца на прыкладзе бацькоў: *Няма чаго дзіваваці, такая была й маці. Яблычка ад яблыні недалёка коціцца. Сава не родзіць сакала, а такога ж чорта, як сама. Сава не прывядзе сакала.* Па меркаванні А.Л.Садоўскай, “... у аснове беларускіх фразеалагічных адзінак з кампанентам-арнітонімам *сава* знаходзяцца архетыпічныя ўяўленні людзей, зыходным з якіх з’яўляецца тое, што сава – таямнічая, дэманічная істота, звязаная з нячыстай сілай. Яе вобраз несумяшчальны з вобразамі “боскіх” птушак – арлом, сокалам, голубам, салаўём..., бо яны супрацьстаяць як д’яблава – святому, смерць – жыццю, цемра святлу” [8, с.13].

Адметнай рысай паводзін беларусаў у традыцыйнай сямейнай культуры выступае павага да старэйшых, у тым ліку і да бацькоў (*Прыгожыя на кажусе латкі ад роднага таткі*), што сцвярджала сямейнае і грамадскае добраўпарадкаванне. Паводле народнай традыцыі беларусаў, спрадвеку лічылася, што дзеці павінны павважаць, слухаць бацькоў, не абмяркоўваючы іх патрабаванняў: *Не слухаў тату, паслухаеш ката. Не ўмеў шанаваць, ідзі жабраваць.* У прааналізаваным матэрыяле відавочна выражаецца і ацэнка вынікаў выхавання для саміх бацькоў: *Не ўмеў гадаваць, умей выбачаць. Бацька не біў сына малога, дык ён старога. Дзеткі, дзеткі, не будзьце едкі ды не з’еіце бацьку з маткай. Пусці дзяцей на волі, сам будзеш у няволі. Бацькоў зямля ўзяла – дзеткам воля свая.*

На жаль, родныя бацькі не заўсёды становяцца прыкладам для сваіх дзяцей, г.зн. у добрых бацькоў час ад часу нараджаюцца кепскія (нявыхаваныя, з дэвіянтнымі

паводзінамі, з адхіленнямі ў нормах паводзін) дзеці і наадварот: *Аднаго бацькі, аднае маткі, ды не роўныя дзіцяtkі. Дзеткі адзінае маткі, ды не роўныя. З аднае хаткі, ды не роўныя дзіцяtkі. І ў хлебе ёсць мякіна. У балоце не без чорта, а ў сям'і не без вырадка* (параўн.: рус. *В семье не без урода*).

Адмоўную канатацыю ў сваёй семантыцы ўтрымліваюць парэміі з кампанентам чорт. Чорт ва ўяўленнях славян – гэта ўвасабленне нячыстай сілы, якая супрацьстаіць Богу. Бога беларусы ва ўсе часы называлі абаронцам бедных і абяздоленых, а таму ўсе свае спадзяванні на заступніцтва ад злых сіл ускладалі на яго. У парэміі “*Багатаму чорт дзяцей калыша*” шляхам стварэння семантычнай апазіцыі **Бог–чорт** выражана супрацьпастаўленне багатых і бедных: багатаму дапамагае выхоўваць дзяцей чорт, а беднаму – Бог.

Сярод даследаванага моўнага матэрыялу асобна вылучаюцца парэміі, якія даволі шырока рэпрэзентуюць канцэпт ‘дзіця’ пры дапамозе розных **камунікатыўных сітуацый**: *Каб я так сваіх дзяцей аглядаў. Каб ён так сваіх дзяцей аглядаў, як гэта праўда. Каб ён так з дзяцей цешыўся* (бажэнне); *І бацьку з таго свету пазавеш. Я вас, жэўжыкі* (грозьба); *Будуць дзеткі, хоць дробненькія. Жонка ці звонка, дзеткі ці гудуць? З’еш акрайчык, будзе сын Мікалайчык* (жарты); *Каб дзетак напладзілі ды пагадавалі. Каб праўнукаў дачакалі ды гора не зналі. Няхай гадуецца* (зычэнне).

3. Адносіны да сіраты. Маральныя каштоўнасці нашага народа, як вядома, фарміраваліся на працягу стагоддзяў. У моўнай карціне свету беларусаў сям’я выступае як адна з асноўных і найбольш значымых у жыцці чалавека каштоўнасцей. Разам з тым, у парэміялагічным матэрыяле А. К. Сержпутоўскага матыў сіроцтва прадстаўлены даволі шырока: *У сіроцтве жыць – слёзы ліць. Хто сіратою не бываў, той ліха не знаваў. Сірату лаюць і б’юць ды й плакаць не даюць. Сірата сіраце жаліцца ў бядзе. Добра яму смяяцца, якаво то нам сіратам. Тады сіраце нядзеля, як сарочка бела. Сірата – дурата.*

Цяжкім быў лёс дзяцей, у якіх паміралі маці, а пасля жаніцьбы бацькі іх выхаваннем займалася яго новая жонка, якая ставілася да дзяцей не як маці, а як злая мачыха: *Матка дзяцей пушыць, а мачыха сушыць.* Гэта азначае, што ў процілегласць сардэчных, пяшчотных адносін роднай маці, мачыха, як правіла, з нелюбоўю ставілася да няродных дзяцей. Як адзначае А.С. Дзядова, “у многіх парэміялагічных адзінках з адмоўнай канатацыяй гэта выяўляецца праз семантычную апазіцыю *мачыха (чужая матка) – родная маці (матка)* [2, с. 141]. Аднак народная мудрасць сцвярджае і іншую думку: *Не тая маці, што нарадзіла, а тая, што ўскарміла. Ласкавае цялятка двух матак ссе.*

Жанчына пасля смерці мужа набывала іншы сацыяльна-сямейны статус – удава. Пасля смерці гаспадара на яе ўскладаліся не толькі мацярынскія абавязкі, але і гаспадарчыя справы, і мужчынскі клопат. Таму і ў запісах А.К. Сержпутоўскага зафіксаваны наступны прыклад: *Хто ўдаву мінае, той шчасця не мае.* Разам з тым, мужчына, які заключаў шлюб з удавой, браў на сябе абавязкі і па выхаванні яе дзяцей, што выклікала пэўнае апасенне і перасцярогу: *Не дай бог на чужых дзяцей ісці. Гадуі чужое, а яно табе зычыць ліхое. З чужога чарцяці не зробіш дзіцяці.*

Аўтар артыкула – карыстальнік мовы, ураджэнец і жыхар Мазыра – ва ўласнай маўленчай практыцы актыўна ўжывае моўныя адзінкі, якія рэпрэзентуюць канцэпт “дзіця” ў парэміялагічнай спадчыне А.К. Сержпутоўскага: **адносіны бацькоў да дзіцяці**: *Трасецца над дзіцем. Які палец ні ўкусі, роўна балюча (Які палец ні парэж, усё роўна баліць).* *Гушча дзяцей не разганяе. Кірпачка мая маленькая, дарагенькая. Кую, кую ножку, паеду ў дарожку. Яблычка ад яблыні недалёка коціцца (Яблык ад яблыні далёка не падае).* *Сава не родзіць сакала, а такога ж чорта, як сама; З’еш акрайчык, будзе сын Мікалайчык; сямейнае выхаванне*: *Любі дзіця як душу, а калаці як грушу. Багатаму чорт дзяцей калыша; Аднаго бацькі, аднае маткі, ды не роўныя дзіцяtkі; адносіны да сіраты*: *Не дай бог на чужых дзяцей ісці. Не тая маці, што нарадзіла, а тая, што ўскарміла. Ласкавае цялятка двух матак ссе (Ласкавае цялятка двух матак усасае, а гордае – ні адной);*

жаницьба: *Ад жаніхоў адбою няма. Ні сабе паглядзець, ні людзям паказаць. Суджанага й канём не аб'едзеш (Суджанага ні абойдзеш, ні аб'едзеш). Хоць за вала, абы дома не была. Хоць свінка, ды грошай скрынка (Мой сынку, бяры хоць свінку). Ці надоўга стары жаніўся: калі не памрэ, то жонка ўпрэ (Ці надоўга стары жэніцца). Як у голаў зойдзе, то й за печкай знойдзе (Каму ў голаў зойдзе, той за печкай знойдзе). Не ўсё ж на бацькавым карку сядзець. На шыі сядзець (На шыю сесці). Сесці на карак. Пайшоў у прымакі. Што за ім, што без яго (Што з ім, што без яго).*

Прыведзеныя прыклады дазваляюць зрабіць наступныя высновы: нягледзячы на тое, што змест і кампазіцыйная арганізацыя парэміі супадаюць і паўтараюцца ў розных мясцовасцях Мазырскага Палесся, у вёсцы Навікі Мазырскага раёна фіксуецца свае **рэгіянальна-моўныя асаблівасці** ўжывання некаторых парэміялагічных адзінак. Такое разнастайнае вар'іраванне ўжывання дае магчымасць разгледзець пытанне аб іх лексіка-семантычным функцыянаванні ў жывым маўленні жыхароў Мазырскага Палесся. Трэба адзначыць, што не зафіксаваны паводле запісаў А.К. Сержпутоўскага наступныя прыклады *Як сіраце жаніцца, дык і ноч малая. Замуж не напасць, абы замужам не трапасць*, якія даволі шырока ўжываюцца жыхарамі вёскі на сучасным этапе.

Разам з тым неабходна падкрэсліць, што А. Крывіцкі ўвогуле асобна вылучае слуска-мазырскія гаворкі сярод паўднёва-заходняй разнавіднасці і адзначае, што яны “характарызуюцца як бы большай выразнасцю, падкрэсленай рэгіянальнасцю, а таксама паслядоўнасцю ў рэалізацыі асаблівасцей і сродкаў паўднёва-заходніх гаворак” [5, с. 174].

Вывады

Мясцовы каларыт, самабытнасць і арыгінальнасць апавядальніка найлепшым чынам выяўляюцца ў яго моўна-стылявой манеры, праз якую выразна адлюстроўваюцца і матэрыяльна-духоўныя асновы жыцця народа. На сучасным этапе парэміялагічныя адзінкі не з'яўляюцца мёртвымі, яны актыўна працягваюць функцыянаваць як у навуковым, так і ў паўсядзённым маўленчым асяроддзі звычайных карыстальнікаў мовы. Разгледжанае функцыянаванне канцэпта ‘дзіця’ ў прыказках і прымаўках, запісаных А.К. Сержпутоўскім на Мазырскім Палессі, адлюстроўвае жыццёвую мудрасць і народны вопыт беларусаў-палешукоў.

Літаратура

1. Белакурская, Ж.Я. Каваль кув, каваліха пье... / Ж.Я. Белакурская // Працы кафедры сучаснай беларускай мовы / пад рэд. А.Я. Міхневіча. – Мінск, 2008. – Вып. 7. – С. 24–29.
2. Дзядова, А.С. Чалавек у лясцеўку беларускай фразеалогіі і парэміялогіі : манаграфія / А.С. Дзядова. – Віцебск : ВДУ імя П.М. Машэрава, 2013. – 162 с.
3. Касько, У.К. Палескі дзівасіл: Бел. нар. прыказкі, прымаўкі, выслоўі: са скарбніцы А.К. Сержпутоўскага / У.К. Касько. – Мінск : Выш. шк., 2005. – 383 с.
4. Касько, У. Народныя мудраслоўі : (да пытання вывучэння беларускай парэміялогіі) / Уладзімір Касько // Жыццём і словам прысягаючы... : да 90-годдзя заслужанага работніка адукацыі Рэспублікі Беларусь, доктара філалагічных навук, прафесара М.Я. Цікоцкага : зб. навук. прац / Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Інстытут журналістыкі, Кафедра стылістыкі і літаратурнага рэдагавання. – Мінск, 2012. – С. 279–288.
5. Крывіцкі, А.А. Дыялекталогія беларускай мовы: дапам. / А.А. Крывіцкі / Мінск : Выш. шк., 2003. – 294 с.
6. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие / В.А. Маслова. – 3-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2007 – 296 с.
7. Півавар, К.С. Беларуская ментальнасць у моўнай прасторы мастацкага тэксту : манаграфія / К.С. Півавар. – Віцебск : ВДУ імя П.М. Машэрава, 2015 – 155 с.
8. Садоўская, А.Л. Фразеалагізмы з кампанентам-арнітонімам у беларускай мове: Этналінгвістычны аспект : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / А.Л. Садоўская ; Бел. дзярж. ун-т. – Мінск, 2002. – 23 с.

References

1. Belakurskaya Zh. Ya., (2008). Kaval' kув, a kavaliha пье. *Praci kafefry sychasnai belaruskai movy*. [The blacksmith forges, the blacksmith sings. *Proceedings of the Department of Contemporary Belarusian Language*]. 24-29. (In Bel).

2. Dzyadova A. S., (2013). *Chalavek y ljstjerku belaruskai frazealogii I parjemiologii: managrafia*. [Man in the mirror of Belarusian phraseology and paremiology: monograph]. Vitsebsk: VSU named after P.M. Mashjerava. (In Bel).

3. Kas'ko U. K., (2005). *Paleski dzivasil: Bel. nar. prykazki, prymauki, vjisloui: sa skarbnicsi A.K. Serzhputovskaga*. [Polesie elecampane: Belarusian folk proverbs, sayings: from the treasury of A.K. Serzhputovsky]. M: Higher school. (In Bel).

4. Kas'ko U. K., (2012). Narodnyia mudraslou: (da pytannya vyvuchjennya belarusskai parjemiologii). *Zbornik navukovyh prac*. [Folk wisdom words. Collection of scientific works]. 279-288. (In Bel).

5. Kryvicki A. A., (2003). *Diyalektologia belaruskai movy: Dapam*. [Dialectology of Belarusian language]. Minsk: Higher school. (In Bel).

6. Maslova V. A., (2007). *Vvedenie v kognitivnuu lingvistiku: ucheb. Posobie*. [Introduction to cognitive linguistics: training manual]. M.: Flinta: Science. (In Russ).

7. Pivavar K. S., (2015). *Belaruskai mental'nasc' u moynai prastorji mastackaga tjekstu: managrafia*. [Belarusian mentality in the linguistic space: monograph]. Vitsebsk: VSU named after P.M. Mashjerava. (In Bel).

8. Sadoyskaia A. L., (2002). *Frazealogizmi z kampanentam-arnitonimam y belaruskai move: Etnolingvistychny aspect*. [Phraseological units with an ornithonym component in the Belarusian language: ethnolinguistic aspect]. [Author's abstr. cand. philol. diss.]. Minsk. (In Bel).

УДК 81'42'22:316.77:159.942

РОЛЬ СООТНОШЕНИЯ ПОЗИЦИЙ ГОВОРЯЩЕГО И СЛУШАЮЩЕГО В КОММУНИКАТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ ГЕРОЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ СЦЕНАРИЕВ И КИНОТЕКСТОВ)

Г.С. Павловец,

старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин
Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники,
соискатель кафедры теоретического и славянского языкознания
Белорусского государственного университета,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: pavlovets@bsuir.by

Статья посвящена преобразованиям сценария в кинотекст применительно к изображению в них коммуникативного поведения героев, обусловленного отрицательными эмоциями недовольства, возмущения, злости, гнева, обиды. Анализируются типы изменений, произошедшие с исходным материалом в кинотекстах. Раскрывается роль средств, отвечающих за соотношение позиций говорящего и слушающего в коммуникативной реализации отрицательных эмоций героев в семиотическом коде киноязыка.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, отрицательные эмоции, целеустановка, речеповеденческая тактика, сценарий, кинотекст

THE ROLE OF THE RATIO OF THE SPEAKER AND LISTENER POSITIONS IN THE COMMUNICATIVE REALIZATION OF NEGATIVE EMOTIONS OF HEROES (on the material of screenplays and movies as texts)

G.S. Pavlovets,

Senior Lecturer of the Department of General Education Disciplines,
Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics,
applicant for the Department of Theoretical and Slavic Linguistics of the Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: pavlovets@bsuir.by

The article deals with the transformation of the screenplay into the movie as a text in relation to the depiction of the communicative behavior of the characters in them, which is caused by the negative emotions of discontent, indignation, anger, fury, resentment. The types of changes that have occurred with the source material in movies as texts are analyzed. The role of the means responsible for the ratio of the positions of the speaker and the listener in the communicative realization of the negative emotions of the characters in the semiotic code of the cinema language is revealed.

Key words: communicative behavior, negative emotions, goal-setting, speech-behavioral tactics, screenplay, movie as a text.

Введение

Вопросы взаимосвязи эмоциональной сферы человека и его коммуникативного поведения все так же актуальны. В «тренде» современной компьютерной лингвистики – исследования по распознаванию эмоций, установок, оценок в текстах с целью повышения уровня обслуживания [1], [4], [5], междисциплинарные научные взаимодействия по моделированию эмоций для систем искусственного интеллекта [2], [3]. Однако эти исследования ведутся либо исключительно на материале письменного сегмента Интернета (обзоры, сообщения в блогах, сообщения), либо недостаточно иллюстрируют лингвистический аспект эмоций. В то же время эмоциональная функция языка, на которую указывал К. Бюлер [7], ярко проявляется в эмоциональном общении – «спровоцированном эмоциогенными событиями (обычно сопровождаемыми речевыми действиями)» [9, с. 68]. Чтобы выявить специфику конструкций, используемых в коммуникации субъектом таких отрицательных эмоций, мы сопоставили ряд диалогов-источников эмоциональной коммуникации героев из сценариев и соответствующих им кинотекстовых аналогов из советского кино. Согласимся, что «тексты фильмов (...) удобнее для анализа, так как дают максимум информации о типах отношений говорящего, слушающего и ситуации в определенной про- и перспективе, чего часто не предоставляют тексты, полученные в результате полевых наблюдений над звучащей разговорной речью» [6, с. 26].

Цель исследования – выявление специфики представления коммуникативного поведения русскоязычных персонажей-субъектов активных отрицательных эмоций в кинотекстах по сравнению с соответствующими им киносценариями и особенностей преобразования этой информации при переходах между указанными типами текстов. В задачи исследования входил отбор материала и его анализ, выявление набора возможных модификаций коммуникативного поведения субъекта отрицательных эмоций в кинотекстовых аналогах сценарных диалогов, аппарата языковых средств этих модификаций.

Методы и материал исследования

Мы разделяем мнение, что «больше всего индивидуальные особенности речевого портрета личности проясняют экзистенциальные сферы коммуникативного континуума, т. е. речевые ситуации, несущие в себе элементы психологического напряжения» [10]. Предмет анализа – коммуникативное поведение героев-субъектов эмоций недовольства, возмущения, гнева, гнева и обиды из пяти русскоязычных киносценариев советской эпохи и их кинотекстовых аналогов.

Материалом исследования стали пары таких художественных произведений, как «Летят журавли» В. Розова; «Служебный роман» Э. Рязанова и Э. Брагинского; «Чужие письма» Н. Рязанцевой; «Осенний марафон» А. Володина; «Экипаж» Ю. Дунского и В. Фрида (далее сокращаются как ЛЖ, СР, ЧП, ОМ, Э) и связанные с ними кинотексты.

Для выявления специфики структур, используемых в общении субъектом отрицательных эмоций, применен прагматический подход и сопоставление. В сценариях были выделены микротексты с диалогами, содержащими реакцию персонажей, испытывающих в момент речи отрицательные эмоции – недовольство, возмущение, злость, гнев, обиду – вызванные причиной, известной ранее из контекста, с единством места и времени действия. Они получили название эмотивных сюжетных единиц (ЭСЕ). Далее были подготовлены записи аудиоряда и раскадровки аналогичных кинотекстовых ЭСЕ и проанализированы в сопоставлении языковые средства, отвечающие за моделирование коммуникативной реакции героя: речевые ходы, речеповеденческие тактики, слова и высказывания. Под термином РПТ здесь понимается как вербальная, так и невербальная «однородная по интенции и реализации линия поведения коммуниканта, входящая в его усилия ради достижения стратегического перлокутивного эффекта» [8, с. 525].

Результаты и их обсуждение

Нами установлено, что сохранение сценарных диалогов – это основа фильма: для пяти кинолент сохранено 278 эмотивно значимых диалогов из 320 сценарных ЭСЕ.

Отрицательные эмоциональные переживания персонажей, которые проявляются в их коммуникативном поведении, при переходе в кинотекст могут усиливаться, ослабляться, нейтрализоваться, добавляться, опускаться, изменять тип (от недовольства к злости и др.). Хотя сохранению подлежит большая часть диалогов из ЭСЕ, но их абсолютное соответствие по параметрам а) сохранения типа эмоции (злость остается злостью) и б) дословного сохранения речевого поведения в том, что касается числа речевых ходов, их наполнения в виде речеповеденческих тактик и даже числа слов это довольно редкое явление на нашем материале. Например, у эпизодических героев абсолютное сохранение ЭСЕ имеем в 8 случаях из 54. Наиболее частотна ситуация, когда в кинотексте при сохранении основы диалога наблюдается усиление отрицательного эмоционального переживания, организованное при помощи определенных коммуникативных средств. Эти средства очень разнообразны, и их подробный анализ останется за рамками данной статьи в силу ее объема. Далее рассмотрим только один достаточно интересный и показательный способ усиления отрицательного эмоционального переживания персонажей в кинотексте – соотношение позиций говорящего и слушающего.

По мнению М. Г. Безяевой [6], в коммуникативной семантике при анализе диалогов можно выделить семь различных коммуникативных полей. Одним из них является поле соотношения позиций говорящего и слушающего. Как показал проведенный нами анализ, в кинотексте обнаружены средства актуализации данного поля, которые активно используются для усиления отрицательных эмоций героев-субъектов отрицательной эмоции в их разговоре с каузатором (*cause* с английского – «причина») – лицом, чей поступок вызвал отрицательную эмоцию. Среди них – противопоставление личных местоимений для говорящего и слушающего, относительных местоимений, сопутствующих им средств, например, слов *Да* и *Нет*, вводных слов мнения, трансформации безличных конструкций в личные.

Поле соотношения позиций говорящего и слушающего как способ усиления отрицательных эмоций первого актуализируется в следующих примерах (здесь и далее переход от сценария к кинотексту обозначен стрелкой →): *Понимаю ваше желание продвинуть по службе старого друга* → – **Я** понимаю ваше желание продвинуть по служебной лестнице старого товарища (СР); *Упадешь!* → **Ты** же упадешь! (ЛЖ); – *Если помнишь, мы вчера с тобой развелись.* – *Я помню,* – сказала в трубку Верочка, – *ты держался очень грубо...* → – *Если помнишь, мы вчера с тобой разошлись.* – **Да**, я помню. *Ты держался очень грубо...* (СР); *Я же видел, как все это произошло* → *Ведь я же сам видел, как это произошло* (ЛЖ).

Отметим и важность номинации, при помощи которой оформлено обращение субъекта эмоции к собеседнику-каузатору. Так, наличие нарочито выраженных средств обращения даже в ситуации неформального диалога только двоих собеседников, когда обращение, казалось бы, излишне, усиливает экспрессивность высказывания субъекта эмоции и подчеркивает позицию слушающего-каузатора: *Варвара. Ты что, очумел? Опять сначала пошёл<переводить>, да? Зачем?! Бузыкин. А потому что не получается. Все равно куда не годится. Варвара. Тебе не годится, а мне годится. Слушай, уже полпервого* → **Бузыкин**, ты что, очумел? Ты что, все заново начал? Зачем? – *Да не годится это все.* – *Ну тебе не годится, а мне годится!* **Милый**, время уж полпервого (ОМ).

С другой стороны, для эффекта выраженного эмоционального переживания героя может использоваться и выкидка обращения и других средств вежливости при общении с каузатором, когда субъект эмоции, болезненно воспринимая каузатора, склонен не выделять его среди многих присутствующих лиц: – **Толя!** *Выйди из комнаты!* – *в гневе приказал хозяин дома* → – *Выйди сейчас же из комнаты!* (СР). Примеры показывают, что говорящий-субъект отрицательной эмоции склонен подчеркивать личный ущерб. При этом он предвзято воспринимает слушающего-каузатора. Средства данной группы могут использоваться и комплексно, ср. развернутое противопоставление позиций субъекта

эмоции обиды и каузатора: – *Я работаю, Андрей Павлович. Иногда приходится подрабатывать* → – *Андрей Палыч, вы простите, я работаю. Я иногда подрабатываю; Врал бы в одном месте. А то и тут и там – хлопотно* → – *Андрюш, знаешь что, ты бы врал где-нить в одном месте, а то когда и там и тут, по-моему, хлопотно очень...* (ОМ);

Примечательно, что в кинотекстовой речи субъекта отрицательных эмоций по сравнению с исходным сценарием, также наблюдается и преобразование части речевого хода (опущение или замена), которое формирует оттенки значения отрицательной оценки также и по отношению ко второстепенному каузатору: – *Ну Марк бывает у этой Монастырской часто... Поняла?* → – *Ну... Марк бывает у этой... ну, поняла?* (ЛЖ); *Мы тут будем давать полезные советы, мы будем рассуждать о дистанции между педагогом и учащимся... А вот Зине Бегунковой понравилось жить у Верочки, и весь разговор!* → *Мы тут будем говорить о дистанции между педагогом и учащимся, давать советы, делиться опытом, а девочке понравилось у Верочки вот и весь разговор* (ЧП). То есть, абсолютно все «слоты» поля «каузатор» заполнены неодобрением, неприятием, которое маркируется при помощи соответствующих языковых средств. Используемые в кинотексте средства указанного выше коммуникативного поля говорящего и слушающего позволяют дополнительно подчеркнуть особое самовосприятие «человека чувствующего» и его болезненное восприятие любого каузатора своего отрицательного эмоционального переживания.

Выводы

Таким образом, установленная специфика представления эмоционального коммуникативного поведения русскоязычных персонажей в кинотекстах в аспекте усиления отрицательных эмоций в коммуникативном поведении героев при помощи средств актуализации коммуникативного поля позиций говорящего как субъекта отрицательных эмоций и его собеседника как основного каузатора этого переживания способствует повышению психологической достоверности экранных образов героев в коммуникативном плане. Анализ также показывает, что модификации речевого поведения героев необходимы для адекватного перевода киносценария в семиотический код киноязыка применительно к отрицательным эмоциям и усилению эстетического воздействия на зрителя.

Литература

1. Aman S. Identifying Expressions of Emotion in Text / S. Aman, S. Szpakowicz // Text, Speech and Dialogue: TSD 2007. Lecture Notes in Computer Science: Vol. 4629. – Berlin-Heidelberg, Springer, 2007. – P. 196–205.
2. Emotion Modeling: Towards Pragmatic Computational Models of Affective Processes / Tibor Bosse [et al.]. – Berlin-Heidelberg, Springer, 2014 – 167 p.
3. Emotion Modeling in Social Simulation: A Survey/ Mathieu Bourgeois [et al.] // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. – 2018. – № 21(2) 5.
4. Liu, Bing. Sentiment Analysis: Mining Opinions, Sentiments, and Emotions / Bing Liu. – Cambridge University Press, 2015 – 381 p.
5. RuSentiment: An Enriched Sentiment Analysis Dataset for Social Media in Russian / Rogers A. [et al.] // Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics (COLING 2018), August, 2018, Santa Fe, NM. – P. 755–763. – [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.aclweb.org/anthology/C18-1064/>. – Date of access: 15.04.2021.
6. Безяева, М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка / М. Г. Безяева. – М., 2002. – 751 с.
7. Бюлер, Карл. Теория языка / К. Бюлер. – М. : Прогресс, 1993.
8. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Индрик, 2005. – 1037 с.
9. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : монография / Н. А. Красавский. – Волгоград : Перемена, 2001. – 495 с.
10. Седов, К. Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии / К. Ф. Седов // Электронный сборник статей конференции «Диалог 2002». – Сайт конференции «Диалог». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dialog21.ru/digest/2002/articles/sedov/>. – Дата доступа: 29.03.2021.

References

1. Aman S. (2007). Identifying Expressions of Emotion in Text / S. Aman, S. Szpakowicz // Text, Speech and Dialogue: TSD 2007. Lecture Notes in Computer Science: Vol. 4629. – Berlin-Heidelberg, Springer. – P. 196–205. (In En.)
2. Tibor Bosse [et al.] (2014). Emotion Modeling: Towards Pragmatic Computational Models of Affective Processes. – Berlin-Heidelberg, Springer. (In En.)
3. Bourgeois M. [et al.] (2018). Emotion Modeling in Social Simulation: A Survey // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. – № 21(2) 5 (In En.)
4. Liu, Bing (2015). Sentiment Analysis: Mining Opinions, Sentiments, and Emotions. – Cambridge University Press. (In En.)
5. Rogers A. [et al.] (2018). RuSentiment: An Enriched Sentiment Analysis Dataset for Social Media in Russian // Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics (COLING 2018), August, 2018, Santa Fe, NM. – P. 755–763. – Retrieved April 15 2021 from: <https://www.aclweb.org/anthology/C18-1064/>. (In En.)
6. Bezjaeva M. G. (2002) Semantika komunikativnogo urovnja zvuchashhego jazyka [Semantics of the communicative level of the sounding language]. – Moscow, MSU.
7. Bjuler, Karl (1993). Teorija jazyka [Language theory]. – M.: Progress.
8. Vereshhagin, E.M., Kostomarov V. G. (2005) Jazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie koncepcii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskih taktik i sapientemy [Language and culture. Three linguistic and cultural concepts: lexical background, speech-behavioral tactics and sapientems]. – M., Indrik.
9. Krasavskij N. A. (2001). Jemocional'nye koncepty v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah: Monografija [Emotional concepts in German and Russian linguocultures: Monograph]. – Volgograd.
10. Sedov, K. F. (2002). Jazykovaja lichnost' v aspekte psiholingvisticheskoj konfliktologii [Linguistic personality in the aspect of psycholinguistic conflictology]. Retrieved March 29 2021 from: <http://www.dialog21.ru/digest/2002/articles/sedov/>.

УДК 811.161.3

НАЦЫЯНАЛЬНЫЯ ВАРЫЯЦЫІ ПРАТАТЫПАЎ БЕЛАРУСКІХ АНАЛАГАЎ УНІВЕРСАЛЬНЫХ ПРЫКАЗАК*

Ю.А. Петрушэўская,

кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры тэарэтычнай і прыкладнай лінгвістыкі
Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова
г. Магілёў, Рэспубліка Беларусь
E-mail: petrushevskaja@msu.by

У артыкуле апісваецца нацыянальна-культурная маркіраванасць беларускіх аналагаў універсальных прыказак, якая рэалізуецца ў наяўнасці такога элемента іх зместавага плану, як нацыянальныя варыяцыі прыказкавых прататыпаў. Да ўніверсальных прыказак трэба адносіць адзінкі, якія маюць у розных мовах прыказкі-аналагі, пабудаваныя па адной і той жа структурнай мадэлі, якая не абумоўлена (наяўнасць якой нельга патлумачыць) ні роднасцю моў, ні моўнымі кантактамі. Нацыянальная адметнасць прыказкавага фонду беларускай мовы абумоўлена не толькі аб'ёмам спецыфічна беларускіх прыказак, але і нацыянальна-культурнай маркіраванасцю ў беларускай мове агульных з іншымі мовамі прыказак (у тым ліку ўніверсальных).

Ключавыя словы: беларуская мова, прыказкавы фонд мовы, нацыянальна-культурная маркіраванасць, універсальная прыказка, нацыянальны аналаг універсальнай прыказкі.

PROTOTYPES NATIONAL VARIATIONS OF BELARUSIAN ANALOGUES OF UNIVERSAL PROVERBS

Yu.A. Petrushevskaya,

PhD of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of theoretical and applied linguistics,
Mogilev State A.Kuleshov University,
Mogilev, Republic of Belarus
E-mail: petrushevskaja@msu.by

* Даследаванне выканана ў межах НДР “Беларуская фразеалогія, парэміялогія, моўная афарыстыка ў кантэксце еўрапейскіх моў і культур (сінхранічны і дыяхранічны аспекты)” (ДР № 20211335) падпраграмы “Беларуская мова і літаратура” Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў “Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы” на 2021–2025 гг.

The article describes the national and cultural marking of Belarusian analogues of universal proverbs, which is represented with such an element of their content plan as national variations of proverbial prototypes. Universal proverbs should include units that have proverbs-analogues in different languages, created according to the same structural model and the existence of such analogues can not be explained neither the language affinity nor the language contacts. The national identity of the Belarusian proverbial fund is due to the volume of specifically Belarusian proverbs and also to the high degree of national and cultural marking of common to other languages proverbs (including universal) in the Belarusian language.

Key words: the Belarusian language, proverbial fund of a language, national and cultural marking, universal proverb, national analogue of universal proverb.

Уводзіны

Дакладнае размежаванне нацыянальнага і ўніверсальнага (агульнага) у прыказкавым фондзе мовы – адна з актуальных праблем сучаснай парэміялогіі, якая пакуль не знайшла вырашэння [12; 13]. Прыказкавы фонд беларускай мовы (як і любой іншай мовы) складаецца як з адзінак уласнага паходжання (што складаюць яго спецыфічную частку), так і з агульных з іншымі мовамі адзінак (што ўтвараюць яго агульную з іншымі мовамі частку). Адмежаванне спецыфічнага ад агульнага з іншымі мовамі ў беларускіх прыказках, як адзначыў Я.Я. Іваноў на XV Міжнародным з’ездзе славістаў [4], з’яўляецца адной з першачарговых задач беларускай парэміялогіі [10]. Універсальныя прыказкі дагэтуль не вывучаліся ў беларускай мове [3].

Мэта даследавання – вызначыць у складзе беларускіх прыказак такія адзінкі, якія маюць аналагі ў няроднасных і некантактных з беларускай мовах (г.зн. універсальных), а ў складзе такіх адзінак нацыянальна спецыфічныя (уласна беларускія) моўныя кампаненты паводле нацыянальна-культурных варыяцый прыказкавых прататыпаў.

Метады і матэрыял даследавання

Найбольш рэпрэзентатыўным моўным матэрыялам для даследавання, з’яўляецца на наш погляд [18], сукупнасць трох груп прыказак, па-першае, прыказкавы склад літаратурнай мовы [25; 27], прыказкавы мінімум [5, с. 99–106; 24; 33, р. 5–20], асноўны прыказкавы фонд [5, с. 85–99; 6; 33, р. 41–84]. Таксама трэба ўлічваць аналагі і адпаведнікі беларускіх прыказак, вызначаныя ў іншых мовах [1; 2; 20; 22; 23; 29; 30; 31]. Моўны матэрыял адлюстраваны ў полілінгвальным беларуска-іншамоўным слоўніке прыказак [28].

Праведзеныя раней даследаванні дапамаглі нам сфармуляваць прынцыпы і вызначыць крытэрыі вызначэння нацыянальна-спецыфічных прыказак, а таксама нацыянальна-культурна маркіраваных кампанентаў у складзе адзінак прыказкавага фонду беларускай мовы [14; 15; 16; 17; 19]. Адным з такіх кампанентаў з’яўляецца нацыянальна-культурная варыяцыя прыказкавага прататыпу ўніверсальнай прыказкі.

Вынікі і іх абмеркаванне

Даследаванне паказала, што ў разнастайных адзінках прыказкавага фонду мэтазгодна вылучаць “ўніверсальныя” прыказкі, якія ў сучаснай парэміялогіі разумеюцца вельмі неадназначна ад пэўных тыпаў парэмій да тых асобных прыказкавых адзінак, што фіксуюцца ў вялікай колькасці моў розных моўных сямей і груп. Трэба адзначыць, што ўніверсальныя адзінкі, як і ўніверсальны кампанент прыказкавага фонду, спецыяльна не вывучаліся ў мовазнаўстве. Прыказкі не з’яўляюцца прадметам лінгвістычнай універсальнасці, паколькі іх месца і статус у моўнай сістэме, а таксама заканамернасці іх мадэлявання як моўных утварэнняў застаюцца недакладна вызначанымі. Супастаўляльныя даследаванні прыказак на шырокім моўным фоне абмяжоўваюцца прыкладнымі мэтамі ўкладання парэміяграфічных полілінгвальных даведнікаў [24; 36] або напаўнення параўнаўча-супастаўляльнай зоны ў слоўніках прыказак адной мовы [37]. Этымалагічнае вывучэнне прыказак толькі пачынае распрацоўвацца ў мовазнаўстве як асобная галіна [21; 34]. У беларускім мовазнаўстве існуе этымалагічны слоўнік прыказак [32], які з’яўляецца першым і адзіным спецыялізаваным даведнікам такога кшталту.

Прыказкі ў розных мовах бываюць падобныя адна на адну па змесце, лагічнай пабудове, структуры, лексічным складзе, сінтаксічнай арганізацыі, вербальных сродках выразнасці, спосабах функцыянавання. Гэтае падабенства абумоўлівае пошукі іх агульных (універсальных) уласцівасцей як фразавых тэкстаў і як устойлівых адзінак. На наш погляд, структурныя прыказкавыя мадэлі з'яўляюцца эмпірычнай падставай для кваліфікацыі асобных прыказак як універсальных, паколькі дазваляюць абстрагавацца ад лексічна-граматычных адрозненняў адной і той жа прыказкі ў розных мовах. Напрыклад, адзінкі, кваліфікаваныя ў мультылінгвальным парэміяграфічным даведніку "European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese" (1997) Дж. Пацалаі [35] як загатоўкавыя, на самай справе з'яўляюцца структурнымі прыказкавымі мадэлямі, якія можна вызначыць як інварыянты ў адносінах да тоесных па лагічнай структуры і зместу, але ў той ці іншай ступені адрозных па лексічна-граматычным афармленні прыказак у розных мовах (а таксама нярэдка і ў адной мове), напр.: *As you sow, so (will) you reap* or *As one sows so one reaps* V1 – *What you sow that will reap (too)* or *What one sows that will be reaped too* V2 – *Like sowing, like reaping* V3 – *He who does not sow / does / will not reap* V4 [35, p. 38], параўн.: бел. *Як пасееш, так і пажнеш* V1 – *Што пасееш, тое і пажнеш* V2 – *Як пасееш, так пажнеш* V3 – *Хто не сее, не жне / не пажне* V4 [35, p. 38–39]. Можна меркаваць, што паходжанне таго ці іншага варыянта ўніверсальнай прыказкі ў пэўнай мове можа залежыць ад роднасці моў ці ад моўных кантактаў, але сама наяўнасць менавіта гэтай прыказкі ў гэтай мове з'яўляецца вынікам агульных для розных моў працэсаў фарміравання іх прыказкавых фондаў, у якіх належнае месца займаюць адзінкі з універсальным зместам і універсальнай структурай, г. зн. з адлюстраваннем універсальных паняццяў з дапамогай універсальных вобразаў па ўніверсальных мадэлях.

Да ўніверсальных прыказак, на наш погляд, трэба адносіць адзінкі, якія маюць у розных мовах прыказкі-аналагі, пабудаваныя па адной і той жа структурнай мадэлі, якая не абумоўлена (наяўнасць якой нельга патлумачыць) ні роднасцю моў, ні моўнымі кантактамі. Універсальныя прыказкі не могуць мець пэўнай мовы-крыніцы, хоць асобныя (як правіла, нацыянальна-культурна маркіраваныя) іх варыянты і могуць пераходзіць з мовы ў мову. Універсальныя прыказкі не заўсёды супадаюць у розных мовах паводле лексічнага складу і граматычнай арганізацыі, што абумоўлена адрозненнямі нацыянальных (этнічных) лінгвакультур у моўных сродках і кагнітыўных асаблівасцях абагульнена-ўніверсальнага адлюстравання адных і тых заканамернасцей рэчаіснасці, тыповых сітуацый жыцця, сцвярдзенняў цвярозага розуму і г. д. Такія адрозненні ў сваёй сукупнасці складаюць у кожнай мове, дзе ўжываецца ўніверсальная прыказка, яе нацыянальную адметнасць (лінгвакультурную маркіраванасць).

Нацыянальна-культурная семантыка прыказак – гэта адлюстраванне ў іх фактаў гісторыі Беларусі, асаблівасцей беларускай матэрыяльнай і духоўнай культуры, фрагментаў нацыянальнай карціны свету [7; 8; 9; 26]. Нацыянальна-культурная маркіраванасць беларускіх аналагаў універсальных прыказак рэалізуецца ў наяўнасці шэрага элементаў іх плану зместу: нацыянальныя варыяцыі прыказкавых прататыпаў, словы-рэаліі, спецыфічныя паняцці і вобразы. Папярэдне намі былі вызначылі прынцыпы выяўлення нацыянальна-маркіраваных кампанентаў у складзе беларускіх прыказак [14; 15, 16, 17; 19].

Нацыянальныя варыяцыі прыказкавых прататыпаў уласцівы 6% ад агульнай колькасці беларускіх аналагаў універсальных прыказак. Нацыянальна-культурны змест прыказкавых прататыпаў абумоўлены, з аднаго боку, іх адметным лексічным складам, а з другога боку, адлюстраваннем у іх слоўных кампанентах спецыфічных (на фоне іншых моў) паняццяў ці вобразаў. Нацыянальныя варыяцыі прыказкавых прататыпаў у пераважнай большасці выпадкаў знаходзяцца ў адносінах узаемнай дэтэрмінацыі з унікальнымі

варыянтамі структурных мадэляў беларускіх аналагаў універсальных прыказак. Напрыклад, прататып аднаго з фармальных варыянтаў беларускага аналогу ўніверсальнай прыказкі *Адна ластаўка вясны не робіць* [25, с. 48; 27, с. 65; 11, с. 21] або *Гракі цяпла не прыносяць* [25, с. 106; 27, с. 143] або *Першая ластаўка (Першы шпак) вясны не робіць* [24, с. 280] маркіруе нацыянальна-культурны змест (варыянт прыказкавага прататыпу *Гракі цяпла не прыносяць*), паколькі вясенняя пара атаясамліваецца з цяплом ‘цёплым надвор’ем’ (спецыфічнае паняцце), а сімвал наступлення вясны – паяўленне *гракоў*, якія прыляцелі з цёплых краін (спецыфічны вобраз ‘прылёт гракоў’), у той час як у іншамоўных аналагах універсальнай прыказкі няма згадкі пра цеплыню, а сімвалам вясны выступае ластаўка, у адпаведнасці з структурнай мадэллю гэтай прыказкавай адзінкі (паводле Дж. Пацалаі) “*One swallow does not make / bring a spring / summer* (‘Адна ластаўка не робіць / не прынясе вясны / лета’) or *One flower makes no spring / summer* (‘Адна кветка не робіць вясны / лета’)” [35, р. 49].

Таксама прататып аднаго з фармальных варыянтаў беларускага аналогу ўніверсальнай прыказкі *Сем раз(-оў) адмерай (прымер), а (адзін) раз адрэж* [24, с. 281, 275; 25, с. 352; 27, с. 476] або *Дзесяць (Сем) разоў мер і то не вер* [24, с. 275, 281], дзе ўжываецца прэдыкатыўная частка *...i to ne ver* (з адметным лексічным складам і адмысловай граматычнай арганізацыяй –выкарыстаннем адмоўнага сказа, што абумоўлівае ўзнікненне ўнікальнага варыянту структурнай мадэлі), якая з’яўляецца нацыянальна спецыфічнай, паколькі замяшчае агульную для ўсіх іншамоўных аналагаў прэдыкатыўную частку *...адзін раз адрэж*, у адпаведнасці з структурнай мадэллю ўніверсальнай прыказкі (паводле Дж. Пацалаі) “*Measure / Think two / three / seven / ten / hundred / many times [before you] cut once* (‘Мерайце / Думайце два / тры / сем / дзесяць / сто / шмат разы / разоў [перад тым як] адзін раз адразаіце [адразаць]’)” [35, р. 315].

Яшчэ прататып аднаго з фармальных варыянтаў беларускага аналогу ўніверсальнай прыказкі *Кожны (чалавек) <сам> каваль свайго лёсу* [11, с. 60] або *Кожны свайго лёсу каваль* [24, с. 277] або *<Разумны> чалавек сам каваль свайго лёсу (шчасця)* [11, с. 93], дзе ўжываецца адметны лексічны кампанент *разумны* (замест *кожны*), што кардынальна змяняе агульны змест прыказкі, надае яму яскравы нацыянальна беларускі характар – ‘Кіраваць сваім жыццём можа толькі разважлівы, кемлівы, надзелены жыццёвай мудрасцю чалавек’ (і суправаджаецца ўзнікненнем унікальнага варыянту структурнай мадэлі), што не адлюстравана ў іншамоўных аналагах гэтай прыказкі, у якіх ‘Свой лёс можа вызначаць *кожны* (любый) чалавек’, у адпаведнасці з структурнай мадэллю ўніверсальнай прыказкі (паводле Дж. Пацалаі) “*Every man is the architect / marker / master / smith of his own fortune* (‘Кожны чалавек – архітэктар / паказчык / майстар / каваль свайго лёсу’)” [35, р. 388].

Высновы

Такім чынам, наяўнасць нацыянальна адметных элементаў змештавага плану прыказак выяўляе нацыянальна-культурную маркіраванасць адзінак універсальнай часткі прыказкавага фонду беларускай мовы. На гэтай падставе можна зрабіць выснову, што нацыянальная адметнасць прыказкавага фонду беларускай мовы абумоўлена не толькі аб’ёмам спецыфічна беларускіх прыказак, але і нацыянальна-культурнай маркіраванасцю ў беларускай мове агульных з іншымі мовамі прыказак (у тым ліку ўніверсальных).

Літаратура

1. Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік = English-Belarusian Paremiological Dictionary / пад рэд. Я.Я. Іванова. – Магілёў : МДУ, 2009. – 240 с.
2. Беларуская-нямецкі парэміялагічны слоўнік = Belarussisches-Deutsch paremiologisches Wörterbuch / Я.Я. Іванов, Н.К. Раманава. – Магілёў : МДУ, 2006. – 108 с.
3. Белорусская паремиялогия конца XX – начала XXI века (1991–2014 гг.) : библиограф. обзор / Е.Е. Иванов, Ю.А. Петрушевская // Паремиялогия в дискурсе / под ред. О.В. Ломакиной. – М. : URSS : Ленанд, 2015. – С. 252–292.
4. Иванов, Е.Е. Белорусская паремиялогия и афористика в общеевропейском контексте (актуальные проблемы изучения) / Е.Е. Иванов // XV Міжнародны з’езд славістаў = XV Международный съезд славистов

= XV International Congress of Slavists, Мінск, 20–27 жніўня 2013 г. : тэзісы дакладаў : у 2 т. – Мінск : Беларуская навука, 2013. – Т. 1. – С. 322–323.

5. Іваноў, Я.Я. Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове / Я.Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ, 2017. – 208 с.
6. Іваноў, Я.Я. Да праблемы вызначэння асноўнага парэміялагічнага фонду беларускай мовы / Я.Я. Іваноў // Веснік БДУ. Серыя 4. – 2006. – № 3. – С. 103–109.
7. Іваноў, Я.Я. Нацыянальна-культурная семантыка беларускай мовы і праблема яе лінгвакраіназнаўчай рэпрэзентацыі (на матэрыяле моўнай афарыстыкі) / Я.Я. Іваноў // Сацыякультурная прастора мовы (сацыяльныя і культурныя аспекты вывучэння беларускай мовы). – Мінск : Веды, 1998. – С. 33–62.
8. Іваноў, Я.Я. Нацыянальна-культурная семантыка беларускай моўнай афарыстыкі (лінгвакраіназнаўчы аспект) / Я.Я. Іваноў // Нацыянальна-культурны кампанент у тэксце і в мове : докл. Междунар. науч. конф., 5–7 окт. 1994 г. : в 2 ч. – Мінск : Універсітэцкае, 1994. – Ч. 2. – С. 55–57.
9. Іваноў, Я.Я. Семантыка беларускіх афарызмаў / Я.Я. Іваноў // Известия Гомельского гос. ун-та. – 2000. – № 2(25). – С. 94–99.
10. Іваноў, Я.Я. Універсальнае і нацыянальнае ў фразеалагічнай і парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы ў еўрапейскім моўным кантэксце (актуальнасць, метадалогія, перспектывы даследавання) / Я.Я. Іваноў // Славянская фразеология в синхронии и диахронии. – 2016. – Вып. 3. – С. 46–49.
11. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н.э. – XX ст. : тлумачальны слоўнік / Я.Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ, 2011. – 164 с.
12. Парэміялогія без граніц / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. – М. : Изд-во РУДН, 2020. – 244 с.
13. Парэміялогія в дискурсе / под ред. О.В. Ломакиной. – М. : URSS : Ленанд, 2015. – 294 с.
14. Петрушевская, Ю.А. Интернациональные, заимствованные и исконно языковые единицы в составе парэміялагічнага фонда сучаснага беларускага мовы / Ю.А. Петрушевская // Вестник НовГУ. Серия “Филол. науки”. – 2014. – № 77. – С. 123–126.
15. Петрушэўская, Ю.А. Аб’ём і склад універсальных адзінак у парэміялагічным фондзе беларускай мовы / Ю.А. Петрушэўская // Філолагічны студіі. – 2018а. – Вып. 18. – С. 48–62.
16. Петрушэўская, Ю.А. Вывучэнне нацыянальна-культурнага кампанента ў парэміялагічным фондзе беларускай мовы / Ю.А. Петрушэўская // Труды БГТУ. Серыя 4. – 2019. – № 1(217). – С. 123–129.
17. Петрушэўская, Ю.А. Да праблемы вызначэння нацыянальнай адметнасці прыказкавага фонду беларускай мовы / Ю.А. Петрушэўская // Філолагічны часопіс. – 2018б. – Вып. 2(12). – С. 70–75.
18. Петрушэўская, Ю.А. Паняцце парэміялагічнага фонду мовы і прынцыпы яго дыферэнцыяцыі (у сувязі з вызначэннем універсальнага і нацыянальнага кампанентаў у парэміялагічнай сістэме мовы) / Ю.А. Петрушэўская // Філолагічны часопіс. – 2015. – Вып. 1(6). – С. 100–106.
19. Петрушэўская, Ю.А. Універсальныя, інтэрнацыянальныя і нацыянальныя кампаненты парэміялагічнага фонду сучаснай беларускай літаратурнай мовы (на матэрыяле публіцыстычных тэкстаў) / Ю.А. Петрушэўская // Філолагічны студіі. – 2017. – Вып. 16. – С. 195–201.
20. Польшка-беларускі парэміялагічны слоўнік = Polsko-białoruski słownik paremiologiczny / С.Ф. Іванова, Я.Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ, 2007. – 192 с.
21. Происхождение и история английских пословиц = The Etymology and History of English Proverbs / Е.Е. Иванов, Ю.А. Петрушевская. – Могилёв : МГУ, 2019. – 80 с.
22. Русско-белорусский парэміялагічны слоўнік / Е.Е. Иванов, В.М. Мокиенко. – Могилёв : МГУ, 2007. – 242 с.
23. Русско-белорусский словарь пословиц: 777 пословиц русского языка, свыше 5000 белорусских эквивалентов и соответствий / Е.Е. Иванов. – Могилёв : Брама, 2001. – Ч. 1–2.
24. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями) / М.Ю. Котова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. – 360 с.
25. Слоўнік беларускіх прыказак / І.Я. Лепешаў, М.А. Якалцэвіч. – Мінск : Беларуская навука, 2002. – 511 с.
26. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў: лінгвакраіназнаўчы дапаможнік / С. Іванова, Я. Іваноў. – Мінск : БФС, 1997. – 262 с.
27. Тлумачальны слоўнік прыказак / І.Я. Лепешаў, М.А. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 695 с.
28. Універсальныя і інтэрнацыянальныя кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік / Ю.А. Петрушэўская. – Магілёў : МДУ, 2020. – 312 с.
29. Цеплякова, А.Д. Запазычаныя крылатыя выразы ў сучаснай беларускай мове / А.Д. Цеплякова, С.Ф. Іванова // Phraseology of Germanic, Romanic and Slavic Languages. – 2009. – Вып. 1. – С. 98–112.
30. Цеплякова, А.Д. Іншамоўныя запазычаныя крылатыя слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове / А.Д. Цеплякова // Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в вузе. – Могилёв : МГУ, 2015. – С. 74–77.
31. Цеплякова, А.Д. Структура, семантыка і функцыі запазычаных крылатых слоў у беларускай мове / А.Д. Цеплякова // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах. – Гомель : ГГУ, 2007. – С. 236–240.
32. Этымалагічны слоўнік прыказак / І.Я. Лепешаў. – Мінск : Вышэйшая школа, 2014. – 139 с.
33. Ivanov, E.E. Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian) / E.E. Ivanov. – Prague : RSS, 2002. – 136 p.

34. Ivanov, E.E. Etymology of English Proverbs / E.E. Ivanov, Ju.A. Petrushevskaya // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2015. – Vol. 8, No 5. – P. 864–872.
35. Paczolay, G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese / G. Paczolay. – Veszprém (Hungary): Veszprémi Nyomda, 1997. – 528 p.
36. Dictionary of European Proverbs / E. Strauss. – London & New York: Routledge, 1994. – Vol. 1–3.
37. Deutsches Sprichwörter-Lexikon / K.F.W. Wander. – Leipzig: F.A. Brockhaus, 1867–1880. – Bd. I–V.

References

1. *English-Belarusian Paremiological Dictionary* (2009). Mogilev: MDU. 240 s. (In Bel.).
2. *Belarussisches-Deutsch paremiologisches Wörterbuch* (2006). Mogilev: MDU. 108 s. (In Bel.).
3. Ivanov E.E. & Petrushevskaya Yu.A. (2015) Belorusskaya paremiologiya kontsa XX – nachala XXI veka (1991–2014 gg.): bibliograf. obzor. *Paremiologiya v diskurse* / pod red. O.V. Lomakinoy. Moscow: URSS: Lenand. S. 252–292. (In Russ.).
4. Ivanov, E.E. (2013). Belorusskaya paremiologiya i aforistika v obshcheevropeyskom kontekste (aktualnye problemy izucheniya). *XV International Congress of Slavists, Minsk, 20–27.08.2013: tezisy dokladov: u 2 t.* Minsk: Belaruskaya navuka. T. 1. S. 322–323. (In Russ.).
5. Ivanou Ya.Ya. (2017). *Afarystychnyya adzinki u belaruskay move*. Mogilev: MDU. 208 s. (In Bel.).
6. Ivanou Ya.Ya. (2006). Da prablemy vyznachennya asnounaga paremyalagichnaga fondu belaruskay movy. *Vesnik BDU. Seryya 4. № 3.* S. 103–109. (In Bel.).
7. Ivanou Ya.Ya. (1998). Natsyyanalna-kulturnaya semantyka belaruskay movy i prablema yae lingvakrainaznauchay reprezentatsyi (na materyyale mounay afarystyki). *Satsyyakulturnaya prastora movy (satsyyalmyya i kulturnyya aspekty vyvuchennya belaruskay movy)*. Minsk: Vedy. S. 33–62. (In Bel.).
8. Ivanou Ya.Ya. (1994). Natsyyanalna-kulturnaya semantyka belaruskay mounay afarystyki (lingvakrainaznauchy aspekt). *Natsionalno-kulturnyy komponent v tekste i v yazyke: dokl. Mezhdunar. nauch. konf., 5–7 okt. 1994 g.: v 2 ch.* Minsk: Universitetskay. Ch. 2. S. 55–57. (In Bel.).
9. Ivanou Ya.Ya. (2000). Semantyka belaruskikh afaryzmau. *Izvestiya Gomelskogo gos. un-ta. № 2(25).* S. 94–99. (In Bel.).
10. Ivanou Ya.Ya. (2016). Universalnae i natsyyanalnae u frazealagichnay i paremyalagichnay padsistemakh belaruskay movy u eurapeyskim mounym kantekestse (aktualnasts, metadalogiya, perspektyvy dasledavannya). *Slavyanskaya frazeologiya v sinkhronii i diakhronii.* Vyp. 3. S. 46–49. (In Bel.).
11. Ivanou Ya.Ya. (2011). Krylatyya afaryzmy u belaruskay move: z inshamounykh litaraturnykh i falklornykh krynits VIII st. da n.e. – XX st.: tumachalny slounik. Mogilev: MDU. 164 s. (In Bel.).
12. *Paremiologiya bez granits* (2020) / red. M.A. Bredis, O.V. Lomakina. Moscow: RUDN. 244 s. (In Russ.).
13. *Paremiologiya v diskurse* (2015) / red. O.V. Lomakina. Moscow: URSS: Lenand. 294 c. (In Russ.).
14. Petrushevskaya Yu.A. (2014). Internatsionalnye, zaimstvovannyye i iskonno yazykovyye edynitsy v sostave paremiologicheskogo fonda sovremennogo belorusskogo yazyka. *Vestnik NovGU. Seriya "Filol. nauki". № 77.* S. 123–126. (In Russ.).
15. Petrushevskaya Yu.A. (2018). Abyom i sklad universalnykh adzinak u paremyalagichnym fondze belaruskay movy. *Filologichni studii.* Vyp. 18. S. 48–62. (In Bel.).
16. Petrushevskaya Yu.A. (2019). Vyvuchenne natsyyanalna-kulturnaga kampanenta u paremyalagichnym fondze belaruskay movy. *Trudy BGTU. Seriya 4. № 1(217).* S. 123–129. (In Bel.).
17. Petrushevskaya Yu.A. (2018). Da prablemy vyznachennya natsyyanalnay admetnasti prykazkavaga fondu belaruskay movy. *Filologichniy chasopis.* Vyp. 2(12). S. 70–75. (In Bel.).
18. Petrushevskaya Yu.A. (2015). Panyatstse paremyalagichnaga fondu movy i pryntsyipy yago dyferentsyyatsyi (u svyazi z vyznachennem universalnaga i natsyyanalnaga kampanenta u paremyalagichnay sisteme movy). *Filologichniy chasopis.* Vyp. 1(6). S. 100–106. (In Bel.).
19. Petrushevskaya Yu.A. (2017). Universalny, internatsyyanalny i natsyyanalny kampanenty paremyalagichnaga fondu suchasnay belaruskay litaraturnay movy (na materyyale publitsystychnykh tekstau). *Filologichni studii.* Vyp. 16. S. 195–201. (In Bel.).
20. Ivanova S.F. & Ivanou Ya.Ya. (2007). *Polsko-bialoruski slounik paremiologiczny.* Mogilev: MDU. 192 s. (In Polish, Bel.).
21. Ivanov E.E. & Petrushevskaya Yu.A. (2019). *The Etymology and History of English Proverbs.* Mogilev: MGU. 80 s.
22. Ivanov E.E. & Mokienko V.M. (2007). *Russko-belorusskiy paremiologicheskiy slovar.* Mogilev: MGU. 242 s. (In Russ., Bel.).
23. Ivanov E.E. (2001). *Russko-belorusskiy slovar poslovits: 777 poslovits russkogo yazyka, svyshe 5000 belorusskikh ekvivalentov i sootvetstviy.* Mogilev: Brama. Vol. 1–2. (In Russ., Bel.).
24. Kotova M.Yu. (2000). *Russko-slavyanskiy slovar poslovits (s angliyskimi sootvetstviyami).* Sankt-Peterburg: SPbGU. 360 s. (In Russ., at al.).
25. Lepeshau I.Ya. & Yakaltsevich M.A. (2002). *Slounik belaruskikh prykazak.* Minsk: Belaruskaya navuka. 511 s. (In Bel.).

26. Ivanova S. & Ivanou Ya. (1997). *Slounik belaruskikh prykazak, prymavak i krylatykh vyrazau: lingvakrainaznauchy dapamozhnik*. Minsk: BFS. 262 s. (In Bel.).
27. Lepeshau I.Ya. & Yakaltsevich M.A. (2011). *Tumachalny slounik prykazak*. Grodna: GrDU. 695 s. (In Bel.).
28. Petrusheuskaya Yu.A. (2020). *Universalny i internatsyyanalny kampanenty u paremyalagichnym skladze belaruskay movy: belaruska-inshamouny slounik*. Mogilev: MDU. 312 s. (In Bel.).
29. Tseplyakova A.D. & Ivanova S.F. (2009). Zapazychanyya krylatyya vyrazy u suchasny belaruskay move. *Phraseology of Germanic, Romanic and Slavic Languages*. Vyp. 1. S. 98–112. (In Bel.).
30. Tseplyakova A.D. (2015). Inshamounyya zapazychanni krylatykh slou u suchasny belaruskay litaraturnay move. *Teoreticheskie i prakticheskie predposylki podgotovki polilingvalnykh spetsialistov v vuze*. Mogilev: MGU. S. 74–77. (In Bel.).
31. Tseplyakova A.D. (2007). Struktura, semantyka i funktsyi zapazychanykh krylatykh slou u belaruskay move. *Slavyanskaya frazeologiya v arealnom, istoricheskom i etnokulturnom aspektakh*. Gomel: GGU. S. 236–240. (In Bel.).
32. Lepeshau I.Ya. (2014). *Etymalagichny slounik prykazak*. Minsk: Vysheyshaya shkola. 139 s. (In Bel.).
33. Ivanov E.E. (2002). *Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian)*. Prague: RSS. 136 p.
34. Ivanov E.E. & Petrushevskaja Ju.A. (2015). Etymology of English Proverbs. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. Vol. 8, No 5. Pp. 864–872.
35. Paczolay G. (1997). *European Proverbs in 55 Languages, with Equivalentents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese*. Veszprém (Hungary): Veszprémi Nyomda. 528 p.
36. Strauss E. (1994). *Dictionary of European Proverbs*. London & New York: Routledge. Vol. 1–3.
37. Wander K.F.W. (1867–1880). *Deutsches Sprichwörter-Lexikon*. Leipzig: F.A. Brockhaus. Bd. I–V.

УДК 811.161.1'42

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЭКСПЛИЦИТНОСТИ В МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Е.Ю. Садовская,

доцент, кандидат филологических наук, докторант
Минского государственного лингвистического университета
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: sadovskaya@sbmt.by

Статья обращается к проблематике межпоколенческого вербального взаимодействия и направлена на изучение особенностей эксплицитности в межпоколенческом дискурсе, который детерминирован четко разграниченной и обозначенной принадлежностью участников общения к различным поколениям. Обращение к литературным произведениям и публицистическим текстам демонстрирует ряд особенностей, а именно эксплицитность поколенческой принадлежности адресанта в контекстах, маркированных с помощью индикаторов «мое поколение» и «наше поколение», отсутствие идентификации принадлежности адресанта к определенному поколению в контекстах с маркерами «твое поколение» и «ваше поколение» с одновременно эксплицитно определенным адресатом, а также эксплицитность (положительной либо отрицательной) оценки одного поколения другим в процессе их вербального взаимодействия в маркированных контекстах.

Ключевые слова: межпоколенческий, дискурс, эксплицитность, имплицитность, коммуникация, взаимодействие, маркер, мое поколение, наше поколение, твоё поколение, ваше поколение

ON THE QUESTION CONCERNING PECULIARITIES OF EXPLICITNESS IN INTERGENERATIONAL DISCOURSE

J.Yu. Sadovskaya,

associate professor, Cand. Phil. D., doctoral student
of Minsk State Linguistics University
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: sadovskaya@sbmt.by

The article deals with the problematics of the intergenerational verbal interaction. The goal of the article is to study the peculiarities of the explicitness of the intergenerational discourse which is clearly determined by the

belonging of the participants of the communication process to different generations. Literary works and journalist texts allow to demonstrate the explicit demonstration of the generational belonging of the sender in contexts marked with indicators “my generation” and “our generation”, lack of identification of the generational belonging of the sender in the contexts containing markers “your generation” with the simultaneous explicit identification of the generational belonging of the recipient as well as the explicitly presented solely positive or solely negative evaluation of one generation by another in the marked contexts.

Key words: intergenerational, discourse, explicitness, implicitness, communication, interaction, marker, my generation, our generation, your generation

В настоящее время вопросы вербального взаимодействия представителей различных социальных групп получают достаточно много внимания в связи с все сильнее проявляющимися социальными, демографическими и культурными различиями, в том числе поколенческими. Среди наиболее значимых исследователей понятия «поколение» и взаимоотношений поколений выделяют Ю.А. Леваду, В.В. Семенову, М.Б. Глотова. Однако акцент, как правило, делается на социологических либо психологических аспектах взаимодействия, нежели на вопросах коммуникации. Зарубежные исследования также преимущественно сконцентрированы на демографических либо социологических характеристиках (К. Мангейм, М. Мид): «Вы группируете людей и сравниваете группы. Исследование поколений осуществляется аналогично. Большая его часть сфокусирована на личных характеристиках, отношениях, поведении, показателях умственного здоровья – как они отличаются, в среднем, зависит от того, когда вы родились» [5]. Помимо подобных характеристик, также активно изучаются ценности различных поколений: «Ценностями поколения становится то, что в дефиците. Во времена детства беби-бумеров книги были редкостью – и они до сих пор крайне важны. «Иксы» никогда не откажутся от лишнего блокнота или ручки, а миллениумы, хоть и растут в профиците электронных устройств, как правило, не получают достаточно живого общения – а потому стремятся поделиться с миром каждым своим переживанием» [2].

Вместе с тем исследователи и СМИ начинают задаваться вопросом: «Реально ли, чтобы все поколения сегодня жили гармонично, без взаимных упреков, что кто-то съел чей-то кусок пирога? Могут ли люди пожилого, среднего возрастов и подрастающее поколение найти общий язык и стать союзниками в решении проблем, которые сегодня стоят перед обществом?» [3, с.11] Ответ предполагает взаимодействие специалистов в различных областях знаний, включая психологов, социологов, экспертов в социальной сфере, но особенно лингвистов, которые анализируют язык и речь представителей различных поколений и межпоколенческое общение. В рамках межпоколенческой коммуникации особый интерес вызывают вопросы эксплицитности и имплицитности, анализ которых возможен через обращение к примерам из публицистики и произведений художественной литературы на русском языке (контексты для анализа выбраны из НКРЯ – Национального корпуса русского языка).

Межпоколенческий дискурс выделяется на фоне иных видов дискурса своей четкой детерминированностью принадлежности участников общения к различным поколенческим когортам, чьи характеристики обусловлены условиями, в которых происходило становление поколения: «Каждое поколение жило в своем контексте, и поколения формировались под влиянием общества...» [5]. Воспитанные в разных временных фреймах и исторических и политических условиях, представители одного поколения сталкиваются с заметными отличиями в культуре представителей иного поколения: «Культурные неоднозначности включают вещи, которые не очевидны в жизни; вещи, о которых люди не соглашались; о которых имеют различные мнения и причины, чтобы их делать» [4, с. 158], что находит отражение в межпоколенческой коммуникации. На данное взаимодействие также влияют выбираемые средства коммуникации (вживую или через мессенджеры), способы и источники получения информации (через СМИ, признаваемые и уважаемые старшими поколениями, или самостоятельно через социальные медиа), способы донесения до иного поколения своей точки зрения.

Коммуникация становится межпоколенческой в случае взаимодействия представителей разных поколений. Идентифицировать вербальное взаимодействие как межпоколенческое можно с помощью дискурсивных маркеров, которые помогают идентифицировать поколение-адресанта и поколение-адресата. Наиболее распространенными являются такие индикаторы, как «*мое поколение*», «*твое поколение*», «*наше поколение*», «*ваше поколение*» (наряду с целым рядом различных прилагательных), например, «– *Да, но старшее поколение помнит этот флаг как...*» – «*Оно скоро вымрет, ваше поколение*» (Э. Лимонов. Книга воды), которые эксплицитно демонстрируют поколенческую принадлежность участников общения. В ряде случаев наличие идентификаторов не помогает идентифицировать поколение-адресанта и поколение-адресата: «*Только много позже до меня дошло, как нелепо выглядели некоторые наши привычные порядки и как наше поколение, с ними выросшее, не осознавало этой нелепости*» (Тер-Минасова. Записки динозавра), т.е. становится известен отправитель сообщения (представитель «нашего поколения»), но отсутствует какая-либо информация о получателе.

Идентификатор «мое поколение» позволяет адресанту эксплицировать поколение-адресанта и одновременно может эксплицитно либо имплицитно противопоставлять адресанта иным, но не всегда обозначенным четко (предшествующим или, возможно, последующим) поколениям-адресатам: «*Время было строгое, слова «секс» вообще не было в нашем словаре, и именно мое поколение, попавшее ровно в десять лет эксперимента с отдельным школьным обучением, выросло таким чистым и дремучим в отношениях «с лицами противоположного пола»*» (Тер-Минасова. Записки динозавра).

Отсутствие эксплицируемого реципиента сообщения наиболее справедливо для контекстов с маркером «мое поколение», т.к. получатель сообщения идентифицируется только в 6,28% случаев (контексты включают публицистические тексты и произведения художественной литературы).

Поколенческая принадлежность отправителя сообщения четко эксплицирована в контекстах с маркером «наше поколение»: «*Ведь дело это первостепенной важности, и оно возлагает на все наше поколение огромную ответственность*» (Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода). Однако, как и в случае с контекстами, маркированными словосочетанием «мое поколение», поколение-получатель сообщения может не обозначаться. Фрагменты из корпуса демонстрируют наличие 9,52% контекстов, в которых полностью либо частично идентифицирован реципиент – представитель иного поколения.

В ряде случаев использование маркеров «мое поколение» и «наше поколение» подразумевает противопоставление иным поколениям как с положительной точки зрения, так и в случае признания наличия негативных характеристик представителей «моего» или «нашего» поколений.

При обращении к контекстам с маркерами «твое поколение» и «ваше поколение» ситуация заметно меняется: «*Ваше поколение, Софья Константиновна, тоже глубиной познаний не поражало, но эти – просто чурки деревянные*» (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений») или «*Это твое поколение война изуродовала, а мы – другие!*» (Г. Елин. Цвет), т.е. поколение-адресат обозначено четко, однако поколенческая принадлежность отправителя сообщения не определена. Реципиент может лишь предполагать, представитель какого именно поколения обращается к нему: «– *Странно – сказала она, не отвечая, – удивительное соединение: у тебя доброе сердце и такая явная душевная грубость. Нет, твое поколение не лучше. Ты говоришь – Дурной вкус. Но ведь вкус – это эпоха, и то, что сейчас дурной вкус, не было таким раньше*» (Г. Газданов. Ночные дороги). Статистически это может быть представлено следующим образом: полное отсутствие идентификации поколенческой (или любой иной) принадлежности адресанта (0%) для контекстов с маркером «твое поколение» и 26,1% идентифицируемых с указанием на поколение отправителей для речевых фрагментов, содержащих индикатор «ваше поколение».

Соответственно, адресату необходимо реконструировать ситуацию в целом или ее отдельные элементы и понять, что сообщение имплицитно выражает обращение одного поколения к другому. Адресат создает интенционный смысл обращенного к нему сообщения адресанта, учитывая, что «... под имплицитностью понимается асимметрия плана содержания и плана выражения, когда содержание мысли оказывается гораздо шире своего выражения в языковых единицах» [3, с. 8]. Очевидно, что при этом возможна коммуникативная неудача, если адресат имеет иную картину мира или не имеет необходимых, схожих с адресантом фоновых знаний. При получении и интерпретации сообщения важность приобретает типизированность ситуации для восприятия ее как проявления именно межпоколенческого взаимодействия, т.е. представления о том, как общаются представители поколений, какие паттерны поведения обычно используются, а также наличие экспектаций.

Можно обозначить следующие варианты межпоколенческого общения с точки зрения полной и частичной либо отсутствующей идентификации поколения-адресанта и поколения-адресата (таблица 1):

Таблица 1. – Обозначение поколения-адресанта и поколения-адресата

Маркер	Поколение-адресант обозначен	Поколение-адресат обозначен
твое поколение	-	+/-
ваше поколение	+	+/-
мое поколение	+	+/-
наше поколение	+	+/-

В таблице «-» означает отсутствие идентификации, «+» означает эксплицированную идентификацию участника общения, «+/-» обозначает вариации (в ряде случаев идентификация отсутствует, в ряде случаев идентификация эксплицирована или имплицирована).

Следует учитывать, что маркированное межпоколенческое взаимодействие также демонстрирует разноуровневость коммуникации, носящей преимущественно вертикальный, а не горизонтальный характер, так как коммуникация разных поколений подразумевает как различный возраст участников общения, так и заметно отличающийся жизненный опыт коммуницирующих, т.е. осуществляется главным образом статусно – доминирующая коммуникация (в случае обращения старшего поколения к более младшим поколениям, хотя возможен и обратный процесс при обращении младших поколений к старшим): «Дальше были голодные годы, но все это мелочь по сравнению с пережитым на войне. – А как адаптировалось все ваше поколение? – Думаю, что многим было трудно. До сих пор помню: у метро «Новокузнецкая» на морозе стоял парень, обе руки без пальцев, в ладонях папиросы, он покупал на фабрике пачку, а продавал поштучно – так зарабатывал» (Е. Яковлева. Притяжение войны. Сможет ли общество справиться с чеченским синдромом // «Известия»).

Подобное статусно-маркируемое общение также сопровождается еще одной особенностью межпоколенческого взаимодействия – наличием значительного количества эксплицированных оценок (как положительных, так и отрицательных). Отношение к жизни оценивается в контексте с индикатором «мое поколение»: «**Мое поколение было непримиримым, а стало внимательным**» (И. Охлобыстин. Пора увядания // «Столица»). Этичность и система ценностей оценивается в контексте с маркером «мое поколение»: «Дядюшка, я не говорил, что **наше поколение честней других**, – очень тихо и еще неуверенно начинал Жадов» (М.А. Захаров. Театр без вранья). Контекст с маркером «твое поколение» демонстрирует оценку умственных способностей и действий поколения-адресата: «**Но трудно думать (он хотел было сказать «мыслить»)** против своего поколения. – **Твое поколение не ошибается**» (М.А. Алданов. Истоки). Наконец, отношение к жизни и набор ценностей оценивается в контексте с маркером «ваше

поколение»: «*Ну почему, почему вы такие циники, ваше поколение?*» (И. Мартынов. Это наша с тобой абстиненция // «Столица»).

Очевидно, что оценка всегда основывается на знании и представлении о мире адресанта и адресата, однако особенностью является преобладание именно достаточно категоричных по своему характеру оценок (положительных и отрицательных) в отобранных маркированных контекстах.

Таким образом, межпоколенческий дискурс обладает рядом особенностей. Одной из наиболее заметных является эксплицитность идентификации либо полное отсутствие идентификации поколения-адресанта и поколения-адресата в определенным образом маркированных контекстах, а также вертикальный характер коммуникации и наличие значительного количества эксплицитно выраженных оценок одного поколения другим.

Литература

1. Жарина, О.А. Категория имплицитности как основа для формирования единиц дискурса и текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Ростов н/Д, 2006. – 20 с.
2. Никонов, Е. Как возникают и как проявляются ценности поколений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rugenations.su/2016/09/12/>. – Дата доступа: 08.09.2021.
3. Тельтевская, Ю. На чужих ошибках... / Ю. Тельтевская, И. Валевская // Аргументы и факты. – 2021. – 13 апр. – № 15. – С. 11.
4. Трейси, К. Повседневный разговор. Строение и отражение идентичности / К.Трейси, Дж. Роблз ; пер. с англ. – Харьков : «Гуманитарный центр», 2015. – 448 с.
5. On the Ongoing Discourse About Generational Analysis [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.neatorama.com/2019/04/23/On-The-Ongoing-Discourse-About-Generational-Analysis/>. – Дата доступа: 23.08.2021)

References

1. Zharina, O. (2006). Kategorija implitsitnosti kak osnova dlya formirovaniya edinit diskursa i teksta [Category of implicitness as the basis for the forming of units of discourse and text] [Author's abstr. cand. philol. diss.]. (In Russian)
2. Nikonov, E. Kak vznikajut i kak projavljajutsya tsennosti pokolenij [How values of generations emerge and manifest themselves]. – URL : <https://rugenations.su/2016/09/12>
3. Teltevsckaya, Y., Valevskaya, I. Na chuzhikh oshibkah... [On strangers' mistakes...] Argumenty i fakty, 13.04.2021. – #15, p.11.
4. Tracy, K., Robles, J. (2015). Povsednevnyj razgovor. Stroenie i otrazhenie identichnosti [Everyday Talk: Building and Reflecting Identities]. X, izd-vo "Gumanitarnyj tsentr"
5. On the Ongoing Discourse About Generational Analysis. – URL: <https://www.neatorama.com/2019/04/23/On-The-Ongoing-Discourse-About-Generational-Analysis/>

УДК 811.161.3'373.611

ПРЭФІКСАЦЫЯ Ў МОВЕ БЕЛАРУСКАЙ ПУБЛІЦЫСТЫКІ ПАЧАТКУ ХХІ СТАГОДДЗЯ

А.В. Солахаў,

кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры спецыяльнага і метады дашкольнай і пачатковай адукацыі
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: solakhau@yandex.ru

Б.А. Крук,

дацэнт, кандыдат філалагічных навук, дэкан факультэта дашкольнай і пачатковай адукацыі
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: dinoz-o@mail.ru

У артыкуле аналізуюцца прэфіксныя наватворы з тэкстаў беларускай публіцыстыкі пачатку ХХІ ст. Іх аналіз дазваляе гаварыць аб захоўванні прэфіксацыяй сваёй прадукцыйнасці ў сістэме беларускага

словаўтварэння. Пры ўтварэнні наватвораў выкарыстоўваюцца прэфіксы *нана-*, *анты-*, *экс-*, *супер-*, *псеўда-*, *контр-*, *рэ-*, *су-* / *са-*, *транс-*, *звыш-*, *пост-* і інш. Найбольшую актыўнасць з іх у сістэме назоўніка ў мове беларускай публіцыстыкі пачатку XXI ст. праяўляюць прэфіксы *нана-*, *анты-*, *экс-*, *супер-*, *контр-*, *псеўда-*. У сістэме прыметніка актыўна выкарыстоўваюцца наватворы з прэфіксамі *супер-*, *звыш-*, *псеўда-*. Прэфіксальныя дзеяслоўныя наватворы адзначаюцца адзінкавымі ўтварэннямі.

Ключавыя словы: значэнне, прэфікс, прадукцыйнасць, словаўтваральны тып, структура.

PREFIXATION IN THE LANGUAGE OF BELARUSIAN JOURNALISM AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

A.V. Solakhau,

Cand. Phil. D., associate Professor of the Department of Special Pedagogy and Methods of Preschool and Primary Education of Mozyr State Pedagogical I. P. Shamyakin University,
Mozyr, Republic of Belarus

B.A. Kruk,

associate Professor, Cand. Phil. D., Dean of the Faculty of Preschool and Primary Education,
Mozyr State Pedagogical I. P. Shamyakin University,
Mozyr, Republic of Belarus

The article analyzes prefix neologisms in Belarusian journalism at the beginning of the 20th century. Their analysis allows us to conclude that the prefixation remains very productive in the system of Belarusian word formation. In the formation of neologisms, the prefixes *нана-*, *анты-*, *экс-*, *супер-*, *псеўда-*, *контр-*, *рэ-*, *су-* / *са-*, *транс-*, *звыш-*, *пост-* etc. are used. The prefixes *нана-*, *анты-*, *экс-*, *супер-*, *контр-*, *псеўда-* are the most active in the noun system of Belarusian journalistic language at the beginning of the 20th century. The adjective system actively uses neologisms with the prefixes *супер-*, *звыш-*, *псеўда-*. Prefixal verb neologisms are marked occasional formations.

Key words: meaning, prefix, productivity, word-formation type, structure.

Уводзіны

Прэфіксныя ўтварэнні ў сучаснай беларускай мове ўжо не раз станавіліся прадметам лінгвістычнага даследавання. Так, напрыклад, З. І. Бадзевіч разгледзела прэфікснае ўтварэнне прыметнікаў, вызначыла іх ядро, пашырэнне, магчымасць паліматываванаасці, прадукцыйныя словаўтваральныя тыпы, словаўтваральныя сінонімы, акрэсліла граматычныя асаблівасці [1]. Даследуючы лексічныя працэсы 90-х гадоў XX ст., В. І. Уласевіч прааналізавала таксама прэфіксныя дэрываты, адзначыўшы высокапрадуктыўнасць прэфіксаў *анты-*, *звыш-*, *пасля-*, *пост-*, *пра-*, *псеўда-*, *супер-* пры ўтварэнні наватвораў – назоўнікаў і прыметнікаў [2, с. 68].

Аднак сучаснае жыццё настолькі імклівае, што няспынна нараджае новыя прадметы, паняцці і з’явы, якія патрабуюць адпаведных найменняў. Таму наспела неабходнасць выяўлення і апісання новых лексем, у тым ліку прэфіксных, якія шырока выкарыстоўваюцца ў беларускіх публіцыстычных тэкстах пачатку XXI ст. і яшчэ не падвяргаліся аналізу мовазнаўцаў.

Мэта даследавання – вызначыць структуру, семантыку і прадукцыйнасць прэфіксных наватвораў, зафіксаваных у тэкстах беларускай публіцыстыкі пачатку XXI стагоддзя.

Задачы даследавання: выявіць лексемы, новыя для беларускай мовы пачатку XXI ст.; адзначыць найбольш ужывальныя прэфіксы; вызначыць словаўтваральныя тыпы і прадукцыйнасць наватвораў у сістэмах розных лексіка-грамматычных разрадаў;

Метады і матэрыялы даследавання

У працэсе даследавання прэфіксальных наватвораў намі выкарыстоўваліся метады суцэльнай выбаркі, сістэматызацыі, інтэрпрэтацыі, словаўтваральнага аналізу, абагульнення і аналітычнага апісання.

Матэрыялам даследавання паслужылі наватворы, выбраныя шляхам суцэльнай выбаркі, з беларускіх перыядычных выданняў 2001–2013 гадоў: газет «Звязда», «Чырвоная змена», «Культура», часопісаў «Маладосць» і «Пралеска».

Вынікі і іх абмеркаванне

Аналіз сабранага слоўнага матэрыялу з тэкстаў беларускай публіцыстыкі пачатку XXI ст. паказвае, што пры ўтварэнні наватвораў вылучаюцца наступныя словаўтваральныя тыпы:

1) *прэфікс нана-* (лац. *nano* ‘карлік’) + назоўнік = назоўнік са значэннем ‘адзінка, роўная адной мільярднай частцы адзінкі, названай утваральным словам’: **нанаматэрыял** ‘матэрыял, створаны з выкарыстаннем наначасціц і/або пры дапамозе нанатэхналогій, які валодае якімі-небудзь унікальнымі ўласцівасцямі, абумоўленымі прысутнасцю гэтых часціц у матэрыяле’, **нанапрацэс** ‘працэс, у якім удзельнічаюць нанаструктуры’: ...аддзяленне **нанапрацэсаў** і **нанаматэрыялаў** (Звязда. 2008. 25 студзеня. С. 8); **нанамаштаб** ‘маштаб, памер мікраскапічных аб’ектаў, якія вылічваюцца ў нанаметрах’: ...вывучэнне ўзаемадзеяння жывых і нежывых структур на **нанамаштабе**... (там жа); **нанаметр** ‘дольная адзінка вымярэння даўжыні ў Міжнароднай сістэме адзінак, роўная адной мільярднай частцы метра’: ...навучыцца працаваць з аб’ектам памерам у некалькі **нанаметраў**... (там жа); **нанапамер** ‘памер мікраскапічных аб’ектаў, які вымяраецца ў нанаметрах’: ...вугляродныя **нанатрубкі** і **фулярэны** – элементы **нананімеру** (гіганцыя малекулы)... (там жа); **нанаробат** ‘мікраскапічны робот, памер якога не большы за малекулу і які валодае функцыямі руху, апрацоўкі і перадачы інфармацыі, выканання праграм’: ...мікраскапічныя **нанаробаты** ў крывяноснай сістэме чалавека... (Звязда. 2009. 01 кастрычніка. С. 3.); **нанатрубка** ‘цыліндрычная структура мікраскапічных памераў (ад 1 да 100 нанаметраў)’: **Нанатрубка** пры малой вазе мацней за сталь у дзесяткі разоў (Звязда. 2008. 25 студзеня. С. 8.); **нанаэлектроніка** ‘галіна электронікі, якая займаецца стварэннем, даследаваннем і прымяненнем электронных прыбораў з нанаметровымі памерамі элементаў, у аснове функцыянавання якіх ляжаць квантавыя эфекты’: Цяпер пачынаюцца работы па выкарыстанні ДНК у субмікроннай і **нанаэлектроніцы**... (там жа); **нанаэлемент** ‘устройства нанаметровых маштабаў, якое працуе праз кіраванне струменямі электронаў або асобнымі электронамі’: ...згодна з тымі законамі ўзаемадзеяння, якія «задаюць» азначаныя **нанаэлементы** (там жа).

Прэфікс *нана-* лацінскага паходжання, але ў беларускую мову ён пазычаны з рускай. Наватворы з *нана-* – адлюстраванне навішых дасягненняў навукова-тэхнічнага прагрэсу;

2) *прэфікс анты-* (грэч. *anti* ‘супраць’) + назоўнік = назоўнік са значэннем ‘супрацьлеглае, процідзейнае таму, што названа ўтваральным словам’: **антыпрэмія** ‘парадыйная ўзнагарода за антыдасягненні, смешныя і недарэчныя дасягненні ў розных галінах; тут: тое ж, што і **анты-Оскар**’: Асаблівай увагі заслугоўвае **антыпрэмія** «Каіша сувораўская»... (Звязда. 2012. 10 ліпеня. С. 4.); **антыпракол** ‘спецыяльны герметык, здольны прадухіліць праколы і трэшчыны ў колах аўтамабіля’: ...расійскі «**антыпракол**» Long Way (Звязда. 2004. 08 мая. С. 5); **антырэйтынг** ‘адмоўная ацэнка чыёй-небудзь дзейнасці, заснаваная на выніках апытвання грамадскай думкі і думкі экспертаў і выражаная ў лічбах’: ...тэматычны **антырэйтынг** – спіс самых тупых людзей краіны... (Звязда. 2005. 02 красавіка. С. 1); **антырэкорд** ‘самы найгоршы паказчык, самае нізкае дасягненне ў якой-небудзь галіне дзейнасці’: ...своеасаблівы **антырэкорд** па самым доўгім збіранні кубіка Рубіка (Звязда. 2009. 15 студзеня. С. 8.); **антыстрэс** ‘сродак для здымання стрэсу’: Смачны **антыстрэс** (Звязда. 2004. 16 кастрычніка. С. 3); **антыфутбол** ‘дрэнная гульня ў футбол’: Футбол і **антыфутбол** (Звязда. 2004. 22 мая. С. 7); **антыхабар** ‘дзеянні, накіраваныя супраць дачы хабару’: Афіцэры ДПС правялі аднадзённую акцыю «**Антыхабар**»... (Звязда. 2009. 7 красавіка. С. 2.); **антыэстэтыка** ‘сістэма поглядаў, супрацьлеглая эстэтыцы’: ...гэта амерыканізаванае ў горшым сэнсе слова «мастацтва», **антыэстэтыка**... (Звязда. 2004. 02 сакавіка. С. 3);

3) *прэфікс экс-* (лац. *ex* – а, ад) + назоўнік = назоўнік са значэннем ‘асоба, якая раней была тым, хто названы ўтваральным словам’: **экс-вучань** ‘той, хто раней быў вучнем’: У Германіі **экс-вучань** учыніў бойню ў школе... (Звязда. 2009. 12 сакавіка. С. 2.); **экс-гімнастка** ‘жанчына, якая раней была гімнасткай’: ...**экс-гімнастка**, а зараз спявачка

Наталля Пальчэўская ўзначаліла спорткамітэт... (Чырвоная змена. 2007. 13 ліпеня. С. 2); **экс-кандыдат** 'той, хто раней прэтэндаваў на якую-небудзь пасаду, званне і інш.': ...дзеянні **экс-кандыдатаў** у прэзідэнты... (Звязда. 2007. 13 чэрвеня. С. 2); **экс-кіраўнік** 'той, хто раней працаваў кіраўніком якога-небудзь ведамства, прадпрыемства і інш.': ...**экс-кіраўнік** міністэрства абароны краіны... (Звязда. 2009. 26 лютага. С. 1.); **экс-падпалкоўнік** 'той, хто раней быў падпалкоўнікам': ...**справа экс-падпалкоўніка ФСБ Аляксандра Літвіненкі** (Звязда. 2007. 20 ліпеня. С. 1); **экс-рэктар** 'той, хто раней працаваў рэктарам': ...**падчас акцыі ў падтрымку экс-рэктара БДУ**... (Звязда. 2007. 13 чэрвеня. С. 2); **экс-трэнер** 'той, хто раней працаваў трэнерам': ...**экс-трэнер** нацыянальнай зборнай па хакею Глен Хэнлан... (Звязда. 2007. 10 красавіка. С. 4). Як паказваюць прыклады, прэфікс *экс-* далучаецца да слоў, якія абазначаюць назвы пасады і званняў.

Семантычна адасоблены з'яўляецца назоўнік **экс-СССР** 'краіна, якая існавала ў 1922–1991 і называлася Саюзам Савецкіх Сацыялістычных Рэспублік': *Зыходзіць з **экс-СССР** у спісе прысутнічае таксама Андрэй Арышавін, які заняў 9-е месца* (Звязда. 2009. 13 студзеня. С. 5).

У 90-х гадах ХХ ст. наватворы з прэфіксам *экс-* даследчыкамі неалагізмаў, у прыватнасці В. І. Уласевіч, не зафіксаваны [2]. Актыўнасць гэтага прэфікса ў пачатку ХХІ ст. можна растлумачыць якраз зменамі ў жыцці беларускага грамадства, якія пачаліся ў апошнія дзесяцігоддзе ХХ ст.;

4) прэфікс *супер-* (лац. *super* 'зверху, над') + назоўнік = назоўнік са значэннем больш высокай якасці або ўзмоцненага дзеяння ў параўнанні з тым, што названа ўтваральным словам: **супераўто** 'экслюзіўны, вельмі дарагі аўтамабіль; супераўтамабіль': *Кузаў **супераўто** – ад Citroen Berlingo*... (Звязда. 2004. 05 чэрвеня. С. 5); **супергол** 'вельмі прыгожы гол': ...*два вашы **супергалы***... (Звязда. 2004. 21 кастрычніка. С. 12); **супергрупа** 'група, у склад якой уваходзяць музыкі, вядомыя сваім удзелам у іншых камандах або паспяховай сольнай кар'ерай': ...*Седакова... пераробала кантракт з **супергрупай*** (Звязда. 2004. 26 чэрвеня. С. 3); **супердурань** 'непераўздызены дурань': *Джэф Сабалд з ЗША абавязкова стаў бы пераможцам конкурсу на званне **супердураня*** (Звязда. 2009. 07 красавіка. С. 2.); **супержанчына** 'жанчына, якая валодае якімі-небудзь выключнымі якасцямі, здольнасцямі': *Мужчыны... лічаць мяне нейкай недаступнай **супержанчынай*** (Звязда. 2004. 05 лістапада. С. 4); **супернагрузка** 'празмерная нагрузка': *Сэрца сабакі не вытрымлівае **супернагрузку** бою і болевага шоку* (Звязда. 2005. 09 верасня. С. 5); **супернапулярнасць** 'высокі ўзровень папулярнасці': ...*зараз крымінальны вышук не мае такой «**супернапулярнасці**», як у савецкія часы* (Звязда. 2002. 02 сакавіка. С. 3); **суперягада** 'ягада, якая пераўзыходзіць усе іншыя па колькасці і канцэнтрацыі карысных для чалавека рэчываў (вітамінаў, мінералаў і інш.)': *Чорныя парэчкі – «**суперягада**»?* (Звязда. 2007. 23 чэрвеня. С. 4);

5) прэфікс *псеўда-* (грэч. *pséudos* – выдумка, хлусня) + назоўнік = назоўнік са значэннем 'той або тое, што з'яўляецца несапраўдным, выдуманым, ілжывым': **псеўдаалергія** 'рэакцыя арганізма, якая ўзнікае без непасрэднага ўдзелу імунаглабулінаў; несапраўдная алергія': ...*тут магчымая **псеўдаалергія*** (Звязда. 2007. 10 лістапада. С. 6); **псеўдадысертацыя** 'дысертацыя, якая не мае навуковага значэння': *Даводзіцца разглядаць часам і такія «**дысертацыі**» (**псеўдадысертацыі**)*... (Звязда. 2004. 22 ліпеня. С. 3); **псеўдакасір** 'несапраўдны касір': *А пакупнікі, не ведаючы, што перад імі **псеўдакасір**..., падыходзілі да маёй касы*... (Звязда. 2009. 9 красавіка. С. 3); **псеўдапазалота** 'бліскучае пакрыццё, якое нагадвае пазалоту': ...*Няўдачнікам – «Маліна» з **псеўдапазалотай*** (Звязда. 2004. 03 сакавіка. С. 4); **псеўда-патрыятызм** 'несапраўдны, уяўны патрыятызм': *Тое не будзе... **псеўда-патрыятызмам***... (Культура. 2004. № 5. 31 студзеня–06 лютага. С. 10); **псеўдафірма** 'несапраўдная фірма': ...*абяцанні розных махляроў з **псеўдафірм***... (Маладосць. 2006. № 2. С. 119);

б) прэфікс *контр-* (лац. *contra* 'супраць') + назоўнік = назоўнік са значэннем 'той жа прадмет, з'ява або дзеянне, названае ўтваральным словам, але са значэннем

супрацьнакіраванасці, дзеяння ў адказ': *контргарантыя* 'абавязацельства аднаго банка, дадзенае другому банку для забеспячэння выдачы апошнім прамой гарантыі': ...*неабходна стварыць нейкую сістэму гарантый і контргарантый для выдачы інавацыйных крэдытаў* (Звязда. 2004. 10 чэрвеня. С. 1); *контррэклама* 'абвяржэнне неналежнай рэкламы, якое распаўсюджваецца з мэтай ліквідацыі выкліканых ёй вынікаў': ...«*Лепшае вырашэнне задачы контррэкламы*» (Звязда. 2004. 20 лістапада. С. 3);

7) *прэфікс рэ-* + назоўнік = назоўнік са значэннем 'змяненне, абнаўленне таго, што названа ўтваральным словам': *рэканфігурацыя* 'змяненне існуючай канфігурацыі, вынік такога дзеяння; новая, змененая канфігурацыя': ...*рэканфігурацыі амерыканскай ваеннай прысутнасці ў Еўропе* (Звязда. 2007. 09 лістапада. С. 1.); *рэстарт* 'абнаўленне чаго-небудзь': *Радыестанцыя «Мелодыі стагоддзя» абвясціла, як модна зараз казаць, рэстарт...* (Звязда. 2009. 28 лютага. С. 5.); *рээкспазіцыя* 'змяненне, абнаўленне экспазіцыі, выстаўкі, музея': ...*будзе дэманстравацца рээкспазіцыя «Купала і вайна. 1942 год»...* (Звязда. 2007. 27 чэрвеня. С. 1);

8) *прэфікс су-* / *са-* + назоўнік = назоўнік са значэннем сумеснасці, *узвзаемнай сувязі з асобай або прадметам, названымі ўтваральным словам: саарганізатар* 'адзін з некалькіх арганізатараў чаго-небудзь': ...*саарганізатар праекта Антон Бойка* (Чырвоная змена. 2007. 10 жніўня. С. 1); *судядучы* 'адзін з вядучых канцэрта, тэле- або радыёперадачы і інш.': ...*судядучы Алейнікава на «Гарадку» Юрый Стаянаў...* (Звязда. 2007. 13 ліпеня. С. 2); *сушукальнік* 'той, хто прэдэндзе на атрыманне якога-небудзь звання, узнагароды за прадстаўленую куды-небудзь працу або за якія-небудзь дасягненні': ...*беларусы, якія ўпершыню трапілі ў лік сушукальнікаў прэміі...* (Звязда. 2009. 11 лютага. С. 8.);

9) *прэфікс транс-* (грэч. або лац. *trans* 'скрозь, цераз, праз') 'тое, што размешчана на той бок, праз': *транс-ізамер* 'ізамер, вуглевадародныя замяшчальнікі якога размешчаны па розных бакі двайной сувязі «вуглярод–вуглярод»': *Транс-ізамеры атрымліваюцца ў выніку гідраненізацыі...* (Звязда. 2007. 23 чэрвеня. С. 4.); *Прамых доказаў шкоднасці транс-ізамераў пакуль няма* (Звязда. 2007. 23 чэрвеня. С. 4.); *транстлушч* 'тлушч, у складзе якога змяшчаюцца транс-ізамеры тлустых кіслот': *Тое, што празвалі «транстлушчамі», на самай справе, ...называецца гідрагенезаванымі тлушчамі...* (Звязда. 2007. 23 чэрвеня. С. 4.);

10) *прэфікс звыш-* + назоўнік = назоўнік са значэннем перавышэння ўласцівасцей таго, што названа ўтваральным словам: *звыштыраж* 'вельмі вялікі тыраж': *Сёння... звыштыражом лічыцца пяцітысячны...* (Звязда. 2009. 24 студзеня. С. 5.);

11) *прэфікс неда-* + назоўнік = назоўнік са значэннем недастатковасці таго, што названа ўтваральным словам: *недафінансаванне* 'недастатковае фінансаванне': ...*дрэннага планавання і недафінансавання іншых галін гаспадаркі* (Звязда. 2002. 02 лютага. С. 2);

12) *прэфікс пост-* + назоўнік = назоўнік са значэннем 'тое, якое адбываецца пасля таго, што названа ўтваральным словам': *постмедыяваль* 'сярэдневяковая музыка ў новай аранжыроўцы': ...*запісаць асобным зборнікам бардаўскія песні...* – гэтакі «*постмедыяваль*»... (Звязда. 2004. 18 чэрвеня. С. 4).

Такім чынам, у пачатку XXI ст. у мове беларускай публіцыстыкі ў сістэме назоўніка *найбольшую актыўнасць праяўляюць прэфіксы нана-, анты-, экс-, супер-, псеўда-, контр-, рэ-, су-* / *са-, транс*. Адзінкавымі фіксуецца назоўнікі з прэфіксамі: *звыш-, неда-, пост-*. *Пераважная большасць з іх (анты-, контр-, нана-, пост-, псеўда-, рэ-, супер-, транс, экс-) маюць іншамоўнае паходжанне.*

У сістэме прыметніка выяўляюцца наступныя словаўтваральныя тыпы:

1) *прэфікс супер-* + прыметнік = прыметнік са значэннем надзвычай высокай ступені праяўлення прыметы, названай утваральным словам: *супергалоўны* 'самы лепшы з галоўных бухгалтараў': *Супергалоўны бухгалтар 2008 года...* (Звязда. 2009. 28 лютага. С. 1.); *суперкарысны* 'вельмі карысны': *Суперкарысная чацвёрка* (Звязда. 2009. 13 студзеня. С. 2.); *супермагутны* 'празмерна магутны': ...*рэкламны трук супермагутнага прыбора* (Звязда. 2004. 01 кастрычніка. С. 8.); *суперпавышаны* 'вельмі павышаны':

– З чаго б вы пачалі адраджаць наш футбол? – Перш за ўсё – з **супернавышанай** увагі да дзіцяча-юнацкага футбола (Звязда. 2002. 20 сакавіка. С. 1.); **суперпрафесіянальны** ‘зроблены вельмі прафесіянальна’: ...**суперпрафесіянальныя** прычоска і макіяж... (Звязда. 2004. 09 красавіка. С. 4.); **суперпрэстыжны** ‘вельмі прэстыжны’, **суперскладаны** ‘надзвычай складаны’: ...**медыцынскія ВНУ** ва ўсе часы лічыліся **суперпрэстыжнымі**, і паступіць у іх было **суперскладанай** задачай (Звязда. 2004. 08 чэрвеня. С. 3.); **суперэксуальны** ‘які мае павышаную сексуальную прыцягальнасць’: ...У магазін заходзіць **суперэксуальная** дзяўчына (Звязда. 2007. 19 мая. С. 4.); **суперэканомны** ‘вельмі эканомны’: **Пад капотам суперэканомнага «кара»** размесціцца аднацыліндравы рухавік... (Звязда. 2007. 19 верасня. С. 2.);

2) **прэфікс звыш-** + прыметнік = прыметнік са значэннем вельмі высокай ступені праяўлення прыметы, названай утваральным словам: **звышасаблівы** ‘вельмі асаблівы’: *У творчасці яго не было нічога **звышасаблівага**...* (Звязда. 2009. 01 кастрычніка. С. 8.); **звышаішчадны** ‘вельмі ашчадны’ ...*аўтамабіль павінен эксплуатавацца ў «**звышаішчадным**» рэжыме* (Звязда. 2004. 13 сакавіка. С. 5.); **звышэканомны** ‘вельмі эканомны’: *Гэты басейн – **звышэканомны!*** (Пралеска. 2010. № 9. С. 5.);

3) **прэфікс псеўда-** + прыметнік = прыметнік са значэннем несапраўднай, ілжывай прыметы, што названа ўтваральным словам: **псеўдапаношаны** ‘быццам паношаны’: ***Псеўдапаношаныя** рэчы ствараюць ілюзію эксклюзіўнасці...* (Звязда. 2004. 30 красавіка. С. 8.); **псеўдаразумны** ‘які не з’яўляецца разумным’: *«Рацыяналізацыя» – гэта **псеўдаразумнае** тлумачэнне сваіх учынкаў і жаданняў* (Звязда. 2004. 20 сакавіка. С. 3.).

Новыя прыметнікі з іншымі прэфіксамі **гіпер-**, **да-**, **не-**, **пра-** фіксуюцца адзінкавымі: **гіперскладаны** ‘вельмі складаны’: ...*іх (заданні. – Аўт.) нельга назваць **гіперскладанымі*** (Звязда. 2004. 04 чэрвеня. С. 3.); **давіртуальны** ‘які адбываўся да паяўлення віртуальнай рэальнасці’: ...*у той «**давіртуальны**» час...* (Звязда. 2004. 03 снежня. С. 11.); **неграшовы** ‘які не адносіцца да грошай’: ...*збору **неграшовых** ахвяраванняў для дзяцей з дзіцячых дамоў...* (Звязда. 2009. 22 снежня. С. 8.); **праўладны** ‘які дзейнічае ў інтарэсах уладных структур’: ...***праўладныя** грамадска-палітычныя структуры...* (Звязда. 2012. 10 ліпеня. С. 1.).

У пачатку ХХІ ст. у тэкстах беларускай публіцыстыкі адзначаюцца толькі асобныя прэфіксальныя дзеяслоўныя ўтварэнні: **дэактываваць** ‘рабіць неактыўным’: ...*адзін з удзельнікаў **дэактывуе** процікражны элемент...* (Звязда. 2006. 15 лістапада. С. 7); **змікшыраваць** ‘змяніць’: ...*каб неяк **змікшыраваць** сітуацыю, змяніць яе...* (Звязда. 2004. 11 снежня. С. 3); **пераназваць** ‘даць новую назву’: *Юшчанка прапанаваў **пераназваць** Раду...* (Звязда. 2009. 01 красавіка. С. 2.); **праманіторыць** ‘старанна правесці маніторынг’: ...*спецыяльна для вас учора я **праманіторыў** цэны* (Звязда. 2009. 24 студзеня. С. 5.).

Вывады

У творах беларускай публіцыстыкі пачатку ХХІ ст. прэфіксныя наватворы пададзены даволі шырока, што дазваляе гаварыць аб захоўванні прэфіксацыяй сваёй прадукцыйнасці ў сістэме беларускага словаўтварэння. Пры ўтварэнні наватвораў выкарыстоўваюцца прэфіксы **нана-**, **анты-**, **экс-**, **супер-**, **псеўда-**, **контр-**, **рэ-**, **су-** / **са-**, **транс-**, **звыш-**, **пост-** і інш.

Літаратура

1. Бадевіч, З.І. Префиксальные прилагательные в современном белорусском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / З.И. Бадевич ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 1989. – 17 с.
2. Уласевіч, В. І. Лексічныя працэсы ў беларускай мове 90-х гадоў ХХ ст. : дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / Вікторыя Іванаўна Уласевіч ; НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск, 2002. – 167 с.

References

1. Badevich, Z.I. (1989). *Prefiksial'nye prilagatel'nye v sovremennom belorusskom jazyke* [Author's abstr. cand. philol. diss.]. Minsk, 1989.
2. Ulasevich, V. I. (2002). *Leksichnyja pracjesy ŭ belaruskaj move 90-h gadoŭ XX st.* [Author's abstr. cand. philol. diss.]. Minsk.

СТРУКТУРНЫЯ І СЕМАНТЫЧНЫЯ ВІДАЗМЯНЕННІ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЗАЎ І АФАРЫЗМАЎ У МАЎЛЕННІ*

А.Д. Цеплякова,

старшы выкладчык кафедры тэарэтычнай і прыкладной лінгвістыкі,
Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова
г. Магілёў, Рэспубліка Беларусь
E-mail: tepliakova@msu.by

У працэсе функцыянавання крылатых выразаў і афарызмаў у маўленні змяняюцца іх структура, сэнс або структура і сэнс адначасова. У залежнасці ад таго, што змяняецца, можна вылучыць наступныя трансфармацыйныя тыпы: 1) структурны тып (характарызуецца змяненнем плана выражэння пры нязменным плане зместу), 2) семантычны тып (характарызуецца змяненнем плана зместу пры нязменным плане выражэння), 3) структурна-семантычны тып (характарызуецца змяненнем плана выражэння, што вядзе да змянення ў плане зместу). Самымі пашыранымі і разнастайнымі з'яўляюцца структурны і структурна-семантычны тыпы змяненняў.

Ключавыя словы: беларуская мова, крылатыя выразы і афарызмы, структура, семантыка, трансфармацыя, мова мастацкай літаратуры, мова публіцыстыкі.

STRUCTURAL AND SEMANTIC MODIFICATIONS OF WINGED EXPRESSIONS AND APHORISMS IN SPEECH

A. D. Tseplyakova,

Senior Lecturer of the Department of Theoretical and Applied Linguistics
of Mogilev State A. Kuleshov University,
Mogilev, Republic of Belarus
E-mail: tepliakova@msu.by

In the course of functioning of winged expressions and aphorisms in speech their structure, semantic or structure and semantic at the same time can change. Depending on what changes, the following transformation types can be distinguished: 1) structural type (is characterized by a change in the plan of expression with the same content plan), 2) semantic type (is characterized by a change in the content plan with the same plan of expression), 3) structural-and-semantic type (is characterized by a change in the plan of expression, which leads to a change in terms of content). The most common and diverse are the structural and structural-and-semantic types of changes.

Key words: the Belarusian language, winged expressions and aphorisms, structure, semantic, modification, language of fiction, language of media.

Уводзіны

Крылатыя словы – гэта розныя па структуры і змесце цытаты з тэкставых крыніц, масава вядомыя і рэгулярна ўжывальныя ў маўленні, якія могуць страчваць асацыяцыю з сваёй крыніцай і ўжывацца як фразеалагізмы або як прыказкі [3; 4; 5; 8; 9; 14; 15; 20; 21]. Рознааспектнае вывучэнне крылатых выразаў і афарызмаў – адна з актуальных праблем сучаснага беларускага мовазнаўства [2].

Структура крылатых выразаў і афарызмаў падпадае трансфармацыям, сярод якіх трэба размяжоўваць змяненні трох тыпаў. Найперш, мадыфікацыі крылатых выразаў і афарызмаў назіраюцца пры іх запазычанні з адной мовы ў іншую [1; 22; 23; 25; 26; 27; 28]. Па-другое, крылатыя выразы і афарызмы змяняюцца пры іх парадыйных ці жартоўных трансфармацыях, у выніку якіх ствараюцца т.зв. “антыцытаты” [6; 7]. І па-трэцяе, крылатыя выразы і афарызмы мадыфікуюцца пры іх ужыванні ў маўленні [24], прычынай

* Даследаванне выканана ў межах НДР “Беларуская фразеалогія, парэміялогія, моўная афарыстыка ў кантэксце еўрапейскіх моў і культур (сінхранічны і дыяхранічны аспекты)” (ДР № 20211335) падпраграмы “Беларуская мова і літаратура” Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў “Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы” на 2021–2025 гг.

чаго з'яўляецца такая іх уласцівасць, як лаканізм [10], што перашкаджае моўніку свабодна ўбудоўваць іх у сінтаксічную будову маўлення, у выніку чаго структура крылатага выразу ці афарызма ў той ці іншай ступені відазмяняцца (без страты плану зместу). Такія відазмяненні крылатых слоў і афарызмаў у маўленні бываюць адзінкавыя і рэгулярныя, аднастайныя і камбінаваныя.

Мэта даследавання – вызначыць і апісаць структурныя і семантычныя мадыфікацыі крылатых выказаў і афарызмаў у маўленні. Для дасягнення мэты даследавання былі вырашаны наступныя задачы: 1) вылучаны формы функцыянавання ў маўленні крылатых выказаў і афарызмаў з іншамоўных крыніц; 2) устаноўлены тыпы структурных мадыфікацый крылатых выказаў і афарызмаў у маўленні; 3) вызначаны тыпы семантычных мадыфікацый крылатых выказаў і афарызмаў у маўленні; 4) апісаны камбінаваныя тыпы структурных і семантычных мадыфікацыі крылатых выказаў і афарызмаў у маўленні.

Метады і матэрыял даследавання

Асноўны метады даследавання апісальны, заснаваны на выкарыстанні кантэкстуальнага, структурна-семантычнага і трансфармацыйнага аналізу, а таксама колькасных падлікаў.

У якасці матэрыялу даследавання выбраны ілюстрацыі ўжывання крылатых выказаў і афарызмаў у мове твораў мастацкай літаратуры і публіцыстыкі, адлюстраваныя ў даведніках крылатых слоў [11; 12; 13; 18; 19], а таксама ў фразеалагічных і парэміялагічных слоўніках [16; 17]. Усяго было праналізавана больш за 1200 выпадкаў ужывання крылатых выказаў і афарызмаў.

Вынікі і іх абмеркаванне

У выніку даследавання ўстаноўлена, што формы ўжывання крылатых выказаў і афарызмаў у сучаснай літаратурнай беларускай мове даволі разнастайныя. Іншамоўныя крылатыя выразы і афарызмы могуць ужывацца ў маўленні на мове арыгінала або на беларускай мове.

Запозычаныя крылатыя выразы і афарызмы з германскіх, раманскіх і славянскіх моў у сучаснай літаратурнай беларускай мове (як і ў іншых еўрапейскіх мовах) ужываюцца ў сваёй арыгінальнай форме толькі ў адзінкавых выпадках (не больш за 1%). Невялікая іх колькасць адначасова ўжываецца як на мове арыгінала, так і на беларускай мове (не больш за 5%), а асноўная частка – толькі на беларускай мове (не менш за 94%).

Для крылатых выказаў і афарызмаў са старажытнагрэчаскіх крыніц таксама характэрны тры формы ўжывання: (1) толькі на мове арыгінала (каля 1%), (2) як на мове арыгінала, так і на беларускай мове (каля 1%); (3) толькі на беларускай мове (каля 98%). Старажытнагрэчаскія крылатыя выразы і афарызмы могуць функцыянаваць у маўленні яшчэ і на лацінскай мове. Гэта звязана з тым, што пэўная колькасць старажытнагрэчаскіх крылатых выказаў і афарызмаў мае лацінскія эквіваленты, паколькі трапіла ў беларускую мову (як і ў іншыя еўрапейскія мовы) праз лацінскую.

Ад агульнай колькасці зафіксаваных ў сучаснай беларускай літаратурнай мове (у мастацкіх, драматургічных, публіцыстычных творах і перыядычным друку) выпадкаў ужывання іншамоўных крылатых выказаў і афарызмаў (усяго 2645 выпадкаў), у 1595 выпадках (больш за 60%) крылатыя адзінкі трансфармуюцца, а ў 1050 (каля 40%) – не змяняюцца.

На падставе праведзенага аналізу ўжывання ў маўленні крылатых выказаў і афарызмаў былі вылучаны структурныя (мадальныя, сінтаксічныя, марфалагічныя і іх камбінацыі) і інтэртэкстуальныя змяненні.

Кожны з тыпаў трансфармацыйных змяненняў запозычаных крылатых выказаў і афарызмаў у колькасных адносінах прадстаўлены па-рознаму. Так, мадальным трансфармацыям падпадаюць больш за 10% крылатых адзінак, сінтаксічным – 28%, марфалагічным – каля 32%, кантамінацыі структурных змяненняў розных тыпаў – каля 23%, а інтэртэкстуальным – больш за 7%.

Мадальныя трансфармацыі размяжоўваюцца на наступныя прыёмы: аўтарызацыю (0,3%), канкрэтызацыю (4,4%), змену модуса паведамлення (5,3%), адмаўленне – як усяго выказвання, так і ўнутры выказвання (0,6%). Камбінаваныя мадальныя трансфармацыйныя прыёмы (0,3%) ва ўжыванні крылатых адзінкаў не зафіксаваны ў “чыстым выглядзе”. Аднак сустракаецца іх спалучэнне з іншымі, не мадальнымі трансфармацыйнымі прыёмамі.

Сінтаксічныя змяненні крылатых выразаў і афарызмаў прадстаўлены ўвядзеннем у стандартны кантэкст (0,3%), парцэляцыяй (кантактнай і дыстантнай) (0,6%), анексіяй – з захаваннем і са змяненнем сінтаксічнай структуры (1,3%), элімінацыяй – асобных прэдыкатыўных частак складанага сказа і асобных лексічных кампанентаў (1,6%), інтэркаляцыяй, або устаўкай – прэдыкатыўнай, атрыбутыўнай, аб’ектнай, акалічнаснай і ўстаўкай службовых слоў (2,2%), субстытуцыяй – фанетычнай, лексічнай, структурнай (12,2%), інверсіяй – лексічнай і структурнай (2,2%), змяненнем сінтаксічнай структуры (каля 1%) і дэактуалізацыяй сінтаксічнай структуры (1,6%). У межах сінтаксічнага тыпу ў крылатых адзінках найбольш пашырана спалучэнне двух трансфармацыйных прыёмаў (4,7%).

Марфалагічныя трансфармацыі крылатых выразаў і афарызмаў размяжоўваюцца на намінацыйныя (29,4%) і дзеяслоўныя (2,2%). Камбінаваныя марфалагічныя трансфармацыйныя прыёмы (0,3%) у крылатых адзінках не зафіксаваны ў “чыстым выглядзе”. Аднак сустракаецца іх спалучэнне з іншымі, не марфалагічнымі трансфармацыйнымі прыёмамі.

Камбінаваныя структурныя змяненні розных тыпаў пры ўжыванні крылатых выразаў і афарызмаў дыферэнцуюцца на аднатыпныя і рознатыпныя. Кантамінацыя трансфармацыйных прыёмаў розных тыпаў прадстаўлена наступнымі мадэлямі: “мадальныя + сінтаксічныя трансфармацыі” (5,3%), “мадальныя + марфалагічныя трансфармацыі” (1,6%), “мадальныя + сінтаксічныя + марфалагічныя трансфармацыі” (2,8%), “сінтаксічныя + марфалагічныя трансфармацыі” (13,2%).

Інтэртэкстуальныя трансфармацыі крылатых выразаў і афарызмаў прадстаўлены наступнымі прыёмамі: разгортваннем пэўнага вобразу (5,6%), ужываннем ключавых слоў (1,6%) і выкарыстаннем сэнсава маркіраваных частак крылатых слоў (0,3%).

Высновы

У працэсе функцыянавання крылатых выразаў і афарызмаў у маўленні змяняюцца іх структура, сэнс або структура і сэнс адначасова. У залежнасці ад таго, што змяняецца, можна вылучыць наступныя трансфармацыйныя тыпы: 1) структурны тып (характарызуецца змяненнем плана выражэння пры нязменным плане зместу), 2) семантычны тып (характарызуецца змяненнем плана зместу пры нязменным плане выражэння), 3) структурна-семантычны тып (характарызуецца змяненнем плана выражэння, што вядзе да змянення ў плане зместу). Самымі пашыранымі і разнастайнымі з’яўляюцца структурны і структурна-семантычны тыпы змяненняў.

Літаратура

1. Венідзіктаў, С.В. Рускамоўныя запазычаныя крылатыя слоў у сучаснай беларускай мове / С.В. Венідзіктаў, Я.Я. Іваноў // *Dziedzictwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-biało-wschodniosłowiańskich*. – 2002. – Т. VIII. – С. 210–217.

2. Иванов, Е.Е. Белорусская паремиология и афористика в общеевропейском контексте (актуальные проблемы изучения) / Е.Е. Иванов // XV Міжнародны з’езд славістаў = XV Международный съезд славистов = XV International Congress of Slavists, Мінск, 20–27 жніўня 2013 г. : тэзісы : у 2 т. – Мінск : Беларуская навука, 2013. – Т. 1. – С. 322–323.

3. Иванов, Е.Е. К разграничению понятий воспроизводимости и рекуррентности афористических фраз / Е.Е. Иванов // *Материалы XXXII Междунар. филол. конф.*, 11–15 марта 2003 г. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2003. – Вып. 14. – С. 14–23.

4. Иванов, Е.Е. О рекуррентных прототипах крылатых фраз / Е.Е. Иванов // *Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах*. – Гомель : ГГУ, 2003. – С. 74–78.

5. Иванов, Е.Е. Языковая природа крылатых слов / Е.Е. Иванов // Проблемы белорусского литературоведения. – Минск : МНТ, 2000. – С. 303–312.
6. Иванова, С.Ф. Антыцытаты ў сучаснай беларускай мове / С.Ф. Иванова, Я.Я. Іваноў // *Phraseologische Studien: Dynamische Tendenzen in der slawischen Phraseologie*. – Greifswald: E.M.A.-Universität, 2010. – S. 174–183.
7. Иванова, С.Ф. Парадыйныя, іранічныя і жартоўныя трансфармацыі крылатых выразаў (да складання слоўніка беларускіх антыпрыказак) / С.Ф. Иванова, Я.Я. Іваноў, В.А. Шпакоўская // Даследаванні па германскай і славянскай філалогіі. – 2011. – Вып. 4. – С. 52–61.
8. Іваноў, Я.Я. Афарыстычнае выказванне як моўная мадэль крылатых слоў / Я.Я. Іваноў // Філолагічны студыі. – 2017. – Вып. 16. – С. 114–121.
9. Іваноў, Я.Я. Крылатыя словы / Я.Я. Іваноў // Беларускі фальклор : энцыклапедыя : у 2 т. – Минск : БелЭн, 2005. – Т. 1. – С. 729–730.
10. Іваноў, Я.Я. Лаканізм / Я.Я. Іваноў // Беларускі фальклор : энцыклапедыя : у 2 т. – Минск : БелЭн, 2005. – Т. 2. – С. 7–9.
11. Іваноў, Я.Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н.э.– XX ст. : тлумачальны слоўнік / Я.Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ, 2011. – 164 с.
12. Крылатыя выразы ў беларускай мове : тлумачальны слоўнік. – Магілёў : МДУ, 2004. – Ч. 1: 3 іншамоўных крыніц XII–XX стст. – 136 с.
13. Крылатыя выразы ў беларускай мове : тлумачальны слоўнік. – Магілёў : МДУ, 2006. – Ч. 2: 3 рускамоўных літаратурных і фальклорных крыніц XII–XX стст. – 208 с.
14. Лепешаў, І.Я. Крылатыя словы / І.Я. Лепешаў // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі : у 5 т. – Минск : БелСЭ, 1986. – Т. 3. – С. 137.
15. Лепешаў, І.Я. Крылатыя словы і фразеалагізмы / І.Я. Лепешаў // Роднае слова. – 1992. – № 9. – С. 38–41.
16. Лепешаў, І.Я. Этымалагічны слоўнік прыказак / І.Я. Лепешаў. – Минск : Выш. шк., 2014. – 141 с.
17. Лепешаў, І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І.Я. Лепешаў. – Минск : БелЭн, 2004. – 443 с.
18. Лепта біблейскай мудрасці: руско-славянскі слоўнік біблейскіх выражэнняў і афорызмаў с саотвешчваннямі ў германскіх, романскіх, армянскім і грузінскім мовах : у 2 т. / пад рэд. Е.Е. Іванова [і др.]. – Могилёў : МГУ, 2019. – Т. 1. – 334 с.
19. Лепта біблейскай мудрасці: руско-славянскі слоўнік біблейскіх выражэнняў і афорызмаў с саотвешчваннямі ў германскіх, романскіх, армянскім і грузінскім мовах : у 2 т. / пад рэд. Е.Е. Іванова [і др.]. – Могилёў : МГУ, 2019. – Т. 2. – 308 с.
20. Ломакіна, О.В. Крылатка ў сучасным культурным кантэксце / О.В. Ломакіна, В.М. Мокиенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 256–272.
21. Міхневіч, А.Я. Крылатыя словы / А.Я. Міхневіч // Беларуская мова : энцыклапедыя. – Минск : БелЭн, 1994. – С. 273–274.
22. Теплякова, А.Д. Іноязычныя заімаванні крылатых слоў у беларускай і нямецкай мовах / А.Д. Теплякова // Матэрыялы VI Міжнароднага навуковага канферэнса «Мова, культура, грамадства», Масква, 22–25 верасня 2011 г. – М. : МІІЯ, 2011. – С. 125–126.
23. Теплякова, А.Д. Істочнікі крылатых выражэнняў у беларускай мове / А.Д. Теплякова // Фразеалогія і моўная дынаміка. – Greifswald: E.-M.-A. Universität ; Санкт-Пецярбург : СПбГУ, 2011. – С. 67–69.
24. Цеплякова, А.Д. Асноўныя віды трансфармацыі клішэ ў тэксе / А.Д. Цеплякова // Вынікі навуковых даследаванняў вучоных МГУ імя А.А. Кулешова 2017 г. – Могилёў : МГУ, 2018. – С. 89–91.
25. Цеплякова, А.Д. Запозычаныя крылатыя выразы ў сучаснай беларускай мове / А.Д. Цеплякова, С.Ф. Іванова // *Phraseology of Germanic, Romanic and Slavic Languages*. – 2009. – Вып. 1. – С. 98–112.
26. Цеплякова, А.Д. Літаратурныя крыніцы фразеалагічных адзінак, запозычаных з нямецкай мовы ў беларускую мову (па-за межамі этымалагічнага слоўніка фразеалагізмаў) / А.Д. Цеплякова, Я.Я. Іваноў // *Немецкі язык лінгвідыдактычнае забеспячэнне і метадыка прэпадарвання*. – Могилёў : МГУ, 2019. – С. 82–87.
27. Цеплякова, А.Д. Структура, семантыка і функцыі запозычаных крылатых слоў у беларускай мове / А.Д. Цеплякова // *Славянская фразеалогія ў арэальным, гістарычным і этнакультурным аспектах*. – Гомель : ГГУ, 2007. – С. 236–240.
28. Цеплякова, А.Д. Іншамоўныя запозычаныя крылатыя слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове / А.Д. Цеплякова // *Тэарэтычныя і практычныя перападункі падрыхтоўкі палілінгвальных спецыялістаў у вузе*. – Могилёў : МГУ, 2015. – С. 74–77.

References

1. Venidziktau S.V. & Ivanou Ya.Ya. (2002). Ruskamounyya zapazychanni krylatyh slou u suchasnej belaruskaj move. *Dziedzistwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-balto-wschodniostowiańskich*. Т. VIII. S. 210–217. (In Bel.).

2. Ivanov E.E. (2013). Belorusskaya paremiologiya i aforistika v obsheevropejskom kontekste (aktualnye problemy izucheniya. *XV International Congress of Slavists, Minsk, 20–27.08.2013: in 2 t.* Minsk: Belaruskaya navuka. T. 1. S. 322–323. (In Russ.).
3. Ivanov E.E. (2003). K razgranicheniyu ponyatij vosproizvodimosti i rekurentnosti aforisticheskikh fraz. *Materialy XXXII Mezhdunar. filol. konf., 11–15.03.2003.* Sankt-Peterburg: SPbGU. Vyp. 14. S. 14–23. (In Russ.).
4. Ivanov E.E. (2003). O rekurentnykh prototipah krylatykh fraz. *Slavyanskaya frazeologiya v arealnom, istoricheskom i etnokulturnom aspektah.* Gomel: GGU. S. 74–78. (In Russ.).
5. Ivanov E.E. (2000). Yazykovaya priroda krylatykh slov. *Prablemy belaruskaga litaraturaznaustva.* Minsk: MNT. S. 303–312. (In Russ.).
6. Ivanova S.F. & Ivanou Ya.Ya. (2010). Antycyaty u suchasnej belaruskaj move. *Phraseologische Studien: Dynamische Tendenzen in der slawischen Phraseologie.* Greifswald: E.M.A.-Universität. S. 174–183. (In Bel.).
7. Ivanova S.F., Ivanou Ya.Ya. & Shpakouskaya V.A. (2011). Paradyjnnyya, iranichnyya i zhartounnyya transformacyi krylatykh vyrazau. *Dasledavanni pa germanskaj i slavyanskaj filalogii.* Vyp. 4. S. 52–61. (In Bel.).
8. Ivanou Ya.Ya. (2017). Afarystychnae vykazvanne yak mounaya madel krylatykh slou. *Filologiczni studii.* Vyp. 16. S. 114–121. (In Bel.).
9. Ivanou Ya.Ya. (2005). Krylatyya slovy. *Belaruski falklor: encyklopedyya: u 2 t.* Minsk: BelEn. T. 1. S. 729–730. (In Bel.).
10. Ivanou Ya.Ya. (2005). Lakanizm. *Belaruski falklor: encyklopedyya: u 2 t.* Minsk: BelEn. T. 2. S. 7–9. (In Bel.).
11. Ivanou Ya.Ya. (2011). *Krylatyya afaryzmy u belaruskaj move: z inshamonykh litaraturnykh i falklornykh krynic: tлумachalny slounik.* Mogilev: MDU. 164 s. (In Bel.).
12. *Krylatyya vyrazy u belaruskaj move: tлумachalny slounik. Ch. 1: Z inshamounykh krynic XII–XX stst.* (2004). Mogilev: MDU. 136 s. (In Bel.).
13. *Krylatyya vyrazy u belaruskaj move: tлумachalny slounik. Ch. 2: Z ruskamounykh litaraturnykh i falklornykh krynic XII–XX stst.* (2006). Mogilev: MDU. 208 s. (In Bel.).
14. Lepeshau I.Ya. (1986). *Krylatyya slovy. Encyklopedyya litaratury i mastacziva Belarusi: u 5 t.* Minsk: BelSE. T. 3. S. 137. (In Bel.).
15. Lepeshau I.Ya. (1992). *Krylatyya slovy i frazealogizmy. Rodnae slova.* № 9. S. 38–41. (In Bel.).
16. Lepeshau I.Ya. (2004). *Etymalogichny slounik frazealogizmau.* Minsk: BelEn. 443 s. (In Bel.).
17. Lepeshau I.Ya. (2014). *Etymalogichny slounik prykazak.* Minsk: Vyshejschaya shkola. 141 s. (In Bel.).
18. *Lepta biblejskoj mudrosti: rusko-slavyanskij slovar biblejskix vyrazhenij i aforizmov: v 2 t.* (2019). Red. E.E. Ivanov [i dr.]. Mogilev: MGU. T. 1. 334 s. (In Russ., at al.).
19. *Lepta biblejskoj mudrosti: rusko-slavyanskij slovar biblejskix vyrazhenij i aforizmov: v 2 t.* (2019). Red. E.E. Ivanov [i dr.]. Mogilev: MGU. T. 2. 308 s. (In Russ., at al.).
20. Lomakina O.V. & Mokienko V.M. (2019). Krylatika v sovremennom kulturnom kontekste. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika.* T. 10. № 2. S. 256–272. (In Russ.).
21. Mixnevich A.Ya. (1994). *Krylatyya slovy. Belaruskaya mova: encyklopedyya.* Minsk: BelEn. S. 273–274. (In Bel.).
22. Tsep'yakova A.D. (2011). Inoyazychnye zaimstvovaniya krylatykh slov v belorusskom i nemeckom yazykah. *Materialy VI Mezhdunar. nauch. konf. «Yazyk, kultura, obshhestvo», Moskva, 22–25.09.2011.* Moscow: MIIYa. S. 125–126. (In Russ.).
23. Tsep'yakova A.D. (2011). Istochniki krylatykh vyrazhenij v belorusskom yazyke. *Frazeologiya i yazykovaya dinamika.* Greifswald: E.M.A.-Universität; Sankt-Peterburg: SPbGU. S. 67–69. (In Russ.).
24. Tsep'yakova A.D. (2018). Asnounnyya vidy transformacyi klishe u teksce. *Itogi nauchnykh issledovaniy uchyonykh MGU imeni A.A. Kuleshova 2017 g.* Mogilev: MGU. S. 89–91. (In Bel.).
25. Tsep'yakova A.D. & Ivanova S.F. (2009). Zapazychannyya krylatyya vyrazy u suchasnej belaruskaj move. *Phraseology of Germanic, Romanic and Slavic Languages.* Vyp. 1. C. 98–112. (In Bel.).
26. Tsep'yakova A.D. & Ivanou Ya.Ya. (2019). Litaraturnyya krynicy frazealogichnykh adzinak, zapazychanykh z nyameczkaj movy u belaruskuyu movu. *Nemeckij yazyk lingvodidakticheskoe obespechenie i metodika prepodavaniya.* Mogilev: MGU. C. 82–87. (In Bel.).
27. Tsep'yakova, A.D. (2007). Struktura, semantika i funktsyi zapazychanykh krylatykh slou u belaruskaj move. *Slavyanskaya frazeologiya v arealnom, istoricheskom i etnokulturnom aspektakh.* Gomel: GGU. S. 236–240. (In Bel.).
28. Tsep'yakova, A.D. (2015). Inshamounnyya zapazychanni krylatykh slou u suchasnej belaruskaj litaraturnaj move. *Teoreticheskie i prakticheskie predposylki podgotovki polilingvalnykh spetsialistov v vuze.* Mogilev: MGU. S. 74–77. (In Bel.).

ДЫСТЫНКТНАСЦЬ У СІНТАКСІЧНАЙ СІСТЭМЕ СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

Н.У. Чайка,

доктар філалагічных навук, прафесар кафедры мовазнаўства і лінгвадыдактыкі
Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь
E-mail: natusia12@tut.by

Статья посвящена изучению одной из ключевых тенденций в синтаксической системе современного белорусского языка – дистинктности высказывания. В современном мире необходимость информационного акцентирования и аналитизма продуцирует большое количество синтаксических дериватов – конструкций эллиптических, неполных, редуцированных, с имплицитной семантикой. В статье изучается синтаксическая репрезентация дистинктности высказывания – конструкции эллиптические, неполные, редуцированные. Представлены способы актуализации важной информации, что способствуют динамическому развитию синтаксических единиц и их коммуникативному усовершенствованию.

Ключевые слова: дистинктность высказывания, эллиптические предложения, неполные предложения, конструкции с синтаксической редукцией, синтаксическая деривация.

DISTINCTION OF THE SYNTACTIC SYSTEM OF THE MODERN BELARUSIAN LANGUAGE

N.V. Chaika,

Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics and Linguodidactics of the Belarusian State
Pedagogical University named after Maxim Tank,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: natusia12@tut.by

The article is devoted to the study of one of the key tendencies in the syntactic system of the modern Belarusian language - the distinction of the utterance.

In the modern world, the need for information emphasis and analytism produce a large number of syntactic derivatives - elliptical, incomplete, reduced constructions and constructions with implicit semantics.

The article studies the syntactic representation of the distinction of an utterance - elliptical, incomplete, reduced constructions.

The methods of actualization of important information are presented, which contribute to the dynamic development of syntactic units and their communicative improvement.

Key words: distinction of an utterance, elliptical sentences, incomplete sentences, constructions with syntactic reduction, syntactic derivation.

Агульныя тэндэнцыі сінтаксічных сістэм моў свету – эканомія моўных сродкаў, дыстынктнасць выказвання, тэндэнцыя да аналітызму і патрэба інфармацыйнага акцэнтавання – спрыяюць дынамічнаму развіццю і ўдасканаленню камунікатыўных адзінак. Гэтыя фактары прадуюць значную колькасць сінтаксічных дэрыватаў – канструкцый рэдукаваных, няпоўных, эліптычных, парцэляваных і сегментаваных. Змена аблічча сінтаксічнай сістэмы беларускай мовы прыводзіць да структурнай фрагментарнасці канструкцый, нейтралізацыі сінтаксічных сувязей і адносін у іх, да скарачэння аб'ёму выказвання да мінімальнага, да выражэння прэдыкатыўнасці кантэкстуальна або імпліцытна. Падобныя з'явы актыўна даследуюцца вучонымі на сучасным этапе развіцця навукі.

Сучасныя тэндэнцыі ў сінтаксічных сістэмах вывучаліся прадстаўнікамі розных сінтаксічных напрамкаў і тлумачыліся, зыходзячы з метадалагічных прынцыпаў іх даследавання. Сінтаксічную дэрывацыю разглядалі як праяву структурнай эканоміі (Дж. Арма, М. Вішнеўскі, А. В. Грудзева [1; 4; 6]), дыстынктнасці выказвання (К. Карлсан [3]), аналітызму (З. Выхадзілава, Т. А. Коласова [2; 5]). Пры гэтым падобныя з'явы ў сінтаксічнай сістэме беларускай мовы не даследаваліся, таму неабходна выявіць асноўныя

фактары дынамікі сінтаксічнай сістэмы беларускай мовы – тэндэнцыі да эканоміі і аналітызму, а таксама дыстынктнасць выказвання. Патрабуюць удакладнення кваліфікацыйныя параметры ўпарадкавання названых з’яў у беларускай мове.

Дастаткова значным фактарам дынамікі сінтаксічнай сістэмы беларускай мовы выступае **дыстынктнасць выказвання**. Названая тэндэнцыя падразумявае дакладнасць перадачы інфармацыі, якая ажыццяўляецца двума спосабамі – пропускам кампанента і яго вылучэннем. Пропуск кампанента прадстаўлены канструкцыямі няпоўнымі, эліптычнымі і рэдукаванымі. Пропуск кампанента актуалізуе важную інфармацыю, што спрыяе дакладнасці выказвання. Функцыянаванне канструкцый з эліпсісам дзеяслова часцей забяспечваецца адносінамі безэквівалентнага ўключэння паміж сказамі ў структуры тэксту. У такіх выпадках змест эліптычнага сказа ўключаецца ў змест поўнага безадносна да кампанентаў аб’ектнага і суб’ектнага тыпу: *Яшчэ зусім нядаўна яны жылі ў курнай хаце. Але ўсяму бывае канец. Пачаў адзін, за ім – другі... (А. Якімовіч); А ў міліцыі таксама свае паказчыкі ёсць! У нас – чым больш, тым лепш, а ў іх – чым менш, тым лепш (М. Шымук). Часам кампенсаторная функцыя ажыццяўляецца адваротным шляхам – уключэннем зместу поўнай канструкцыі ў змест эліптычнай: А мірскім людзям усё так. Яны й Богу маліцца прыйдуць – граху нанясуць (М. Гарэцкі); Гэты самы Валянцін – проста артыст. Усё ў яго так гладка (А. Кулакоўскі); Нашым яшчэ не пара. Звычайна, калі баркоўскія сціхаюць, тады пачынаюць нашы (А. Якімовіч). Адносіны ўключэння часам прадвызначаюць узаемадзеянне кампанентаў, што знаходзяцца ў рода-відавых адносінах: – *Ето – камісія: адны калгасаўскія!.. Аднаго Чарнушку – ад усяго сяла (І. Мележ); Што ж ты, Мікіта, мой дзень заняў? Значыць, у аўторак давязецца (А. Дударэў). Уключэнне зместу акалічнаснага кампанента ў змест прэдыкатыўнага дазваляе маркіраваць эліптычны сказ семантыкай маўленчых працэсаў: Ты ўсё такі цішэй. Я ледзьве ўклала тату (Г. Марчук) або семантыкай актыўнага дзеяння: А дзеўка са мной на ферме. Кароў доіць (В. Карамазэў).**

Дыстынктнасць выказвання ў эліптычных сказах ажыццяўляецца на аснове адносін перакрывавання. У такім выпадку эліптычны і поўны сказы характарызуюцца наяўнасцю кампанентаў суб’ектна-аб’ектнага або прэдыкатыўнага тыпу, што адносяцца да розных мностваў. Аднак пры іх узаемадзеянні рэалізуецца адпаведная семантыка канструкцыі. З дапамогай адносін перакрывавання ў эліптычных сказах ажыццяўляецца дыферэнцыяцыя семантыкі руху ад семантыкі актыўнага непераўтваральнага ўздзеяння: – *Можна б вы пазычылі гэбліка? Я нечадоўга (Л. Калюга), семантыкі стальной лакалізацыі ад семантыкі руху: Перад самым «дзембелем» Холада заў да сябе ў Мінск лепшы сябра, абяцаючы прытулак на першы час, і наступленне ў інстытут, і знаёмства са сваёй сястрою. Холад ужо быў намерыўся – не назаўсёды, вядома (Локцевічы цягнулі), а так, на пару дзянькоў... (А. Федарэнка), семантыкі актыўнага пераўтваральнага ўздзеяння ад семантыкі актыўнага непераўтваральнага ўздзеяння: Ён прыбязгае дадому. У кладоўцы адшукаў нажоўку і зубіла... Трэба было яшчэ кавалачак тоўстай бляхі (А. Дударэў). Большасць такіх эліптычных канструкцый маюць выразную семантыку: *Зрэшты, хто тут асабліва варыць. У асноўным – на сталкоўках (Г. Багданава); Шар зямны да вачэй абклеены. // У навінах – як дошка аб’яў. // Слова, слова – нібы з канвеера... // А навокал – вецер гуляў... (В. Зуёнак); Горкі попел – у твар... // Боль душа не асіліць. // Нада мною плыве // Чорны дым Хірасімы (З. Дудзюк).**

Кампенсация апушчанага дзеяслова ажыццяўляецца на ўзроўні тэксту на аснове **семантыка-сінтаксічных** адносін. Адносіны далучальнай **неадпаведнасці** падразумяваюць неадпаведнасць прэдыкатыўнага кампанента поўнай канструкцыі і кампанента, што выступае функцыянальным аналагам у эліптычным сказе – акалічнаснага: *Каці ён нічога не абяцаў. Ну, схадзілі ў Купалаўскі тэатр, у госці пару разоў прыехала. А яна, дзівачка, усё ўсур’ёз (Г. Багданава), суб’ектнага: Села на трактар, грошы заробіла, мяне вылечыла,*

хату перабудавала... Гэта цяпер я направиўся. А то ўсё сама, гаспадыня (А. Жук); Ганна, я цябе паважаю, але я чэсны, справядлівы, не крыўдуй... Не пра цябе ўсё гэта. Не ён гэта (А. Дудараў), аб'ектнага: Служыш ім, служыш... А ўзамен – розныя штучкі, перажыванні, крыўды, хустачкі... (П. Васючэнка).

Падобныя адносіны могуць назірацца паміж функцыянальна тоеснымі кампанентамі, калі абедзве канструкцыі эліптычныя: Зручная ў цябе пазіцыя – за людзей, для іх дабрабыту. А тэнакрат Ляшчук – за бяздушныя агрэгаты... (А. Дзялендзік); Чалавек заваліў работу, яго б з партыі... А мы – вымову... (А. Дзялендзік). Пры гэтым можа назірацца змена класа слоў і сінтаксічнай пазіцыі адначасова: Бывала ж хваробы такой не было. А цяпер – то адзін, то другі, і ўсё больш з начальства (А. Петрашкевіч). Названыя адносіны назіраюцца паміж іменным і дзеяслоўным (эліпсаваным) прэдыкатамі разам з залежнымі кампанентамі: А раптам пацвердзіцца, што я ненадзейны. А там Еўропа (А. Петрашкевіч); А тут – улась, не крані яго. А сам – за змеявік ды пад ногі... Таптаць... (І. Мележ); Божухна, яму ж ужо пяцьдзясят з гакам. А на фотаздымку...? (А. Дудараў).

Іншы раз назіраецца неадпаведнасць прэдыкатыўнага і акалічнаснага кампанентаў. У такім выпадку паміж эліптычнай і поўнай канструкцыямі ўсталёўваюцца адносіны частковай неадпаведнасці: Мы абавязкова да вас у гасці. Але не цяпер – бліжэй да Пасхі (Г. Багданава). Тут назіраецца пераемнасць прэдыкатыўнай лексемы без змены граматычнай формы.

Пры наяўнасці адносін супастаўлення могуць супастаўляцца кампаненты прэдыкатыўнага або аб'ектнага тыпу, або іх функцыянальныя аналагі без змены класа слоў: У яго бацькі за гэты час з'явілася маладая жонка. У маці даўно муж – інжынер. А ён – сам-насам у двух пакоях (Г. Багданава). Далучальна-заклучальныя адносіны прадвызначаюць узаемадзеянне агульнага зместу стрыжнёвага і парцэляванага сказаў: Мы разам з ім пісалі працу... // І раптам... // Як жа цяпер мне?... (А. Бачыла); Малайцы! Больші удалага моманту не будзе. Усё ўшчэнт! (М. Матукоўскі). Далучальна-заклучальныя адносіны могуць набываць адценне абагульнення: Яна (Ларыса) стала каля вакна і чакала... Божжа.. Ужо дзевяць месяцаў прайшло. Бясконцых, пакутных, балючых дзевяць месяцаў... Заўтра, якраз на ягоны дзень нараджэння... (Г. Багданава). Абагульненне можа грунтавацца і на метафарызацыі некаторых кампанентаў: Усё, чытач. Я стаўлю кропку. // Ах, не завершаны сюжэт? // Ну што ж рабіць? Далей – ні кроку. // Далей – табу і заповед (Н. Гілевіч). Эліптычны сказ можа выступаць у якасці мімалётнай заўвагі абагульняльнага характару: Тоўсценькі, няўкладны, у акулярах, ён... ледзь паспяваў. Як жа ён, небарака, на маршах-аглядах і конкурсах? (Г. Багданава); Адзінаццаць паравозаў за адну ноч... А колькі гадоў, Хейге, вы працуеце на чыгунцы? (М. Матукоўскі); Пілі каву, глядзелі тэлевізар, і яму трэба было праводзіць Аксану, бо яна павінна паспець дадому да дванаццаці гадзін. Усё проста, звычайна, па-дамашняму (А. Жук); І праўда, загаварыла бабылка Аксіння. Аб чым жа большы? – загаварыла аб сваім гаротным жыцці, аб тым, што ёй ходу няма, што ўсе яе крыўдзяць. І толькі пусціла яна сваю бабскую слязу, як грывнулі ўсе, зноў паднялі несусветны вэрхал. І так скрозь (М. Зарэцкі); А язык ад чаго тады баліць? Можжа, пчолы? (А. Федарэнка).

Эліптычны сказ можа выступаць стрыжнёвым і змяшчаць пасыл у дачыненні да заключальнага парцэляванага: І рука ж правая... Як цяпер запісваць будзеш (А. Якімовіч); Каб я – і з ёй? // Ды ты вар'ятка, // Калі паверыла ў абман (Н. Гілевіч); І зноў без кофты... Толькі прастуды мне яшчэ не хапала (А. Дудараў). Пры далучальна-заклучальных адносінах з умоўным адценнем сэнс стрыжнёвага эліптычнага сказа паясняецца пераважна парцэляваным спосабам паўтору функцыянальна тоеснага кампанента: Каб мне ды такога спецыяліста ў калгас... Не прыйшлося б мне самому агранамію вывучаць (А. Макаёнак).

Пры далучальна-прычынных адносінах эліптычны сказ звычайна змяшчае прычыну з адценнем абагульнення. Кампенсаторную функцыю выконвае пры гэтым стрыжнёвы сказ:

Нічога ты, мілая, не ведаеш... За ёю і адзін, і другі... Думаеш, што за яе, можа, і сварку ўзнялі. Ім не так-та Міхась, колькі яна (С. Баранавых). Назіраюцца выпадкі, калі поўная канструкцыя раскрывае змест эліптычнай шляхам указвання на прычыну: *Дарэмна ты гэта. У іх (акунёў) цяпер самая мёртвая гадзіна. Зараз яны з-над карчоў і хваста не пакажуць* (А. Якімовіч); *Мой пропуск толькі з пяці гадзін. Заўсёды іду на пустых вуліцах* (І Новікаў).

Таксама яркай праявай дыстынктнасці выказвання выступаюць **парцэляцыі і сегментацыі**. З дапамогай падобных аперацый дакладнасць маўлення праяўляецца ў поўнай меры: *Але, як на бяду, усе камяні – што абточаныя. Ветрам* (І. Шамякін); *І сёння трэба жыць. З табой, з зямлёю і з людзьмі...* (А. Дудараў). Падобныя канструкцыі, акрамя дакладнасці маўлення, здольны рэалізаваць любыя ілакутыўныя намеры адрасата. Найбольш выразным сродкам дакладнасці маўлення выступаюць шматзвенныя далучальныя дапаўненні з паралельнай будовай: *І пахла незвычайна. Чым, немагчыма вызначыць. Чысцінёй. Вясной. Святам. Юнацтвам* (І. Шамякін); *Магу купіць. І капялюш, і паліто* (Г. Далідовіч); *Страшна. І за прынцэсу, і за нас усіх. За гэты край* (П. Васючэнка). Парцэляцыя адразу некалькіх кампанентаў рэалізуе дыстынктыўныя функцыі ўсёй канструкцыі.

Таксама праявай дыстынктнасці выказвання выступае сегментацыя канструкцый. Гэты прыём дазваляе выдзеліць частку інфармацыі, што змяшчае асноўны змест, зрабіць на ёй сэнсавы акцэнт: *Ча-ла-ве-ек ... Жыццё, адно яго кароткае імгненне запоўніла пустату – і знікне. Выслізне* (Т. Бондар); *А з партызанамі мы з капітанам бачыліся не адзін раз. Асабліва за Дняпром* (І. Чыгрынаў); *Ды бачылі. На свае вочы...* (Г. Далідовіч); *Сачыненне за якіх дваццаць хвілін. Адраду ў чыставік. Ды яшчэ вершамі* (Г. Багданава); *Ці ён быў адзіным выпадковым сведкам. І крануўся, глядзячы на ўвесь гэты жах. Але цяпер ад яго ўжо ніхто нічога і ніколі не даведаецца* (У. Караткевіч).

У большасці выпадкаў дыстынктнасць выказвання фарміруецца з дапамогай сегментацыі іменнага кампанента ў базавай частцы: *Ча-ла-ве-ек ... Жыццё, адно яго кароткае імгненне запоўніла пустату – і знікне. Выслізне* (Т. Бондар); *І Кошка мая на язык спрытная, а клопату ў яе – дык аніякага! Раскошніца!* (Л. Дранько-Майсюк). Аднак сэнсава-граматычнае выдзяленне інфармацыі можа ажыццяўляцца і ў постпазіцыйным спосабам тоеснага замяшчэння: *Элегія... Вось вам і элегія, Севярыне. Джунглі, а не элегія* (У. Караткевіч). Пры гэтым сегментаваныя канструкцыі могуць дубліраваць карэляцыйны кампанент шляхам сінанімічнага замяшчэння: *Натоўп... Паслухмяны чалавечы статак! Зірнуць – знешне шэрая, пазбаўленая выразнай формы маса, а ледзь толькі выхапіць з яе камера каго-небудзь аднаго і ўчэціцца ў яго, безаблічнага, бяскрыўднага на выгляд, адразу стане бачна, што і ў ім стаіўся, чакае свайго часу монстр* (Т. Бондар) або анафарычнага: *А Жанна... Думаеш, мяне так ужо моцна раздражняе, што яна плэхаецца ў маёй ванне, лезе не ў свае справы, перашикаджае часам працаваць?* (М. Арахоўскі).

Як бачна, тэндэнцыя да дыстынктнасці выказвання яскрава прасочваецца ў сінтаксічнай сістэме беларускай мовы. Моўныя змены ажыццяўляюцца з дапамогай прычын знешняга і ўнутранага парадку. Знешнімі прычынамі выступаюць фактары дакладнасці і лагічнасці маўлення, якія і змяняюць аблічча моўных адзінак. Аснова структурных змен закладзена ў самой мове, дзе дзейнічаюць унутраныя заканамернасці – сістэмнасць мовы. Сінтаксічная непаўната, сегментацыя і парцэляцыя выдзяляюцца шляхам пропуску, далучэння і вылучэння інфармацыі, якая з'яўляецца самай важнай, што спрыяе дыстынктнасці выказвання.

Літаратура

1. Грудева, Е. В. Избыточность и эллипсис в русском письменном тексте / Е. В. Грудева. – Череповец : Черепов. гос. ун-т, 2007. – 251 с.
2. Колосова, Т. А. Русские сложные предложения асимметричной структуры / Т. А. Колосова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 164 с.

3. Carlson, K. Paralelism and prosody in the processing of ellipsis sentences / K. Carlson. – New York ; London : Routledge, 2002. – 227 p.
4. Harma, J. Sur l'omission du verbe et sa recuperabilité en français / J. Harma // Actes du 9e Congrès des romanistes scandinaves, Helsinki, 13–17 aout 1984. – Helsinki, 1986. – P. 135–146.
5. Vychodilová, Z. Elipsa jako jeden ze způsobu neexplicitního vyjadřování obsahových prvků v jazyce / Z. Vychodilová, R. Zimek ; Masarykova unv. – Olomouc : [s.n.], 1988. – 231 s.
6. Wiśniewski, M. Przegląd równoważników zdania znamienych dla współczesnej polszczyzny / M. Wiśniewski // Acta Univ. Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-społecz. Filologia Polska. – Toruń, 1995. – T. 46. – S. 115–150.

References

1. Grudeva E. V. (2007) *Izbytochnost' i jellipsis v russkom pis'mennom tekste. [Redundancy and ellipsis in the Russian written text]*. Cherepovec: Cherepov. gos. un-t. (In Russ).
2. Kolosova T. A. (1980) *Russkie slozhnye predlozhenija asimmetrichnoj [Russian complex sentences with an asymmetric structure]*. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta. (In Russ).
3. Sarlson K. (2002) *Paralelism and prosody in the processing of ellipsis sentencesn*. New York; London: Routledge.
4. Harma J. (1986) *Sur l'omission du verbe et sa recuperabilité en français. [Actes du 9e Congrès des romanistes scandinaves]*. Helsinki, 13–17 aout 1984. P. 135–146.
5. Vychodilová Z. & Zimek R. (1988) *Elipsa jako jeden ze způsobu neexplicitního vyjadřování obsahových prvků v jazyce*. Olomouc.
6. Wiśniewski M. (1995) *Przegląd równoważników zdania znamienych dla współczesnej polszczyzny. [Acta Univ. Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-społecz. Filologia Polska]*. Toruń. T. 46. 115–150.

НЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ИЗУЧЕНИИ РЕЧЕ-ТЕКСТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 811.161.1'371

О МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ «ЧЕЛОВЕК – ЭТО КОМПЬЮТЕР» И НЕКОТОРЫХ ЕЁ СЕМАНТИЧЕСКИХ СУБМОДЕЛЯХ

О.С. Гуркова,

магистр филологических наук,
учитель русского языка и литературы ГУО «Гимназии г. Ветка»,
методист ГУ «Ветковский районный учебно-методический кабинет»,
г. Ветка, Республика Беларусь
E-mail: Olga.gurkova.by@yandex.by

В статье отмечено влияние языка сферы электронных коммуникаций на внесетевую действительность. В исследовании сосредоточено внимание на изучении и описании семантической модели неометафор «человек – это компьютер», восходящих к электронным коммуникациям, а также рассмотрены некоторые наиболее распространенные метафорические субмодели со сферой-источником «электронные коммуникации» и их «сферы прибытия» в современном русском языке. Большинство семантических субмоделей неометафор образуются на основе сходств функций человека и компьютера (мобильного телефона). Делается вывод о том, что рассмотренная модель построена по аналогии с устоявшейся в языке моделью «человек – это механизм».

Ключевые слова: электронные коммуникации, язык электронных коммуникаций, неометафора, метафорическая модель.

O.S. Hurkova,

Master of Philological Sciences,
teacher of Russian language and literature of the Vetka Gymnasium,
methodologist of the Vetka District Educational and Methodical Office,
Vetka, Republic of Belarus
E-mail: Olga.gurkova.by@yandex.by

A METAPHORICAL MODEL OF NEOLEXEMES DATING BACK TO THE FIELD OF ELECTRONIC COMMUNICATIONS

The article notes the influence of the language of the sphere of electronic communications on off-network reality. The study focuses on the study and description of the semantic model of the neometaphors "man is a computer", dating back to electronic communications, and also examines some of the most common metaphorical submodels with the source sphere "electronic communications" and their "spheres of arrival" in modern Russian. Most semantic submodels of neometaphors are formed based on the similarity of human and computer (mobile phone) functions. It is concluded that the considered model is constructed by analogy with the well-established model in the language "man is a mechanism".

Key words: electronic communications, the language of electronic communications, neometaphora, metaphorical model.

Введение

В конце XX – начале XXI века мир погрузился в новое коммуникативное пространство Интернета и мобильной телефонии, что привело к появлению значительного количества слов – неологизмов, рожденных в сфере электронных коммуникаций (ЭК). Ярким примером одного из наиболее актуальных динамических процессов в лексике современного русского языка является фиксация неолексем, восходящих к электронным коммуникациям, вне данной дискурсивной сферы. «Интернет настолько меняет нашу

жизнь, что многие ученые говорят сегодня о появлении человека с новым типом сознания – homo digitalis (человек эпохи цифровых технологий)» [1, с. 8]. Пользователь интернета (Рунета, Байнета и др.), мобильной телефонии мыслит «новыми категориями». Язык электронных коммуникаций имеет определенное влияние на реальную (внесетевую) действительность.

Неометафоры из сферы электронных коммуникаций, вышедшие за пределы зоны своего существования, фиксируются в различных дискурсивных практиках (таких как разговорная речь, молодежный сленг, поп-культуре, СМИ и др.), при этом сохраняя специфические черты языка электронных коммуникаций.

Следует отметить, что характерным явлением для современного коммуникативного пространства стал переход фраз и слов, восходящих к сфере ЭК, в другие дискурсы, в которых они зачастую метафоризируются.

Сегодня особенно активно развивается теория метафорического моделирования. Анализируются и описываются конкретные метафорические (семантические) модели. Так, В. Д. Стариченок отмечает: «Моделирование как метод познания и структурной характеристики объекта в конце XX века оформилось в самостоятельное научное направление» [5, с. 14]

Семантическое моделирование является одним из наиболее популярных и широко распространенных методов в научно-исследовательской деятельности. Этот метод характеризуется наглядностью, компактностью, возможностью преобразований и трансформаций, обладает мощной эвристической силой.

Целью данного исследования является изучение и описание метафорической модели образования неолексем со сферой источником «Компьютер и электронные коммуникации».

Методы и материалы исследования

Материалом для наблюдения послужили неометафоры, восходящие к ЭК. Подчеркнем, что мы сохранили все особенности языкового оформления примеров, приведенных далее в статье. Основными методами исследования являются метод выборки, который позволяет отобрать необходимый языковой материал, метод аналитического описания, сопоставления и интерпретации.

Обсуждение результатов

Метафорическая модель – это существующая и / или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: «X – это Y» [6, с. 70].

Построение метафорических моделей как разновидности моделей семантической деривации воссоздает процедуру проецирования области-источника на область-цели и выявляет сущность различных метафорических наименований [2, с. 133].

Следует отметить, что когнитивная лингвистика повлияла на развитие теории моделирования действительности, а труд Дж. Лакоффа, М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» стал настольной книгой современных лингвометафорологов.

Метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний: когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели». В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит метафорическая «проекция» [4, с. 9].

Рассмотрим некоторые примеры наиболее распространенных «сфер отправления», «сфер прибытия», а также сами неолексемы, восходящие к сфере ЭК, уже «осевшие» в русской разговорной речи последних лет в качестве своеобразных неометафор. Понятие «сферы (зоны) отправления/источника» и «сферы (зоны) прибытия» мы используем вслед за сторонниками когнитивной теории метафоры Дж. Лакоффа-Джонсона [4].

Новое коммуникативное пространство породило следующие сферы-источники метафоризации: 1. Компьютер, компьютерные программы. 2. Компьютерные игры. 3. Интернет-переписка в социальных сетях, чатах, форумах и т.д.

Так, рассуждая о метафоре как средстве и результате когниции, Н. Ф. Алефиренко уделяет особое внимание фундаментальным метафорам человечества, маркирующим переход социума от одной производственной парадигмы к другой: «... а затем, с Нового времени, – машинными, механистическими, включая последние по времени компьютерные и метафоры микромира: *внутренний дисплей человеческой души* (с. 205); *этимон – первое изображение на дисплее дискурсивно-когнитивного порождения слова и его значения* (с. 228); *на дисплее сознания, наносмыслы...* (с. 178); (с. 316)» [7, с. 148].

Склонность к принятию «технических характеристик» (компьютера, мобильного телефона, гаджетов, игровых персонажей и др.) органистическими объектами и связанными с ними процессами и понятиями способствует образованию семантической модели глобальной неометафоры «человек – это компьютер» (*Мир, как дисплей устроенный / Человек-килобайт в нем маленький...* <https://www.sunhome.ru/poetry/>); «природа – это компьютер» (*А небесный дисплей отразит голубая река, позабыв о двоих, обнимающихся на причале. Л. Либолов «Небесный дисплей»* <https://stih.ru>. *Не работают сети, хмурый февраль на репите. (Пицца «В лифте»* <https://mychords.net/pizza/70349-picca-lift.html>); *Подвел старик курсор к Синему Морю, Стал он cЛiCKать Золотую Рыбку...* (http://lit.lib.ru/a/ashkinazi_1_a/text_0860.shtml). В данном примере очевидно языковое обыгрывание эпизода из сказки «О рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина: *CLiCK – ‘щелчок по клавише компьютерной мыши’*); «общество (мир) – компьютер» (*Можно ли поставить мир на паузу, а потом перезапустить: экономисты о будущем после пандемии* (<https://thebell.io>).

О. Н. Лагута отмечает: «Термином-деперсонификацией «компьютерная метафора» описываются исследования, сравнивающие мозг и разум человека с компьютерными программами. Человек наделяется способностями, подобными компьютерным: оперировать системами символов, осуществлять различные операции с ними, обрабатывать и хранить информацию» [3, с. 71].

В основе большинства семантических субмоделей неометафор лежат функциональные сходства человека и компьютера. Рассмотрим некоторые из них.

1. Компьютерные команды – управление человеческой жизнью.

В данную субмодель вписываются неометафоры, описывающие управление человеческой жизнью с помощью кнопок компьютерной клавиатуры (*repeat, delete, cancel*): *В Турции или в Египте, Вите надо выйти! На Самуи или Пхи-Пхи, Вите надо выйти! Витя на репите. (Estradarada – «Вите надо выйти»* <https://tekst-pesni.online>). *Мама, papa, извини... извините! Мы сегодня целый день на репите / Мама, papa, не руга... не ругайте!* (А. Ольшанский «На репите» <http://agentstvo-prazdnik.com.html>); Репит (*repeat*) – кнопка повторного воспроизведения звуковой дорожки или видеофайла (<https://www.manualsdir.ru>). Вскоре появилось устойчивое неометафорическое выражение «*быть на репите*», т. е. воспроизводить приятные события из жизни человека в памяти или в действительности. *И жизнь поставив на репит, чтоб только не нажать делит (UniSex, «Delete»);*

Нажму на кнопку delete, сотру всё то, что болит. Не оставляя из прошлого следы. Нажму на сердце delete, сотру всё то, что болит. (Н. Гулькина. «Нажму на кнопку delete» <http://songspro.ru>). Очевидно, что слово *delete* используется для выражения желания избавиться от печали и негативных воспоминаний и эмоций. В прямом значении *Delete* (сокращ. *Del*) – это клавиша компьютерной клавиатуры, которая служит для удаления символов, находящихся справа от курсора, а также для удаления ярлыков, папок, файлов и других объектов, в зависимости от программы (fixer24.ru).

Обратимся к еще одному примеру, в котором описывается желание избавиться от душевной боли, т.е. как бы «отменить», «стереть» чувство: «*Мальчик мой, что с тобой, почему не весел?/... Бросил! – меня тут мучают скрипом кресел, Сверлят, ломают; негде нажать cancel...*» (В. Полозкова «Пятиэтажка» <https://rustih.ru>). *Cancel* (компьют.

термин) – 1. Отмена команды или сигнала. 2. Стирание информации или записи (cancel <http://www.вокабула.рф/словари/компьютерные-термины>).

2. **Ментальные и психические состояния человека – функционирование компьютера (мобильного телефона):** *Бабушка зависла, потом начала на нас ворчать в духе «ходят тут всякие»* (https://vk.com/wall-47029734_611874). В данном примере лексема *зависнуть* употребляется в значении ‘впасть в ступор, задуматься’. В первичном значении лексема *зависать* употребляется ‘зависание компьютера – это сбой операционной системы, в результате которого компьютер перестает реагировать на действия пользователя и откликаться на системные команды’.

В следующем примере мы можем наблюдать развертывание данной субмодели в контексте, что позволяет автору более точно описать эмоциональное состояние человека: *Я – терабайт, я жду перезагрузки, обид по умолчанию сбросить груз ...* (Е. Шушманов, «Терабайт любви» (<https://stihi.ru>)).

В приводимом ниже примере описывается завоевание молодым человеком симпатии девушки и его переживания по следующей схеме «завоевание симпатий девушки — подключение по блютузу». *На море чувств, штормит блютуз! / А я решаю кнопками задачу! Не сопрягается блютуз, я чуть не плачу!* (В. Дэнин «Блютуз. Ритм-энд-блюз», <https://www.chitalnya.ru>).

Горит Луна, а я одна / Шазамлю грустные треки на баре/... (Ю. Караулова «Градусы» <https://www.gl5.ru>). «Шазам» – приложение на смартфоне, позволяющее записывать музыку на улице, в маршрутке, у колонок и т.д., и потом находить записанный трек в сети (<http://www.bolshoyvopros.ru>).

Выводы

Подводя итоги, следует отметить, что активными сферами-источниками для создания неометафор являются компьютер, компьютерные программы, компьютерные игры, интернет-переписка в социальных сетях, чатах, форумах и т.д. Чаще всего сферами прибытия являются повседневная жизнь человека, сфера его чувств и эмоций, интеллектуальная деятельность, что находит свое отражение в разговорно-бытовом общении, молодежном сленге, современных художественных текстах и др.

Глобальная метафора «Человек – это компьютер» включает в себя несколько субмоделей: компьютерные команды – управление человеческой жизнью, ментальные и психические состояния человека – функционирование компьютера (мобильного телефона) и др. Рассмотренная модель построена по аналогии с устоявшейся в русском языке моделью «человек – это механизм».

Литература

1. Активные процессы в языке интернета: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: коллективная монография / Т. Б. Радбиль, Е. В. Маринова [и др.]; под ред. Л. В. Рабиурской. – М.: Нестор-История, 2019. – 257 с.
2. Кравцова, Ю. В. Семантические лингвометафорологические исследования рубежа XX–XXI вв. / Ю. В. Кравцова // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». – Т. 24(63). – № 1, Ч. 1. – 2011. – С. 130–136.
3. Лагута, О. Н. Метафорология: теоретические аспекты / О. Н. Лагута. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2003. – Ч. 1. – 114 с.
4. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
5. Старичёнок, В. Д. Образ человека в белорусском языковом континууме / В. Д. Старичёнок. – Минск: Колорград, 2018. – 292 с.
6. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.
7. Шестак, Л. А. Животрепещущее слово бытия / Л. А. Шестак // Известия ВГПУ. Филология. – 2011. – № 2. – С. 148–149. Рец. на кн.: Алефиренко, Н. Ф. «Живое» слово: проблемы функциональной лексикологии / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.

References

1. Radbil' T. B., & Marinova E.V. [i dr.] (2019). Aktivnye processy v jazyke interneta: lingvokognitivnyj i pragmaticeskij aspekty [Active processes in the Internet language: linguocognitive and pragmatic aspects]. Moscow: Nestor-history. (In Russ).
2. Kravcova Ju. V. (2011). Semanticheskie lingvometaforologicheskie issledovaniya rubezha XX – XXI vv. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nac. un-ta im. V. I. Vernadskogo. Ser. «Filologija. Social'nye kommunikacii»* [Semantic linguometaphorological studies of the turn of the XX - XXI centuries. *Scientific notes of the Tauride nats. V. I. Vernadsky University. Philology. Social communication*].24(63), 130–136. (In Russ).
3. Laguta O. N. Metaforologija: teoreticheskie aspekty. Ch.1 (2003).[*Metaphorology: theoretical aspects. Part I*] [Monography].Novosibirsk. (In Russ).
4. Lakoff Dzh., Dzhonson M.(2004). Metaforj, kotorymi my zhivem. [*Metaphors that we live by*]. Moscow: Tutorial URSS. (In Russ).
5. Starichjonok V. D. (2018). Obraz cheloveka v belorusskom jazykovom kontinuumе [*The image of a person in the Belarusian language continuum*]. Minsk: Kolorgrad. (In Russ).
6. Chudinov A. P. (2003).Metaforicheskaja mozaika v sovremennoj politicheskoj kommunikacii. [*Metaphorical mosaic in modern Political Communication*]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ).
7. Shestak L. A. (2011).Zhivotrepeshhushhee slovo bytija Izvestija VGPU.[*The burning word of Being. Filologija*]. [Rec. in the book: Alefirenko, N. F. "Living" word: problems of functional lexicology] 2, 148–149. (In Russ).

УДК 811.161.1'373.45

ИНТЕРНЕТ-ПРОЗВИЩЕ В АСПЕКТЕ ГЕНДЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

И.О. Ковалевич,

доцент, кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой иностранных языков и методики преподавания иностранных языков
Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: irina_kovalevich@list.ru

Е.Л. Маркова,

студентка 4 курса филологического факультета
Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: cm4rkova@yandex.ru

Статья посвящена анализу Интернет-прозвищ в аспекте гендерной лингвистики. Настоящее исследование проводится на материале англоязычных никнеймов, отобранных методом сплошной выборки из русскоязычного Интернет-пространства (ВКонтакте, Telegram, Instagram, Интернет-форумы). С применением сопоставительного, семантико-стилистического методов, метода структурного анализа, метода количественного подсчета были выявлены способы гендерной маркированности, установлены структурные, семантические и стилистические особенности мужских и женских Интернет-прозвищ.

Ключевые слова: Интернет-прозвище, никнейм, гендерная маркированность, Интернет-пространство, самоименование.

NICKNAME IN THE ASPECT OF GENDER LINGUISTICS

I.O. Kovalevich,

Associate Professor, Cand. Phil. D., Head of the Department of Foreign Languages and Methods of Teaching Foreign Languages,
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: irina_kovalevich@list.ru

E.L. Markova,

4th year student of the Philology Faculty,
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: cm4rkova@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of Internet nicknames in the aspect of gender linguistics. This research is carried out on the basis of English nicknames selected by continuous sampling from the Russian-speaking Internet space (VKontakte, Telegram, Instagram, Internet forums). With the use of comparative, semantic and stylistic methods, the method of structural analysis, the method of quantitative calculation, ways of gender markedness were identified, structural, semantic and stylistic features of male and female Internet nicknames were established.

Key words: Internet nickname, gender markedness, Internet space, self-naming.

Введение

С развитием информационно-коммуникационных технологий Интернет-общение стало неотъемлемой частью жизни современного человека. Интернет-форумы, чаты, блоги, гостевые книги, личные страницы в социальных сетях расширяют горизонты коммуникативного пространства и предоставляют человеку дополнительные возможности для самовыражения.

Интернет-коммуникация, прежде всего, характеризуется опосредованностью, так как протекает посредством технических средств связи. К другим важным характеристикам виртуального общения относятся анонимность, свобода языкового выражения, дистантность участников общения и др. [2, с. 12], [3] Все это определяет коммуникативное поведение человека в Интернет-пространстве. Погружаясь в параллельный мир виртуальной реальности, человек демонстрирует склонность к перевоплощению, реализации себя в новых ролях и коммуникативных сценариях, и данный процесс, как правило, сопровождается созданием нового виртуального имени. Главная цель – сохранить анонимность, остаться неузнанным – гарантирует свободу мысли и самовыражения.

Выбор имени не является стихийным процессом (за исключением несчастных случаев). Имя человека заключает определенный смысл, является источником информации о его носителе. Самоименование – это способ самоидентификации, когда человек получает возможность заявить о себе, акцентировать свои определенные качества, способности, склонности, позиционировать себя тем, кем бы хотел быть для окружающих. Таким образом, *никнейм* (также *интернет-прозвище*, *виртуальное имя*, *сетевое имя*) является вербальным обозначением виртуальной личности и представляет ценный материал для исследователей.

Традиция выбора для себя другого имени не является новой. Это явление достаточно распространено среди людей, связанных с литературным творчеством и журналистикой. Одним из наиболее креативных в данном отношении был Антон Павлович Чехов, который подписывал свои многочисленные работы, как *Z.*, *А.Ч.*, *А. Ч-х-в*, *Человек без селезёнки*, *Дяденька*, *Антоша Чехонте*, *Врач без пациентов*, *Вспыльчивый человек*, *Гайка №5^{3/4}*, *Гайка № 6*, *Гайка № 9*, *Грач*, *Дон-Антонио Чехонте*, *Крапива*, *Прозаический поэт*, *Пурселепетанов*, *Шампанский*, *Юный старец*, *Архип Индейкин*, *Василий Спиридонов*, *Сволачев*, *Известный* и др. [4, с. 319–320]. Литературоведы насчитывают более сорока таких творческих имен. Свои псевдонимы также имели Н. В. Гоголь (*Г. Янов* (от Гоголь-Яновский), *П. Глечик*, *В. Алов*, *Пасичник Рудой Панько*, *оооо*, *N.N.N.*), И. А. Крылов (*Нави Вольярк*), А. С. Пушкин (*Феофилакт Косичкин*, *Иезуда Хламида*, *И.П.Белкин*), М. А. Булгаков (*М.Б.*, *Ф. Скитайкин*, *М. Ол-Райт*, *Иван Бездомный*, *Незнакомец*, *Маг*) и многие другие.

В настоящее время Интернет-пространство позволяет каждому человеку заявить о себе, независимо от его способностей, талантов, профессии, образования и т.д.

Никнеймы привлекают внимание лингвистов сравнительно недавно. Они исследуются, как правило, в аспекте Интернет-дискурса как его частное проявление (Н. Г. Асмус, Н. А. Ахренова, Н. Е. Бажайкин, А. В. Жичкина, И. И. Зубова, Н. Д. Чеботарева) либо вторичной номинации (Т. В. Аникина, В. В. Мизин, Л. В. Шалина). Имеются также работы, посвященные изучению данных ономастических единиц в рамках проблемного поля теории коммуникации и коммуникативной лингвистики (А. С. Балкунова) [1].

Цели и задачи

На наш взгляд, представляется интересным продолжить исследование никнейма как способа выражения языковой личности, характеризующейся определенным набором

признаков и качеств. В этом отношении является актуальным проведение сравнительного анализа традиции самоназвания в аспекте гендерной лингвистики и установление структурных, семантических, стилистических особенностей мужских и женских Интернет-прозвищ.

Методы и материал исследования

Материалом для исследования послужили англоязычные никнеймы, отобранные методом сплошной выборки из русскоязычного Интернет-пространства (ВКонтакте, Telegram, Instagram, Интернет-форумы: <http://kuli4kam.net>, <https://alsiti.net>, <https://lady.mail.ru/forum/>, <https://auto.mail.ru/forum/> и др.). Отобранные единицы анализировались по наличию в их структуре гендерно маркированного элемента.

В процессе работы использовались следующие методы и приемы исследования: метод сплошной выборки, описательный, структурный анализ, сопоставительный, семантико-стилистический, метод количественного подсчета.

Результаты и их обсуждение

Проанализировав 256 мужских и женских Интернет-прозвищ, мы пришли к выводу, что в 45 % случаев гендерная маркированность выражается посредством лексических единиц, которые обозначают лицо соответствующего пола: *man, boy, girl, lady*, реже *woman*, например: *ArtMa¹n, Computer-man, automan, Football boy, cool_boy_, Secret girl, ♪musical girl♪, Crazy_girl ♪, SWEET GIRL, Lazy girl, Candy-Girl, ♥Sexy♥girl♥, Angry_girl, Pretty Lady, Golden lady, Woman-in-red, Cheri Lady*.

Как видно из представленных примеров, по своей структуре данные никнеймы представляют собой либо словосочетания по типу ADJ + S, либо композиты по типу S + S. Первый структурный компонент имени выступает в качестве характеризующего, в то время как второй является гендерно маркированным в соответствии с лексическим значением данной единицы. Акцентуализация возрастного признака в данном случае является вторичной. Характеристика лица может осуществляться по роду деятельности либо увлечению (ср.: *Computer-man, automan* и др.), что наиболее характерно для Интернет-пользователей мужского пола. Среди женской половины интернет-коммуникантов наиболее распространены виртуальные имена с компонентами, выражающими внешние и внутренние качества (ср.: *Lazy girl, Pretty Lady* и др.).

Кроме того, в женской речи нами были зафиксированы случаи употребления аллюзивных имен собственных: *Woman-in-red* (из текста песни Криса де Бурга «The Lady in Red» с заменой компонента *lady* на *woman*), *Cheri Lady* («Cheri Cheri Lady» группы Modern Talking).

Менее употребительными гендерно маркированными компонентами Интернет-имени выступают лексические единицы со значением социального статуса и титула: *queen, king, prince, knight, princess*. По своей структуре данные никнеймы представляют собой сочетание имени нарицательного со значением титула и имени собственного: *Queen Kate, @queen_vicky, King Leon, Prince RomaN, Knight Nick, Princess Natali, Princess Arishka*. Как видим, в данных примерах наблюдается нарушение стилистической сочетаемости лексических единиц, т.к. в соответствии с традицией в подобных синтаксических структурах употребляется полное имя человека: *Queen Elizabeth, King Charles* и др.

Указанные лексические единицы могут также употребляться и в других сочетаниях: ADJ + S (титул) (*Sleepy Princess*); S (титул) + предлог of + S (топоним – вымышленный или реальный): *King_of_ural_, Queen of ShopperNet*. В последнем случае языковая игра достигается посредством образования окказионального слова, созвучного с известным Internet. *Shoppernet* может выражать значение 'Интернет-пространство для совершения покупок'.

¹ Здесь и далее сохраняется графическое оформление имени.

Довольно часто в качестве Интернет-прозвищ выступают имена персонажей литературных произведений и кинофильмов. Среди мужских виртуальных имен встречаются *Shreck, Dracula, Hulk, Spiderman, Iceman, Rocky* – положительные и отрицательные персонажи, которые ассоциируются с физической силой, мощью, сверхчеловеческими способностями. Женские имена, как правило, выражают позитивные коннотации (например, *Cinderella, Alice_in_Wonderland, SnowWhite, Ariel*) и ассоциируются с такими качествами, как доброта, красота, мягкость, нежность, наивность, непосредственность и т.д. Хотя зафиксированы также случаи употребления имен, соотносимых с отрицательными персонажами, например, *witch* (ср. русск. *ведьма*), *monster*. При этом может создаваться эффект оксюморона посредством сочетания данных лексических единиц с прилагательными, выражающими положительные характеристики: *sweet witch, Little witch, soft_monster(●●)* и др.

В Интернет-дискурсе прослеживается устойчивая тенденция к созданию анималистических имен. При этом представители сильного пола традиционно соотносят себя с хищниками как воплощением сильного мужского начала: *Fiery Tiger, Mark-teethy-shark, Eagle, lonely))wolf*. Женский Интернет-именник включает онимы с такими компонентами, как *fox, fish, butterfly*. Данные единицы, как правило, употребляются в сочетании с прилагательными и / или именами собственными: *Cute_marina fox* (ср. русск. *милый*), *Golden Fish, Butterfly Mary*. В данной группе Интернет-онимов также зафиксированы случаи создания стилистического эффекта посредством оксюморона: *Good Cobra*.

Основу номинации может составить также традиционный для языкового узуса метонимический перенос по принципу часть – целое (а именно, часть тела человека – человек): *@BigHeadVictor, Brainy head* (мужские никнеймы); *Sweet cheek, Sunny_eyes, ☺ smiling_little_face ☺* (женские никнеймы). Как видно из представленных примеров, для мужчин в данном случае показательно акцентировать внутренние качества, ум, а для женщин – внешние.

Для женщин характерной особенностью является создание «цветочных» имен. Наиболее употребительным компонентом является лексическая единица *rose*, ассоциирующаяся с женской красотой и молодостью: *Sweet Rose, red*rose*, Golden Rose*. Также зафиксированы случаи употребления наименований других цветов: *Sunflower*.

К особенностям коммуникации женщин можно отнести также создание имен собственных на основе гастрономической лексики *Strawberry Nat, Juicy_cherry_Mary, SweetBerry, Sugar Kate, vanilla cake*. Как видно из представленных примеров, женщины ассоциируют себя с кондитерскими изделиями, ягодами. Имена прилагательные выражают, как правило, вкусовые характеристики «сладкий» «сочный» «ванильный». Данная тенденция отчетливо прослеживается и в языке на уровне фразеологии: *пальчики оближешь, в самом соку, кровь с молоком, лакомый кусочек*.

Интернет-пространство содержит также имена, как правило, женские, соотносимые с тематическим полем «Игрушки». В качестве наиболее употребительного гендерно маркированного элемента выступает лексема *doll* (русск. *кукла*): *Candy doll, dolly_doll, Sunny Doll, Sugar doll Nastya, Popdoll*.

Гендерная маркированность может также выражаться посредством средств словообразования. Мы зафиксировали единичный случай создания ономастической единицы посредством суффикса *-ess*, который употребляется в английском языке для образования дериватов со значением женскости от основ существительных, называющих представителей мужского пола: *Monstress_Lolo*.

Выводы

Таким образом, можем заключить, что Интернет-прозвища могут характеризоваться гендерной маркированностью, которая выражается посредством средств лексики и словообразования. Как для мужчин, так и для женщин является показательным акценти-

ровать половую отнесенность посредством соответствующих лексем (ср.: *boy, girl, woman, man, lady*), при этом для некоторых единиц показатель пола может быть вторичным (ср.: *queen, king, knight, princess*). Основу Интернет-прозвища могут составить имена героев кинофильмов и литературных произведений, зоонимы, менее употребительны наименования частей тела. Женский Интернет-именникон характеризуется большим тематическим многообразием за счет включения в состав имени лексических единиц, соотносимых с тематическими полями «Цветы», «Игрушки», «Кондитерские изделия», «Ягоды». По своей структуре Интернет-прозвища представляют собой, как правило, сочетания имени прилагательного с именем существительным либо имени нарицательного с именем собственным. Для мужчин является показательным выражение внутренних качеств (ум, сила, смелость), в то время как женщины акцентуализируют как внешние, так и внутренние качества (красота, доброта, нежность и др.). Основу номинации может составить языковая игра, что наиболее характерно для женского Интернет-именникона (ср.: *Good Cobra*).

Литература

1. Балкунова, А. С. Роль сетевого имени (никнейма) во взаимодействии субъектов виртуальной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. С. Балкунова ; Нижневарт. гос. гуман. ун-т – М., 2012. – 28 с.
2. Горошко, Е. И. Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры / Е. И. Горошко // Интернет-коммуникация как новая речевая формация : колл. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. – М. : Наука : Флинта, 2012. – С. 9–52.
3. Рянская, Э. М. Сетевое имя (никнейм) как языковой знак [Электронный ресурс] / Э. М. Рянская, А. С. Балкунова // Вестник НВГУ. – 2011. – №4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevoe-imyа-nikneym-kak-yazykovoy-znak>. – Дата доступа: 07.09.2021.
4. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1988. – Т. 18. – С. 319–320.

References

1. Balkunova A.S. (2012) *Rol setevogo imeni (nikneyma) vo vzaimodeystvii subyektov virtualnoy kommunikatsii* [The role of a network name (nickname) in the interaction of subjects of virtual communication] [Author's abstr. cand. philol. diss.]. Moscow. (In Russ).
2. Goroshko E.I. (2012) *Sovremennaya internet-kommunikaciya: struktura i osnovnye parametry* [Modern Internet communication: structure and basic parameters]. Moscow. (In Russ).
3. Ryanskaya E. M., & Balkunova A. S. (2011) *Setevoe imya (nikneym) kak yazykovoj znak*. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Network name (nickname) as a language sign. *Bulletin of Nizhnevartovsk State Humanitarian University*]. Retrieved September 7 2021 from: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevoe-imyа-nikneym-kak-yazykovoy-znak>. (In Russ).
4. Chekhov A. P. (1988) *Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 30-ti tomah* [Complete works and letters in 30 volumes]. Moscow: Science. (In Russ).

УДК 811.161.1

ЯЗЫК ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЕВ КАК ОТРАЖЕНИЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В РУССКОЙ РЕЧИ

С.Ю. Нагорная,

кандидат филологических наук, доцент Института иностранных языков
Цзилиньского университета,
г. Чаньчунь, Китайская Народная Республика
E-mail: sjnagornaya@yandex.ru

В статье анализируются языковые особенности Интернет-комментариев, отражающих реальные речевые манифестации носителей русского языка в письменной фиксации. С применением функционального, семантического и структурного методов на материале аутентичных текстов, не подвергавшихся ранее

исследованию, выявлены и описаны языковые средства и способы выражения авторских интенций, субъективно-оценочные модальные значения. Разноаспектное исследование позволяет сделать вывод о том, что наиболее частотные единицы, используемые в данных текстах, характеризуются наложением модусных смыслов и полифункциональностью.

Ключевые слова: Интернет-комментарий, эмоциональность, оценочность, субъективная модальность.

THE LANGUAGE OF INTERNET COMMENTS AS A REFLECTION OF CURRENT PROCESSES IN THE RUSSIAN LANGUAGE

S.J. Nagornaya,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Institute of Foreign Languages,

Jilin University,

Changchun, People's Republic of China

E-mail: sjnagornaya@yandex.ru

The article analyzes the linguistic features of Internet comments that reflect the real speech manifestations of native speakers of the Russian language in written fixation. Using functional, semantic and structural methods on the material of authentic texts that have not been previously studied, the linguistic means and ways of expressing the author's intentions, subjective-evaluative modality are identified and described. A multi-aspect study allows us to conclude that the most frequent units used in these texts are characterized by the overlap of modus meanings and polyfunctionality.

Keywords: Internet comment, emotionality, evaluativeness, subjective modality.

Введение

Активизация языковых процессов всегда происходит под воздействием насущных коммуникативных запросов общества. Язык Интернета вызывает интерес и в плане отражения состояния коммуникативной практики пользователей разного возраста и социальных групп, и при исследовании их языковой, речевой и когнитивной деятельности. Таким образом, исследование языка Интернета остается актуальным направлением, так как позволяет увидеть реальную речевую коммуникацию носителей русского языка, состояние их языковой компетенции, соотношение устной речи и письменной, исследовать коммуникативно-прагматическую деятельность, аспекты продуктивности/непродуктивности коммуникации.

Интернет-комментарии представляют собой неофициальное спонтанное сообщение, так как чаще всего комментирующий быстро реагирует на затронувшую его публикацию, испытывая коммуникативную потребность выразить собственное мнение, оценку, чувства и эмоции. Поэтому данные тексты отражают прежде всего оценочную модальность [1], как с положительной коннотацией, так и с отрицательной. Кроме того, особенности языка Интернет-комментариев рассматриваются на основании теоретических представлений о закономерностях развития процессов семантического развития слов [2], о непосредственной связи функционирования языковых структур с когнитивными процессами [3].

Целью исследования является выявление в письменных текстах Интернет-комментариев наиболее актуальных черт процессов, происходящих в речи носителей русского языка. Определить семантику и функционирование наиболее частотных единиц разных уровней, а также коммуникативно-прагматические установки продуцентов речи.

Методы и материал исследования

Анализ Интернет-комментариев осуществляется с использованием семантического метода, структурного и функционального.

Материалом исследования послужили аутентичные тексты Интернет-комментариев, не подвергавшиеся ранее исследованию, отражающие реальные манифестации языковых средств и способов выражения интенций говорящего, особенности коммуникативного взаимодействия.

Результаты и их обсуждение

Сегодня в Интернет как особое коммуникативное пространство вовлечены широкие массы носителей русского языка разного возраста и социальных групп, всей территории

России и даже за ее пределами: *мне 58* (Светлана Гель); *48 лет* (Юлия Пак); *Мне 65.* (Ирина Мирошниченко); *Меня зовут Александра, мне 30 лет, я – стилист-имиджмейкер из Москвы* (Александра); *Я человек без **какого то** там ненужного высшего образования, работаю здесь за 50тыс.* (Андрей Лобода). *Воронеж тут ни при чём. Я у нас такого скудоумия среди студентов не встречала.* (Елена Денисова); *Я в своей сибирской глубинке...* (Крендель). Интернет позволяет массовому пользователю активно откликаться на все жизненно важные изменения, происходящие в мире, удовлетворять коммуникативные, психологические, познавательные, профессиональные потребности.

С увеличением количества пользователей и с расширением возможностей Интернет-коммуникации меняется его язык. Кроме того, на изменчивость языка Интернета оказывает влияние коррекция ценностных установок пользователей под влиянием социально-политических, экономических и культурных перемен. Но не произошло предполагаемого ранее некоторыми исследователями формирование особой «сетевой» языковой нормы, «новой письменности», «креатифф» уступил лидирующую позицию прагматике. Исчезает тенденция к аграмматизму, активные процессы графико-орфографического способа словообразования сошли на нет, например, такие как, смешение в одном слове русских и латинских букв, вставка внутри слова цифр или других небуквенных графических средств и т.д.

Интернет-комментарии позволяют судить о реальном речевом поведении носителей русского языка, о языковой компетенции, особенностях межличностного общения, активной роли языковой личности. В комментариях продуценты речи выражают свое отношение к содержанию Интернет-публикаций, собственное мнение, свои чувства и эмоции, оценивают тексты и их авторов. Поэтому Интернет-комментарии характеризуются выражением категорий эмоциональности и оценочности.

В данных текстах активно используются неологизмы, в которых базовые семантические характеристики, присутствующие в семантике слова, осложняются субъективно-оценочными значениями: *Обожжаю Грецию, обожаю Крит! Как же я скучаю! Скорей бы полетку открыли!* (Катапусик); *Элла, забила, я не на олимпиаде по лингвистике, люди стали озлобленные, результат **ковидной отсидки** и нехватка кислорода!* (Irina viasova); *зачем это нужно – чисто в дзене **светануться**?* (ООО Стройснаб); *...и не хотелось бы жить там **на постоянку**.* (Денис Ефимов); *Да вы бегом побежите обратно от жары и **кубанойдов*** (Ирина Н.). *Иванов, ну это редкие **понтогоны**, не нагнетайте зря.* (Дмитрий С). Прежде всего неологизмы отражают актуальную семантику для говорящих.

Как способ образования новых слов часто используется словосложение: *Вагоны качественно сделаны, но только это по сути **гномовоз**.* (SKODA_81e2). Кроме того, создаются неологизмы на основе схожести ассоциаций: *Москва тоже родина, но жить я там не могу, **жуютки** **человекник**, все время домой хочется*)) (Maksim Zhukov).

Частотным средством в Интернет-комментариях выступает использование словообразовательных формантов, которые реализуют эмоционально-экспрессивную функцию, актуализируют смысл субъективной оценки: *Бредятина какая-то...* (Юлия Федынич-Глызина); *Дерьмовенький отдых получается...какой-то не отдых совсем* (Вероника В.); *Поганенько, не нужно ждать благодарности, сочувствия и прочих соплей.* (Дмитрий).

Функционирование разговорно-речевых средств в Интернет-комментариях определяется не только их семантикой, но и эмоционально-экспрессивной значимостью: *Светлана, Да Вы чё???* *Ну надо же...Прям глаза открыли* (Любовь); *Мария, да Вы чо? А я думала, для красоты...Ну чтоб оперируемого не испугать.* (Любовь); *Купить билет в СВ чтобы посидеть на табуретках? Странное развлечение, как по мне.* (Владимир З); *Офигеть! Для меня очень полезная заметочка, непременно запомню...* (Странная ведьма); *Идиотизм. Пиликать сутки туда и обратно непонятно ради чего.* (Андрей Александров); *Тем более, кто во что одет, всем по-фигу.* (Ирина Светличная); *Елена, трындец, 55 лет бабушка!* (Ната Зима); *Спасибо автор! Уважаю простых не зажратых людей* (SVG Конфиденциально).

Совмещение в одном высказывании разных функционально-стилистических средств является наиболее частотным явлением в данных высказываниях: *Любовь, я человек, которому вы хамите, не имея на это оснований, и не только мне. С вами здесь все общаются вежливо. Если вы наделены особыми знаниями, так поделитесь с аудиторией, хмыкать в сторонке и важно пыхтеть – много ума не надо.* (Светлана Бояршева); *Интересно почитать, НО... ошибки меня, как педагога вымораживают (нЕ раз и нИ разу, например)* (Алена); *В дзене последнее время полно вот такой мути о разных странах от разных Маш или Володь. Явно под копирку и по шаблону.* (Алексей).

Изменилось отношение к необоснованному употреблению иноязычной лексики: *«Локаций»...русский язык забыла? (джордж ан); Влад, меня больше бесит, когда в наших магазинах везде SALE. Блин, тут иностранцев по пальцам посчитать, а я непонимаю, что они хотят.* (Иванов Валерий).

Анализируемый материал позволяет заметить, что частотными употреблениями в текстах комментариев являются частицы и междометия, выражающие субъективную модальность: *Велес, дорогой! ...ой, зря Вы это так написали. Ой, зря...* (Татьяна Бессонова); *Ну Вы мечтатель!* (Водолей); *Сергей, ну как вам сказать!* (Аскар Алекперов); со значением пренебрежения: *«Тушонка с картошкой» – лично для меня фу фу фу.* (Анастасия Луцкина); удивления: *Она на, я и не знал, что заблокирован* (Семен Перепелица). Нельзя не учитывать коммуникативную значимость данных индексальных знаков, так как они являются репрезентаторами ментальных действий субъекта, модификационными знаками, при помощи которых говорящий осуществляет связь высказывания к обозначенной денотативной ситуации [4, с. 22].

Если в спонтанной устной речи междометия могут использоваться как включение в паузы гезитации, то в письменной фиксации они функционируют как экспрессивно-эмоциональные средства: *Иван, блин! забудьте про отдых за 200 евро все включено!* (Лизавета).

Таким образом, междометия и частицы выступают в письменной речи и в качестве экспрессивных маркеров, что позволяет говорить о полифункциональности данных средств.

В Интернет-комментариях активно используется редупликация графем для выражения эмоционально-оценочной модальности, например, осуждения: *Фигняя* (Станислав Утробин); восторга: *Сейчас весной там таааакие запахи, представляю!!!* (Z Zet); *...приятно, живописно и ооочень душевно* (Сусанна Егорова); убеждения: *Выходить из дома опасно!* (Гот).

Частотным средством выступает редупликация вопросительных и восклицательных знаков для выражения эмоций: *Я это заявляю ответственно!!!!* (Роман Чобан); *Кто это придумал и зачем???! (sherovashka); ЭТО СВ?????!!!! (Alexander Popov).* Восклицание «позволяет говорящему выразить не только общую эмоциональную окраску, но и все оттенки, все детали личного отношения» [5, с. 47]. Редупликация графем, в том числе, компенсирует отсутствие невербальных средств в письменной коммуникации.

Авторы Интернет-публикаций хотят, чтобы их творчество оценили, настаивают на реакции в виде лайков, комментариев. Таким образом, очевидна установка на понимание и взаимодействие. Например, приоритетная цель у авторов Интернет-каналов вызвать у адресатов поддержку, одобрение своей деятельности, установить контакт, ср.: *Подпишитесь на мой канал, если вам интересно читать подобные материалы* (Антон); *Поставьте, пожалуйста, лайк на статью (выше), если вам было интересно. В Дзене новые алгоритмы: теперь это очень важно для маленьких каналов, как наш. Иначе не пробиться. Спасибо и хорошего дня!* (Полтора инженера).

Насколько реализуются интенции авторов можно судить по комментариям читателей: *Как можно подписываться на канал блогера, который не знает название*

слова «видЕо»??? (Лариса Ключкова); *Привстал и аплодирую вам за такую экскурсию! Я, кстати, серьезно. Правда интересно было)))* (Жора ЛиБерман).

Пользователи Интернета активно оценивают содержание публичных текстов, осознанно относятся к их качеству, квалифицируют то, что читают: *Какую то чушь я сейчас прочитала* (Ольга Ди); *Фу!* (марина м.); *Это ж надо так уметь, написать огромную статью ни о чем.* (Людмила Иванова); *Для чего Автор опубликовал это? Непонятно.* (Марина); *плохо, чужие статьи перекачивать* (Лара Крофт); *Бред сивой кобылы в лунную ночь!!!* (Лека Плеханова); *чё за бред вообще!?!?* (Тамара Хасанова); *Зачем я это прочитал?* (Mad Maks).

Говорящий осознает значимость публичной речи: *Павел, вы ГОЛОСЛОВНО делаете заявления не соответствующие действительности. Как про немцев так и про Россию. Это не хорошо. Тем более если вы болтаете языком публично.* (Анатолий Калугин).

Сегодня в Интернет-коммуникации отмечается равнодушное отношение пользователей к отклонениям от языковой и речевой нормы, которые встречаются в письменных текстах. Текст с ошибками перестает соответствовать потребностям субъекта речи, что предопределяет его отрицательную оценку [6, с. 28].

Чаще всего отклонения от нормы являются ненамеренными, они отражают языковую компетенцию пишущих: *У нас на гречку (да вообще на крупу) никаких **акциев**.* (Андрей Карташов); *А если не ездить **не куда** будет еще экономней* (Лидя Рубцова); *Штирлиц никогда **небыл** так близок к провалу. Заказная статейка* (Григорий). *Берут в жены девченок* (Татьяна Смецкая); *Сергей, вас взломали **что-ли?*** (Дмитрий Белетков); *Есть местные марки, которые **наврядли** появятся в Москве и на Дальнем востоке* (Lisa li); *у меня теща **в деревни** с ведра молока кг масла сбивала (все знаю сам); Вместе с тем, автор **от части** не прав* (Крестный Фей).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что частотные ошибки в Интернет-текстах касаются наиболее подвижных элементов языка, прежде всего подверженных изменениям [7], но не особо затрудняющих зрительное декодирование.

Авторы Интернет-комментариев, указывающие на ошибки в текстах, выражают субъективную оценку написаний, модусные смыслы, волитивные предписания: *Безграмотность и серость* (Ульяна Перегуда); *Такой ликбез надо проводить каждый день. Читать в Интернете уже невозможно – чуть ли не через слово грамматическая «чернуха». А комментарии защитников безграмотности умиляют – докатились таки* (Vjacheslav Petrov); *Много ошибок, учите русский язык* (Людмила).

Критикуя, говорящий осознанно идет на заведомо конфликтную коммуникацию, так как выбирает позицию поучающего, подрывает имидж «творца». Но это не останавливает автора реагировать на ошибки, хотя он и предполагает возможную ответную реакцию адресата: *Всё хорошо и правильно...НО! Автомобиль в письменной речи нельзя спутать с человеком: название авто пишется в кавычках! Слово КАК БУДТО всегда пишется раздельно, а кроме запятых есть и другие знаки препинания... **Я, конечно, злая тетка, но претендующим на просветительскую деятельность не помешало бы следить за грамотностью*** (Наталия Данилина). Таким образом, указание на ошибки, как и любая критика, воспринимается чаще всего негативно, а, следовательно, провоцирует на конфронтационную коммуникацию, что вызывает подобные реакции на замечания: *Кудеяр, тетради проверяйте, а не дзен* (Tusya). Отмечается и поддержка адресата критики: *Что вы накинулись на грамотность, девченка просто показала нам всем, что сейчас в сочи!* (Надин); *Irina, да забейте. Цепляются к словам, когда нечего сказать по делу, и не хватает словарного запаса, чтоб обойтись без эфемизмов, **зачем-то** заключая их в кавычки* (Элла). Только в редких случаях критикуемые спокойно реагируют на замечания: *Ирина, да уже писали об этом, буду над собой работать.* (Яна Левашова

Дизайнер). Из общего количества проанализированного материала, подобные реакции составляют всего 0,5%.

Таким образом, наблюдается сознательное вовлечение пользователей Интернета в анализ языковой ситуации, что говорит о значимости грамотной публичной речевой деятельности. Эмоциональная оценка текстов с ошибками мотивирована непосредственно коммуникативной ситуацией.

Выводы

Исследование показало, что Интернет-комментарии представляют собой эмоционально насыщенные тексты, выражающие субъективную оценку продуцента речи, его ценностные установки, речевые предпочтения и языковую компетенцию.

Для выражения субъективно-эмоциональной оценки, акцентирования интенции носители русского языка используют разнообразные средства и способы выражения, что свидетельствует о наложении модусных смыслов и полифункциональности данных единиц.

Литература

1. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М. : Наука, 1985.
2. Поликарпов, А.А. Модель жизненного цикла знака: к теоретическим основаниям исторической лексикологии и дериватологии / А.А. Поликарпов // Славянская лексикография. Международная коллективная монография / отв. ред. М.И. Чернышева. – М. : Азбуковник, 2013.
3. Pulvermuller, F. Brain mechanisms linking language and action / F. Pulvermuller // Nature reviews neuroscience. – 2005. – 6 (7). – P. 576–582.
4. Нагорный, И.А. Предикативные функции модально-персуазивных частиц : монография / И.А. Нагорный. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2000. – 302 с.
5. Лекант, П.А. Категории рационального и эмоционального в русском языке и русской речи / П.А. Лекант // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2012. – № 5. – С. 44–48.
6. Пиотровская, Л.А. Взаимодействие эмоциональной и рациональной оценки в процессе порождения речи / Л.А. Пиотровская // Русский язык: исторические судьбы и современность : III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 20–23 марта 2007 г.) : труды и материалы / составители М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов. – М. : МАКС Пресс, 2007. – С. 28.
7. Нагорная, С.Ю. Русская разговорная речь в письменной фиксации: синхронический и диахронический аспекты / С.Ю. Нагорная // Филологический аспект. – 2021. – № 07 (75). – С. 6–17.

Reference

1. Vol'f, E.M. (1985). *Funkcional'naja semantika ocenki*. Moscow. (in Russ).
2. Polikarpov, A.A. (2013). Model' zhiznennogo cikla znaka: k teoreticheskim osnovanijam istoricheskoj leksikologii i derivatologii. *Slavjanskaja leksikografija. Mezhdunarodnaja kollektivnaja monografija /Otv.red. M.I.Chernysheva*. Moscow (in Russ).
3. Pulvermuller, F. (2005). Brain mechanisms linking language and action. *Nature reviews neuroscience*. 6(7). P.576-582 (in Engl).
4. Nagornyj, I.A. (2000). *Predikativnye funkcii modal'no-persuazivnyh chastic*. Barnaul, Izd-vo BGPU (in Russ).
5. Lekant, P.A. (2012). Kategorii racional'nogo i jemocional'nogo v russskom jazyke i russskoj rechi. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija*. №5. S.44-48 (in Russ).
6. Piotrovskaja, L.A. Vzaimodejstvie jemocional'noj i racional'noj ocenki v processe porozhdenija rechi. *Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': III Mezhdunarodnyj kongress issledovatelej russkogo jazyka (Moskva, MGU im.M.V.Lomonosova, 20-23 marta 2007 g.): Trudy i materialy/ Sostaviteli M.L.Remnjova, A.A.Polikarpov*. Moscow, MAKS Press, S.28 (in Russ).
7. Nagornaja, S.Ju. (2021). Russkaja razgovornaja rech' v pis'mennoj fiksacii: sinhronicheskij i diahronicheskij aspekty. *Filologicheskij aspekt*. №07 (75). S. 6-17. (in Russ).

СПЕЦИФИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ НОВАЦИЙ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Е.А. Язбек,

преподаватель

Белорусского государственного педагогического университета
имени Максима Танка,

г. Минск, Республика Беларусь

E-mail: lenayazbik@gmail.com

В статье приводятся закономерности появления неологизмов, обобщены взгляды современных лингвистов, которые занимаются изучением данной темы, сформулированы основные признаки, которые учитываются при характеристике новых лексических единиц. С применением методов сравнительного анализа на материале выборки тематической лексики из словарей, Национального корпуса русского языка, Британского национального корпуса и сети Интернет произведен обзор лексики, широко распространившейся с приходом пандемии COVID-19. Появление большого количества новых слов в английском и русском языках обуславливается экстралингвистическими факторами. Установлено, что воздействие общества на развитие языка проявляется на разных уровнях и в различных формах. На основе примеров, приведенных в статье, сделан вывод, что пандемия коронавируса привела к появлению новых калек и слов-блендов в английском и русском языках. Новые лексические единицы после возникновения проходят путь от существования в устной речи, языке СМИ, сети Интернет, регистрации в словаре до регистрации в Британском национальном корпусе и Национальном корпусе русского языка.

Ключевые слова: неологизм, заимствование, блендинг, словослияние, частота использования.

SPECIFICS OF ENGLISH AND RUSSIAN LEXICAL INNOVATIONS DURING THE PANDEMIC

E.A. Yazbek

lecturer at the Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Minsk, Republic of Belarus

E-mail: lenayazbik@gmail.com

The article gives the patterns of the appearance of neologisms, summarizes the views of modern linguists who are engaged in the study of this topic, the main features that are taken into account when characterizing new lexical units were formulated. Using methods of comparative analysis based on a sample of thematic vocabulary from dictionaries, the National Corpus of the Russian Language, the British National Corpus and the Internet, a review of vocabulary was carried out, widely disseminated with the advent of the pandemic COVID-19. The emergence of a large number of new words in English and Russian, their wide distribution is possible due to extralinguistic factors. It has been established that the impact of society on the development of language is defined at different levels and in various forms. Based on the examples given in the article, it was concluded that the coronavirus pandemic led to the appearance of new cripples and blend words in English and Russian. After they appear, new lexical units go from existence in oral speech, the media language, the Internet, registration in the dictionary, and then in the British National Corpus and the National Corpus of the Russian Language.

Key words: neologism, borrowing, blending, word merge, frequency of use.

Современное определение понятия неологизмов и их функций является актуальной проблемой лексикологии. Обобщая взгляды разных ученых, можно сделать вывод о том, что необходимо учитывать совокупность таких признаков, как временной предел, ощущение новизны, принадлежность к пассивному запасу словарного состава.

Неологизмы – это лексические новообразования, созданные разными путями в силу необходимости для обозначения новых реалий и для создания новых языковых средств, чтобы выразить идеи, понятия и эмоции данной эпохи. На фоне непрерывного пополнения лексического состава русского языка в связи с технологическим прогрессом и глобализацией исследования ученых сосредоточены на анализе закономерностей появления неологизмов (Л.Н. Митирева, Е.В. Юмшанова, С.И. Алаторцева). В общем

объеме новых слов очевидно преобладание специальной лексики: некоторые исследователи считают, что экономические и политические термины преобладают среди неологизмов, которые появляются в последнее десятилетие (В.М. Лейчик).

Для языков с широким коммуникативно-функциональным статусом, таких как английский и русский, характерен так называемый неологический бум, наблюдаемый с приходом пандемии COVID-19. Пандемия – необычайно сильная эпидемия, распространившаяся на территории стран, континентов; имеющая высшую степень развития эпидемического процесса [1].

В связи с этим в статье ставятся следующие задачи: сделать выборку тематической лексики из словарей и произвести ее обзор, проследить путь неологизма от его возникновения, использования в устной речи и в сети Интернет до регистрации в национальных корпусах языков; проанализировать языковую ситуацию в Беларуси и России, обозначить возможности для расширения социальных функций данных языков.

Для того чтобы национальный язык смог стать эффективным средством внутрисоциального общения, он должен обладать богатым лексическим инвентарем, позволяющим обслуживать все функциональные сферы социально-экономической и культурной жизни той или иной страны. При этом парадокс нынешней языковой ситуации многих стран, Беларуси в частности, заключается в явной диспропорции между престижным положением западных языков как средств официального общения, обладающих максимальным диапазоном на шкале социальных функций, и незначительностью их проникновения в социальную структуру населения других стран. Согласно данным EF EPI (EF English Proficiency Index) – крупнейшего в мире рейтинга, оценивающего уровень владения английским языком среди взрослого населения, – в 2020 г. Беларусь находилась на 40-й позиции в мире, Россия – на 41-й, и это средний уровень [4]. Следовательно, не все граждане России и Беларуси могут воспользоваться англоязычными источниками для получения современной и актуальной информации.

Вместе с тем расширение сфер применения национальных языков способно привести к дальнейшему ограничению функций западноевропейских языков и превращению национальных языков в языки международных контактов и сотрудничества, о чем свидетельствует пример Индии и арабских стран [5]. Таким образом, появление большого количества новых слов и их широкое распространение обуславливается экстралингвистическими факторами. Воздействие общества на развитие языка проявляется на разных уровнях и в различных формах. Общество, в свою очередь, располагает возможностями для расширения социальных функций языка путем создания письменности, организации обучения, издания литературы, оно в состоянии осуществлять любые целесообразные действия, касающиеся усовершенствования или нормирования морфологических, синтаксических, лексико-семантических систем языка, вправе регулировать процессы взаимодействия языков, направлять должным образом иноязычные заимствования [2].

Вышеперечисленные факторы играют значительную роль в развитии и изменении лексического состава языка, который не может быть определен в количественном отношении, он подвижен. За период 2019–2021 гг. в обиход прочно вошло понятие *coronavirus* (2020), которое как *коронавирус* зафиксировано в «Новом словаре иностранных слов» в 2008 г. [3]. Ранее оно уже находилось в обиходе медиков, а в 2020 г. стало самым популярным и часто вводимым запросом в поисковой строке в сети Интернет. В Национальном корпусе русского языка данная лексическая единица зафиксирована с 2002 г. Производные новообразования *коронапроявление*, *коронафейк*, *коронапаника*, *коронаскептики* и др., которые упоминает в своих работах кандидат филологических наук Е.Я. Шмелева, на сегодняшний день еще не вошли в Национальный корпус русского языка, но активно используются в СМИ, электронных ресурсах, повседневной речи и являются узусом. Понятие «COVID-19», синонимичное понятию «коронавирус», не так прижилось в

повседневном обиходе, хотя относится к неологизмам указанного периода. Под влиянием экстралингвистических факторов в нашу жизнь пришли следующие понятия: *санитайзер* – дезинфицирующее средство для рук на основе спирта; *тепловизор* – оптико-электронная система для получения видимого изображения объектов, испускающих невидимое тепловое (инфракрасное) излучение; *самоизоляция* – сознательный уход от мира, временный отказ от выхода из дома (хотя в Национальном корпусе русского языка оно встречается начиная с 1940 г., в то время оно имело легкое негативное значение, а в 2020 г. приобрело новое значение с положительным оттенком значения); *инфодемия* – рост потока информации об эпидемии, нередко ложной и преувеличенной.

Неологизм *инфодемия* (от информация + эпидемия) образован способом словослияния, который англоязычные источники часто называют блендингом (blending) – это процесс слияния двух или более фрагментов слов в новую лексическую единицу, в которой имеется одна или несколько общих букв [6, p. 590–593]. Приведем блэнды XIX и XX вв.: *brunch* ← *breakfast* + *lunch* (1886), *slanguage* ← *slang* + *language* (1879), *motel* ← *motor* + *hotel* (1925) [6, p. 590–593]. В современной лингвистике проблемой блендинга занимались Л.С. Абросимова, Н.А. Лаврова, О.А. Хрущева и др. Неологизмы, образованные способом словослияния, также существуют в английском, немецком, французском, испанском, арабском, японском, русском языках.

Пандемия коронавируса привела к появлению новых слов-блендов в английском и русском языках: *covidiot*, *quaranteam*, *ковидиот*, *карантикулы*, *карантинки*. Данные лексические единицы еще не вошли в Национальный корпус русского языка и Британский национальный корпус, но активно используются носителями этих языков. При введении слов в поисковой строке в сети Интернет упоминаний неологизма *covidiot* было около 1 870 000, *ковидиот* – 51 500, *quaranteam* – 710 000, *карантикулы* – 14 800, *карантинки* – 43 600. Современные лингвисты Е.Я. Шмелева, М.А. Осадчий, Л.В. Буднева и другие часто используют их в своих публикациях. Неологизмы появляются в английском языке и заимствуются в русский язык либо образуются в русском языке по аналогии с помощью блендинга, калькирования или словосложения.

Англоязычный онлайн-словарь Cambridge Dictionary одним из первых фиксирует новые лексические единицы в разделе «Больше новых слов» [7]. *Vaxi Taxi* было впервые зафиксировано данным словарем 16.07.2021, оно еще не вошло в Британский национальный корпус, но путем поиска в сети Интернет по данному запросу уже найдено 42 100 результатов, что свидетельствует о высокой частоте его использования. *Vaxi Taxi* – 1) такси, которое забирает людей из дома и доставляет в клинику для вакцинации против COVID-19; 2) такси, в котором человек вакцинируется против COVID-19. Данный неологизм впервые был употреблен доктором Рэймондом и опубликован в британском онлайн-издании Evening Standard 21.02.2021: *A new “Vaxi Taxi” scheme which sees black cabs transport people to pop-up coronavirus vaccine clinics in London has been launched. The pilot scheme, funded by the Covid Crisis Rescue Foundation, aims to help ferry supplies and patients to temporary clinics set up in faith and community centres across the capital... “We are aiming to have pop-up vaccination clinics across London eventually, with a fleet of Vaxi Taxis to help set them up in community centres and faith centres”, said Dr Raymond* [8]. *Запущена новая схема “Vaxi Taxi”, в которой черные кэбы (такси более дорогого класса) доставляют людей в клиники в Лондоне, в которых организована вакцинация людей против коронавирусной инфекции. Пилотная программа, финансируемая Фондом кризисного спасения от ковида, направлена на оказание помощи в транспортировке пациентов во временные клиники, открытые в религиозных и социальных учреждениях по всей столице... «В конечном итоге мы стремимся создать по всему Лондону новые клиники вакцинации с “армией” Vaxi Taxis, чтобы помочь организовать вакцинацию в общественных центрах и религиозных учреждениях», – сказал доктор Рэймонд.*

Таким образом, в процессе изучения лексико-семантического поля, связанного с коронавирусом, которое представлено заимствованиями из английского языка, нами было выявлено, что приведенные примеры вышли из разряда узуса, относятся к неологизмам и чаще всего образуются путем словосложения, блендирования или калькирования. Неологизмы, появившиеся в английском языке, заимствуются в русский или образуются в русском языке по аналогии. После своего появления неологизм проходит довольно долгий путь до регистрации в словаре (например, в англоязычном онлайн-словаре Cambridge Dictionary), а потом уже в Британском национальном корпусе и Национальном корпусе русского языка.

Литература

1. Бургасов, С.П. Пандемия / С.П. Бургасов // Большая медицинская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. Б.В. Петровский. – 3-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1982. – Т. 18: Остеопатия – Переломы. – 528 с.
2. Дешериев, Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории / Ю.Д. Дешериев. – М. : Наука, 1977. – 382 с.
3. Захаренко, Е.Н. Новый словарь иностранных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний / Е.Н. Захаренко, Л.Н. Комарова, И.В. Нечаева. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Азбуковник, 2008. – 1040 с.
4. Крупнейший в мире рейтинг уровня владения английским языком : отчет / EF EPI [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ef.com/wwru/epi/>. – Дата доступа: 16.08.2021.
5. Чередниченко, А.И. Функционирование и развитие бывших колониальных языков в освободившихся странах / А.И. Чередниченко // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка / Ю.Д. Дешериев [и др.]. – М. : Наука, 1988. – 200 с.
6. Lehrer, A. Neologisms / A. Lehrer // Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. in chief K. Brown. – 2nd ed. – Oxford, 2006. – 750 p.
7. New words – 30 August 2021 // About words: a blog from Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – Available at: <https://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms/>. – Date of access: 31.08.2021.
8. Roach, A. Black cabs “Vaxi Taxi” scheme launched to transport people to Covid-19 vaccine clinics / A. Roach // Evening Standard [Electronic resource]. – Available at: <https://www.standard.co.uk/news/uk/black-cabs-vaxi-taxi-covid-vaccine-b919766.html>. – Date of access: 31.08.2021.

References

1. Burgasov S.P. (1982). Pandemija. *Bol'shaja medicinskaja jenciklopedija*. [Pandemic. *Big Medical Encyclopedia*]. Moscow: Soviet encyclopedia. (In Russ).
2. Desheriev Ju.D. (1977). Social'naja lingvistika. K osnovam obshhej teorii. [Social linguistics. To the foundations of general theory]. Moscow: The science. (In Russ).
3. Zaharenko E.N., Komarova E.N., Nechaeva I.V. (2008). Novyj slovar' inostrannyh slov. [New Foreign Word Dictionary]. Moscow: ABC. (In Russ).
4. Krupnejshij v mire rejting urovnja vladenija anglijskim jazykom. [The world's largest English proficiency rating]. Retrieved August 16 2021 from: <https://www.ef.com/wwru/epi/>. (In Russ).
5. Cherednichenko A.I. (1988). Funkcionirovanie i razvitie byvshih kolonial'nyh jazykov v osvo-bodivshijsja stranah. *Vlijanie social'nyh faktorov na funkcionirovanie i razvitie jazyka*. [Functioning and development of former colonial languages in liberated countries. *Impact of social factors on language functioning and development*]. Moscow: The science. (In Russ).
6. Lehrer A. (2006). Neologisms. *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Oxford.
7. New words – 30 August 2021. *About words: a blog from Cambridge Dictionary*. Retrieved August 31 2021 from: <https://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms/>.
8. Roach A. Black cabs “Vaxi Taxi” scheme launched to transport people to Covid-19 vaccine clinics. *Evening Standard*. Retrieved August 31 2021 from: <https://www.standard.co.uk/news/uk/black-cabs-vaxi-taxi-covid-vaccine-b919766.html>.

СОДЕРЖАНИЕ

Кураш С.Б., Струков В.В.	Имя – личность – текст, или Полвека, отданные слову (к юбилею профессора Василия Васильевича Шура)	3
-----------------------------	--	---

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОМ И ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВАХ (К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА В.В. ШУРА)

Ахраменко П.Е.	Отражение в языке народной культуры и памяти	6
Беженару Л.Е.	Национальное ономастическое пространство в тексте «малой родины»	10
Бут-Гусаім С.Ф.	“Без адчування малой зямлі няма адчування вялікай...”: рэцэнзія на манаграфію В. Шура і В. Слівец “Малая і вялікая радзіма ў анамастыконе пісьменнікаў” (Мазыр, 2019)	15
Даніловіч М.А.	Асабістая аўтарская пазіцыя ў працах В.В. Шура па анамастыцы	20
Журавская В.Н., Журавская Л.В.	Патриотизм как одна из главных задач педагога в воспитании школьников и учащейся молодёжи	24
Кавалёва А.В., Юдзянкова Г.В.	Семантычныя асаблівасці прагматонімаў Мазыршчыны	29
Канакина Г.И.	Формирование духовности школьников в работе с краеведческим текстом на уроках русского языка	33
Канцавая М. У.	Рэгіянальныя онімы ў мове твораў Уладзіміра Ліпскага	39
Королева И.А.	Имена собственные в студенческой смоленской поэзии (на материале альманахов студии «Персона»)	43
Мезенка Г.М.	Літаратурная анамастыка Беларусі ў асбах і публікацыях	48
Петрачкова И.М.	Художественно-эстетический и концептуальный потенциал полионимии в драматургическом контексте (на материале пьесы В.С. Розова «В дороге»)	53
Слівец В. Р.	Анамастычная метафара ў мове беларускай мастацка-біяграфічнай прозы	58
Шэцка Л.М.	Прэцэдэнтныя імёны ў ідыястылі паэзіі і прозы У. Караткевіча	63
Шур В.В.	Анамастычныя назвы ў творах літаратуры як сродкі і крыніцы выхавання патрыятызму і грамадзянскасці	69
Шур В.В.	Палессе ў навуковых працах акадэміка М. І. Талстога і яго паслядоўнікаў	76

ТЕКСТ И ДИСКУРС В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ И ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

Амагов А.М., Свищёв Г.В.	Идеологический нарратив и политический дискурс	83
Жиганова Е.П.	Особенности реализации интермедиальных связей в современном русскоязычном дискурсе Беларуси (изобразительное искусство)	88
Илюхина Н.А.	Роль отношений смежности в функционировании и генезисе метафоры (когнитивный аспект)	92
Маслова В.А.	Язык как симфония: возможности междисциплинарного подхода	97
Путрич Е.Н.	Понятийные признаки культурных концептов «уязвимость» и «хрупкость»	101
Ранчинская Ю.В.	Метафорические высказывания с семантикой отрицания и противоположности в контексте общей метафорологии и синтаксиса	106

Савчук Т.Н.	Манипулирование концептами как тактика интенсификации аргументативного воздействия в гуманитарном научном дискурсе	110
Сенкевич В.И., Копцова Ю.А.	Иероглифическое слово как лингвистический феномен	115
Стародубец С.Н.	Философский план содержания в эстетическом дискурсе	121

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ТЕКСТОВ И ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ТЕКСТОТИПОВ

Азевич И.П.	Судебно-экспертный дискурс как особый вид институционального дискурса	126
Богданович Л.А.	О структурных типах детерминологизированных лингвистических терминоединиц в ненаучном дискурсе	130
Денисюк В. В.	Языковые средства выражения этнической принадлежности в дневниковом дискурсе начала XVIII в.	136
Іваноў Я. Я.	Функцыі афарыстычных адзінак у маўленні	141
Коваль В.И.	Магическая лексика в сакральном тексте	146
Красовская Н.А.	Оценочная лексика в региональной прессе военной поры	150
Ляшчынская В.А.	Інфармацыйнасць фразеалагізмаў як міні-тэкстаў	155
Марцынкевіч В.І.	Канцэпт ‘дзіця’ ў беларускай парэміялогіі (паводле запісаў А.К. Сержпутоўскага)	161
Павловец Г.С.	Роль соотношения позиций говорящего и слушающего в коммуникативной реализации отрицательных эмоций героев (на материале сценариев и кинотекстов)	167
Петрушэўская Ю.А.	Нацыянальныя варыяцыі прататыпаў беларускіх аналагаў універсальных прыказак	171
Садовская Е.Ю.	К вопросу об особенностях эксплицитности в межпоколенческом дискурсе	177
Солахаў А.В., Крук Б.А.	Прэфіксацыя ў мове беларускай публіцыстыкі пачатку XXI стагоддзя	181
Цеплякова А.Д.	Структурныя і семантычныя відазмяненні крылатых выразаў і афарызмаў у маўленні	187
Чайка Н.У.	Дыстынктнасць у сінтаксічнай сістэме сучаснай беларускай мовы	192

НЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ИЗУЧЕНИИ РЕЧЕ-ТЕКСТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Гуркова О.С.	О метафорической модели «человек – это компьютер» и некоторых её семантических субмоделях	197
Ковалевич И.О. Маркова Е.Л.	Интернет-прозвище в аспекте гендерной лингвистики	201
Нагорная С.Ю.	Язык интернет-комментариев как отражение актуальных процессов в русской речи	205
Язбек Е.А.	Специфика лексических новаций английского и русского языков в период пандемии	211